

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. М. АСТАХОВА

БЫЛИНЫ

ИТОГИ
И ПРОБЛЕМЫ
ИЗУЧЕНИЯ

к 1457381

ИЗДАТЕЛЬСТВО « НАУКА »
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1 9 6 6

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ПРЕДИСЛОВИЕ

В изучении больших, важных тем наступает порой момент, когда возникает потребность подвести итоги тому, что сделано, и определить дальнейшие задачи научной разработки темы.

Ни один вид русского устного народно-поэтического творчества не вызвал такой обширной литературы, как былинный эпос. Значительность его исторического и социального содержания, высокие художественные качества привлекли внимание ученых с самого начала развития русской фольклористики. Былины стали одним из главных объектов изучения для представителей всех основных научных течений в области исследования народного поэтического творчества. Именно в связи с решением вопросов, поднимавшихся при изучении былин, более четко определялись методологические основы различных направлений, выработывалась научная методика исследования фольклорных явлений. К эпическому творчеству обращались писатели и ученые разных общественно-политических убеждений, отыскивая в нем то, что могло бы подкрепить их позиции. Русский былинный эпос активно изучался и на Западе. Все это обусловило сложность и противоречивость огромной литературы о былинах.

И вот уже в конце XIX в. мы видим первые опыты подведения итогов предшествующему изучению эпоса.

К ранним работам такого обобщающего характера относится «История русской этнографии» А. Н. Пышина (т. I, СПб., 1890). В 1894 г. в Праге вышел труд чешского ученого J. Máchal'я «O bohatýrském epose slovanském», вторая часть которого посвящена русскому богатырскому эпосу. В сжатом, но чрезвычайно насыщенном конкретным материалом изложении Máchal обозревает содержание русских былин и дает свод мнений по отдельным былинным сюжетам; затрагивает и некоторые другие вопросы, связанные с изучением эпоса в России. Наконец, почти одновременно появились в печати два специальных обширных обзора трудов по русскому былинному эпосу.

Это работа молодого киевского ученого А. М. Лободы «Русский богатырский эпос. (Опыт критико-библиографического обзора трудов по русскому богатырскому эпосу)» (Киев, 1896) и аналогичный труд Г. Александровского, тоже киевлянина, опубликованный в ревельском журнале «Гимназия» («Критико-библиографический обзор трудов по русскому богатырскому эпосу». — «Гимназия», год девятый, Ревель, 1896 и год десятый, Ревель, 1897).

В предисловии к своей работе Г. Александровский говорит, что предлагаемый обзор «является сводом теорий и мнений, которые были высказываемы в науке для разъяснения темного вопроса о происхождении былин». И эта проблема, действительно, главная в поле его внимания. Однако Александровский затрагивает и многие другие вопросы — о географическом распространении былин, о древних певцах и исполнителях былин в XIX в., об отношении к народному творчеству писателей XVIII и XIX вв.; обзореваются главные сборники былин и т. д.

Примерно тех же вопросов касается и А. М. Лобода. Но его работа шире и глубже обзора Александровского; материал, привлеченный им, богаче.

Указанные обзоры являются студенческими работами на предложенную Историко-филологическим факультетом Киевского университета тему «Критико-библиографический обзор трудов по русскому богатырскому эпосу». Отсюда и одинаковые названия и примерно один и тот же круг охваченных вопросов. Работа Лободы, как наиболее солидно выполненная, была по определению Совета университета напечатана в университетской типографии; труд Александровского нашел приют в периферийном педагогическом журнале.

Обе работы в некоторых своих частях не потеряли историографического и библиографического значения и до сих пор, являясь полезными справочными пособиями. Вместе с тем обе они устарели, и прежде всего по причине времени их написания. За пределами названных обзоров стоит даже большая собирательская работа 900-х годов и начала XX в., результаты которой не могли быть учтены. Между тем уже в свете этих новых материалов некоторые вопросы предстали в ином виде, решались по-иному.

Позже историографические обзоры изучения русского эпоса встречаем в академических курсах по русскому фольклору — у М. Н. Сперанского (Русская устная словесность. М., 1917), Ю. М. Соколова (Русский фольклор. М., 1938; 2-е изд. 1941), а в зарубежной фольклористике — в обобщающем труде 30-х годов Рейнгольда Траутмана (Die Volksdichtung der grossrussen, I Band, das Heldenlied. Heidelberg, 1935). Однако работ, аналогичных обзорам Лободы и Александровского, — таких, чтобы были охвачены все основные разделы в изучении эпоса и показаны различные аспекты этого изучения, — больше не появлялось.

В советское время эпос стал одной из центральных тем. Широко развернулось собирание, давшее обилие новых важных материалов. Перестройка фольклористики на базе освоения марксистско-ленинской методологии сказалась и в изучении былинного эпоса. Подняты новые проблемы. Прежние решения подверглись глубокому критическому пересмотру, некоторые серьезные заблуждения были преодолены. Определились и новые методы изучения. По некоторым принципиальным вопросам разгорелись жаркие споры.

Отсюда возникла настоятельная потребность в новом обзоре пройденного пути в изучении эпоса.

Характер настоящей книги, как и работы А. М. Лободы, историографический и критико-библиографический. Изложение ведется по основным проблемам. В пределах выдвинутых проблем освещение того, что сделано, дается в плане историографическом, чтобы показать не только состояние изученности, но и движение в разработке проблем, преемственность и борьбу мнений.

Автор стремился охватить по возможности весь основной круг вопросов, встававших на пути исследования русского эпоса, и рассмотреть работы, имевшие значение в том или ином освещении этих вопросов. Но исчерпывающая библиографическая полнота обзора в его задачу не входила.

Работа показывает, как шло изучение былин в русской науке. Исследования по русскому эпосу за рубежом привлекаются лишь в некоторых случаях, когда они вносят особые аспекты изучения.

**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЖАНРА. КЛАССИФИКАЦИЯ БЫЛИН.
ВОПРОС О ТЕРМИНЕ «БЫЛИНА»**

1

С того самого момента, как былины становятся объектом научного изучения, наблюдаются попытки определить жанровую специфику этой группы народно-поэтических произведений, т. е. выделить те основные признаки, которые отличают их от других, смежных, на первый взгляд близких эпических произведений.

В своих известных статьях 1841 г., посвященных рассмотрению былин сборника Кирипи Данилова, Белинский называет былины «поэмами или рапсодами» (употребляя последний термин в смысле «рапсодия», т. е. эпическое произведение, исполняемое народными певцами-рапсодами). Это «поэмы в сказочном роде»,¹ «богатырские поэмы»,² «богатырские сказки».³ Этими наименованиями Белинский уже указывает на ряд существенных признаков, определяющих былины как особый вид народной поэзии: стихотворную форму и развернутое повествование (поэма), специфичность объекта воспевания — богатырей, сказочно-фантастический характер творчества. От былин Белинский отличает, с одной стороны, сказки, с другой — исторические песни. Главные отличия сказок от поэм в том, что они сложены прозой, в их тоне «больше простонародного, житейского», нет того «полету одушевления», увлечения, иногда возвышающегося до пафоса, что характеризует поэму. Цель сказок — «занять праздное внимание»,

¹ В. Г. Белинский. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные. Полное собрание сочинений, т. V. М., 1954, стр. 354—356.

² Там же, стр. 426.

³ Там же, стр. 401.

«позабавить», цель же поэм — возбудить к своему предмету «уважение», «благоговение».⁴

Рассматривая песню о Щелкане, Белинский замечает: «Она носит на себе характер сказочный, но явно, что историческое событие дало для нее содержание».⁵ Анализируя исторические песни XVI в., Белинский тоже не раз, подчеркнув вымышленный характер сюжета или эпизода, указывает, что поводом к этому вымыслу «было, впрочем, историческое событие».⁶ Этими словами он противопоставляет исторические песни «поэмам», т. е. былинам, в лучших образцах которых (а ими он считал былины новгородские) Белинский видит лишь верное отражение исторического быта, но не определенных событий.

Положения Белинского были первой и, надо сказать, замечательной попыткой определения жанровой специфики былины (самого термина «былина» Белинский еще не употребляет). Положения эти явились первым раскрытием некоторых существенных сторон трех основных групп народного эпического творчества (былин, сказок, исторических песен).

В дальнейшем, в течение всего XIX в. вплоть до самого его конца, мы не находим попытки более углубленной постановки вопроса о жанровой природе былины. Во всех специальных исследованиях, а также общих курсах фольклора былины определяются как «песни богатырские», «песни о русских богатырях». При этом ученые, принадлежащие к направлению мифологическому,⁷ видят в них переоформленный в историческую эпоху, «при водворении начал государственной жизни» (Ор. Миллер), более древний героический эпос, первоначальная основа которого — эпос мифологический, сказания о богах. Поэтому специфическими чертами жанра, кроме особых героев — богатырей, признается рассказ о первых временах русского государства (о том, что было) в соединении со следами самой глубокой старины, с образами каких-то древнейших титанических или мифических существ. Таковы, например, определения жанра в двух фундаментальных и в свое время очень авторитетных курсах истории русской словесности — А. Галахова, раздел о народной поэзии в котором написан Ор. Миллером,⁸ и И. Порфирьева, где вторая часть раздела «Русская народная словесность» характерно озаглавлена: «Былины или богатырские песни».⁹ О былинах как песнях «богатырских» говорит и Ф. И. Буслаев, видя в них тоже преобразованный

⁴ Там же, стр. 354—355.

⁵ Там же, стр. 428.

⁶ Там же, стр. 433, 437.

⁷ См. о нем ниже, в главе II.

⁸ А. Галахов. История русской словесности древней и новой, т. I. СПб., 1863, стр. 10 и 18. — Курс А. Галахова неоднократно переиздавался.

⁹ И. Порфирьев. История русской словесности. Ч. I. Древний период. Казань, 1870, стр. 36—84.

в историческое время мифологический и героический эпос. Впрочем, четкого выделения жанровой специфики Буслаев не дает, былинами называет одинаково как песни о Калеше-царе, так и песни об Иване Грозном и даже такую песню, как «Осада Соловецкого монастыря», прибавляя лишь в этих случаях определе-ние «историческая былина».¹⁰

В то же время, в связи с развивающимся с середины XIX в. историческим направлением в изучении русского эпоса,¹¹ некото-рые ученые начинают в былинах особенно подчеркивать как отли-чительную черту жанра их историзм. П. В. Киреевский, напри-мер, определял былины как песни «исторические» — наравне с песнями, которым обычно присваивается это наименование. В первом выпуске «Песен, собранных П. В. Киреевским» напе-чатано «Вступление к былевым песням», первоначально опубли-кованное в «Московском сборнике» (т. I, 1852). «Исторические песни, находящиеся в моем собрании, — пишет Киреевский, — относятся ко временам св. Владимира, с именем которого в на-родной памяти сливаются и песни, относящиеся к так называе-мому удельному периоду; есть песни об Иоанне Грозном, о царях Михаиле Федоровиче, Алексее Михайловиче и Петре».¹² Таким образом, Киреевский не видел принципиальной разницы между былинами и собственно историческими песнями и отличие полагал только в том, какое историческое время отражено в песнях.

В противоположность П. В. Киреевскому, редактор его собра-ния П. А. Бессонов, употребивший слово «былина» расшири-тельно — для всех эпических песен вообще,¹³ предложил закреп-ить термин «историческая песня» за «былинами московскими», т. е. за собственно историческими песнями в нашем понимании. «Мы достаточно имеем данных и образцов для сравнения, — писал он, — чтобы это название («исторические песни», — А. А.) утвердить навсегда, как преимущество, за былинами „москов-скими“». Песни же «круга Владимирова» Бессонов называет «богатырскими былинами».¹⁴

У Бессонова мы находим также очень интересное, заслуживаю-щее внимания указание на главное отличие былины от сказки: «Былина имеет строго определенный характер; в ней всегда опре-делены имена, или *исторические* или *как исторические*; также точно определена местность, указано по-своему время события;

¹⁰ Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I. СПб., 1861, стр. 417, 420 и сл.

¹¹ См. подробно о нем ниже, в главе II.

¹² Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1. М., 1860, стр. V.

¹³ Былинами Бессонов одинаково называет и собственно былины, и баллады, и исторические песни, и безыменные повествовательные песни. Он говорит о былинах «богатырских», «княжеских», «московских», «козац-ких» — «сопутственно своему последовательному развитию» (там же, вып. 4. М., 1862, стр. CVI).

¹⁴ Там же, вып. 7, М., 1869, Приложения, стр. 82, 92.

склад определенный, стих выработанный...».¹⁵ Здесь Бессонов очень точно уловил некоторые, действительно характерные признаки именно былинного жанра в отличие его от сказки, хотя имел в виду «былину» в своем расширительном понимании.

Определение былин как песен о богатырях было закреплено в XIX в. Энциклопедическим словарем Брокгауза и Ефрона.¹⁶

Итак, мы видим, что, кроме признака особого героя (богатыря), выделялся в XIX в. и признак историзма. Однако, обратив внимание на явственный исторический элемент в былинах, который особенно обозначался при сопоставлении былин со сказками, должны же были заметить — и действительно заметили — существенное отличие (по характеру историзма) былин как раннего слоя песенного исторического фольклора от его более позднего слоя: исторических песен. Этот ранний слой — былины — предстал по сравнению с более поздним как такой, в котором исторические черты, т. е. отражение конкретной исторической действительности, смутны и неясны, не так определены и отчетливы, как в позднем. Это-то ведь и побудило П. А. Бессонова присвоить, как мы видели, позднему слою специальный термин — «исторические песни».

Указанное различие представители разных научных направлений объясняли каждый соответственно своей общей концепции эпоса. Мифологи толковали его как следствие того, что былины сохраняли следы прошлых, доисторических, догосударственных эпох. Другие же рассматривали это отличие былин от исторических песен как результат потускнения в былинах исторических основ в процессе длительной жизни этих произведений в устной традиции. Киреевский писал, что «древнее предание, по мере своей отдаленности, богаче украшается радужными цветами поэзии».¹⁷ «Положенное в основу песни частное историческое событие от времени, а может быть и от скоморошьей обработки бывает подчас настолько затемнено, что его трудно указать. В исторической песне оно всегда на виду».¹⁸

Очень показательны в этом отношении высказывание А. Бороздина, статья которого «Былины» в книге «История русской литературы» под редакцией Е. В. Аничкова явилась подытоживанием наблюдений и решений науки предшествующих десятилетий. Выделение жанровых признаков былин он начинает с сопоставления их с песнями историческими. Он возражает против резкого

¹⁵ Там же, вып. 3, М., 1864, стр. XXXIII.

¹⁶ «Б. являются эпическими песнями о русских богатырях (см. это слово); именно здесь мы находим воспроизведение общих типических свойств и историю их жизни, их подвиги и стремления, чувства и мысли» (И. Лось, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 5, СПб., 1891, стр. 142).

¹⁷ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1, стр. V.

¹⁸ Андрей Сиротинин. Беседы о русской словесности. Изд. 3. СПб., 1913, стр. 155.

их разграничения, считая его условным, так как «есть такие произведения, которые не могут быть строго отнесены ни к тому ни к другому разряду». Былины, например, о Калине-царе и о том, как перевелись витязи на святой Руси, он считает весьма близкими по содержанию к историческим песням. Если же, по его словам, стать на точку зрения А. Н. Веселовского, видевшего в основе каждой былины лиро-эпическую песню об историческом событии или лице (теория кантилены), то «никакого принципиального различия между былиной и исторической песнью нельзя даже допустить вовсе».¹⁹

Условность разграничения былины и исторической песни подчеркивал уже в советское время П. Н. Сакулин. Разница, по его словам, только хронологическая: былина старше исторической песни; «каждая былина в свое время, в своем генезисе, была исторической песнью, и каждая историческая песня с течением времени может превратиться в былину». «Будучи вначале лиро-эпической, исторической песней, произведение все более и более осложняется привходящими элементами, становится былиной и может дойти до сказки, „разложиться“ совершенно». Таким образом, былины и исторические песни представляют «одни и тот же жанр, но на разных ступенях его развития». Отсюда и разница в стиле. «Дальность расстояния от воспеваемых событий, сложные пути устного распространения и общее влечение певцов к *необычному* и *чудесному* — все это давало широкий простор фантазии. Не говоря уже о том, что самым невероятным образом искажаются время, место и имена лиц (анахронизмы), — идеализация, гипербола и фантастика царят как основные приемы творчества». Историческая же песня в стилевом отношении, представляя много общего с былинами, «приближается, надо думать, к тому первоначальному стилю былины, какой можно предполагать у них в момент их создания».²⁰

В высказываниях П. Н. Сакулина обращает на себя внимание его замечание о специфичности стиля былины. Кажется бы, это наблюдение должно было привести ученого к постановке вопроса об особой, отличной от исторической песни жанровой природе былины. Но этого, как видим, не произошло.

Аналогичное сближение былины и исторической песни как единого по своей сущности жанра находим в ранней работе Б. М. Соколова.²¹ В ней он признается, что не видит по существу различия между «былинами» и так называемыми «историческими песнями», и если для следующего предполагаемого выпуска он и

¹⁹ История русской литературы. Под ред. Е. В. Аничкова. Т. II. М., 1908, стр. 222.

²⁰ П. Н. Сакулин. Русская литература, ч. 1. М., 1928, стр. 44—47, 50.

²¹ Борис Соколов. Былины. Исторический очерк, тексты и комментарии. М., 1918.

удерживает последний термин, то все же не забывает его условности.²² В последующих же своих работах, посвященных былинам, Б. М. Соколов проблемы жанра былины не ставит вовсе, хотя и уделяет довольно много внимания показу особенностей былинного стиля.²³

В дальнейшем наблюдается стремление при ответе на вопрос, что такое русские былины, во-первых, более точно определить хронологические рамки исторической действительности, отраженной в былинах; во-вторых, подчеркнуть героический характер как ведущую черту эпоса; в-третьих, ввести указание на специфичность художественной формы. Многие издания обошла с некоторыми вариациями следующая формулировка В. И. Чичерова: «Былины — эпические песни (вариант: стихотворный героический эпос, — А. А.), отразившие факты русской истории (вариант: историческую действительность, — А. А.) главным образом 11—16 веков».²⁴ «В основе своей — это песни героического характера», — пишет Н. П. Андреев во вступительном очерке своей антологии «Былины».²⁵ По-прежнему, стремясь выявить специфические черты жанра, ученые прибегают к сопоставлению со смежными жанрами, и в первую очередь с историческими песнями. «Опираясь на подлинные исторические факты, — говорит Н. П. Андреев о былинах, — они не воспроизводят этих фактов с такой точностью и четкостью, как исторические песни, представляя значительно больше места фантастике и героике».²⁶ Ю. М. Соколов в своем учебнике по русскому фольклору в разделе «Былины» не дает определения жанра, но оно вырисовывается в следующем разделе, когда автор переходит к песне исторической: «В общих чертах историческую песню как особый фольклорный жанр можно определить (сопоставляя с былиной) как эпическую песню, сравнительно с былиной более краткого размера, с менее строго выдержанной эпической „обрядностью“ (т. е. с менее выдержанными приемами ретардации, повторений, традиционных эпических формул), с менее строго выдержанным строем эпического традиционного стиха, в содержании своем более отчетливо и более близко к действительности, чем былина,

²² Там же, стр. V.

²³ Б. М. Соколов. Русский фольклор. Вып. 1. Былины. Изд. 2. М., 1931, стр. 26—32.

²⁴ См.: Программа и конспект курса с методическими указаниями для заочников педагогических институтов. Факультет литературы и языка. Фольклор. Автор конспекта курса В. И. Чичеров. Наркомпрос РСФСР, 1940, стр. 35; БСЭ, изд. 2, т. 6, 1951, стр. 427; Краткая литературная энциклопедия, т. 1, М., 1962, стлб. 801; Русское народное творчество. Изд. МГУ, 1959, стр. 213, и др.

²⁵ Н. П. Андреев. Былины. Русский героический эпос. Л., 1938 («Библиотека поэта»). Большая серия), стр. 6.

²⁶ Там же.

передающую исторические факты (исторические события и имена исторических лиц)». ²⁷

В таких сопоставлениях отличие былины от исторической песни предстает опять-таки с чисто формальной стороны и, так сказать, в количественных измерениях отдельных компонентов жанра (исторических отражений, стилевых черт).

Единственную попытку построить определение жанра на выделении всего комплекса характеризующих, с точки зрения автора, былину особенностей находим в эти годы у А. И. Никифорова в написанной им главе «Фольклор киевского периода» в многотомной «Истории русской литературы». В этот комплекс автор включает указание на специфичность героев и содержания, на время возникновения, на историзм, идейную направленность и своеобразие формы. Вот это определение: «Русские былины — это эпические песни о подвигах народных героев-богатырей, возникшие, начиная с IX—X вв., среди широких народных масс, по поводу конкретных исторических лиц и событий для выражения классовой оценки трудовым народом фактов общественно-политической жизни, и облеченные в специфическую поэтическую форму». ²⁸

Недостатком этого определения является, как видим, отсутствие какого бы то ни было отграничения былины от исторической песни по характеру исторических отражений, на чем справедливо особенно сосредоточивало свое внимание большинство ученых.

Поиски именно в этом направлении привели с середины 1940-х годов к новому, более перспективному освещению вопроса о жанровом своеобразии этих двух художественных форм песенного исторического фольклора. Вопрос был перенесен в плоскость раскрытия самого характера отношения того и другого вида к исторической действительности и определения творческого метода ее отражения.

Впервые такой подход был намечен в двух моих книжках 1947 г. — «Избранные былины» и «Северные исторические песни», — изданных в Петрозаводске в серии «Библиотека русского фольклора Карелии» под общей редакцией А. Астаховой и В. Базанова.

В «Северных исторических песнях» я писала: «Различие между былиной и песней выражается не в количественном соотношении исторических элементов и не в том, что былина, как более древнее создание народного творчества, должна была отойти от исторического факта и впитать фантастику. Былина дает отражение исторической действительности в широких художественных

²⁷ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. Учебник для высших учебных заведений. Учпедгиз, М., 1938, стр. 261; изд. 2, М., 1941, стр. 261.

²⁸ История русской литературы, т. 4, М.—Л., 1941, стр. 237—238.

обобщениях, собирая и объединяя впечатления от целого ряда событий».²⁹

Более подробно говорится об этом — самом специфическом — признаке былины во вступительном очерке второй книжки. Указав на историзм былины, автор говорит: «Однако историзм былинного эпоса совершенно особый, отличающий былины от более поздних исторических песен, всегда основанных на конкретном историческом факте. В былинах отражение исторического прошлого дано в таких больших художественных обобщениях, что в результате получается лишь общая картина определенного периода или известного момента исторической жизни народа... Также и образы богатырей, имена которых восходят к определенным историческим деятелям, не дают исторических портретов. В них заключены идеальные представления о герое, родившиеся на основе широкого обобщения действительности, и показаны различные типические проявления героики. То же следует сказать и о былинных воплощениях врага».³⁰ Эти выделенные особенности иллюстрируются далее конкретным материалом.³¹

В этом же направлении освещается вопрос и другими исследователями. «Эпос рисует идеальную действительность и идеальных героев, — пишет В. Я. Пропп. — В эпосе огромный исторический опыт народа обобщается в художественных образах необычайной силы, и это обобщение — один из самых существенных признаков эпоса».³² По словам Б. Н. Путилова, «эпос есть художественное обобщение (в определенной форме) исторического опыта народа целой эпохи. В этом обобщении на первом плане — исторические идеалы народа».³³ Те же положения еще раньше были им высказаны во вступительном очерке антологии «Былины»,³⁴ в котором подчеркивается отличие былин от соприкасающихся с ними песен исторических, духовных стихов и баллад «и по содержанию, и по самым принципам художественного отражения действительности».³⁵ Главными отличительными чертами эпоса признается художественная обобщенность и в книге В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова «Былины в двух томах»: «Пред-

²⁹ Северные исторические песни. Подготовка текста, статья и примеч. А. Астаховой. Петрозаводск, 1947 («Библиотека русского фольклора Карелии», под общей ред. А. Астаховой и В. Базанова), стр. 5—6.

³⁰ Избранные былины. Подготовка текста, статья и примеч. А. Астаховой. Петрозаводск, 1947, стр. 6.

³¹ Там же, стр. 6—7.

³² В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. 2, испр. М., 1958, стр. 9—10 (впервые издано: Л., 1955).

³³ Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.—Л., 1960, стр. 23.

³⁴ Былины. Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Б. Н. Путилова. Л., 1957 («Библиотека поэта. Большая серия»).

³⁵ Там же, стр. 5—6.

мет эпоса — наиболее общие, наиболее важные стороны исторической жизни народа».³⁶

Положение об обобщенном характере отражения исторической действительности в былинах стало в 50—60-е годы общепринятым. Оно внесено во многие учебники и пособия по русскому фольклору.³⁷ В посмертно изданной статье В. И. Чичерова «К проблеме исторической и жанровой специфики русских былин и исторических песен»³⁸ именно эта черта («Такое освещение происшедшего в реальной жизни, для которого характерно объединение сходных событий в обобщающем повествовании, включающем исторические факты как деталь, частность, подчиненную трактуемой теме») признается отличительной прежде всего и подробно раскрывается на анализе конкретных сюжетов.³⁹

Вместе с признанием указанного отличия былины от исторической песни как основного, ведущего, был поставлен вопрос об исторической обусловленности этого отличия. Оно мыслится как отличие художественного сознания народа на разных ступенях его исторического развития. «Историческая песня — продукт более поздней эпохи и иных форм осознания действительности, чем былина», — говорит В. Я. Пропп.⁴⁰ Это положение пытается далее развить Л. И. Емельянов, а именно — вскрыть те особенности исторического сознания народа в эпоху формирования былинного эпоса, которые и явились определяющим началом в таком характере отражения действительности. «Осмысление исторической действительности, исторических национальных задач, — пишет он, — происходит в рамках общерусского идеала», оно еще «не в состоянии принять более конкретные формы». Обобщенная форма былины, по словам Емельянова, — не продукт «сознательного отвлечения от частных явлений действительности, а «результат того, что былинное творчество — это идеальное творчество, предметом которого конкретные факты действительности непосредственно не являются» и для которого «история служит стимулом, но не предметом».⁴¹ Иначе говоря: для выражения тех идеалов, которые народ стремился высказать в своих эпических

³⁶ См.: т. 1. М., 1958, стр. XLVIII.

³⁷ См., например: А. А. К а й е в. Русская литература. Учебник для учительских институтов. Изд. 3. Ч. 1. М., 1958, стр. 118; П. Д. У х о в. Былины. В кн.: Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общей ред. П. Г. Богатырева. Изд. 2. М., 1956, стр. 325—326; Былины. Вступ. статья, подбор текстов и примеч. П. Д. У х о в а. Под общей ред. В. И. Чичерова. Изд. МГУ, 1957, стр. 4; В. П. А л и к и н. Русский богатырский эпос. Пособие для учителя. М., 1964, стр. 8—9.

³⁸ В кн.: В. Ч и ч е р о в. Вопросы теории и истории народного творчества. М., 1959.

³⁹ Там же, стр. 267—275.

⁴⁰ В. Я. П р о п п. Русский героический эпос, стр. 10.

⁴¹ Л. И. Е м е л ь я н о в. Некоторые вопросы генезиса исторической песни. Историко-литературный сборник, Ред. колл.: В. Г. Базанов, В. Е. Гусев, В. А. Ковалев, М.—Л., 1957, стр. 55—58.

произведениях, тогда еще не ощущалось потребности и не было необходимости в обращении к отдельным фактам конкретно-исторической действительности. Она привлекала внимание лишь в той мере, в какой «способствовала более яркому выражению основной идеи». ⁴²

Все эти положения о причинах возникновения обобщенной формы былины нуждаются в дальнейшей основательной разработке. Пока они еще не приняли вполне убедительного характера, поскольку не аргументированы в достаточной мере анализом конкретного материала и представляют в основном лишь логические домыслы.

Одним из главных вопросов, который следует решить в связи с обобщенным характером былины как ведущим признаком жанра, является вопрос о том, изначальная ли это форма, или, быть может, она — результат длительного процесса, но обусловленного не потускнением первоначально четкой основы, как мыслили представители исторической школы, а историческим сознанием и художественными потребностями народа на определенном этапе общественного развития.

Не выяснен также в более конкретных очертаниях вопрос об отношении былины к тому историческому материалу, который так или иначе отражен в былинах. Пусть он — не предмет, а стимул, как пишет Емельянов. Пусть «идеалы эпоса получали конкретное художественное выражение в вымышленных формах (вымышленные сюжеты, ситуации, герои)», как о том говорил Б. Н. Путилов.⁴³ Но какого рода материал, когда и почему становится таким стимулом? Как используется материал исторических преданий и слухов, распространяющихся в народе в связи с определенными событиями и частично оставляющих следы в летописи, в каких случаях к нему обращаются творцы эпоса? «В эпос, — пишет Б. Н. Путилов, — могли попадать отдельные факты, могли закрепиться в нем отдельные исторические имена и события». ⁴⁴ Но была ли здесь случайность или можно проследить известную закономерность?

Одним словом, предстоит еще весьма трудная и сложная задача — попытаться воссоздать самый процесс образования эпоса путем тщательного изучения отдельных сюжетов, используя материалы прежних исследований в новом направлении.

2

В тех кратких общих определениях русских былины, которые давались в XIX в., чаще всего, как мы видели, содержались указания на героический характер произведений и на богатырей как

⁴² Там же, стр. 56.

⁴³ Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков, стр. 25.

⁴⁴ Там же.

основных героев. Однако еще В. Ф. Миллер обратил внимание на неправильность таких определений, не покрывающих, по существу, всего состава былинного эпоса, более сложного и разнородного по содержанию. «При подробном просмотре всего нашего былинного репертуара, — писал он, — мы убедимся, что злоупотребляем термином *богатырский эпос* лишь по привычке».⁴⁵ И он отметил в репертуаре по характеру содержания два крупных отдела: 1) былины богатырские, повествующие о героях-богатырях, борющихся с разного рода врагами, и 2) былины не воинского характера, «напоминающие иногда новеллы, иногда фэблио», — рисующие различные события городской жизни (например, распри городских фамилий и партий, соперничества в силе и богатстве и т. п.), изображающие любовные похождения героев и др. Все эти, тоже довольно разнородные по содержанию и характеру, песни Вс. Миллер объединял в особый отдел «былиц-новелл». Вместе с тем он отмечал наличие песен смешанного характера, в которых переплетаются элементы героические с повеллестическими (например, былины о добывании невест силой), а также былины с чертами апокрифов и сказок (например, былины о Святогоре-Самсоне).⁴⁶

Классификация В. Ф. Миллера явилась первой, в основу которой лег признак характера сюжетов по содержанию. До него при обозрении состава былинного эпоса и распределении былинного материала в сборниках применялся обычно принцип территориального деления (по месту происхождения самих былин и по связи их героев с определенной территорией): на былины киевские и новгородские.⁴⁷ В работах, связанных с мифологическим направлением, вводилось еще деление на былины о богатырях «старших» и былины о «младших» богатырях — по преобладанию в богатырских образах черт древнейших, мифологических или позднейших, исторических.⁴⁸

Классификация В. Ф. Миллера стала общепринятой. Она повторяется во всех работах, когда заходит вопрос о классифи-

⁴⁵ Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I. М., 1897, стр. 30.

⁴⁶ Там же. См. также: В. Ф. Миллер. Лекции по русской народной словесности, читан. на Высших женских курсах в 1908—09 гг. М., 1909, стр. 69—70.

⁴⁷ Так, например, построены первые пять выпусков издания «Песни, собранные П. В. Киреевским»: первые четыре выпуска занимают былины так называемого киевского цикла, причем внутри былины размещаются по богатырям и сюжетам. Пятый выпуск начинается с былин новгородского цикла.

⁴⁸ См., например: И. Порфирьев. История русской словесности, ч. I, стр. 36—84. — О богатырях «старших» говорится, что они «не принадлежат никакой исторической эпохе» и «обрисовываются чертами, свойственными еще мифическому периоду пародной жизни» (стр. 39). В разделе былин о «младших» богатырях рассматриваются сперва киевские былины, затем новгородские (стр. 70—84).

кации. М. Н. Сперанский, рассматривая все три принципа деления былины (по богатырям — старшим и младшим, по местностям, по характеру сюжетов), последний, предложенный В. Ф. Миллером, считает наиболее удачным («оправдывается самой историей былины»).⁴⁹ Однако при обзоре состава эпоса и в публикациях не отбрасывается и принцип территориальный, применяемый иногда со включением еще группы галицко-волынской,⁵⁰ или особой рубрики былины о «заезжих богатырях» или «заезжих богачах».⁵¹

В классификацию по характеру содержания, повторяющую в основном миллеровскую, вносятся некоторые уточнения и дополнения. Так, В. В. Сиповский к двум основным группам, выделенным В. Ф. Миллером, — былины богатырских и былины-новелл — присоединяет еще третью группу: «былин-легенд», отразивших «влияния церковной книги» и переходящих в духовные стихи.⁵² Н. П. Андреев полагал, что, кроме двух постоянно различаемых категорий — былин вошских или богатырских и былин новеллистических, — «следовало бы особо оговорить также былины сказочно-фантастические».⁵³ В дальнейшем же, особо подчеркивая сложный состав былинного эпоса, он еще выделяет как особую группу былины тексты пародийного характера.⁵⁴ Былины-пародии называются среди других групп былин, выделенных по содержанию, и в новейших работах по былинам.⁵⁵ П. Д. Ухов в своих работах указывает, кроме былин героических, социально-бытовых (разумеются новеллистические, — А. А.) и волшебнo-сказочных, дополнительно еще одну группу — «былины, возникшие на основе

⁴⁹ М. Н. Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917, стр. 199—205. — Еще раньше к такому же выводу пришел и А. К. Бороздин, который тоже отвергнул деление по циклам и по богатырям («старшим» и «младшим»). См.: История русской литературы. Под ред. Е. В. Аничкова, т. II, стр. 223—228.

⁵⁰ Борис Соколов. Былины. Исторический очерк, тексты и комментарии, стр. VI—VII; А. И. Никифоров. Фольклор киевского периода. В кн.: История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 252—255; В. И. Чичеров. Русское народное творчество. Изд. МГУ, 1959, стр. 215 (курс лекций, читавшийся в 1954—1956 годах).

⁵¹ Былины. Примеч. и объясн. статьи В. А. Келтуяла. М.—Л., 1929 (серия «Дешевая библиотека классиков. Школьная серия»), стр. 154.

⁵² В. В. Сиповский. История русской словесности, ч. 1, вып. I. Изд. 6. СПб., 1912, стр. 73—74.

⁵³ Н. П. Андреев. Былины. Русский героический эпос, стр. 7. — Былины сказочного содержания выделяют как особую группу П. Д. Ухов и составители «Былин в двух томах» В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов. См.: Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общей ред. П. Г. Богатырева. Изд. 2, доп. и испр. М., 1956, стр. 341; П. Д. Ухов. Былины, стр. 24; В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов. Былины в двух томах, т. 1. М., 1958, стр. IV.

⁵⁴ Н. П. Андреев. Русский героический эпос, стр. 8.

⁵⁵ См. указанные выше работы: Русское народное поэтическое творчество, стр. 341; П. Д. Ухов. Былины, стр. 24; В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов. Былины в двух томах, т. 1, стр. IV.

преданий и исторических песен XVI—XVII вв.» и занимающие, по его словам, «промежуточное место между собственно былинами и историческими песнями» (конкретно он имеет в виду былины «Рахта Рагнозерский» и «Бутман»).⁵⁶

Включением в состав былинного эпоса пародий (некоторые дополнительно называют еще «скоморошины» и «небылицы») нарушается принцип жанрового своеобразия произведений, относимых к былинам. Еще более нарушается этот принцип включением в состав былинного репертуара особого слоя народных баллад, получивших в северных районах близкое к былинам по композиционно-ритмической структуре и некоторым стилистическим приемам художественное оформление («Князь, княгиня и старицы», «Князь Дмитрий и Домна Фалилеевна» и т. п.). Некоторыми исследователями⁵⁷ они, в отличие от собственно былин, обозначались термином «низшей эпической песни».⁵⁸ Поскольку эти песни самими носителями былинного эпоса часто осознавались как близкие к былинам и резко отличные от песен, они включались в былинные сборники как особая разновидность былинного творчества — «былны-баллады». П. Д. Ухов так и рассматривает их, обозревая состав былинного эпоса. «С точки зрения содержания, — говорит он, — былины могут быть разделены на шесть основных групп... шестую группу составляют былины-баллады».⁵⁹ Во вступительном очерке сборника «Былины в двух томах» составители пишут: «Былинное повествование может иметь и социально-бытовой или семейно-бытовой характер (новеллистические былины). Некоторые из таких былин могут быть выделены в особую группу песен-баллад. Провести границу между песнями былинного и балладного характера не всегда возможно».⁶⁰

Последнее замечание совершенно справедливо. Очевидно, на этом основании составители и объединили былины-новеллы и баллады в одну группу (т. 2, стр. 172—336), хотя и рассматривают их как различные жанры.⁶¹ Однако некоторое стирание границ между этими двумя жанрами вследствие такого объединения все же произошло, так же как и в процитированной выше выдержке из вступительного очерка из-за неудачной терминологии. Между тем наука в настоящее время как раз стремится к четкому выявлению жанровой специфики фольклорных явле-

⁵⁶ См.: П. Д. Ухов. Былины, стр. 24.

⁵⁷ Например, А. И. Соболевским, В. В. Сиповским и др.

⁵⁸ См. об этом у М. Сперанского: Русская устная словесность, стр. 355. — Термин явно неудачный, так как, не вскрывая сущности явления, вносил сравнительно-оценочный момент.

⁵⁹ П. Д. Ухов. Былины, стр. 24.

⁶⁰ В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов. Былины в двух томах, т. 1, стр. IV. (Разрядка моя).

⁶¹ См. удачное раскрытие специфики балладного жанра: т. 1, стр. XLVII; т. 2, стр. 167—177.

ний и к разграничению жанров. В народной балладе сейчас уже удалось раскрыть, как показали и сами авторы «Былины в двух томах», такие особенности, которые не только определяют вполне отличную от жанра былины специфику, но и противопоставляют балладу былине как явление, возникшее позднее эпоса на основе новых потребностей художественного сознания народа.⁶²

Эпические песни пародийного характера тоже должны быть выведены за пределы былинного жанра и рассматриваться не как разновидности былины, а как особый, своеобразный жанр, генетически связанный с былиной (применение былинной формы к обыденному житейскому содержанию в целях сатирических).⁶³

Конечно, это не означает, что объединение в фольклорных сборниках, посвященных эпосу, всех эпических групп произведений, практиковавшееся и практикующееся до сих пор, невозможно. Оно оправдано тем, что это жанры, в каких-то своих звеньях сближающиеся, и тем, что они все в совокупности дают представление о богатстве и многообразии русского эпического творчества. Но следует стремиться к четкому отграничению собственно былин от всех других соприкасающихся с ними жанров и не расширять самое понятие жанра былины, как это порой делалось.

В последнее время выявилась и противоположная тенденция — не считать былины единым жанром, подобно тому как не едиными жанрами являются сказка и песня. Само собой разумеется, что решение этого вопроса находится в зависимости от всестороннего освещения жанровой специфики различных групп былинной поэзии в единстве их содержания, общественной функции и художественной формы. Предварительную попытку такого жанрового разграничения в области былинного творчества произвел В. Я. Пропп.⁶⁴ Рассмотрев былины по сюжетным группам, «объединенным своим стилем и характером повествования», В. Я. Пропп выделил как отдельные жанры былины героические различных типов, былины сказочного характера («Потык», «Иван Годинович», «Добрыня и Маринка» и т. п.) и былины новеллистические,

⁶² См. вступительный очерк Д. М. Балашова в кн.: Народные баллады. Изд. «Советский писатель», Л., 1963. — См. его же статьи: Князь Дмитрий и его невеста Домна (к вопросу о происхождении и жанровом своеобразии баллады). «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. IV, М.—Л., 1959; Из истории русской баллады («Молодец и королева», «Худая жена — жена верная»). Там же, т. VI, М.—Л., 1961.

⁶³ См. неудачную и в этой области терминологию, тоже ведущую к стиранию жанровых границ, во вступительном очерке антологии «Былины в двух томах» (т. 1, стр. IV): «К былинам можно отнести также эпические песни сатирического содержания („Птицы“), былины-скоморошники („Гость Терентиче“), пародии и лебылицы („Агафоншка“).

⁶⁴ В. Пропп. Жанровый состав русского фольклора. «Русская литература», 1964, № 4, стр. 61—63.

отличающиеся большим разнообразием. Вместе с тем В. Я. Пропп отметил, что имеются былины, занимающие как бы промежуточное положение между сказочными и новеллистическими, и такие, которые носят балладный характер. Есть и другие «смежные случаи» — былины, тяготеющие то к духовным стихам, то к преданиям. Предложенное выделение трех определенных жанров, по словам Проппа, дается им как «исходное и начальное», в дальнейшем оно «может быть уточнено, видоизменено».

Вопрос о классификации былин, таким образом, будучи связан с проблемой уточнения жанровой специфики былины, должен стать предметом дальнейшей разработки.

В литературе о былинах был поднят вопрос и о классификации их по времени происхождения. В сущности говоря, выделение мифологами былин о «старших» богатырях являлось выделением древнейшего, по их представлениям, слоя. П. В. Владимиров проводит свой «обзор богатырских типов и походов» по трем группам: 1) до Владимира и киевского цикла; 2) киевский цикл; 3) новгородский цикл. При этом к первому разделу он относит былины о следующих богатырях: Вольге Святославиче (или Волхе Всеславьевиче), Микуле Селяниновиче, Кольване-богатыре, Святогоре,⁶⁵ — т. е. о богатырях, признаваемых мифологами за «старших».

Владимиров, таким образом, применяет принцип хронологический одновременно с территориальным. Соединение обоих этих принципов находим и у Б. М. Соколова в его сборнике былин 1918 г., что им самим и оговорено. «В распределении былин... проведены, по возможности, хронологический и территориальный принципы. Правда, при чрезвычайной трудности определить время и место сложения былин, в таком размещении невольно могло сказаться не мало условностей в виду густого пласта разновременных наслоений на былины». Поэтому он принимал во внимание по преимуществу «предполагаемое наукой первоначальное зерно каждой песни» и размещал былины соответственно тем гипотезам об их происхождении, которые ему казались наиболее убедительными. Так, он открывает публикацию текстов былиной о Вольге и Микуле, принимая концепцию об отождествлении Вольги с князем Олегом Вещим. Далее он размещает в предполагаемом хронологическом порядке былины киевского цикла, затем, также в условной хронологии, песни галицко-волинские (о Михаиле Потыке, Чуриле, Дюке), потом сближающиеся с ними по ярким бытовым краскам былины о сватстве и, наконец, новгородские былины-новеллы.⁶⁶

⁶⁵ П. В. Владимиров. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896, стр. 215.

⁶⁶ Борис Соколов. Былины. Исторический очерк, тексты и комментарии, стр. VI—VII.

Позже, когда сложилась собственная его концепция о происхождении и развитии эпоса, Б. М. Соколов провел рассмотрение былин по тем социальным слоям, которые, как он считал, оставили решающий след в различных былинах.⁶⁷

О том, что наиболее желательной «была бы классификация былин по этапам их исторического развития», писал в последние годы П. Д. Ухов. Ему представлялось необходимым выделить особо «былины Киевской Руси, былины периода феодальной раздробленности, былины периода создания русского централизованного государства и т. д.». Но, прибавляет он, «такая классификация на твердых научных основаниях еще не может быть построена».⁶⁸

В историческом разрезе рассматривает основной состав былинного эпоса В. Я. Пропп в своем исследовании «Русский героический эпос». Его принцип распределения материала по эпохам будет рассмотрен ниже, в главе II,⁶⁹ поскольку такой принцип деления неразрывно связан с проблемой исторического развития эпоса.

3

В литературе о былинном эпосе установилось мнение, что слово «былина» для обозначения исследуемого нами особого вида народных эпических произведений не является исконно народным термином, а было введено в научно-литературный обиход в 30-е годы XIX в. известным любителем и собирателем народного творчества И. П. Сахаровым. Дело представлялось так: Сахаров якобы неверно понял употребленное автором «Слова о полку Игореве» выражение «по былинам сего времени» (т. е. в соответствии с тем, что было, по событиям, деяниям настоящего времени в противоположность «замышлению Боянову» — поэтическому вымыслу). Сахаров истолковал это выражение именно как обозначение народных произведений, отразивших «быль» своей эпохи. Перепечатывая в своих «Сказаниях русского народа» богатырские песни из сборника Кириши Данилова, он дал заглавие этому разделу своей книги «Былины русских людей». С тех пор будто бы термин и вошел в общее употребление, а впоследствии, уже значительно позднее, от собирателей был усвоен даже самими носителями русского эпоса, которые и стали пользоваться им наравне со своим народным наименованием: «старина», «старина», «старинка».

⁶⁷ См. главу II, стр. 56—59.

⁶⁸ Русское народное поэтическое творчество. Учебное пособие для вузов, стр. 341. — Опыт такой классификации дан в недавно вышедшей книжке В. П. Аникина «Русский богатырский эпос» (см. о его периодизации былин в главе II, стр. 81).

⁶⁹ См. стр. 68—69.

Впервые о ненародности термина «былина» п о сборнике Сахарова как источнике, откуда он проник в научную литературу, было сказано В. Ф. Миллером в его статье «Русская былина, ее слагатели и исполнители». ⁷⁰ После него положение об искусственности термина стало повторяться почти во всех работах о былинах, вплоть до самого последнего времени, и прочно вошло в учебную литературу.

Действительно, в фольклористической литературе термин «былина» впервые появляется вместе с «Песнями русского народа» И. П. Сахарова. ⁷¹ В обиходе, правда, был уже с конца XVIII в. термин «былевая поэзия», «былевая песня», произведенный от слова «быль», ⁷² но слово «былина» в научной литературе еще не встречается. Да и после своего введения в научный оборот этот термин не скоро получил широкое распространение — в одних кругах ученых, вероятно, вследствие утвердившегося признания мифологических основ эпоса (характерно в этом отношении нередкое обозначение былины в середине XIX в. термином «богатырская сказка»), в других — вследствие удовлетворенности термином «былевая песня» как указывающим на связи с исторической действительностью. ⁷³ Во всеобщее употребление слово «былина» вошло лишь во вторую половину XIX в.

Однако утверждение, что именно «Слово о полку Игореве» было тем источником, откуда Сахаров заимствовал термин «былина», и что народ принял его из рук ученых, встретило возражение уже вскоре после опубликования статьи В. Ф. Миллера. А. С. Архангельский выступил с заметкой «Два слова о слове „былина“», в которой он писал: «Приговор этот (т. е. утверждение Миллера об искусственности термина, — А. А.) едва ли не слишком решителен: некоторые имеющиеся в научной литературе показания во всяком случае невольно вызывают сомнения». ⁷⁴

⁷⁰ Напечатана впервые в журнале «Русская мысль» (1895, №№ IX и X). Перепечатана в кн.: В. Ф. Миллер. Очерки..., т. I, стр. 28—29. — Между прочим, термин «былины» в «Слове о полку Игореве» был воспринят в смысле особого рода эпических произведений, как бывший в употреблении в старое время народный термин, не одним И. П. Сахаровым, но и Л. Майковым. В своей диссертации, приведя соответствующую выдержку из «Слова» («Не лепо ли башег...» и т. д.), Майков писал: «Осповываясь на этих словах, можно предположить, что былины как особый род эпоса существовали в нашей народной поэзии уже в XII веке и что содержание их заимствовалось из событий современности» (О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863, стр. 28—29).

⁷¹ И. П. Сахаров. Песни русского народа, ч. 5. СПб., 1839.

⁷² См.: И. И. Дмитриев. Карманный песенник. М., 1896, ч. III; Древние российские стихотворения, собранные Киршиною Даниловым. М., 1818 (предисловие К. Ф. Калайдовича).

⁷³ Напомним, что в песнях, собранных П. В. Киреевским, былины обозначаются этим термином.

⁷⁴ А. С. Архангельский. Два слова о слове «былина». ИОРЯС, т. III, кн. 4, СПб., 1898.

И он привел данные, говорящие 1) о том, что слово «былина» в обозначении эпического жанра («рассказы» о старом времени, передающиеся «параспев») уже было в обиходе крестьян Вологодской губернии в 30—40-х годах XIX в., т. е. в то время, когда оно еще не могло быть привито сверху (свидетельство известного вологодского ученого-краеведа П. И. Саввантова в его предисловии к изданным им в 1841 г. в журнале «Москвитянин» «Вологодским песням»); 2) о том, что данное слово в значении эпических песен о богатырях и «богатырских сказок» (часто в особом, местном произношении с ударением на последнем слоге — «были́на») существовало в Олонецкой и Архангельской губернии уже в середине и во второй половине XIX в.⁷⁵

В недавнее время вопрос о термине «былина» снова поднят был П. Д. Уховым,⁷⁶ ввиду того что в литературе о былинах по-прежнему упорно продолжало повторяться положение об искусственности термина, введенного в обиход Сахаровым. П. Д. Ухов напомнил возражения А. С. Архангельского и материалы, на которые тот опирался (свидетельство П. И. Саввантова, лингвистические материалы). Ухов указал также на то, что П. Н. Рыбникову уже пришлось встретиться с этим словом у олонекких крестьян. Передавая воспоминания заонежан об известном сказителе кижской волости первой половины XIX в. Илье Елустафьеве, Рыбников приводит в собственной речи крестьян термин «былина» как вполне им привычный: «Соберется, бывало, сходка, — мужики и говорят: „А ну, Илья Елустафьевич! Слои-ко нам былину!“ А он на место ответит: „Положи-тко полтину, я и спою былину“».⁷⁷

Ухов отмечает, что и сибирскому краеведу-собирателю С. И. Гуляеву приходилось встречать это слово для обозначения эпических песен у сибиряков. В одном из примечаний к своей публикации песен он отметил: «Побывальщина — рассказ про былое: былина — слово сибирское».⁷⁸ Ухов напомнил также, что Пушкин в своем стихотворении 1833 г. «Сват Иван» употребил слово «былина» «примерно в том значении, в каком мы его употребляем», причем в том произношении (с ударением на последнем слоге), в каком оно бытовало в северных областях (возможно, он воспри-

⁷⁵ А. С. Архангельский ссылается здесь на следующие материалы: Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852, стр. 18; Дополнение к Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1858, стр. 16; В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1863, стр. 131; Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885, стр. 3; Словарь русского языка Академии наук, вып. 1. СПб., 1891, столб. 305.

⁷⁶ П. Д. Ухов. К истории термина «былина». «Вестник Московского университета», 1953, № 4.

⁷⁷ Песни, собранные П. П. Рыбниковым. Изд. 2. Под ред. А. Е. Грузинского. Т. I. М., 1909, стр. LXXVIII.

⁷⁸ «Известия Академии наук», т. II, 1853, стр. 152.

нял его от псковских крестьян).⁷⁹ В стихотворении этом Пушкин говорит о мастерице сказывать сказки — Пахомовне:

И откуда что брала —
А куды разумны шутки,
Поговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины.

Ухов указывает также, что, делая обзор трудов Савваитова в 1873 г., академик И. И. Срезневский мимоходом замечает, что в Вельском уезде «рассказы о старине называются... былинами и былями».⁸⁰ Это дает Ухову основание подчеркнуть равнозначное, очевидно, в народе употребление этих двух слов, что и объясняет, почему для обозначения былин И. И. Дмитриев и К. Ф. Калайдович употребляли термин «былевая песня».⁸¹

Положение Ухова об исконно народном происхождении слова «былина» и приведенные им основания были подвергнуты детальному разбору В. Я. Проппом.⁸²

Соглашаясь с тем, что слово «былина», одно из производных слова «быль», в народном языке имеется, В. Я. Пропп замечает, что приведенные материалы сходятся в одном: «былица» в народном обиходе обозначает только то же, что «быль» и «былица», т. е. действительность или рассказ о действительном, и из этих материалов «нельзя вывести заключение, что слово „былина“ означало песню».⁸³ Пушкиным, по словам В. Я. Проппа, слово «былина» употреблено тоже только в значении рассказа о действительном в противопоставление «небылицам», т. е. тому, во что никто не верит.⁸⁴ Из слов Савваитова, по мнению Проппа, тоже не следует, что им разумелись именно песни-былины, так же как и из слов И. И. Срезневского, говорившего, что «рассказы о старине называются „былинами и былями“». «Это, — отмечает В. Я. Пропп, — не служит доказательством того, что „былина“ в данном случае означает „песня“». В таком же смысле следует понимать и заметки С. И. Гуляева.⁸⁵

Что же касается приведенного П. Н. Рыбниковым рассказа местных крестьян, то В. Я. Пропп считает сомнительной подлинность слов Елустафьева. Скорей всего один из крестьян, желавший, видимо, получить плату за сказывание, прикрылся автори-

⁷⁹ П. Д. Ухов. К истории термина «Былина», стр. 132, 134.

⁸⁰ Там же, стр. 133.

⁸¹ Там же.

⁸² См.: «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. II, М.—Л., 1957, стр. 327—328. — См. также: Стенограмма научной сессии, посвященной проблемам русского эпоса, в Институте русской литературы АН СССР, 1-е заседание, 16 ноября 1956 г., стр. 41—49.

⁸³ Стенограмма. . . , стр. 43—44.

⁸⁴ Там же, стр. 44.

⁸⁵ Там же, стр. 45.

тетным пменем Ёлустафьева, которому якобы платили. Слово же «былина» крестьянам было подсказано самим Рыбниковым, прошившим крестьян спеть былины.⁸⁶

В. Я. Пропп снова напоминает, что до Сахарова этот термин в литературе не встречался. Впервые в печати он был употреблен Шеннингом в работе 1853 г. «Несколько заметок о народных русских былинах». Значит, говорит Пропп, «в течение десятилетия (с 1838 до 1853 года) это слово и вошло в научный обиход». Употребление же выражения «былевая песня» вовсе не обозначает, что тот, кто его употреблял, знал и слово «былина» в нашем применении.⁸⁷

Однако если последнее замечание справедливо, то совокупность всех других приведенных Архангельским, а затем и Уховым оснований убеждает в правильности их предположений. Особенно веским следует считать свидетельство П. И. Савваитова, на которое впервые обратил внимание И. И. Срезневский, а потом Архангельский. В небольшом предисловии к своей публикации 1841 г. «Вологодские песни»⁸⁸ Савваитов несколько раз употребляет термин «былина», в одном случае — среди тех народно-поэтических произведений, в которых, по его словам, ярко «обрисовывается характер и образ мыслей народа, его история, нравы». Он перечисляет эти произведения: «народные пословицы, поговорки, притчи, песни, сказки и так называемые былины разных времен, особенно же былины старого времени». И далее он сообщает: «Из всех слышанных мною рассказов самое занимательное и оригинальное нашел я в Вельском уезде. Здесь все они, без исключения, называются былинами и рассказываются нараспев». «Я успел собрать несколько здешних былин и песен». Сомневаться в том, что под рассказами, исполняемыми нараспев, имеются в виду эпические песенные произведения, т. е. былины в нашем применении этого термина, никак не приходится. Савваитов не говорит, что эти рассказы поются, что это песни, и В. Я. Пропп выдвигает это как аргумент, возражая П. Д. Ухову. Но Савваитов как раз совершенно правильно не смешивает былины с песнями. Последние «поются», а первые именно «рассказываются» или «сказываются» (как очень часто крестьяне и определяли исполнение былин), сказываются нараспев, речитативом. Ни один из жанров народной прозы (предания, легенды и т. п.) в XIX в. никогда нараспев не исполнялся.

Ссылки на сообщения двух других собирателей, С. И. Гуляева и П. Н. Рыбникова, может быть, и могли быть оспорены (хотя домысел В. Я. Проппа относительно рассказа Рыбникова мне представляется мало вероятным), если бы каждое из этих свиде-

⁸⁶ Там же, стр. 46.

⁸⁷ Там же, стр. 48.

⁸⁸ «Москвитиния», ч. II, стр. 270—271.

тельств было единственным, но вместе с другими они подкрепляют выдвинутое Архангельским и Уховым положение о народности термина «былина» в нашем применении.

Ко всему тому, что сказано П. Д. Уховым, следует еще прибавить, что на крайнем севере Сибири (в Русском устье) существовал для обозначения песен о богатырях и исторических песен термин «були» (т. е. «были» в местном произношении).⁸⁹ Так подтверждается и отождествление И. И. Срезневским обоих терминов — «былина» и «быль». Словари свидетельствуют, что оба слова в народной речи употреблялись для обозначения того, что «было». Таким образом, перенесение этих терминов на тот вид народных произведений, которые повествуют о том, что было, аналогично обозначению на Севере этих произведений словом «старина́», «старинка» (часто с переносом акцента на первый слог, что характерно для некоторых районов Севера). Как и термин «старина́», «ста́рина», словом «былина», очевидно, обозначались не только песни о богатырях. Оно применялось шире. Мне самой пришлось встретиться в Заонежье с наименованием «былина́», отнесенным к балладе о птицах,⁹⁰ которая в других местах называлась «старинной», как и собственно былины и старшие исторические песни.

В таком смысле, очевидно, употребил этот термин и Пушкин, противопоставляя «былины» «небылицам». То, что Пушкин перед этим называет «приговорки», «прибаутки», скорее всего говорит о том, что и словами «небылицы» и «былинны́» он обозначал не просто «быль» и «небыль», а поэтические произведения о небыли и были, т. е., как и говорил Д. П. Ухов, употребил слово «былины» «примерно в том значении, в каком мы его понимаем».

Напомним, что у Пушкина встречается и употребление слова «быль» для обозначения народно-поэтических произведений в таком же противопоставлении их «небылицам», как и в стихотворении «Сват Иван»: «Я, бывало, хранила в памяти не мало Старинных былей, небылиц, Про злых духов и про девиц».⁹¹

Таким образом, приведенные в порядке возражения Вс. Миллеру доводы дают, с моей точки зрения, полное основание считать мнение об искусственном, литературном происхождении слова «былина» ошибочным.⁹² По традиции это мнение повторялось

⁸⁹ «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. I, М.—Л., 1956, стр. 210.

⁹⁰ Былины Севера. Т. II. Прионежье, Пяпега и Поморье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951, стр. 790.

⁹¹ А. С. Пушкин. Евгений Онегин, глава III, строфа 17.

⁹² Так, между прочим, думал и покойный языковед В. И. Чернышев, который однажды в разговоре со мной высказал предположение, что Сахаров мог знать термин «былина» в народном употреблении и заимствовать его оттуда, а не из «Слова о полку Игореве».

учеными нескольких поколений и повторяется вплоть до нашего времени.⁹³

Впрочем, статья П. Д. Ухова побудила некоторых ученых отойти от традиционного изложения вопроса. В курсе лекций В. И. Чичерова, вышедшем уже после его кончины, мы находим такой абзац: «Во всеобщее употребление термин „былины“ вошел во второй половине XIX в. В. Ф. Миллер, а за ним и другие ученые считали, что этот термин впервые был введен собирателем-любителем фольклора 30—40-х годов XIX в. И. П. Сахаровым, использовавшим выражение „Слова о полку Игореве“ (см. „Начати же ся песни по былинам сего времени...“). Последние разыскания советских исследователей показали, что термины „былина“ и „быль“ как названия древнерусских эпических песен употребляли писатели и исследователи XVIII—начала XIX в. В некоторых областях эти названия встречаются и в народном языке».⁹⁴

Однако если и признать термин «былина» для обозначения особого вида эпических произведений народным, то остается все же невыясненным, был ли он исконным или появился на каком-то уже более позднем этапе бытования былин в устной традиции.

⁹³ Судя по самому смыслу термина «старина», последний скорее всего утвердился в более позднее время, когда содержание былин представлялось их посетителям уже не только как рассказы о былом, но как рассказы о давно прошедшем. Слово это было известно крестьянам европейской части Севера и некоторым районам Сибири.

⁹⁴ В. И. Чичеро в. Русское народное творчество, стр. 213.

ГЛАВА II

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ БЫЛИННОГО ЖАНРА

1

Проблема происхождения русского эпоса была выдвинута уже в самом начале научного изучения былины и была центральной в исследованиях о былинном эпосе на протяжении всего XIX и начала XX в. Проблема эта решалась различными, часто диаметрально противоположными путями. В ее освещении приняли участие представители всех основных течений научной мысли до-советского времени в области фольклора. Литература по данной проблеме, таким образом, чрезвычайно обширна и вместе с тем противоречива.

Одни из начальных изучений былины шли в русле так называемого «сравнительно-мифологического направления», согласно которому общие явления в фольклоре разных народностей объяснялись единством происхождения этих народов от «индоевропейской» или «арийской» группы и, следовательно, возводились к глубокой древности, к периоду предшествовавшему, по представлению ученых-мифологов, выделению «родственных» народов из единой группы. Основой фольклорных явлений считались древнейшие религиозные представления, олекавшиеся в поэтическую форму мифа. Главной задачей исследования ставилось вскрытие этих мифологических корней фольклора.

К периоду мифотворчества возводилось и начало эпоса. В дальнейшем начальный мифологический эпос, по концепции ученых-мифологов, осложнялся сказаниями о делах людей, сказаниями о героях, принимал характер эпоса героического. Один из крупнейших исследователей эпоса, Ф. И. Буслаев, писал: «По мере того, как народ становился внимательнее к судьбам своим, он чувствовал потребность замечать в памяти важнейшие события, оставившие следы в его жизни. Тогда к чистому мифу присово-

купаются сказания о делах людей».¹ «Так эпос *теогонический* сменяется *героическим*. И, наконец, третья стадия в развитии эпоса — насыщение его чертами исторических событий».²

Такой путь развития прошел, по убеждению мифологов, и русский народный эпос. Наиболее цельным остатком начального, мифологического эпоса они признавали группу богатырей, в чьих образах, при отсутствии явных связей с историей, усматривались якобы ясные следы преданий о богах. Это Святогор, Волх Все-славьевич, Микула Селянинович, Исток и некоторые другие — богатыри «старшие». Но и первооснова образов «младших» богатырей (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Соловей Будимирович и др.) тоже мифологическая, хотя и значительно осложнена позднейшими чертами, бытовыми и историческими. Это деление богатырей на «старших» и «младших» по преобладанию якобы в них мифологических или героико-исторических черт было дано еще К. С. Аксаковым.³ Позже развил его Ф. И. Буслаев.⁴ Оно крепко и надолго привилось в литературе о былинах и утвердилось в учебных курсах и пособиях.

Признавая основой русского эпоса древнейшие мифы, Буслаев, однако, в тех его формах, какие эпос принял в государственный период истории русского народа, видел преобладание исторических черт, сквозь которые, впрочем, можно разглядеть идеализацию героического периода и какие-то части эпоса мифологического.⁵ Эти позднейшие бытовые и исторические наслоения ни в коем случае, по его мнению, не должны игнорироваться при генетических исследованиях. «Обратить былинку назад, в тот доисторический период, когда она интересовалась только красным солнышком да тучею с дождем, а не князем Владимиром и Соловьем-разбойником, значило бы отказать народному эпосу в его национальном интересе для последующих поколений, которые в своих героях хотели воспевать более близкое для себя, более человеческое, нежели устарелые мифы о солнце, дожде или громе».⁶

Но если Буслаеву было дорого живое национально-историческое содержание эпоса, которое, по мнению этого ученого, и должно быть главным предметом изучения, то другие представители сравнительно-мифологической школы все значение прида-

¹ Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I. СПб., 1861, стр. 21.

² Там же, стр. 415.

³ К. Аксаков. Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням. «Русская беседа», 1856, т. IV; перепечатано: К. С. Аксаков. Полное собрание сочинений, т. I, М., 1861.

⁴ Ф. И. Буслаев. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887, стр. 17—21 и мн. др.

⁵ Ф. И. Буслаев. 1) Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I, стр. 417; 2) Народная поэзия, стр. 17—102.

⁶ Ф. И. Буслаев. Народная поэзия, стр. 250.

вали именно предполагаемой мифологической основе были и в раскрытии ее полагали основную задачу исследования. На такой позиции стояли, например, Н. И. Кареев,⁷ А. Н. Афанасьев,⁸ Ор. Миллер⁹ и др.

Многие из них явились ревностными адептами созданных в младшем поколении мифологов Запада теорий «метеорологической» и ее разновидности «солярной», сводивших всю совокупность религиозных представлений первобытных народов к единому мифу, персонализирующему явления грозы или борьбу в природе света и тепла с тьмой и холодом. Их концепции были применены не только к сказкам, но и к исследованию русского эпоса.

Так, в былинах об Илье Муромце они видели лишь различные вариации мифа о божьего-громовнике. Окованный зимней стужей, он сидит сиднем (т. е. не заявляет себя в грозе). Но вот чудесные страшилки, калики (весенние дождевые тучи), напоют его живительной влагой — дождем. Тогда он обретает силу, которую и направляет против злых демонов зимы и мрака. Его стрелы, которыми он поражает Соловья-разбойника, — стрелы-молнии. Свист Соловья — завывание зимних ветров, и т. п.¹⁰

Под эту мифологическую основу подводились толкования и других былины. Игра, например, Соловья Будимировича на гусях приравнивалась к свисту Соловья-разбойника, его чудесные терема — к гнезду Соловья-разбойника. «Корабли и чудесные терема, — пишет Орест Миллер, — это должны быть те, возводимые так быстролетно, воздушные построения, какие воздвигаются ветром из облаков. После этого станет для нас понятно и выше указанное соотношение между гнездом Соловья (в свивающихся дубовых верхах) и теремами Соловья (со сплетающимися вершинами): и гнездо и терем тут мифически однозначущи, как построения из небесных, свивающихся деревьев-туч». Аналогия развертывается дальше: «Если гнездо Соловья есть жилище мрачное, то и в нем скрываются им украденные, драгоценные, яркие клады, мифически соответствующие тем светилам небесным, какие оказываются сокрытыми в теремах соловьиных».¹¹

Подобные толкования основ былинного эпоса, его сюжетов и образов вызывали иногда, как явные натяжки, возражения со стороны самих же последователей мифологического направления. А. А. Котляревский, например, в своей рецензии 1872 г. на книгу Афанасьева укорял исследователя в том, что он не признает в бы-

⁷ Н. И. Кареев. Миф и героический эпос. «Филологические записки», 1872, кн. VI.

⁸ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I. СПб., 1865.

⁹ Орест Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869.

¹⁰ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения..., стр. 302—309.

¹¹ Орест Миллер. Илья Муромец..., стр. 556 и сл.

ल्पне никаких других изменений, кроме «внешнего исторического наслоения». Поэтому он стремится возвесть к мифическому источнику и объяснить как природную метафору «все, даже мельчайшие частные черты былины, все, что находит хоть какое-нибудь соответствие с другими преданиями». Так, в стрелах Ильи Муромца и золотой казне Соловья-разбойника не обязательно, по мнению Котляревского, видеть уцелевшие остатки мифических представлений молнии и светил. «Чем опровергнет нас автор, — спрашивает Котляревский, — если мы в стрелах увидим обыкновенное бытовое орудие доогнестрельного периода, а в золотой казне Соловья-разбойника — поэтическую прибавку фантазии к понятию о разбойнике, живущем грабежом, разбоем. Разве поэтическая фантазия, создав один образ на мифической основе... войдя в разнообразие эпохи исторической, не могла творить иные образы, совершенно чуждые мифической основы?». Стремление Афанасьева объяснить с мифологической точки зрения каждую черту сказания Котляревский считает «увлечением специалиста».¹²

Но эти и подобные возражения касались лишь отдельных частей.¹³

Несколько позже первых исследований в направлении мифологическом к русскому эпосу была применена другая концепция, получившая впоследствии наименование «теории заимствования» или «миграционной», в основу которой легла тенденция — развить представление о замкнутом круге образов в пределах определенной расовой группы, включить в поле зрения более широкий международный материал и установить факт непрестанного культурного взаимодействия народов. Высказывания о фольклоре в духе этой теории мы встречаем в русской науке еще в 40-х годах XIX в. Поэтому прав М. К. Азадовский, когда в своей «Истории русской фольклористики» утверждает, во-первых, что появление теории заимствования в русской науке нельзя всецело объяснить влиянием известного исследования Бенфея о Панчатантре и, во-вторых, что теория эта не явилась в России на смену концепции мифологической: оба научных направления развивались параллельно, отражая различные общественные течения.¹⁴

¹² А. А. Котляревский. Разбор сочинения А. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов». Сочинения А. А. Котляревского, т. II, СПб., 1889, стр. 295—296. См. также разбор Ф. И. Буслаевым книги Ор. Миллера «Илья Муромец...» (Народная поэзия, стр. 245—284).

¹³ Ср. названную выше работу А. А. Котляревского со статьей того же автора 1870 г. «Основой элемент русской богатырской былины» (Сочинения А. А. Котляревского, т. II), где он всецело присоединяется к концепции мифологов.

¹⁴ М. К. Азадовский. История русской фольклористики, т. I. Учпедгиз, М., 1958, стр. 28—31.

Теория заимствования, явившаяся в 60-е годы выражением прогрессивных стремлений передовых кругов русской буржуазии, — поскольку в эти годы была направлена, в основе своей, против шовинистических концепций национальной исключительности, — привела, однако, при неправильном понимании процесса народного творчества, к формальной констатации сходства фольклорных явлений у разных народов и истолкованию этого сходства как следствия «культурного обмена» и «заимствований». Так подчеркивалось самобытное национальное начало в фольклоре и по существу снималась вообще проблема генезиса произведений, заменяясь изучением путей их передвижения (отсюда и наименование этого течения «теорией странствующих сюжетов»).

Это и случилось при применении данной теории к русскому былинному эпосу. Наиболее ранним выразителем этого направления в изучении русских былин явился В. В. Стасов.¹⁵ Сопоставляя их с восточными, тюркскими и татарскими сказаниями и песнями, он пользовался главным образом материалами, опубликованными в 60-е годы А. А. Шифнером и В. Радловым.¹⁶ В результате наблюдений над поразительными аналогиями восточного и русского эпосов Стасов пришел к выводу о заимствовании основных героических образов и сюжетов русского эпоса от восточных народов. «Одним словом, как в отношении состава, так и подробностей, наши былины, — писал он в итоге своего рассмотрения русского эпоса, — довольно тощій и сильно кастрированный экстракт восточных поэм и песен, и притом точно такой же, как и наши сказки».¹⁷ Время таких заимствований, а следовательно и формирования на чужой основе русского эпоса он относил к XIII в. — периоду передвижения в Россию восточных кочевых орд.

За исследованием Стасова появляются и другие опыты в том же направлении. Крупнейшие относятся уже к 90-м годам. Это работы Вс. Миллера и Г. Н. Потанина.¹⁸ Вскрывая в русских былинах параллели к кавказским и персидским сказаниям, Вс. Миллер делает вывод о заимствованиях от иранских народов. Потанин, как и Стасов, исследует близость русских эпических мотивов к тюркским, привлекая также сказания западноевропейские и древнегреческие. Не считая монголов обязательными создателями рассматриваемых сюжетов и мотивов, Потанин выдвигает их зна-

¹⁵ В. В. Стасов. Происхождение русских былин. «Вестник Европы», 1868, январь—апрель, июнь—июль; перепечатано: В. В. Стасов, Собрание сочинений, т. III, СПб., 1894.

¹⁶ А. А. Шифнер. Шидди Кур. «Этнографический сборник РГО», кн. VI, 1864; В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Джунгарской степи, ч. 1. СПб., 1866.

¹⁷ «Вестник Европы», 1868, июнь, стр. 634.

¹⁸ Вс. Миллер. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892; Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.

чаще и роль как посредников в литературном взаимодействии между Востоком и Западом.

Стасов и Потанин были создателями так называемой «восточной теории» происхождения русских былин. В противоположность им многие ученые проводили параллель между былинами и западноевропейскими сказаниями, отмечая в русском эпосе значительные западные влияния, — например А. Н. Веселовский, И. П. Созинович, К. Ф. Тиадер и др.¹⁹ Из них Веселовский особенное внимание уделял сопоставлениям с византийским эпосом, а также со средневековой легендой.²⁰ Огромная эрудиция А. Н. Веселовского определила вообще чрезвычайно широкий круг привлекаемых им для сопоставления международных литературных и народнопоэтических материалов. Роль их воздействий на русский эпос Веселовский нередко преувеличивал. Однако он никогда не заявлял, в противовес многим другим последователям миграционной теории, о простом заимствовании, которое считало бы вопрос о народности русских былин. Говоря, например, о влиянии византийской саги на былинку об Иване Гостинном сыне, он в заключении своего исследования писал, что сага, прикнув к владимирову эпосу, утратила свое былое единство, «чтобы послужить другому единству, более широкому». Это единство, символически воплотившееся в образе князя Владимира, и является сущностью русского эпоса. Не одни лишь византийские элементы, но и многие другие пришлые сказания вошли в его состав, но его народность «лежит именно в характере этого состава, в организме целого», а не в случайных материалах, пошедших на его создание.²¹

Теория заимствований находит ряд последователей на протяжении всей второй половины XIX в. Вместе с тем крайность взглядов Стасова и некоторых других представителей этого направления, полное зачеркивание ими всякой самостоятельности и самобытности русского эпоса справедливо вызывали резкие возражения и отпор в науке о былинах.²²

Стремлением в корне разбить и опровергнуть восточную гипотезу Стасова обусловлено особое подчеркивание именно народ-

¹⁹ А. Н. Веселовский. 1) Южнорусские былины, I—II. СПб., 1884; III—XI. СПб., 1884; 2) Мелкие заметки к былинам. ЖМНП, 1885, № XII; 1888, № IV; 1889, № V; 1890, №№ III, V; 1896, № VIII; И. П. Созинович. Песни о девушке-воине и былина о Ставре Годиповиче. Варшава, 1886; К. Ф. Тиадер. Западные параллели к былинам о Чуриле и Катерине. ЖМНП, 1898, № XII.

²⁰ А. Н. Веселовский. 1) Орывки Византийского эпоса в русском. «Вестник Европы», 1875, апрель; 2) Разыскания в области русского духовного стиха. СПб., 1880, 1881, 1883, 1889, 1891.

²¹ А. Н. Веселовский. Южнорусские былины, III—XI, стр. 68.

²² И не только в науке. Салтыков-Щедрин едко высмеял теорию заимствований в применении к русскому эпосу в «Дневнике провинциала».

ности русского эпоса в диссертации Ореста Миллера «Илья Муромец и богатырство киевское». Он резко возражает против утверждения Стасова, что в былинах «нет не только народа думающего, соображающего, занятого делами и выгодами, сколько-нибудь имеющего влияние на событие былинны, но даже вовсе нет и народа на степени декорации и немого хора на фоне картины».²³ Ор. Миллер, признавая, что «народ под этим своим именем действительно редко упоминается в былинах», отмечает, что «древнее значение народа постепенно переносилось на его любимейшего богатыря и наконец как бы вошло в него». Вот поэтому «раскрыть народное значение Ильи Муромца» и составило главнейшую задачу его труда.²⁴

Ор. Миллер возражал Стасову с позиций мифологической школы. Его работа представляет как бы опыт подведения итогов сравнительно-мифологическому изучению былинного эпоса, он создал стройную, цельную концепцию происхождения и развития эпоса в направлении, указанном мифологами. Ор. Миллер поднял в своей книге огромный сравнительный материал. С этой стороны его труд имел исключительное значение, служа часто источником сравнительных материалов для последующих ученых, которые освещали эти материалы уже по-иному и делали на основании их иные выводы (например Вс. Миллер, А. Н. Веселовский). Своего значения — как источник огромного числа фактов поэтических сближений русского эпоса и творчества других народов — труд Ор. Миллера не потерял и до сих пор.

Ор. Миллер дал характерный подзаголовок своему труду: «Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом русского эпоса». Подобно Буслаеву, он признавал позднейшее историческое влияние на древнейшую мифологическую основу, которое, по его мнению, выразилось в ряде последовательных напластований. Рассматривая эти позднейшие пласты, Ор. Миллер порой давал верное освещение отдельных моментов. Так, он четко вскрывает оборонительный характер русского эпоса.²⁵

Вместе с тем, как правый славянофил, Ор. Миллер особенно стремился подчеркнуть и показать отражение в эпосе, в качестве национальной специфики, «духа смирения», преданности князю, покорности судьбе. Наблюдаемые им в былинах элементы социального протеста он рассматривал как позднейшее «извращение» под влиянием «татарщины» исконного народного характера. Эта сторона труда Ор. Миллера сближает его с реакционным крылом русской дооктябрьской фольклористики.

Не отвергая позднейших исторических наслоений, Ор. Миллер основу эпоса относил ко времени доисторическому и все привле-

²³ См.: «Вестник Европы», 1868, июль, стр. 634.

²⁴ Орест Миллер. Илья Муромец..., стр. 361.

²⁵ См. об этом в главе III.

ченные к исследованию былины рассматривал под углом зрения мифологической школы, допуская целый ряд натяжек. «Если же вникнуть в основу большей части сказаний эпических, — говорит Ор. Миллер, — то в ней непременно должны оказаться три существа, почти столько же тут необходимые, как для предложения необходимы три его составные части. Как в предложении может их быть и более, могут быть и части второстепенные, — так возможны они и в сказании, но *существенными* являются всегда три: а) светлое существо, ополчающееся против темного; б) темное существо, которое, какие бы ни представлялись тут колебания счастья, в конце концов непременно должно быть побеждено; в) существо, из-за которого и делается нападение на злую силу, существо ею плененное, светлое и освобождаемое от нее первою светлою силою».²⁶ В эту схему и вписывалось содержание каждой былины, как это мы и видели выше.

В работах представителей и сравнительно-мифологической школы, и теории заимствований был вскрыт огромный сравнительный материал аналогий и параллелей, и изучение русского эпоса было поставлено в связь с изучением эпических произведений других народов. В этом бесспорно положительные результаты проведенных исследований. Мифологи установили несомненную роль в развитии эпоса доисторических мифологических представлений. Но ошибка ученых-мифологов заключалась в том, что они придавали этим представлениям первенствующее по сравнению с другими формирующими моментами значение, а содержание мифов толковали с идеалистических позиций.

Сопоставление мифологами близких образов и мотивов у разных народов важно и в тех своих частях, где исследователи ставили задачу на основании этого сопоставления определить исконную национальную специфику. Об этом писал Ор. Миллер в своем предисловии к работе «Илья Муромец и богатырство киевское». Говоря о необходимости пользоваться сравнительным методом именно так, как пользовались им Буслаев и отчасти Шевырев, Ор. Миллер писал: «Тогда только могли бы вполне обозначиться как эпические черты нашего родства с другими, так и эпическое отпечатление нашей народной личности».²⁷ Таким образом, среди целого ряда натяжек и крайних увлечений у мифологов имеются и отдельные верные наблюдения, и правильное определение некоторых частных исследовательских задач.

То же следует сказать и относительно исследователей, стоявших на позициях «школы исторических заимствований». Важна была прежде всего сама постановка вопроса о литературных влияниях, которая разрушила ограниченность мифологических толкований и внесла существенные коррективы, установив пред-

²⁶ Орест Миллер. Илья Муромец. . . , стр. 274—275.

²⁷ Там же, стр. X.

ставление о непрестанно действующем литературном обмене и культурных связях.

Однако ни та, ни другая теория, в силу своей идеалистической природы, не давали возможности правильно осмыслить самый процесс возникновения и развития эпоса и уводили научную мысль в сторону формалистических построений.

Как мифологические концепции, умалявшие удельный вес исторических элементов в былинах, вызвали с этой стороны резкие возражения, так и крайние позиции последователей теории заимствований побудили особенно отчетливо поставить вопрос об историческом, самобытном характере нашего эпоса.

2

Несомненная связь русского эпоса с исторической действительностью средневековья проступает настолько очевидно, что совершенно игнорировать ее было невозможно. Даже мифологи, прилагавшие все силы к тому, чтобы доискаться в эпосе мифологических его корней, не могли отрицать наличие в нем отражения исторических впечатлений и переживаний, хотя и признавали это позднейшим и наносным явлением. Большую их роль особенно подчеркивал, как указывалось выше, Буслаев. Связь былины с историческим преданием отмечалась уже в самых ранних работах по эпосу, еще не имеющих строго научного значения. Так, К. Ф. Калайдович в своем предисловии ко второму изданию сборника Кириши Данилова,²⁸ говоря о важности и значении изучения публикуемых былин, ссылаясь на историческую, хотя и затемненную их основу, содержащую элементы древних преданий различного времени. Опыт исторического подхода к былинам имеется и у К. Аксакова.²⁹ Но основная задача этой работы — вскрытие национальных основ, которые автор, в соответствии со своими славянофильскими убеждениями, полагал главным образом в христианстве и семейном начале, «основе всего доброго на земле», — заслонила в этом исследовании отдельные указания на действительно исторический элемент в былинах.

Большую роль в деле укрепления мысли об исторических основах русского эпоса сыграли высказывания В. Г. Белинского и Н. А. Добролюбова. В своих статьях 1841 г. о народном творчестве Белинский в особенности подчеркивал отражение в былинном эпосе известных общественных отношений, определенных условий исторической жизни русского народа. В былинах он видел «отголосок старины», «отражение давней были», в которой есть «доля истины». Начали создаваться былины, по его

²⁸ Древние российские стихотворения, собранные Киреею Даниловым. М., 1818.

²⁹ К. С. Аксаков. Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням.

словам, «вероятно, во времена татарщины, если не раньше».³⁰ Былины о Василии Буслаеве и о Садко Белинский связывал с историческими судьбами Новгорода. Первую он трактовал как «мифическое выражение исторического значения и гражданственности» Новгорода.³¹ Подробно остановившись на особенностях исторической жизни Новгорода, рассмотрев в связи с ними первую былинную о Василии Буслаеве (бой с мужиками новгородскими), Белинский пришел к заключению, что образ Новгорода в этой былинке — «самый верный портрет исторического Новгорода».³² В том же направлении рассмотрел Белинский и былинку о Садко, назвав ее «поэтической апофеозой Новгорода как торговой общины».³³ В статьях Белинского впервые появляется мысль о действенной роли эпоса, понимание его не только как отражения действительности, но и как выражения исторического сознания народа, чувствующего себя участником истории.

Впоследствии еще более отчетливо говорил о том же Добролюбов. Отнеся начало возникновения отдельных героических сказаний еще к дотатарскому времени Лобнолюбов высказал убеждение, что образование так называемого Владимирова цикла былин происходило уже в самую годину татарских нашествий. Оно было обусловлено определенным процессом в народном сознании. Народ «невольно сравнивал нынешние события (события эпохи татарских нашествий, — А. А.) с преданиями о временах давно минувших». Он «вспомнил минувшую славу и обратился к разработке старинных преданий... Тут он начал организовывать разбросанные сказания, перепутал лица, местности и эпохи и целый трехсотлетний период сгруппировал около лица одного Владимира, бывшего ему памятнее других». По словам Добролюбова, песни про славных могучих богатырей, окружавших князя Владимира, были сначала «горьким упреком настоящему», а потом доставляли народу забвение и даже утешение, стали увлекать его и заставляли «применять прежние события к современному течению дел. Таким образом, богатырей Владимировых заставили сражаться с татарами и самого Владимира сделали данником грозного короля Золотой орды...».³⁴ По мысли Добролюбова, эти песни были выражением мечты народа об освобождении, о победе над своими поработителями. Отсюда и фантастический характер эпоса и гиперболичность его образов.

Статьи Белинского, посвященные разбору былин в сборнике Кириши Данилова, и замечательные высказывания Добролюбова

³⁰ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V, М., 1954, стр. 353.

³¹ Там же, стр. 404.

³² Там же, стр. 411.

³³ Там же, стр. 417.

³⁴ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. I, М., 1934, стр. 216.

о былинах киевского цикла не только утверждали положение об исторической действительности как основном, главном источнике былинных сюжетов и образов, но и стремились уяснить, что именно из этой действительности и как было в эпосе отражено.

Первой специальной работой об эпосе, выдвинувшей, в противоположность мифологам, исторические элементы в былинах в качестве действительной основы эпоса, явилось исследование Л. Майкова «О былинах Владимирова цикла».³⁵

Основная точка зрения Майкова четко сформулирована им в следующих словах: «Содержание былин Владимирова цикла хотя и вымышленное, но представляется в обстановке, заимствованной из положительной истории, и поэтому хотя между сюжетами былин есть и такие, которые можно возвести к эпохе доисторического сродства индоевропейских преданий, тем не менее все содержание былин, а в том числе и эти древнейшие предания представляются в такой редакции, которая может быть приурочена только к положительно-историческому периоду. Поэтому необходимо всмотреться в главные исторические данные, встречаемые в былинах Владимирова цикла».³⁶ Таким образом, Майков, не отрицая присутствия мифологических элементов в былинах, считает, в противоположность мифологам, формирующим началом в эпосе не эти элементы, а историческое предание. На основании анализа исторических данных, заключенных в былинах, и их соотношения с историческими показаниями Майков определяет место и время сложения русского эпоса. В этом вопросе он опирается на следующий тезис, выдвинутый в западной фольклористике Фориэлем и Вильмарке, в русской же науке впервые отчетливо сформулированный им самим: «Вообще народный эпос по своему образованию всегда современен или воспеваемому событию, или по крайней мере живому впечатлению этого события на народ».³⁷

Местом сложения былин Владимирова цикла Майков считает южную Русь, относительно же времени формирования эпоса полагает, что содержание его «вырабатывалось в продолжение X, XI, XII веков, т. е. в первой половине удельно-вечевого периода, а установилось не позже времени татарского владычества, и даже той его эпохи, когда Москва еще не сосредоточивала в себе всю государственную силу Руси и в народе свежа была память о первенствующем значении Киева. Такой эпохой можно считать вторую половину удельно-вечевого периода, века XIII и XIV».³⁸

Из других ранних работ, ставивших своей целью выяснить исторические основы русского эпоса, следует назвать еще работу Н. Д. Квартнина-Самарина «Русские былины в историко-геогра-

³⁵ Л. Майков. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863.

³⁶ Там же, стр. 21—22.

³⁷ Там же, стр. 22.

³⁸ Там же, стр. 25—27.

фическом отношении».³⁹ В ней автор сопоставляет былинные данные с показаниями истории и на основании этих сопоставлений делает вывод, что Русь былин в географическом, этнографическом и политическом отношении верна действительности Киевского периода времени Владимира Святославовича. Уже Квашнин-Самарин начал подыскивать в летописных «храбрах» прототипы былинных богатырей (Ильи Муромца — в Рогдае Удадом, Добрыши — в Андрике Добрянкове), что впоследствии станет одним из основных методических приемов в определении исторических основ русского эпоса.

Вслед за первыми работами, утверждавшими исторический принцип в подходе к былинному эпосу, следуют работы, в которых исследователи пытались вскрыть в отдельных былинных сюжетах отражение конкретной исторической обстановки или даже определенных исторических событий. В этом плане написаны работы С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, М. Халапского и др.⁴⁰

Особенный интерес представляют работы Н. П. Дашкевича, который углубляет основные положения Майкова и дает истолкование ряду былин на основе сопоставления их содержания с конкретными историческими фактами. «Зерно всякого *былевого* эпоса — исторические сказания», — говорит он в своей работе, посвященной былинам об Алеше Поповиче.⁴¹ Повторяя тезис Майкова — «Если не все, то большая часть былин возникает непосредственно под свежим впечатлением известных событий», — Дашкевич, однако, учитывал и возможность последующих литературных и иных влияний. «По общему закону народного творчества, — писал он, — историческая истина не может уцелеть в чистоте в былевом эпосе и подвергается переработке». Былины испытывают на себе влияние среды, в которой вращаются, впитывают в себя традиционные мотивы народного творчества и мотивы иноземных сказаний. Все это содействует, «с одной стороны, изукрашению исторической истины, а с другой — искажению ее. При этом видное значение имеет чисто внешняя ассоциация, иной раз совершенно, на первый взгляд, случайная.

³⁹ «Беседа», 1871, IV, V.

⁴⁰ См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II (т. 3—4). М., 1960, стр. 93—95. — Соловьев, между прочим, один из первых связывает сообщения некоторых летописных заметок с определенными былинами, по развертывая, однако, еще этих сопоставлений в исследование, как это мы видим у последующих представителей исторического направления, главным образом у В. Миллера. См. также: Н. И. Костомаров. Предания первоначальной русской летописи. «Вестник Европы», 1873, №№ 1—3; перепечатано: Собрание сочинений, кн. 5, т. XIII; М. Халапский. Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885.

⁴¹ Н. П. Дашкевич. К вопросу о происхождении русских былин. Былины об Алеше Поповиче и о том, как не осталось на Руси богатырей. Киев, 1883.

В данную песню вносятся элементы других; к известной личности приурочиваются повествования, передававшиеся об иных; сводятся рассказы, относившиеся первоначально к различным эпохам, по закону развития эпических циклов».⁴²

Таким образом, Дашкевич отчетливо представлял сложную судьбу былинного эпоса, при которой историческая основа могла сильно затемниться. Однако, по мнению Дашкевича, при выделении составных частей былевого эпоса следует начинать как раз с исторической основы, «и лишь за вычетом или полным устранением исторической основы исследователь может заняться разысканием иных источников».⁴³ Так определил Дашкевич самый метод исторического исследования. Он не отрицал самого факта литературного заимствования, но предостерегал против преувеличения его роли, справедливо полагая, что само указание заимствований не решает вопроса о генезисе. Вслед за А. Н. Веселовским Дашкевич настаивал на необходимости раскрыть прежде всего внутренние основания заимствований. Эти принципы и были положены им в основу анализа былин об Алеше Поповиче.

Майков и Дашкевич определили основные принципы исторического изучения былин. Второй, как мы видели, развил и некоторые методические моменты в применении исторического принципа. Но детальная разработка метода и использование его в истолковании всего былинного эпоса в целом принадлежит уже В. Ф. Миллеру, создавшему и возглавившему так называемую «историческую» школу или школу «историко-культурного» исследования былинного эпоса. Его работы в этом направлении начали появляться в печати с середины 90-х годов, а затем составили три тома «Очерков русской народной словесности».⁴⁴

Итак, изучение русского эпоса на путях разрешения проблемы его происхождения шло по нескольким параллельно развивающимся направлениям и в борьбе между ними. Кроме трех рассмотренных, в научной литературе второй половины XIX в. наблюдаются еще попытки применить к изучению былин так называемую «антропологическую теорию» или «теорию самозарождения», по которой сходство поэтических мотивов объяснялось единством психологических моментов на одинаковых этапах культурного развития. Сильнее всего воздействие этого течения сказалось на некоторых работах А. И. Кирпичникова. Изучая сравнительно русские былины и эпические произведения западного средневековья, он склонен был объяснить общность мотивов и поэтических формул тем, «что душа у человека всегда одна и та же, и понятие о возвышенном и низком, о поэтическом и не-

⁴² Там же, стр. 7—8.

⁴³ Там же, стр. 25.

⁴⁴ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I. М., 1897; т. II. М., 1910; т. III. М., 1924.

поэтическом в общих чертах одно и то же».⁴⁵ Но вообще эта теория, получившая на Западе довольно значительное распространение, в изучении русских былин оставила незначительный след.

Особняком, не укладываясь в рамки ни одного из рассмотренных основных научных направлений, стоит крупнейшая фигура русской науки второй половины XIX и начала XX в. — А. Н. Веселовский.

Начало научной деятельности Веселовского относится к тем годам, когда в науке о народном творчестве преобладали мифологические толкования. Веселовский не отвергал наличия мифических элементов в былинах, но восставал против узкого мифологического толкования. Он считал невозможным возводить весь богатырский эпос к эпосу мифологическому и за его героями видеть лишь древнеязыческие божества. Начало эпоса — в рассказах о борьбе не небесных, а земных врагов. Веселовский представлял себе что «какое-нибудь из тех несложных житейских событий, которые так часто переносились в миф», могло в сильной степени овладевать вниманием первобытного клана: «соседнее ли племя сделало набег, два витязя вступили в единоборство, или совершилась кровавая драма в семье старшины, девушка была увезена и кто-нибудь отправился добывать ее и т. п. Об этом должны были рассказывать или петь». Ассоциация с историческими именами или обстоятельствами, имевшим местный или племенной интерес, закрепляла в памяти данный факт. Так слагались эпический рассказ или песня — зародыш народного эпоса. Понятно, что в них можно найти общие черты с тем или другим мифом, в котором «целая категория сходных фактов нашла себе идеальное просветление». Следовательно, сходство между мотивами мифа и эпической песни «могло состояться без всякой генетической связи между теми и другими».⁴⁶

Мифический элемент в былинах Веселовский понимал значительно более сложно, чем мифологи, сводившие все образы эпоса к схеме солнечного или метеорологического мифа. Он поставил вопрос о самостоятельном воспроизведении мифического процесса уже в средние века на почве христианских представлений, причем, по его мысли, этот процесс нового мифотворчества захватывал всю средневековую Европу. Элементы этого процесса наблюдаются в эпосе, но уже как явления позднейшие.

Утверждая, что эпические сказания в значительной своей части возникли из реальных житейских отношений и, таким об-

⁴⁵ А. И. Кирпичников. Опыт сравнительного изучения западного и русского эпоса. Поэмы Ломбардского цикла. М., 1873 (Предисловие, стр. VII).

⁴⁶ А. Н. Веселовский. Сравнительная мифология и ее метод. «Вестник Европы», 1873, октябрь, стр. 657—658.

разом, в основе своей имели историю, Веселовский не сводил исторического толкования былин только к поэтическому воспроизведению отдельных конкретных исторических фактов. Для него эпос — чрезвычайно сложное явление, древнейших мотивов которого, по его мнению, не раскрыть из-за позднейших наслоений.⁴⁷ В изучении отдельных былинных сюжетов он привлекал огромный материал, из которого творился эпос: и народное самостоятельное творчество, и данные истории, и — в особенном изобилии — иноземные мотивы как в устных обработках, так и в письменных источниках. Веселовский поставил и вопрос о стадильной обусловленности некоторых общих эпических мотивов. В таком плане он дал анализ мотивов о встрече Ильи Муромца с сыном.⁴⁸ В этом отношении Веселовский противостоял антропологической школе, представители которой сходство поэтических мотивов объясняли, как сказано выше, единством психологических моментов.

Поднимая в своих исследованиях по русскому эпосу огромный материал, Веселовский остерегался делать какие-либо репительные выводы. В предисловии к «Южнорусским былинам» он писал: «Частные результаты, добытые при разборе отдельных былинных групп, в свою очередь нуждаются в проверке — со стороны лиц, занимающихся тем же вопросом. С этой целью и печатаются следующие опыты».⁴⁹ Сам он обещает дать в послесловии к исследованию обобщение на основе рассмотренного материала, но этих обобщений у него не находим. Таким образом, чрезвычайно трудно, почти невозможно свести весь исследовательский материал работ Веселовского по былинному эпосу в единую ясную концепцию. Вполне четко высказался он, однако, по вопросу о месте и времени сложения основного ядра нашего эпоса, о чем будет сказано в главе VI.

С конца XIX в. решительное преобладание в русской науке об эпосе получила историческая школа, хотя мифологическое направление еще не было изжито до конца, а исследования «заимствований» и «влияний» занимали еще видное место.

Характерен путь, которым В. Ф. Миллер, глава исторической школы, пришел к своим концепциям в отношении русского эпоса, его происхождения. Выше было указано, что в своих ранних работах Вс. Миллер примкнул к школе миграций. Исследуя в былинах отголоски иранских сказаний, Вс. Миллер приходил даже к крайним выводам о несамобытности целого ряда былин-

⁴⁷ А. Н. Веселовский. Русский эпос и новые его исследователи. Халанский и Дамберг. «Вестник Европы», 1888, июль, стр. 153.

⁴⁸ А. Н. Веселовский. 1) Поэтика. Собрание сочинений, т. II, вып. 1, СПб., 1913, стр. 77—114; 2) Историческая поэтика. Ред., вступ. статья и примеч. В. М. Жирмунского. Л., 1940, стр. 546—562.

⁴⁹ А. Н. Веселовский. Южнорусские быliny, тт. I—II, стр. 2.

ных сюжетов и образов.⁵⁰ Однако постепенно он убедился в конечной бесплодности бесчисленных сопоставлений, не дающих возможности уяснить пути развития сюжета. «Уловить пути распространения устной сказки за многие века ее блуждания, — писал он в предисловии к первому тому своих «Очерков русской народной словесности», — все равно, что ловить ветер в поле. Как бы близки между собою ни были какие-нибудь два варианта одного и того же сюжета, сравнительно с прочими, мы все же в большинстве случаев не можем заключить, что это сходство определяется ближайшим родством, объясняющимся географическим соседством. Нередко два варианта, наиболее удаленные друг от друга географически, совпадают в большем числе деталей, чем два соседние».⁵¹ Миллер считал совершенно безнадежным, исследуя былину, являющуюся обработкой странствующего сюжета или переработкой исторической песни под воздействием этого сюжета, ставить вопрос, откуда данный сюжет пришел: «... этот вопрос равносильен тому, где и от кого услышал эту сказку слагатель былины», — т. е. он неизбежно сведется «к биографии неизвестного слагателя», которая, как и он сам, «представляет самое широкое поле для гаданий».

В результате таких размышлений Вс. Миллер пришел к убеждению о необходимости идти по другому, более плодотворному, как ему казалось, пути исследования: заниматься историей былин и отражением истории в былинах, начиная первую не от времен доисторических, не снизу, а сверху, так как эти верхние слои былины «интересны уже потому, что действительно могут быть уяснены и дать не гадательное, а более или менее точное представление о ближайшем к нам периоде жизни былины. Так, иногда мы найдем в былинах следы воздействия на нее лубочной сказки или письменной старинной книжной повести, иногда яркие следы скоморошьей переделки, иногда присутствие того или другого собственного имени, дающего возможность для хронологических заключений». Для уяснения истории былины Вс. Миллер старался, по его словам, «из сопоставления вариантов вывести наиболее архаический ее извод и, исследуя историко-бытовые данные этого извода, определить по возможности период его сложения и район его происхождения».⁵²

Этот поворот Вс. Миллера в сторону исторического изучения былин некоторые ученые склонны были всецело приписывать влиянию рецензии Н. П. Дашкевича на «Экспурсы».⁵³ Рецензия, действительно, очень глубоко вскрыла тот тупик, в который попадали прямолинейные последователи теории заимствований,

⁵⁰ См.: Вс. Миллер. Экспурсы...

⁵¹ Вс. Миллер. Очерки..., т. I, стр. IV.

⁵² Там же, стр. IV—V.

⁵³ См., например: А. С. Архангельский. Введение в историю русской литературы. М., 1916, стр. 616.

игнорирующие исторические основы былины и даже исторические основания для заимствований».⁵⁴ Однако, хотя известное воздействие рецензии и возможно, решающую роль сыграл внутренний процесс мысли ученого на основе его собственного научного опыта.

Как и Дашкевич, Вс. Миллер не отрицал возможности заимствования. В своих «Очерках» он каждый раз вскрывал подобные факты, но для него в данном случае первоочередной задачей было, во-первых, уяснить историческую обусловленность такого заимствования, во-вторых — выделить те элементы живой исторической действительности, которые легли в основу русской переработки занесенной фабулы.

Идя в своих исследованиях, по собственному своему определению, «сверху», «с верхних слоев былины», Вс. Миллер не ограничивался выяснением позднейших исторических наслоений. Он шел вглубь, доискиваясь начальных моментов оформления сюжета. Руководящим принципом являлось предположение, что большинство былин создано на основе песен и преданий о конкретных исторических событиях и что отголоски таких определенных исторических фактов сохранились в былинах хотя бы в виде отдельных эпизодов, географических наименований, имен героев и т. п. Одним из основных его методов для установления историчности тех или иных моментов в былине являлось сопоставление наиболее архаических вариантов ее с действительными историческими данными, сохраненными в письменных исторических документах — летописных сообщениях и т. п.

Главной ошибкой Вс. Миллера и его учеников явилось именно понимание былины не как художественного преломления исторического факта, а как его непосредственного отражения, хотя подчас и чрезвычайно затемненного. Это побуждало их придавать решающее значение всяким совпадениям с действительно историческими данными. При этом особое значение придавалось именам и географическим названиям. Так, например, сообщение 1-й новгородской летописи под 1118 г. о заточении князем Владимиром Мономахом новгородского сотского Ставра вместе с другими новгородскими боярами казалось Вс. Миллеру достаточным, чтобы видеть в данном факте основу былины о Ставре Годиновиче.⁵⁵ Особенно убеждало его в этом совпадение имен при аналогичном эпизоде «заточения» героя князем, тем более что в некоторых вариантах Ставр именуется боярином.

⁵⁴ Н. П. Дашкевич. Разбор сочинения Вс. Миллера «Экскурсы в область русского народного эпоса». Отчет о 36-м присуждении награды г-р. Уварова. СПб., 1894.

⁵⁵ Упоминание об этой летописной заметке в связи с былинами о Ставре находим еще в «Истории России...» С. Соловьева (стр. 95), но решительного заключения о данном факте как действительном источнике былины Соловьев еще не делает.

Отсюда уже следуют дальнейшие заключения о месте и времени возникновения данной былины. Указывая, что ни в одной другой летописи, кроме новгородской, не упоминается о данном эпизоде и что имя Ставра известно лишь памятникам из районов новгородского культурного влияния, Миллер категорически настаивает на новгородском происхождении былины. «При исторически известных неприязненных отношениях Новгорода к Киеву, — рассуждает Миллер, — крутой поступок киевского князя (каким был в 1118 г. Владимир Мономах) с новгородским именитым гражданином должен был задеть за живое новгородский патриотизм и мог послужить стимулом к сложению рассказа или песни, в которой киевский князь Владимир получил нелестную для него роль».⁵⁶

«Новгородскую точку зрения» Вс. Миллер видел и в сатирическом изображении князя, которого провела «ловкая баба».⁵⁷ Рассмотренные же другими исследователями литературные параллели⁵⁸ — для Вс. Миллера лишь тот литературный фабульный материал, который помог указанное историческое предание оформить в былинную форму, причем западное влияние, ввиду постоянных связей Новгорода с Германией, кажется ему наиболее вероятным.

Таковы те соображения, которые побуждали Вс. Миллера решить вопрос об источнике, месте и времени сложения данной былины. Между тем самый эпизод заточения в былинной служанки отправным пунктом для развития фабулы, не является специально связанным именно с данной былинной: он повторяется в былинах и о Дунае, и об Илье Муромце, и о Сухане, где так же, как и в былинной о Ставре, является определенным компонентом в композиции. Этот былинный эпизод несомненно «историчен» по происхождению, но не в смысле отражения одного какого-либо исторического эпизода, а по связи его со всей историко-бытовой обстановкой, при которой такого рода факты бывали нередким явлением.

Также, на основании имени Самсона Колыбапова в летописной заметке о походе новгородцев на Югру в 1357 г., ученик В. Ф. Миллера А. В. Марков строил свою концепцию об отражении именно данного похода в былинной о Камском побоище, записанной им в Беломорье,⁵⁹ хотя, как уже заметил Вс. Миллер, трудно допустить такой процесс эпической обработки исто-

⁵⁶ Вс. Миллер. Очерки. . . , т. I, стр. 278—279.

⁵⁷ Там же, стр. 281.

⁵⁸ Орест Миллер. Илья Муромец. . . , стр. 635—646; Г. Н. Потанин. Ставр Годинович и Гэсер. «Этнографическое обозрение», 1891, № 3, стр. 40—49; И. П. Созинович. Песни о девушке-воине и былины о Ставре Годиновиче.

⁵⁹ А. В. Марков. Беломорская былина о походе новгородцев на Югру в XIV в. Труды Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XIV, М., 1900.

рического повгородского похода в Югру, при котором от всего события запомнилось бы лишь одно имя (Самсона Колыбанова) и не сохранилось ни одной черты самого исторического события.⁶⁰ Сам Миллер, как мы видели уже на примере былины о Ставре, аргументацию тождеством имен старался подкрепить указанием и на другие сходные признаки. Но иногда и у него наблюдались односторонние сопоставления имен. Так, например, эпическое имя княгини Апраксии он выводил от имени рязанской княгини Евпраксии, увековеченной в сказаниях о татарском нашествии 1270-го года, хотя и сам признавал полную правдивую противоположность исторической Евпраксии и былинной Апраксии.⁶¹

Естественно, что такой метод вел к многочисленным противоречиям внутри самой школы. Былину о Глебе Володьевиче Вс. Миллер первоначально приурочивает к походу князя Владимира Святославича под Корсунь и его женитьбе на греческой царице.⁶² Марков же, опираясь главным образом на сходство имен, приурочивал былину к другому походу на Херсонес в 1077 г. двух князей — Владимира Мономаха и Глеба Святославича. Побудительные мотивы похода (притеснения, творимые в Херсонесе русской торговле), по его мнению, тоже нашли отражение в былинке («поцлипы» Маринки).⁶³ С Марковым согласился Миллер, отказавшись от своей первоначальной концепции.⁶⁴ Однако в обоих случаях мы не видим аргументации, которая бы действительно исключила возможность другой трактовки. Определенное приурочение к тому или к другому событию недостаточно убедительно. В былинке действительно возможно предполагать смутные отзвуки преданий о походах русских на Византию, но не обязательно преданий о каком-либо одном походе. То же самое обнаруживается и в истолкованиях других былин: множество различных решений и недостаточная убедительность каждого из них.

В этом отношении гораздо более правильно поступил И. Н. Жданов, когда в своем исследовании о Василии Буслаеве⁶⁵ говорил об обобщении целого ряда впечатлений, не пытаясь обязательно отыскивать в качестве источника былины единичные события. Его метод в основе иной: путем привлечения большого документального материала он стремился вскрыть общую исто-

⁶⁰ Вс. Миллер. Очерки..., т. II, стр. 50.

⁶¹ Там же, т. I, стр. 321.

⁶² Вс. Миллер. К былинке о князе Глебе Володимировиче. ЖМНП, 1903, июнь, стр. 304—321.

⁶³ А. В. Марков. Из истории русского бытового эпоса, вып. 1 (оттиск из ж. «Этнографическое обозрение», 1904, № 3).

⁶⁴ Вс. Миллер. Очерки..., т. II, стр. 294—298; т. III, стр. 57—58; 267—268.

⁶⁵ Ив. Жданов. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. СПб., 1895, стр. 193—282.

рико-бытовую обстановку, на почве которой и могли сложиться оба сюжета о Василии Буслаеве.⁶⁶ Однако в других своих работах по русскому эпосу, отыскивая историческую основу произведения, Жданов тоже исходит в первую очередь из совпадения имен и сходства отдельных эпизодов песни с фактами жизни того исторического деятеля, который мыслится как прототип героя песни.⁶⁷

А. П. Скафтымов, давший в 1920-х годах развернутую критику «исторической школы», правильно отметил и другие слабые стороны научной методики Вс. Миллера, обуславливающие шаткость его построений. Миллер для своих сопоставлений с историческими данными привлекает, как он сам говорит, наиболее архаические изводы. Однако при решении вопроса о древности того или иного текста у него нет какого-либо объединяющего принципа, годного для всех случаев. То он пользуется критерием большинства, то ссылками на древность записи, то каким-нибудь иным аргументом, игнорируя те же самые соображения в других спорах. Так, например, при анализе былин об Иване Годиновиче он выделяет вариант Кирипи Данилова как древнейший в виду его «полноты», в исследовании же былин о Ставре он наиболее архаическими считает более краткие редакции, а более полные и распространенные считает осложнением и развитием первых, и т. п.⁶⁸

Слабым местом научных построений последователей исторической школы явилось также обоснование их концепций предположением о наличии не только преданий, но уже сложившихся песен, до нас не дошедших. Сам Вс. Миллер подобные предположения считал «гадательными», что, однако, не мешало ему строить на основе таких «гаданий» целостное исследование. Таковы его работы о былинах «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Дюк», «Дунай» и др.⁶⁹

Ошибочная научная методика, основанная на неправильном понимании художественной природы эпоса и его отношения к исторической действительности, приводила адептов школы — Вс. Миллера, М. Халапского, А. В. Маркова, Б. М. Соколова и др. — к чрезвычайно шатким построениям, легко опровергаемым часто с позиций самой же школы. Большинство их ре-

⁶⁶ От такого чрезвычайно плодотворного применения исторического подхода Жданов, однако, отходит во второй части своего исследования, где он пытается установить литературные влияния и, связав былины о Василии Буслаеве с западными сказаниями о Роберте-дьяволе, представить в Василии Буслаеве русский вариант образа «нераскаявшегося грешника» (там же, стр. 282—424).

⁶⁷ См. его исследования «Песни о Романе» (там же, стр. 425—523).

⁶⁸ А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. М.—Саратов, 1924, стр. 8—9.

⁶⁹ Это тоже было справедливо отмечено А. П. Скафтымовым (там же, стр. 24).

шений о происхождении, месте и времени сложения отдельных былин не представляются убедительными. Тем не менее работы, сделанные в духе школы, самая их направленность несомненно имели в свое время прогрессивное значение. Эпос был снова возвращен к своей национальной исторической почве, от которой его отводили исследования миграционистов. Вместо туманных и схематических построений мифологов исследование обращалось к конкретным фактам живой исторической действительности, которая и была несомненно питающей средой, вызвавшей к жизни и формировавшей эпическое творчество русского народа. Чрезвычайно важным было привлечение, кроме исторических событий, материала общественной и бытовой русской жизни, что давало возможность установить связи нашего эпоса с важнейшими общественно-экономическими моментами исторического развития русского народа. Многие наблюдения и поднятый в этом направлении материал составляют тот фактический вклад в науку, который сделан учеными исторической школы и который надлежит осмыслить уже в свете марксистско-ленинской методологии. Особенно важны с этой стороны работы учеников Вс. Миллера — А. В. Маркова и Б. М. Соколова, выдвинувших на первый план моменты социальной истории. Однако неправильно понятый и примененный метод социологической интерпретации фольклорных явлений привел в области эпоса к ряду крупнейших и грубейших ошибок, о чем будет сказано ниже.

Разнообразие и противоречивость взглядов, касающихся генезиса русской эпической поэзии, часто в области одних и тех же вопросов, привела к попытке «согласовать» между собою основные направления в изучении былин. Так, с критикой крайних увлечений каждого из основных течений и с указанием возможности и необходимости их примирения выступил Н. Н. Трубецкой.⁷⁰ «Успешное изучение былевого творчества, — говорил он, — может быть до некоторой степени гарантировано лишь условием согласования — сочетания этих трех принципов». Попытка практического осуществления такого сочетания направлений видна в работе А. М. Лободы «Русские былины о сватовстве».⁷¹

Оригинальным в этой работе явилось широко проведенное сопоставление содержания былин с мотивами свадебных песен.

3

Основные труды первых революционных лет по эпосу продолжают буржуазный этап в развитии науки. Работы Б. М. Соколова, А. Лященко, В. Ржиги исследуют генезис отдельных

⁷⁰ Н. Н. Трубецкой. Несколько мыслей об итогах изучения русского эпоса. «Русский филологический вестник», 1915, № 1.

⁷¹ А. Лобода. Русские былины о сватовстве. Киев, 1905.

былинные сюжеты или в плане «влияний», или в духе исторической школы Вс. Миллера.⁷² Итоги всем предшествующим изысканиям, произведенным в плане этой школы, подвел Б. М. Соколов в своем курсе фольклора для студентов-заочников «Русский фольклор».⁷³ Вместе с тем, в соответствии со своей тенденцией углублять вопросы социального порядка и заострять внимание на классовых моментах в развитии фольклора, Соколов дал опыт классификации былинных сюжетов и отдельных мотивов в зависимости от исторической среды, в которой они возникали или перерабатывались. Рассмотрение его работы с этой стороны будет сделано ниже.

Заострение внимания на историческом принципе в интерпретации былин получает в это время, при всех методологических и методических ошибках в конкретных исследованиях, известное прогрессивное значение ввиду полемической роли этих исследований, направленных против современных западноевропейских работ, в которых усиленно подчеркивались позднейшие литературные, в частности сказочные, элементы в былинах и отрицались чисто национальные исторические элементы.⁷⁴

Вместе с тем в те же 20-е годы сама историческая школа подвергается в советской науке резкой и обоснованной критике. С нею выступил упоминавшийся уже саратовский ученый А. П. Скафтымов. Он совершенно правильно укорял Вс. Миллера и его учеников в игнорировании художественной специфики былинного эпоса и в стремлении видеть в нем только «музейные отголоски прошлого», вследствие чего и все исследования о нем «превращались в трактаты общей культурной и политической истории». Выше была отмечена критика Скафтымовым слабых сторон научной методик, применяемой последователями исторической школы. Но ошибкой самого Скафтымова является его отказ от генетической проблемы. Из правильных посылок об особой сложности состава былины и его постоянной изменчивости и текучести Скафтымов делал совершенно ошибочные выводы

⁷² Б. М. Соколов. Германо-русские отношения в области эпоса. Эпические сказания о женитбге князя Владимира. «Ученые записки Саратовского университета», т. I, вып. 3, 1923; А. Лященко. 1) Былина о Соловье Будимировиче и сага о Гаральде. Сборник в честь проф. Малеева, т. II, 1922; 2) Былина о Дюке Степановиче. ИОРЯС АН, т. XXX, 1925; В. Ржигала. О Чуриле Пленковиче. ИОРЯС АН, т. XXVIII, 1923.

⁷³ Б. М. Соколов. Русский фольклор. Вып. 1. Былины. Изд. 2. М., 1931 (впервые издано: М., 1929).

⁷⁴ См. работы польского ученого А. Брюкнера, например: A. Brückner. Michajlo Potyk and der wahre sinn der Bylinen. «Zeitschrift für slawische Philologie», Bd. III, 1926; Bd. IV, 1927, и др. — См. также возражения Брюкнеру в статье Б. М. Соколова «Об историко-социологическом методе изучения былин» (Сборник памяти П. П. Сакулина, изд. «Никитинские субботники», М., 1931) и его же статью «Новейшие труды иностранных ученых по русскому эпосу» («Художественный фольклор», № II—III, М., 1927; № IV—V, М., 1929).

о бесплодности попыток хронологического и территориального прикрепления. Генетическому изучению предмета, по мысли Скафтымова, должно предшествовать изучение описательное или, как он говорит, «стационарное», а потому основной задачей он считал раскрытие сущности былины как живого поэтического организма.⁷⁵ Его наблюдения над внутренней организацией поэтического материала в былине очень ценны и интересны, но игнорирование им идейного содержания эпоса как формирующего начала привело к одностороннему и неправильному пониманию художественного целого: все мотивы в былине оказываются подчиненными основному заданию — выделению героя, идеологический же элемент «утилизируется былиной или в качестве аксессуарного эмоционально-окрашивающего средства или находится на положении особого оценочного повода, направленного опять к апофеозе богатырских успехов героя».⁷⁶ Таким образом, автором стиралось, в сущности говоря, различие между отдельными былинами, и весь эпос нивелировался со стороны его исторического содержания.

Проблема генезиса былинного эпоса снова встала во всем ее объеме перед советскими фольклористами в связи с пересмотром в середине 30-х годов основных положений фольклористики, ее задач и путей исследования. Ленинская теория отражения и метод стадийного изучения фольклорных явлений открыли возможность правильного разрешения генетической проблемы и наметили основные пути исследования. Вопрос о происхождении русских былин стал мыслиться как часть общей проблемы генезиса эпического творчества. Таким образом, была выдвинута задача широких сравнительных изучений эпосов разных народов, начиная с древнейших стадий. В основу решения генетической проблемы было положено раскрытие общественного сознания, отраженного в былинах и обусловленного исторической действительностью. Но работа в этом направлении развернулась уже в 40—50-е годы. В 30-е же годы внимание ученых было обращено на смежный и тесно связанный с проблемой возникновения и развития эпоса вопрос — о создателях и хранителях былинного эпоса.

Учение Маркса—Энгельса—Ленина о роли народных масс в истории поставило очередным вопросом фольклористики после Октябрьской революции пересмотр ранее принятых буржуазных теорий. Но ученые, воспитанные в определенных сложившихся понятиях, не могли охватить и правильно решить все проблемы, возникшие в связи с новым пониманием творческих сил народа.

⁷⁵ А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин, стр. 42—44.

⁷⁶ Там же, стр. 95. — См. в главе IV об отказе А. П. Скафтымова в peer-изданной работе (1958 г.) от указанных положений.

К середине 30-х годов внутри советской фольклористики обозначился глубокий кризис. Приняв в качестве основного методологического принципа тезис о социальной, классовой обусловленности художественных явлений, фольклористы вместе с литературоведами устремились к «классовой паспортизации» отдельных фактов, прикрепляя к ним социологические ярлыки часто по ряду внешних признаков и игнорируя основной внутренний смысл явления. В результате создалась целая цепь грубейших заблуждений и извращений общей картины народного творчества. Осознание этого кризиса выразилось в известной дискуссии 1936 г. Поводом к ней явилось постановление Комитета по делам искусства о снятии с репертуара Камерного театра пьесы «Богатыри», как искажающей историческую действительность и характер нашего эпоса. Центральным вопросом дискуссии была проблема народности нашего эпоса в связи с вопросом о его возникновении и о среде, его создавшей.

Направления, господствовавшие в фольклористике на ее начальных этапах в середине XIX в., не ставили, да и не могли поставить во всей последовательности вопрос о создателях эпоса. Учеными-мифологами вопрос этот решался в соответствии с их общей концепцией происхождения эпоса. Так как основы последнего уходили, по их утверждению, в глубь седой старины донисторического прошлого, то, следовательно, создателем эпоса являлся весь народ, представлявший тогда недифференцированное целое. Общепризнанное коллективное творчество в последующее время сохранялось крестьянством, которое и донесло до самых позднейших времен воплощенные в эпических образах народные идеалы. Поскольку же все внимание мифологов было сосредоточено на вскрытии мифологических основ, вопрос о самих сказителях, как вообще вопрос о бытовании эпоса, вовсе не ставился.

Для последователей теории заимствования вопрос о среде, слагавшей эпос, также не представлял интереса; их внимание было направлено на установление сходства и связей эпических образов и мотивов у разных народов, начальный момент не освещался. И только историческая школа, с ее большим интересом и вниманием к факторам социально-исторического порядка, выдвинула и детально, — но, как увидим, превратно, — разработала вопрос о создателях былинного эпоса.

Основной предпосылкой к его решению явилось возражение против туманного и расплывчатого тезиса о «безличном» народном творчестве. За каждым фольклорным произведением мыслился индивидуальный автор, имя которого осталось неизвестным. «Коллективность» принималась лишь в смысле выражения общих данной среде (к которой принадлежал автор) настроений и последующего частичного сотворчества (вариация произведения). Высокая техника многих фольклорных произведений, в частности былин, казалось, свидетельствовала о созда-

телях-мастерах, певцах и сказителях профессионалах. Но кто же были те мастера-профессионалы, которым принадлежит создание древнейшего ядра эпоса — были ли богатырских, воинских? В решении этого вопроса и была допущена основная ошибка, извратившая все представление о начальном периоде в развитии русского эпоса.

Богатырские боевые былины рассказывали о князьях и их богатырях-дружинниках, запечатлевали воинские подвиги, были насыщены политическими интересами своего времени. Какой же среде — рассуждали ученые — были наиболее близки эти интересы, была особенно близка боевая тематика, кому естественнее всего было слагать песни в честь князей и дружинников? Казалось, что такой средой могла быть только сама княжеско-дружинная среда, основное жизненное содержание которой и составляли походы, битвы, военные подвиги. Вс. Миллер не отрицал существования в древней Руси и эпоса «простонародного» происхождения. «Остов» былины такого типа он видел в переяславском предании о борьбе ремесленника Яна с великаном печенежином — предании, донесенном древней летописью (Первоначальная летопись под 6500 г.). Однако дошедший до нас былевой эпос он ведет от другого источника — от песен, создавшихся в княжеско-дружинной среде. Миллер полагал, что эти песни «были слагаемы и распространялись в среде населения, ближе стоявшего по развитию и общественному положению к княжескому двору и дружине, по современным понятиям принадлежавшего к „интеллигенции“». Слагались песни княжескими и дружинными певцами там, где был спрос на них, там, где пульс жизни бился сильнее, там, где был достаток и досуг, там, где сосредоточивался цвет нации, т. е. в богатых городах, где жизнь шла привольнее и веселее».⁷⁷ Такими песенными центрами Вс. Миллер считал Киев, Новгород, а также Чернигов и Переяславль — до разорения их половцами.

Опору для утверждения о профессиональных певцах, создателях княжеско-дружинного эпического творчества, ученые находили в показаниях древних летописей. Так, в Вольнской летописи под 1240 г. имеется упоминание о «словутном певце» Митусе, который был наказан за отказ служить князю Даниилу. Заметка не дает ясных указаний, в чем именно заключалась провинность певца, от какой службы он отказывался.

Более ясной представляется другая заметка той же летописи. В ней рассказывается, что когда князья Даниил и Василько в 1221 г. вернулись с победы над ятвягами, то «песнь славну пояху им, богу помогшу има и придоша со славою в землю свою». Еще больше свидетельств о древнерусских певцах включает «Слово о полку Игореве», которое несколько раз говорит

⁷⁷ Вс. Миллер. Очерки. . . , т. III, стр. 28.

о воспевании «славы» князьям. В начале данного произведения даже дается образ такого певца-«испотоворца» — вещего Бояна — и указывается содержание и характер его творчества: он песни пел «старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зареза Редедю пред полку касожскими, красному Роману Святославличу». ⁷⁸ Вс. Миллер считал возможным на основании этих свидетельств «Слова» видеть в Бояне именно княжеского певца, который слагал песни для прославления современных ему князей. Кроме таких песен, ходивших преимущественно в кругах, близких к княжеским дворам, «в более широких слоях дружины и городского населения», по предположению Вс. Миллера, были также известны «песни о „храбрах“, совершавших подвиги во времена Владимира». Эти песни он называл «предками наших былии». ⁷⁹

Говоря об этих двух группах древних исторических песен, Вс. Миллер не различал их по общему характеру и считал одинаково принадлежащими к высшим слоям древнерусского населения. Это была, по его мнению, аристократическая поэзия, так сказать «изящная литература» высшего и наиболее просвещенного класса, который более других слоев населения был проникнут «национальным самосознанием, чувством единства Русской земли и вообще политическими интересами». ⁸⁰ Если же эти эпические песни, княжеские и дружинные, доходили до низшего слоя народа, т. е. до земледельцев, смердов и рабов, то, по утверждению Вс. Миллера, они «могли только исказиться в этой темной среде, подобно тому как искажаются в олонецком и архангельском простонародье современные былины, попавшие к нему из среды профессиональных петарей, исполнявших их ранее для более богатого и культурного класса». ⁸¹

Так, в основу миллеровской концепции о происхождении эпоса в княжеско-дружинной среде легло ложное убеждение в неспособности народа проникнуться теми чувствами и идеями, которые вызвали возникновение эпических песен, — неверие в творческие силы народа.

Высокая художественная техника былин, ряд определившихся в них поэтических приемов, свидетельствующих якобы о большом профессиональном мастерстве, заставляли Вс. Миллера и других ученых «исторической школы» предполагать, что и дальнейшая судьба былины — сохранение, культивирование и окончательное оформление жанра — связана также исключительно с профессиональной средой мастеров поэтического искусства. Такой средой, воспринявшей древнее наследие профессиональ-

⁷⁸ Упоминаемые князья принадлежат к первой половине и середине XI в. Так определяется и время деятельности Бояна.

⁷⁹ Вс. Миллер. Очерки..., т. III, стр. 27.

⁸⁰ Там же, стр. 28.

⁸¹ Там же.

ных княжеских и дружинных певцов, явились, по концепции Вс. Миллера, скоморохи, бывшие профессиональными певцами и затейниками, которые обслуживали якобы главным образом княжеские и боярские дворы, дома богатых купцов и помещиков.

Документальный материал, подтверждающий очень раннее появление на Руси скоморохов, достаточно велик. Со второй половины XIX в. в науке прочно утвердилось мнение, что вначале это были заходящие из других стран «веселые люди», потешники, подобные немецким шпильманам и французским жонглерам с их богатым и разнообразным репертуаром увеселений — от шуток, анекдотов, плясок и фокусов до библейских рассказов и народных сказок, исторических преданий и эпических песен.

Основанием к этому служило прежде всего несомненное сходство скоморохов с бродячими народными артистами средневековой Европы, генеалогию которых возводили к аналогичным профессиональным мимам и гистрионам греко-римского мира. Самое название «скоморох» (славянское «скомрах»), по-видимому занесенное из Византии, казалось, убедительно поддерживало положение о «захожести» скоморохов. Нерусская одежда скоморохов в описаниях летописцев и в изображении старинных церковных фресок принималась за явное свидетельство того же нерусского происхождения. Предполагалось, что лишь впоследствии появились и свои скоморохи, по преимуществу вербовавшиеся из демократических слоев городского населения.⁸²

В литературе были лишь единичные и слабо аргументированные высказывания о возможно самобытном происхождении скоморошества. Такова мысль Н. Коробки о том, что заходящие скоморохи могли встретить на Руси уже существующий там аналогичный класс людей.⁸³

В настоящее время вопрос о скоморохах снова подвергся пересмотру, и А. А. Морозовым достаточно убедительно подтверждено предположение о самобытности русского скоморошества и о восхождении его к древним волхвам и кудесникам — профессиональным исполнителям языческого обрядового культа.⁸⁴

Скоморохам В. Ф. Миллер и приписывает всю окончательную художественную обработку и оформление былинного жанра. По его мнению, вся сложная былинная поэтика не могла установиться путем случайной традиции, она могла быть выработана только в специальной среде, в среде профессиональных певцов,

⁸² А. Н. Веселовский. Разыскания в области русского духовного стиха, СПб., 1883, стр. 128—220; А. С. Фамицын. Скоморохи на Руси. СПб., 1889; А. И. Кирпичникова. К вопросу о древнерусских скоморохах. СОРЯС, т. 52, СПб., 1891.

⁸³ Н. Коробка. К изучению малороссийских колядок. ИОРЯС АН, т. VII, СПб., 1902, кн. 3.

⁸⁴ Александр Морозов. Скоморохи на Севере. Альманах «Север», Архангельск, 1946.

и сберегались там в течение нескольких столетий «посредством обучения и, конечно, гораздо тщательнее, чем в нынешней среде олонецких петарей, сказителей и калик». ⁸⁵ Скоморохи не только разрабатывали княжеско-дружинное наследие, но они облекали в форму былины и международный литературный материал, создавая былины новеллистического характера и типа фэбльо; от них же былины перешли к крестьянам, в среде которых они и были найдены, когда началось их собирание.

Этот процесс передачи рисовался Вс. Миллером — а вслед за ним и другими учеными — в таком виде: гонимые правительственными указами, направленными против скоморохов как носителей языческого искусства, «богомерзких, бесовских» песен и увеселений, скоморохи уходили из городов и других центральных мест в места более глухих поселений, на окраины, оседали среди местного населения, которому и передавали свое знание и свое мастерство. Этим и объясняется, по данной концепции, не только наличие былин на самых отдаленных окраинах Севера, но и слабость эпической традиции в центре. ⁸⁶

Что же представляет собой последний, по словам адептов исторической школы — «крестьянский» период в истории развития былинного эпоса?

Почти вплоть до середины 30-х годов он рассматривался как процесс последовательного искажения старого наследия, пришедшего из другой социальной среды. По словам Вс. Миллера, великая заслуга позднейших сказителей перед русским народом и наукою состоит лишь в том, что они сохранили эпос в его главных чертах, но он «не развивался на этой неудобной для него почве, а последовательно гложулся и вырождался». ⁸⁷ Главным доводом для Миллера являлось отсутствие новых сюжетов и новых героических образов. По его словам, крестьянские сказители «не прикрепили ни одного богатыря к своей почве» — «они только повторяли, что слышали, что когда-то до них дошло в виде былевой песни». ⁸⁸ Отдельные случаи образования на Севере новых былин, как «Рахта Рагнозерский», «Илья Муромец и Добрыня», «Добрыня и Дунай», Вс. Миллер считал исключением, лишь подтверждающим общий упадок эпического творчества, и усиленно подчеркивал в этих новообразованиях их эпигонские, на его взгляд, черты. Доказательством упадка являлось для него также и «механическое» якобы употребление некоторых приемов и выражений, опиравшееся на «священную» традицию. ⁸⁹

Таким образом, вопрос о слагателях и хранителях нашего эпоса представлялся Вс. Миллеру в следующем виде: источник

⁸⁵ Вс. Миллер. Очерки..., т. 1, стр. 52.

⁸⁶ Там же, стр. 52—64.

⁸⁷ Там же, стр. 18.

⁸⁸ Там же, стр. 19.

⁸⁹ Там же, стр. 18—20.

эпоса — искусство высших социальных слоев, его вековая история — сперва выработка жанра в профессиональной среде, затем последовательная порча в руках крестьянских исполнителей-непрофессионалов.

Характерно, что Вс. Миллер, упомянув однажды о следах в древнерусской летописи «простонародного» эпоса, ни разу больше не возвращался к его судьбе. Вопрос о причинах его утраты и о причинах оформления в былинный жанр только песен, созданных в княжеско-дружинной среде, Вс. Миллер оставил в стороне. Общая же концепция ученого уясняет для нас невысказанное решение, опирающееся на неверие в творческие силы «простоародья»: развитого, разработанного эпоса народ и не мог создать; скоморохи же были преимущественно заинтересованы в разработке того наследия, которое могло найти спрос в кругах, ими обслуживаемых, т. е. среди князей, бояр, богатых купцов, помещиков. Аристократический характер русского эпоса особенно решительно и последовательно был подчеркнут В. А. Келтуялой, утверждавшим, что «подлинным творцом всей древнерусской национальной культуры... был высший правящий класс».⁹⁰

Существование в древней Руси двух эпосов, пародного и дружинного, отмечал и А. Н. Веселовский. Однако он не подчеркивал, подобно Вс. Миллеру, аристократического характера дружинного эпоса. Он противопоставлял дружинный эпос «народному» не по характеру, а по происхождению. Для него был вне сомнений народный характер былинного эпоса. Он считал неправильным метод реконструкции былинного эпоса из летописных сказаний, которыми пользовались некоторые исследователи (например, М. Халанский), именно потому, что решительно и четко различал идеологическое направление древнерусских летописей и тенденции эпоса. «Если идти таким путем (т. е. указанным методом реконструкции, — А. А.), — пишет он, — то за живописными эпизодами южнорусских летописей можно бы предположить целый ряд утраченных былин; но вероятно также, что таких былин никогда и не было, ибо интересы и идеалы эпической песни чаще всего расходятся с интересами и идеалами летописи, церковной или придворной, все равно».⁹¹ Впрочем, вопрос о среде, создавшей былинны, Веселовский специально никогда не ставил, поэтому его взгляды на этот предмет точно не сформулированы.

В наиболее разработанной форме теория дружинно-аристократического происхождения эпоса представлена в исследованиях Б. М. Соколова. Вполне разделяя тезис Вс. Миллера о сложности эпоса профессиональными певцами, Б. Соколов пытался уточнить

⁹⁰ В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. I, кн. 2. М., 1911, стр. VI—VIII.

⁹¹ А. Н. Веселовский. Русский эпос и новые его исследователи. Халанский и Дамберг.

классовые моменты в этом процессе, исходя из предпосылок, что «каждый класс каждой эпохи имел обслуживавших его социальные интересы и художественные потребности профессиональных поэтов и певцов». Так, «княжеско-дружинный класс первых веков русской истории обслуживался поэтами певцами-дружинниками, большей частью принадлежавшими к нему самому; „социальный заказ“ торгово-буржуазного класса больших городов и класса княжеско-боярского, как и самих царей, выполняли в значительной мере знаменитые поэты и певцы и артисты средневековой Руси — скоморохи; интересы церковно-религиозных, преимущественно высших классов выявляли калики, пилигримы, затем лишь выродившиеся в калик переходящих, нищих богомольцев».⁹²

Былины, как и другие фольклорные жанры, по концепции Б. М. Соколова, испытали на себе действие закона «социально-исторических и бытовых наслоений». Зародившись в X—XII вв. в княжеско-дружинном классе южной Руси в областях, близких к Киеву и с ним связанных, эпические героические песни в XII—XIII вв. были перенесены дружинными певцами в Галицко-Волыньскую Русь, а в XIII—XIV вв. — в Ростово-Суздальскую. Там дружинная поэзия продолжала развиваться, пополняясь новыми мотивами. В то же время сложились эпические песни и среди калик-пилигримов, идеологических представителей церковников, а также в среде скоморохов, обслуживающих буржуазно-торговый класс. Последние создавали главным образом новеллы и фавль. Поэтическими центрами, где слагался и развивался этот род эпического творчества, были преимущественно большие торговые города, особенно Новгород XII—XV вв. Затем «вся эта продукция предыдущих эпох, конечно, не без больших утрат и значительных видоизменений, была принесена, возможно в репертуаре тех же скоморохов, в московскую великокняжескую, а затем царскую и боярскую Русь (XV—XVII вв.)». Заметный вклад в эпическое наследие внес «казацкий класс», получивший большое значение в Смутное время. В этот же период происходит под влиянием массовых народных движений сильная демократизация эпоса. Скоморохами былины заносятся и в крестьянскую среду. Итак, с XVII в. былины, сложенные в среде почти исключительно высших классов древней Руси, «стали достоянием низших классов, а в XIX—XX вв. последними хранителями оказались по преимуществу одни северные крестьяне-сказители».⁹³

Былины, таким образом, по словам Б. М. Соколова, представляют «чрезвычайно сложное создание, разноместное и разновременное и вместе с тем необычайно пестрое по своей социальной природе». «Каждая социальная группа и каждая новая эпоха,

⁹² Б. М. Соколов. Русский фольклор. Вып. 1. Былины, стр. 12.

⁹³ Там же, стр. 63—64.

с одной стороны, вносили в былинный эпос свои новые песни, с другой — усваивали и, усваивая когда бессознательно, когда сознательно, по-своему перерабатывали и приспособляли к своим вкусам прежний эпический материал». Поэтому, «чтобы дойти до первоначального слоя каждой былины и вместе с тем изучить ее дальнейшие переработки», необходимо заняться «постепенным снятием верхних напластований».⁹⁴

Такое построение истории развития эпоса получило в фольклористике наименование «теории напластований».

Подобно Вс. Миллеру, Б. М. Соколов не видел в «последний», «крестьянский» период жизни эпоса живых творческих процессов. «На долю крестьянского периода, — говорил он, — едва ли придется сложение хотя одного былинного сюжета. Не так сильно сказались на былинах и творческая переработка и приспособление к новой социальной среде старых сюжетов. Наиболее существенным фактом этой крестьянской переработки является превращение важнейшего былинного героя Ильи Муромца в крестьянского сына». Даже социально враждебные эпитеты бояр (например, «бояре толстобрюхие») он лишь «в известной мере» приписывает крестьянскому классовому сознанию и видит в них «отголосок классовых столкновений эпохи XVI—XVII вв., в частности столкновений казачества с боярством».⁹⁵

Исключая крестьянство из творческого процесса создания эпоса, Б. М. Соколов считает не крестьянской по происхождению даже такую былинку, как «Вольга и Микула», представляющую апофеоз богатыря-пахаря, поэтизацию крестьянского земледельческого труда. Микула представляется ему не типичным крестьянином-земледельцем, а богатым хозяином, «кулаком», типом особого класса новгородских «своеземцев», владевших «немалыми земельными участками».⁹⁶ «Антимужичьи классовые тенденции» сохранились, по мнению исследователя, и во многих других былинах, так как эпоха бытования былин в крестьянской среде XVII—XX вв. «не успела или не сумела изжить или переработать их».⁹⁷ На долю «крестьянского периода в жизни былины» относится также и большинство исторических искажений, анахронизмов, народных этимологий и других проявлений «перевирания» былины, что, по мнению исследователя, должно быть «свойственно среде, социально и хронологически отдаленной от воспеваемых были-

⁹⁴ Там же, стр. 22.

⁹⁵ Там же, стр. 32—33.

⁹⁶ Там же, стр. 32. — Данная концепция была всецело воспринята Б. М. Соколовым от Вс. Миллера. См. статью: Вс. Миллер. К крестьянству Микулы Селяниновича. «Этнографическое обозрение», 1911, №№ 3—4, стр. 90—91. — Положения Вс. Миллера были восприняты также André Mazon; см. его статью Mikula le prodigieux laboureur. «Revue des études slaves», t. XI, f. 3, 1931, стр. 157—158.

⁹⁷ Б. М. Соколов. Русский фольклор. Вып. 1. Былины, стр. 32.

нами исторических событий». В этот же период произошло внесение в былины сказочных и песенных мотивов и элементов стиля, стирание прежней жанровой дифференциации и, наконец, утрата ряда сюжетов, чуждых социальным вкусам крестьянства. Окончательный вывод Б. М. Соколова формулирован им следующим образом: «Крестьянство, таким образом, донесло для науки былину, но оно же эту былину шаблонизировало, а в последнее время почти ее изжило».⁹⁸

Такое понимание эпического творчества, его генезиса и путей развития прочно утвердилось в конце 20-х и начале 30-х годов советского периода и было принято почти всеми фольклористами. Изложение его находим и в учебниках, и в хрестоматиях, и в изданиях, рассчитанных на массового читателя.⁹⁹ Правда, в это же время наблюдались попытки внести некоторые коррективы в изложенную концепцию. Попытки эти возникли в результате непосредственного восприятия народного характера самих былин и благодаря наблюдениям над жизнеспособностью былинного творчества вплоть до наших дней, что противоречило выше приведенной характеристике «крестьянского периода». Однако основной тезис о зарождении эпоса в высших слоях не опровергался. Прежней концепции противопоставлялось лишь утверждение активной творческой роли крестьянства, но само-то оно все же мыслилось «как последний преемник» искусства, пришедшего из другой социальной среды. Так, например, в учебнике по литературе Г. Абрамовича и Ф. Головенченко былины рассматриваются как продукт крестьянского творчества XVII в., которое создавалось, однако, на основе княжеско-дружинного эпического наследия, использованного крестьянскими певцами «как материал».¹⁰⁰ В статье А. М. Астаховой «Русские былины»¹⁰¹ история развития эпоса была изображена в виде процесса постепенной демократизации в результате целого ряда трансформаций и переосмыслений, не дающих лишь одни механические наслоения, а приводящих к органическому изменению основных образов эпоса.

В дискуссии 1936 г. по вопросу о характере и происхождении эпоса прежде всего была подчеркнута подлинная народность эпоса, которая в корне опровергает концепцию об аристократических его основах.

⁹⁸ Там же, стр. 33.

⁹⁹ См., например: Русский фольклор. Хрестоматия для высших педагогических учебных заведений. Составил проф. Н. П. Андреев. Учпедгиз, М.—Л., 1936, стр. 13—14.

¹⁰⁰ Г. Абрамович и Ф. Головенченко. Русская литература. Учебник для 8-го кл. Изд. 2. М., 1935 (раздел «Героический эпос древней Руси»).

¹⁰¹ Русский фольклор. Эпическая песня. Общая ред. М. Азадовского. Статьи, ред. и примеч. А. Астаховой и Н. Андреева. Л., 1935. («Библиотека поэта». Малая серия), стр. 20—38.

Итоги дискуссии были суммированы и развиты в статье Ю. М. Соколова «Русский былинный эпос»,¹⁰² где он подверг критике господствовавшую до тех пор теорию происхождения эпоса. В противовес ей он, опосываясь на материалах дискуссии, выдвинул концепцию о формировании эпоса в среде народных певцов, выражавших идеи, которые должны были одушевлять и действительно одушевляли весь народ. Создателями эпических песен, воплотивших народные идеалы, могли быть представители различных классов, но чаще всего они несомненно являлись выходцами из широких демократических масс. В отдельных случаях могли быть и песни «по заказу», но характер национального эпоса в целом свидетельствует о подлинных настроениях народа. Поэтому Ю. М. Соколов вновь вернулся к мысли А. Н. Веселовского, видевшего основной и характернейший признак народных эпосов в идее слагавшегося национального целого, которое пришло на смену родовой и племенной обособленности.

Ю. М. Соколов подчеркнул и народный характер искусства скоморохов: «В творчестве скоморохов, этих представителей демократического народного искусства, звучали ноты протеста и социального обличения».¹⁰³

Пересмотр прежней концепции был дан также и в статье А. М. Астаховой «Былинное творчество северных крестьян»,¹⁰⁴ где поставлен специальный вопрос о крестьянском былинном творчестве в позднейший период жизни эпоса и отмечена несомненность существования в самые древние времена, наряду с профессиональными мастерами — слагателями эпоса, — и непрофессиональных сказителей из трудовых масс.

Таким образом, в середине 30-х годов вопрос о сказителях и хранителях былинного эпоса предстал в следующем виде. Былинное творчество создавалось, очевидно, и певцами-профессионалами, и непрофессиональными мастерами. История донесла до нас свидетельства о профессиональных певцах — из среды дружинников и скоморохов. Но былины могли создаваться и в среде древнего земледельческого населения — «смердов», а также среди «молодых» людей посада — мелких ремесленников и т. п. Независимо от среды, в которой создавались отдельные эпические песни, былинный эпос с самого начала его создания явился глубоко народным творчеством, отразившим народные идеалы, народное отношение к изображаемым событиям и лицам. Профессиональные участники его сложения — дружинные певцы и скоморохи — явились, наравне с непрофессиональными мастерами, выразителями народных настроений и мировоззрения. Дружин-

¹⁰² Ю. Соколов. Русский былинный эпос. «Литературный критик», 1937. № 9.

¹⁰³ Там же, стр. 192—195.

¹⁰⁴ Былины Севера. Т. I. Мезень и Печора. Записи, вступ. статьи и коммент. А. М. Астаховой. Под ред. М. К. Азадовского. М.—Л., 1938.

ные певцы принадлежали к демократическим слоям дружины, пе разрывавшим тесной связи с трудовыми массами, из которых они вербовались. Если в создании былинного творчества в отдельных случаях принимали участие представители высших слоев — князья и члены «старшей» дружины, — то и они могли отразить в своих песнях общенародные идеалы и стремления. И только такого рода песни и сохранялись в памяти народа в течение веков.

Аналогичные явления обнаружены в области эпоса и у других народов. Эпос ни у одного народа не являлся «массовым» искусством — в смысле широкого его распространения среди рядовых исполнителей, в смысле его доступности. Его творцы и носители — всегда отдельные мастера, профессиональные или непрофессиональные, но принадлежавшие народу и выразители народных начал. Таковы древнегреческие рапсоды, древнегерманские скальды, певцы народов Средней Азии, Кавказа и других стран.

Что касается народных артистов — скоморохов, — которые, как показали исследования, тоже были в старой России одними из носителей былинного творчества, то и они были всегда тесно связаны с народными массами. Они отнюдь не были выразителями идеологии правящих классов, как это предполагал В. Миллер и Б. М. Соколов; они были, наоборот, носителями демократических тенденций, пародной социальной сатиры. Произведения, ими исполняемые, были проникнуты мотивами социального протеста, и это, главным образом, и было причиной правительственных гонений на скоморошество.

Они действительно заносили эпос на далекие окраины. Однако этот путь распространения былин не был главным и столь исключительным, как его рисует В. Миллер. Эпос, хранившийся и в среде мастеров-непрофессионалов, передвигался из древнейших очагов и вместе с колонизацией.¹⁰⁵ Старейшие песни при этом воспринимали местные предания, объединялись с позднейшими.

4

Дискуссия середины 30-х годов о народных основах русского былинного творчества побудила пересмотреть не только вопрос о среде создателей и хранителей былинного эпоса, но и многие другие, с ним непосредственно связанные, среди них — вопрос о судьбах эпоса на позднейших этапах его жизни в устной традиции.

¹⁰⁵ Далеко не все представители «исторической школы» принимали тезис В. Миллера об исключительной роли скоморохов в запечатлении былин на Север. Так, М. П. Сперанский, во многом следующий за В. Миллером, как раз подчеркивает значение колонизации. См. его книгу: Русская устная словесность. М., 1917, стр. 181—185.

Вопрос был поставлен так: действительно ли крестьянство в позднейший период бытования эпоса только механически, по традиции хранило старое поэтическое наследие и последовательно портило его, искажая и «перевирая»? Наблюдаются или не наблюдаются в жизни эпоса в это время какие-либо явления, свидетельствующие о наличии неких творческих процессов, и в чем они тогда выражаются? Постановка этого вопроса находила также опору в общих устремлениях советских фольклористов, столь характерных для них уже в начальный период формирования советской фольклористики, — отыскивать и раскрывать то жизненное начало, которое определяло живое звучание эпоса на протяжении столетий. Кроме того, в эти же годы был заострен вопрос о большой роли индивидуального момента, личного творчества отдельных исполнителей — сказителей, сказочников, певцов и т. д.

Если пересмотреть работы по фольклору, выпущенные в конце 30-х и в 40-е годы, издания самих произведений и исследовательские работы, то сразу бросится в глаза, что все они отмечены живым интересом к тому, что происходит в фольклоре в позднейшие периоды его жизни. То же наблюдается и в работах по эпосу. В комментариях к публикуемым текстам прослеживается, что внес тот или иной сказитель в исполняемые им произведения, в очерках о сказителях раскрывается отношение к исполняемому, осмысление ими содержания усвоенных и сохраняемых произведений. В исследовательских работах явно стремление отыскать и подчеркнуть все то, в чем, в какой бы то ни было форме, выразилось творческое начало.

Таковы сборники новых записей былин А. М. Астаховой,¹⁰⁶ В. Г. Базанова,¹⁰⁷ Г. Н. Париловой и А. Д. Соимонова,¹⁰⁸ А. М. Линевого,¹⁰⁹ Ю. М. Соколова и В. И. Чичерова.¹¹⁰ Ука-

¹⁰⁶ Былины Севера. Т. I. Мезень и Печора. Записи, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. Под ред. М. К. Азадовского. М.—Л., 1938; Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье. Подготовка текста и коммент. А. М. Астаховой. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951 (том был подготовлен еще в 1939 г.); Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. Подготовка текстов и примеч. А. М. Астаховой. Статьи А. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Гернгросса. Петрозаводск, 1948; Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Подготовка текстов, статьи и примеч. А. Астаховой и С. Шахматовой-Коплан. Предисл. М. Азадовского. Петрозаводск, 1948.

¹⁰⁷ Былины П. И. Рябинина-Андреева. Подготовка текстов, статья и примеч. В. Базанова. Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1940.

¹⁰⁸ Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примеч. Г. Н. Париловой и А. Д. Соимонова. Предисл. и ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941.

¹⁰⁹ Сказитель Ф. А. Копашков. Подготовка текстов, статья и коммент. А. М. Линевого. Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.

¹¹⁰ Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов, примеч. и словарь В. Чичерова. М., 1948 («Летописи» Гос. литер. музея, кн. 13).

занными особенностями отмечены и некоторые переиздания прежде опубликованных былинных записей.¹¹¹

Для вступительных статей к изданию материалов и для специальных исследований по эпосу характерны в эти годы попытки обобщить наблюдения над конкретными явлениями в области эпической традиции второй половины XIX и начала XX в. Обобщения эти освещали внутреннюю жизнь былины на протяжении последнего столетия, выявляя сущность творческих процессов в устной былинной традиции того периода, когда эпос стал исключительно достоянием непрофессиональных певцов — крестьян.¹¹²

Такое направление интересов фольклористов отодвинуло вопросы генезиса эпоса на второй план. Лишь в немногих работах второй половины 30-х и 40-х годов этим вопросам уделяется некоторое внимание. Это наблюдается в работах по былинам общего характера и в примечаниях к отдельным сюжетам, публикуемых в эти годы в былинных сборниках.¹¹³ Все эти работы показывают, что историческая концепция в отношении истоков былинного эпоса в целом прочно утвердилась в это время в советской фольклористике. Основой былины была признана историческая действительность. При этом сложение основного состава былинного эпоса относилось учеными по преимуществу к периоду раннего феодализма, хотя и допускалась возможность возникновения отдельных образов и сюжетных ситуаций еще в дофеодальный, догосударственный период, а некоторые былины относились и к более позднему времени — Московского государства.

По отношению к отдельным сюжетам принимались и повторялись то с большей категоричностью, то осторожнее и лишь предположительно некоторые из решений, полученных в исследованиях адептов исторической школы, обычно без коренного пересмотра этих решений.

¹¹¹ См., например: *Былины и исторические песни из южной Сибири*. Записи С. П. Гуляева. Ред., вступ. статья и коммент. М. К. Азадовского. Новосибирск, 1939.

¹¹² Итоги исследований в этом направлении освещены в главе VII, посвященной формам устной эпической традиции в XVIII—XX вв., историческому развитию и судьбам эпоса уже после завершения продуктивного периода его жизни.

¹¹³ См.: *Былины*. Сборник для учащихся средней школы. Сост. Ю. М. Соколов. Под ред. Б. М. Волина. Учпедгиз, М., 1937; Н. П. Андреев. *Былины*. Русский героический эпос. Л., 1938 («Библиотека поэта». Большая серия); Ю. М. Соколов. *Русский фольклор*. Учебник для высших учебных заведений. Учпедгиз, М., 1938 (раздел «Былины»); изд. 2, М., 1941; А. М. Астахова. 1) *Былины Севера*, т. I. М.—Л., 1938; т. II. М.—Л., 1951; 2) *Избранные былины*. Подготовка текста, статья и примеч. А. Астаховой. Петрозаводск, 1947 («Библиотека русского фольклора Карелии», под общей ред. А. Астаховой и В. Базанова); А. И. Никифоров. *Фольклор киевского периода*. В кн.: *История русской литературы*, т. I. М.—Л., 1941; А. Н. Робинсон. *Фольклор*. В кн.: *История культуры древней Руси*. Домонгольский период. М.—Л., 1951.

Но по вопросу о характере отношения былины к исторической действительности уже намечается известное расхождение.

Всецело примыкает к общей концепции возникновения былинного эпоса, как она вырисовывается в работах представителей исторической школы, — а также к их выводам о происхождении отдельных былин — А. И. Никифоров в своем обзоре фольклора Киевского периода. Перечисляя все источники содержания русских былин, он в первую очередь называет «первичный конкретный исторический факт — лицо или событие»: ¹¹⁴ эта конкретно-историческая основа получает свое художественное оформление при помощи народной обрядовой песни и сказки, а также книжно-литературных припоминаний и впечатлений от живописных изображений. ¹¹⁵ Здесь неясно, как рисуется исследователю этот процесс художественного оформления исторического материала, насколько значительны отступления от исторической действительности, от факта в самый момент его художественного преломления. По-видимому, А. И. Никифоров признает дошедшие до нас сюжеты, как и представители исторической школы, значительно отошедшими от своего первоначального содержания. «Древняя былина была конкретнее и содержательнее, как это признавал и В. Миллер», — говорит он. И он приводит слова Миллера из III тома его «Очерков»: «Исторический элемент естественно должен был в них быть гораздо значительнее, так как они по времени стояли ближе к эпохе Владимира». ¹¹⁶ Считая былинку «Дунай» (он ее называет «Добрыня-свят») воспроизводящей историю женитьбы князя Владимира на Рогнеде, княжне полоцкой, Никифоров видит следы первоначальной былины на данный сюжет в рассказе Ипатьевской летописи о женитьбе Владимира на Рогнеде. Он приводит даже фрагмент этого рассказа, разлагая его на стихи как свидетельство существования такой именно былины. ¹¹⁷ Переходя к другим былинным сюжетам, которые, по его мнению, должны быть отнесены к Киевскому периоду, Никифоров повторяет выводы Вс. Миллера, А. В. Маркова, А. И. Лященко о связях этих сюжетов с определенными историческими лицами и событиями. Подобные исторические приурочения находим и в других работах, указанных выше.

Из специальных исследований этого времени по проблеме генезиса известна лишь работа Н. В. Водовозова «Былина о борьбе русского народа с немецкими захватчиками». ¹¹⁸ В этой статье под явным воздействием исторической ситуации того времени (только что закончилась вторая мировая война) автор пытался

¹¹⁴ А. И. Никифоров, Фольклор Киевского периода, стр. 239.

¹¹⁵ Там же, стр. 242.

¹¹⁶ Там же, стр. 250.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ «Ученые записки Московского городского педагогического института», т. VII, М.—Л., 1946.

путем ряда натяжек и искусственных сближений обосновать новое историческое приурочение былины «Вольга и Микула» к событию Ледового побоища 1242 г., а былину «Наезд литовцев» истолковать как отражение разгрома русским народом ливонских рыцарей Ордена меченосцев.¹¹⁹

В те же годы, однако, мы видим уже стремление разобраться в самом характере историзма былин, обратившись к сопоставлению былин с историческими песнями. Первое, довольно еще робкое и не раскрытое до конца противопоставление этих двух видов русского исторического фольклора находим в книге 1935 г. «Эпическая поэзия».¹²⁰ В ней подчеркивается отличие их по самому существу творческого метода, по отношению к историческому материалу и по характеру его использования. Они в былине иные, чем в песне исторической: в последней «этот материал получает самодовлеющее значение как факт, подлежащий определенному творческому осмыслению и оценке».¹²¹ Какую же роль играл в былине исторический факт при ее возникновении — об этом в книге не говорится и лишь утверждается положение о коренной и органической переработке каких-то древнейших основ.¹²²

Задумывается над вопросом о характере использования исторического материала и Н. П. Андреев. По его словам, возможно, что былины использовали его «не непосредственно, а уже прошедшим сквозь преломляющую призму традиции и художественной обработки — в виде героических преданий и сказаний», при этом «историческая основа осложняется во многих случаях другими источниками, а в некоторых былинах она вообще отсутствует», и многие «строятся на устных традиционных материалах международного характера».¹²³

Со второй половины 40-х годов становятся постоянными, как уже отмечалось в главе I, указания на обобщенный характер былинных отражений исторической действительности, признанный специфическим отличием былинного жанра от исторической песни. Со всей же остротой проблема природы историзма рус-

¹¹⁹ Следуя всем приемам исторической школы, автор обыгрывает имя князя в варианте былины «Вольга и Микула», записанном им в 1939 г. в районе г. Онеги, — Волек Ярославович — и соотносит его с именем Александра Ярославовича Невского (Олександр, Олек—Волек), а «поддельные мостки» истолковывает как воспоминание о том ледяном «мосте» Чудского озера, который подломился под вражеским войском. Главных персонажей «Наезда литовцев» — «братьев Ливиков» — он соотносит с «братьями Марии» (так назывались рыцари ордена Меченосцев, которых в 1201 г. епископ Альберт вербовал для бандитских нападений на местных жителей).

¹²⁰ Русский фольклор. Эпическая поэзия. Общая ред. М. Азадовского. Статьи, ред. и примеч. А. Астаховой и Н. Андреева. Л., 1935 («Библиотека поэта». Малая серия).

¹²¹ Там же, стр. 246—247.

¹²² Там же, стр. 12.

¹²³ Н. П. Андреев. Былины, стр. 15.

ского былинного эпоса встала перед советскими учеными в связи с поставленной в 50-е годы задачей создания истории фольклора и его важнейших жанров. Проблема эта закономерно была затронута в первом томе коллективного труда «Русское народное поэтическое творчество», в статьях о былинном эпосе, написанных Д. С. Лихачевым, М. О. Скрипилем и В. П. Адриановой-Перетц.¹²⁴ Стремясь наметить ориентировочно процесс образования сюжетного состава эпоса по историческим этапам, авторы статей представляли исторические основы эпоса как отражение народного сознания, определенного самой исторической действительностью. Поэтому вместо поисков отдельных реалий и отыскивания соответствий им в исторических памятниках они основывались прежде всего на идейно-художественном содержании былинного эпоса, связывая его с историческим и общественно-бытовым содержанием той или иной эпохи.

Вместе с тем эти ученые не отрицают вовсе возможности сложения отдельных сюжетов на основе конкретных фактов истории. В числе таких сюжетов Д. С. Лихачев называет былинку о женьтибе князя Владимира (Дунай), основанную, по мнению Лихачева, — повторяющего в этом отношении выводы представителей исторической школы, — на факте сватовства князя Владимира к полоцкой княжне Рогнеде и насильственного ее увоза.¹²⁵ В основе некоторых былинных образов Д. С. Лихачев предполагает определенные исторические лица — князя Всеслава Полоцкого в образе богатыря Волха-Вольги,¹²⁶ упоминаемого в новгородских летописях под 1167 г., Сатка Сытинца в образе Садко.¹²⁷ М. О. Скрипиль в былевом эпосе XIII—XV вв. допускает «отзвуки конкретных фактов борьбы русских с татарами, например битвы на реке Калке, нашествия Батыя и пр.»,¹²⁸ а в былинке о Ставре Годиновиче — отголосок судьбы исторического Ставра, повгородского боярина, заточенного в 1118 г. Владимиром Мономахом.¹²⁹ Но связь сюжета с конкретными фактами трактуется названными учеными иначе, чем представителями исторической школы: историческое имя обрастает легендами, конкретный факт отражается в народном сознании и становится «поводом» для сложения песни лишь постольку, поскольку он не единичен, а типичен. Таким образом, уже при самом возникновении былины народное творчество «подымалось до широких обобщений, до выражения раздумий народа о происшедших исторических собы-

¹²⁴ Русское народное поэтическое творчество. Т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 178—205, 229—237, 256—282, 337—345, 416—430.

¹²⁵ Там же, стр. 190—195.

¹²⁶ Там же, стр. 200—202.

¹²⁷ Там же, стр. 230.

¹²⁸ Там же, стр. 262.

¹²⁹ Там же, стр. 274.

тиях, до определения линии поведения народа в связи с этими событиями. до глубокой оценки их». ¹³⁰

Решительный и последовательный отказ от принципиальных установок и построений исторической школы был сделан В. Я. Проппом в его капитальном труде «Русский героический эпос». ¹³¹ В основу его легло положение о том, что историзм былин заключается не в воспроизведении отдельных конкретных событий, а в выражении народных идеалов, обусловленных определенной исторической эпохой.

Во многих местах своей работы автор полемически заостряет свои положения против трактовок и методики исторической школы. «Народная поэзия, — пишет В. Я. Пропп, — не фактографическая хроника: дело здесь в общегосударственных и народных устремлениях и интересах, а не в изображении отдельных, частных событий. При всей исторической конкретности, при изумительной исторической точности эпоса мы все же тщетно будем искать в нем изображение отдельных исторических событий или исторических лиц». ¹³² О былинах, рисующих нашествие татар, В. Я. Пропп говорит: «Песня выражала не отдельные факты побед или поражений; в дни бедствий песня выражала несокрушимую волю народа к победе». ¹³³

Поэтому первым условием исторического изучения былин является, по мысли В. Я. Проппа, раскрытие идеи. «Народная идея всегда выражает идеалы эпохи, в которую эти идеи создавались и были действительны. Идея есть решающий критерий для отнесения песни к той или иной эпохе». ¹³⁴

В. Я. Пропп определяет и ту научную методику, которая должна привести к решению поставленной основной задачи — раскрытию народного замысла. Это — самое тщательное прочтение и сличение всех вариантов былин на тот или иной сюжет — не для установления «архетипа» или «основной редакции», районных и индивидуальных отличий, а для получения «полной картины сюжета», так как народный замысел раскрывается «во всей совокупности его проявлений», по отношению к которой «каждая отдельная запись — частный случай осуществления этого замысла». ¹³⁵ В. Я. Пропп ясно представляет основную трудность на пути такого изучения, заключающуюся в том, что каждая былина носит на себе печать пройденных столетий. Поэтому-то, «если изучать былинку по ее отдельным слагам, то может получиться произвольное количество решений, так как от-

¹³⁰ Там же, стр. 264.

¹³¹ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. 2, испр. М., 1958 (впервые издано: Л., 1955).

¹³² Там же, стр. 287.

¹³³ Там же, стр. 288.

¹³⁴ Там же, стр. 25.

¹³⁵ Там же, стр. 23.

дельные слагаемые могут относиться к разным эпохам». Но если изучать былину по ее замыслу, по идее, «то окажется, что былина всегда выражает вековые идеалы и стремления народа, относящиеся не к одному столетию, а к эпохам... и к этим эпохам былины могут быть отнесены с некоторой степенью уверенности и достоверности».¹³⁶

Исходя из этих методологических и методических предпосылок, следуя по намеченному пути изучения, В. Я. Пропп выделяет группу сюжетов, относящихся к эпохе развития феодальных отношений; затем сюжеты, возникшие в эпоху борьбы русского народа с татаро-монгольским нашествием; и, наконец, былины эпохи образования централизованного русского государства.

Полемическая настроенность автора побуждает его, однако, при правильном и плодотворном общем направлении исследования, чрезмерно отгораживаться от тщательных разысканий в области исторической действительности, пренебрегать историческими реалиями. «Мы не будем заново сравнивать летопись с былиной, — говорит В. А. Пропп, — это различные произведения; былина не восходит к летописи, не может быть рассмотрена как искажение ее».¹³⁷ Но дело ведь не в том, чтобы возводить былину к летописи, а в том, чтобы изучать историческую действительность, отраженную в летописи, что может помочь глубже вскрыть в былине ее исторические основы как раз в том широком плане, в котором ведется исследование самим В. Я. Проппом, и правильнее соотнести сюжет или цикл сюжетов с определенной эпохой. И не в том дело, чтобы констатировать искажение былиной определенных исторических фактов, а в том, чтобы понять специфику художественного преломления былинной истории.

Такое отгораживание от дополнительного изучения истории привело В. Я. Проппа к отдельным ошибочным суждениям в области периодизации эпоса. Так, былину о Вольге и Микуле он относит к эпохе образования централизованного русского государства, т. е. к XV—XVI вв., на том основании, что эта былина якобы «могла сложиться только тогда, когда классовые противоречия настолько обострились, что крестьянство уже начало сознавать себя и свое значение и противопоставлять себя другим классам».¹³⁸ Но, как показал Д. С. Лихачев, выделение в качестве героев лиц мирного труда в народно-поэтическом творчестве наблюдается уже в раннефеодальный период (летописное предание о кожемяке). В середине XI и начале XII в. известны народные восстания, которые могли вызвать возникновение в былинах острых социальных мотивов. Б. А. Рыбаков обращает наше внимание и на такой важный исторический процесс последней

¹³⁶ Там же, стр. 26—27.

¹³⁷ Там же, стр. 304.

¹³⁸ Там же, стр. 374.

четверти X в., как расслоение деревни, выделение устойчивых индивидуальных хозяйств, изменение в феодальной вотчине состава княжеской дружины — «наемники-варяги все больше вытеснялись коренными русскими людьми». «Вот этот-то важный процесс, имевший общенародное значение, и отражен созданием образа Микулы Селяниновича, оратая, успешно ведущего свое хозяйство, умевшего постоять за себя».¹³⁹ Здесь Б. А. Рыбаков указывает на ту историческую обстановку в широком плане, учет которой помогает вместе с другими историческими данными более правильно временному приурочению сюжета.

Неубедительны и некоторые другие датировки былин В. Я. Проппом. То же недостаточное внимание к конкретным историческим данным побуждает его былины о Василии Буслаевиче отнести к более поздней эпохе — опять-таки в силу убеждения, что былины, отразившие особенно ярко и сильно социальные конфликты, могли сложиться только в эпоху образования централизованного русского государства. Былины о Садко он опускает, наоборот, в более древнюю эпоху и относит к сюжетам о сватовстве, возникшим в своей основе еще в догосударственный период. Между прочим, в первом случае исследователь вступает в противоречие с самим с собой, обращая внимание на отдельные «слагаемые»: некоторые места датируются еще XIV в. Это стихи о Буслае и его отношении к Пскову.¹⁴⁰ Как же былина, возникшая, по мысли автора, не ранее XV в., включила в себя стихи, идущие от XIV в.? Во втором случае, хотя автор и уделяет значительное внимание новгородскому историческому колориту былины, древнейшим стержнем песни считает эпизод «сватовства», который «позднее был видоизменен и оброс подробностями, подчерпнутыми из исторической жизни древнего Новгорода», что и дает, по словам исследователя, «право отнести былину о Садко к песням о сватовстве».¹⁴¹ В связи с тем, что в центр содержания былины ставится эпизод сватовства, идея былины определяется как «победа в сознании народа (Садко) реального мира над миром мифическим».¹⁴²

К основным теоретическим положениям В. Я. Проппа о характере и природе историзма былинного эпоса всецело присоединяется Б. Н. Путилов. В своей монографии, посвященной историческому песенному фольклору XII—XVI вв.,¹⁴³ он уделяет несколько страниц вопросу об историзме эпоса как самой ранней

¹³⁹ «История СССР», 1961, № 5, стр. 151.

¹⁴⁰ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 445—446.

¹⁴¹ Там же, стр. 87.

¹⁴² Там же, стр. 109. — См. еще рецензии Е. М. Мелетинского на книгу В. Я. Проппа («Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1956, т. XV, вып. 2, стр. 178—182) и П. Д. Ухова («Советская этнография», 1956, № 2, стр. 147—150).

¹⁴³ Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XII—XVI веков. М.—Л., 1960.

формы исторического песенного фольклора, чтобы определить и оттенить характер историзма более поздней формы — исторических песен. Он тоже признает совершенно несостоятельной концепцию исторической школы, считавшей эстетику эпоса результатом поздних искажений и изменений, которые якобы происходили «в некоем действительно историческом эпосе».¹⁴⁴ Былинные сюжеты, по убеждению Б. Н. Путилова, — результаты художественного вымысла, в основе которого, однако, «всегда лежит историческая действительность, но не в виде каких-то конкретных событий и фактов», а как обобщение исторического опыта народа в определенную эпоху, причем в этом обобщении «на первом плане — исторические идеалы народа».¹⁴⁵

Поэтому нельзя хронологически приурочивать действия, изображенные в былинах, можно лишь определять, к какой исторической эпохе относится тот или иной сюжет. Отношение былины к конкретным фактам выражается, по мнению Б. Н. Путилова, в следующем: «... в эпос могли попадать отдельные факты, могли закрепляться в нем отдельные исторические имена и названия. Но все это, попадая в эпос, полностью подчинялось его эстетике и его принципам историзма, теряло свой конкретно-исторический характер. В этом смысле эпос никаких отдельных исторических событий не отражает, и герои его ни к каким историческим прототипам не восходят».¹⁴⁶

Отсутствие в былинах конкретного отражения исторической действительности подчеркивает и Л. И. Емельянов, сопоставляя историзм былин и исторических песен.¹⁴⁷ Мы видели уже, что Емельянов пытался объяснить это явление тем, что в эпоху, когда формировался русский эпос, действительность еще не выдвигала задач, «отражение которых в поэзии нуждалось бы в конкретных формах», а также не создавала условий, «при которых конкретность отражения стала бы возможной».¹⁴⁸

В 1961—1963 гг. вышла в свет работа акад. Б. А. Рыбакова, в которой он попытался заново поставить и осветить вопрос об исторических основах эпоса.¹⁴⁹

Во вводной части своего исследования Б. А. Рыбаков указывает на известную ограниченность понимания исторической шко-

¹⁴⁴ Там же, стр. 22.

¹⁴⁵ Там же, стр. 23.

¹⁴⁶ Там же, стр. 25—26.

¹⁴⁷ Л. И. Емельянов. Некоторые вопросы генезиса исторической песни. Историко-литературный сборник. Ред. колл.: В. Г. Базанов, В. Е. Гусев, В. А. Ковалев, М.—Л., 1957.

¹⁴⁸ См. главу I, стр. 14—15.

¹⁴⁹ В 1961 г. изданы были под заглавием «Исторический взгляд на русские былины» отдельные части его исследования вместе с вводной частью («История СССР», №№ 5 и 6). Все исследование полностью опубликовано в книге: Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. Изд. АН СССР, М., 1963.

дой сближения былины с историей. В своем стремлении к раскрытию конкретно-исторического содержания былин ученые, принадлежавшие к этому направлению, в основном лишь комментировали отдельные былины при помощи сопоставлений с летописью, не дав настоящего исторического анализа былинного эпоса, не выделив периодов подъема и спада эпического творчества. «Вместо изучения этапов развития эпоса исследователи предпочитали делить былины по географическому признаку, реконструируя областные циклы, преувеличивая роль Новгорода и Галича в их создании. Все неясное и необъяснимое прямыми ссылками на летопись относилось представителями исторической школы к XVI в., роль которого в формировании сюжетов, образов и эпической среды также крайне преувеличивалась».¹⁵⁰

В современной советской науке Б. А. Рыбаков видит «два разных направления в изучении былинного эпоса». Они объединены одной общей чертой — отрицанием тезиса об аристократическом происхождении былин, предложенного исторической школой. Но каждое из направлений «по-своему понимает исторический подход к былинам».¹⁵¹ Одно из этих направлений, возглавляемое Д. С. Лихачевым, может быть названо «советской исторической школой». Оно (следуя тезису Б. Д. Грекова: «Былина — это история, рассказанная самим народом») «заботится о сохранении исторического подхода к эпосу».¹⁵² Представители другого направления, наоборот, опровергают связь былины с единичными событиями, утверждая, что «былина основана не на передаче в стихах исторического факта, а на художественном вымысле». Направление это, особенно отчетливо выразившееся в книге В. Я. Проппа, Б. А. Рыбаков определяет как «антиисторическое».¹⁵³ Он говорит: «... общего представления о той исторической эпохе, которая породила былины и воспета в них, в работе В. Я. Проппа не дано, как не даны и основные причины создания былин и отбора для передачи потомству именно тех сюжетов, которые дошли до нас, потомков... Мы не найдем... ни одного слова о печенегах, о созданных Владимиром городах-заставах

¹⁵⁰ «История СССР», 1961, № 5, стр. 143; Древняя Русь, стр. 41.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² «История СССР», 1961, № 5, стр. 144; Древняя Русь, стр. 42.

¹⁵³ Примечание этого термина, хотя и в условном порядке, неосновательно. Признание былинных сюжетов художественным вымыслом не есть еще выражение антиисторического подхода к эпосу. Выше приведена точка зрения одного из самых ранних и ярких представителей исторического направления в изучении эпоса, Л. Н. Майкова, который тоже считал содержание былин Владимирового цикла вымышленным (см. стр. 38). Важно понимание этого вымысла как исторически обусловленного, и это в работе В. Я. Проппа присутствует. Однако в своих требованиях более ословательного учета всей конкретной исторической обстановки, в атмосфере которой создавались русские былины (чем это имеется в труде В. Я. Проппа), Б. А. Рыбаков несомненно прав.

богатырских на Суле, Десне и Стугне; мельком, стыдливо здесь говорится о половцах и Тугоркане. Только татары Батыя рассматриваются как реальные враги Руси». Б. А. Рыбаков укоряет В. Я. Проппа в том, что он дает неверную периодизацию, преувеличивая, с одной стороны, долю первобытной идеологии в былинах, а с другой — размер переработок XVI—XVII вв., незаслуженно обедняя тем самым «основную былинную эпоху — Киевскую Русь».¹⁵⁴

Переходя к положительной части своей работы, Б. А. Рыбаков выдвигает следующее требование, обязательное при изучении эпоса: «К русскому былинному эпосу нужно подойти широко, с полным охватом всего исторического материала, заново проверяя и расширяя исторические сопоставления, сделанные сто лет тому назад».¹⁵⁵ Первоочередной задачей исторического изучения былин ему представляется «составление хронологической шкалы былинных сюжетов, исходя из допущения, что былины слагались по поводу реальных событий и реальных лиц», а такая работа «требует специальных исследований по каждому сюжету, каждому имени».¹⁵⁶ Рыбаков утверждает, что для расшифровки хронологии былинных сюжетов можно располагать сейчас «тремя десятками исторических лиц X — XII вв., которые кроме былин упоминаются и письменными источниками. Это — три десятка точных хронологических ориентиров, позволяющих привести в систему почти все основные былинные сюжеты».¹⁵⁷

В соответствии с этими принципиальными установками Б. А. Рыбаков и произвел работу по хронологизации былин, сопоставив имена действующих лиц, географических названий и содержание отдельных эпизодов в каждом сюжете с историческими данными, отраженными в летописи и других исторических источниках.

В результате Рыбакову, по его словам, удалось датировать первичные основы «значительного большинства былин».¹⁵⁸

Итоги исследования акад. Рыбакова показывают, что датировка былин проведена им в чрезвычайно узких хронологических рамках. Так, первый крупный цикл героических былин, среди которых Рыбаков называет былины об Иване Годиновиче и Потыке, он относит к 980—990 гг., к поре «сильной агрессии печенегов», второй цикл — к нашествию половцев в 1068 г. (быльмы о Калине-царе, Кудреванке, Скурле и т. п.) и т. д. В общем почти все основные героические былины Рыбаков относит к раннефеодальному времени, а эпоху феодальной раздробленности считает уже временем угасания былинного творчества, — причем,

¹⁵⁴ «История СССР», 1961, № 5, стр. 144—145; Древняя Русь, стр. 42—43.

¹⁵⁵ «История СССР», 1961, № 5, стр. 146; Древняя Русь, стр. 43.

¹⁵⁶ «История СССР», 1961, № 5, стр. 146.

¹⁵⁷ Древняя Русь, стр. 43.

¹⁵⁸ «История СССР», 1961, № 6, стр. 88.

однако, созданные циклы бережно сохранялись. Некоторые из них пережили в XVI—XVII вв. как бы «вторую жизнь» — содержание сложных ранее былин стало соотноситься с новой исторической обстановкой (таковы, например, былины о выступлениях богатыря против князя).

Таким образом, Б. А. Рыбаков возвращается к методике «исторической школы», основанной на представлении, что в основе каждой былины лежит отражение определенного конкретного исторического факта и что прототипами главных действующих лиц былины обязательно являлись реальные лица.¹⁵⁹ Проведенный им анализ былин обнаруживает и методологические предпосылки исторической школы, и применяемые ее представителями методические приемы исследования.

Так, в анализе былины о Вольге и Микуле припоминаются все известные в период раннего феодализма князья, носившие имя Олег, с которыми можно было бы соотнести имя князя былины — Вольга. Все эти Олеги отбрасываются, за исключением князя Олега Святославовича (сводного брата Владимира Святославовича Киевского), так как он с юных лет был связан с Древлянской землей, названия же в былине городов — Гурчевец, Ореховец, Крестьяновец (с которых Вольга едет собирать дани) и Туринск (куда он возвращается) — соотнесены Рыбаковым с древними городами именно Древлянской земли: Вручий (Овруч), Олевск, Искоростень (Коростень) и удельный город Туров.¹⁶⁰

Далее Б. А. Рыбаков ищет в исторических памятниках сообщений о таких эпизодах жизни Олега, которые могли бы быть соотнесены с содержанием былины о Вольге и Микуле в различных ее вариантах. Один из этих эпизодов — убийство на охоте Люта, сына воеводы варяга Свеналда, — отражен, по его мнению, в одном варианте второй половины XIX в. с Повенецкого побережья:¹⁶¹ Олег здесь якобы изображен под видом сокола, побеждающего черного ворона Сантала (т. е. Свеналда).¹⁶² Другой эпизод — гибель Олега под городом Вручий, когда его, побежденного в бою князем Ярополком, столкнули с моста в ров (по другой летописной записи, мост обломался под ним). Этот эпизод соотносится акад. Рыбаковым с конечным былинным эпи-

¹⁵⁹ Отличает Б. А. Рыбакова от представителей исторической школы конца XIX и начала XX в. только признание им народных основ былин с героическим содержанием, тогда как в недрах исторической школы вызрела, как известно, идея аристократического происхождения всего состава былинного эпоса. Впрочем, и Рыбаков видит в составе эпоса известное число «боярских новелл», подражающих по форме народным эпическим песням — былинам («История СССР, 1961, № 6, стр. 96»).

¹⁶⁰ «История СССР», 1961, № 5, стр. 147—148; Древняя Русь, стр. 52—54.

¹⁶¹ Опежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4. Т. I. М.—Л., 1949, № 15.

¹⁶² «История СССР», 1961, № 5, стр. 148—149; Древняя Русь, стр. 55.

зодом гибели «силушки» Вольги на подломившихся «поддельных мостках».¹⁶³

Подобным образом Б. А. Рыбаков исследует и другие былинные сюжеты: сближает былинные имена и названия с летописными, причем часто чрезвычайно произвольно или основываясь на случайных совпадениях;¹⁶⁴ ищет соответствий в содержании былин с летописными фактами. При этом порой он идет от летописи к былинам, т. е. разыскивает в последних эпизоды, похожие на те, которые описаны в летописи, совершая не раз явные натяжки, притягивая, например, к таким сближениям детали, являющиеся общеэпическими местами, или превратно толкуя былинный рассказ.

Несостоятельность произведенных сопоставлений содержания былин и их «реалий» — имен и названий — с данными исторических памятников, произвольность этих сопоставлений, допущенные натяжки и фактические ошибки хорошо показаны в рецензиях В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова¹⁶⁵ и в ряде выступлений на состоявшейся в апреле 1964 г. в Москве конференции по вопросу об историзме русского фольклора.¹⁶⁶

Следует также отметить, что указанными сближениями заклоняется порой идейно-художественный смысл, основная идея былины. Так, в центральной части былины «Вольга и Микула» — встреча князя Вольги с пахарем Микулой и приглашение последнего на службу к князю — Рыбаков считает возможным видеть отражение набора войска в условиях начала войны Ярополка с Олегом, когда в условиях нараставшей опасности «княжеская дружина могла наполняться выходцами из народа», тем более что в это время, в последнюю четверть X в., «менялся состав княжеской дружины — наемники варяги все больше вытеснялись коренными русскими людьми».¹⁶⁷ Но в основе центральной части былины не эпизод приглашения Микулы в дружину князя, а эпизоды с сошкой и с обгоном коня Вольги кобылкой Микулы, умаляющие князя и рисующие торжество па-

¹⁶³ «История СССР», 1961, № 5, стр. 149—150; Древняя Русь, стр. 55—56.

¹⁶⁴ См. выше сближения имен былинного Сантала и воеводы Свеналда, названий городов Ореховец и Олевск и др. См. также толкование прозвища насильника Идолица поганого (в былине «Илья Муромец и Идолище») как искажение имени Итларя через форму «Итларище Поганый» (Древняя Русь, стр. 110), имен былинных врагов Кудреванки и Скурлы как искажения имен хана Шарукана и его брата Сугры (там же, стр. 90) и др.

¹⁶⁵ В. Пропп. Об историзме русского эпоса (ответ академику Б. А. Рыбакову). «Русская литература», 1962, № 2; Б. Путилов. Концепция, с которой нельзя согласиться. «Вопросы литературы», 1962, № 11. См. также его статью: «Об историзме русских былин». «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. X, 1965.

¹⁶⁶ См. стенограмму конференции.

¹⁶⁷ «История СССР», 1961, № 5, стр. 150—151; Древняя Русь, стр. 57.

харя над ним. В них Рыбаков видит лишь «элемент некоторой проники по отношению к князю и его дружине», который он считает позднейшим привнесением — уже в XII в., когда при Владимире Мономахе имя Олега Святославича вызывало иные ассоциации (смешивалось с именем Олега «Гориславича»). Позднее же, в XVI—XVII вв., «этот пронический элемент», по его мнению, «мог еще усилиться». Возникновение же сюжета в его первоначальном виде Рыбаков датирует 975—977 гг. Так он избегает необходимости объяснить исторически ведущий конфликт былины, относя его к позднейшим наслоениям.

Как же Б. А. Рыбакову представляется в свете его концепции происхождение той художественной специфики былины, какую мы знаем по записям XVII—XX вв.? Автор нигде об этом специально не говорит. Но его руководящие предпосылки — былины слагались по поводу реальных событий и реальных лиц, — а также произведенный им анализ отдельных былин неизбежно приводят к представлению, что каждая былина при своем возникновении была своего рода «исторической песней», основа которой — отражение конкретного факта — в дальнейшем, в процессе распространения песни в устной традиции, подвергалась постепенному стиранию. Сохранялись лишь некоторые исторические имена и названия, одновременно забывались и переиhrивались другие, искажались и сами события, запечатленные песней, — и былины приобретали известный нам художественный облик. Характерна в этом плане и терминология, употребляемая для обозначения только что сложенных эпических песен, — «первичные былины», «первооснова былины». Так в фундаментальном труде акад. Б. А. Рыбакова возродилась концепция исторической школы возникновения и развития былинного эпоса.

На тех же принципиальных позициях стоит и М. М. Плисецкий в своей докторской диссертации,¹⁶⁸ на основе которой он выпустил книгу, посвященную вопросу об историзме русского былинного эпоса.¹⁶⁹

М. М. Плисецкий, как и акад. Рыбаков, считает неисторическим такое изучение былин, которое отрицает воспроизведение ими конкретных исторических событий и тесную связь с деятельностью определенных исторических лиц. Во многих местах своей работы Плисецкий подчеркивает, что народ стремился правдиво отражать именно конкретные события и факты, что былины возникали «с целью фиксации исторических событий» и что это происходило «немедленно или в скором времени после совершив-

¹⁶⁸ М. М. Плисецкий. 1) Русско-украинские взаимосвязи в области героического эпоса феодальной эпохи (исследование по истории эпоса восточнославянских народов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ужгород, 1962; 2) Взаимосвязи русского и украинского героического эпоса. М., 1963.

¹⁶⁹ М. М. Плисецкий. Историзм русских былин. М., 1962.

шихся событий, прежде всего — в среде участников этих событий». ¹⁷⁰ С его точки зрения, совершенно неосновательно противопоставлять исторические песни былинам в такой степени, чтобы «вообще отказывать последним в органической связи с конкретными событиями и личностями и не видеть в богатых отражения действительных исторических лиц». ¹⁷¹ По этому вопросу он полемизирует с В. Я. Проппом, Б. Н. Путиловым, Л. С. Шенгаевым, М. О. Скрипилем, И. П. Цапенко. ¹⁷² Он укоряет исследователей в том, что они подчас «доходили до полного отрицания правильного отражения действительности былинами даже в период их возникновения». ¹⁷³ М. М. Плисецкий, таким образом, полностью смыкается с концепцией исторической школы, согласно которой не было, по существу, принципиальной разницы между исторической песней и былиной в момент ее возникновения. В последней Плисецкий видит только меньшую степень индивидуализации при ограниченности обобщений. ¹⁷⁴

В главе 9-й своей книги «Былевой эпос как отражение событий Киевской Руси» автор пересматривает решения, к которым пришли представители исторической школы, о связи сюжетов, относимых к Киевской Руси, с определенными событиями. Одни из этих решений он отвергает, другие (большинство) принимает, высказывает и некоторые свои предположения о возникновении былин — также в плане концепции исторической школы, — прибавляя таким образом к целому ряду сомнительных гипотез еще новые, столь же сомнительные. Подобно акад. Рыбакову, он стремится как можно точнее датировать ту или иную былинку, связав ее с реальным событием и определенными историческими лицами.

Итак, по вопросу о характере историзма русского былинного эпоса имеются в настоящее время два резко противостоящих друг другу направления. Для автора данной книги совершенно очевидно, что в раскрытии исторических основ русского былинного эпоса единственно плодотворный путь — исходить из уяснения художественного замысла былин и отраженных в них народных идеалов, а также характера сюжетных ситуаций и образов действующих лиц. Все это должно быть соотнесено с исторической реальностью в широком плане, т. е. с особенностями исторической обстановки, быта, общественных отношений и т. п. — со всем тем, что определяет народное сознание на разных ступенях его развития и отражается в художественном творчестве.

¹⁷⁰ М. М. Плисецкий. Русско-украинские взаимосвязи..., стр. 13, 19, 24, 33 и др.; Историзм русских былин, стр. 109, 129, 141, 153, 218 и др.

¹⁷¹ М. М. Плисецкий. Историзм русских былин, стр. 104.

¹⁷² Там же, стр. 107—112.

¹⁷³ Там же, стр. 112.

¹⁷⁴ Там же, стр. 153.

При скрупулезном же отыскивании совпадений былинных изображений с конкретными историческими фактами и былинных имен и названий с летописными с обязательной целью возвести тот или иной сюжет к определенному историческому событию получаются чрезвычайно шаткие, зыбкие построения, легко рассыпающиеся при критической проверке произведенных сближений.

Это не значит, однако, что следует зачеркнуть все, что сделано многолетними усилиями большого отряда ученых, следовавших методологическим установкам и научной методике исторической школы. Их работы содержат большой и ценный материал, относящийся к политической истории, общественно-экономической жизни, историческому быту. Следует внимательно присмотреться ко всем указанным ими конкретным историческим отголоскам. В одной из своих последних работ Б. Н. Путилов, снова вернувшись к проблеме историзма русского эпоса, правильно говорит, что «в настоящее время одна из очередных задач науки состоит в том, чтобы критически учесть и систематизировать накопившийся материал по конкретно-историческим отголоскам в эпосе, дать оценку той значительной массе наблюдений, сопоставлений исторического характера, которая собрана учеными».¹⁷⁵

В порядке предварительных соображений Б. Н. Путилов дифференцирует этот материал с точки зрения его научной ценности. Он приводит примеры мнимых или случайных совпадений, указывая вместе с тем наличие таких соответствий, которые, по его словам, «составляют пока еще научную проблему, требующую дальнейшего изучения».¹⁷⁶ Наконец, имеется и группа бесспорно реальных соответствий, и задача заключается в том, чтобы понять природу этих соответствий, то, чем они вызваны, соотношение конкретно-исторических отголосков в эпосе с художественным его содержанием, с его образами, замыслом отдельных былин, роль их во всей системе эпического повествования.

В свете результатов, которые при этом будут получены, можно будет лучше понять жанровое своеобразие былины, столь отличающее ее от исторической песни, и уяснить в какой-то мере самый процесс рождения и развития данного жанра.

В последние годы наблюдаются поиски еще новых, дополнительных способов определения точных хронологических границ возникновения русского богатырского эпоса. Р. Липец и М. Рабинович изучают вооружение и некоторые обычаи, связанные с воинским бытом древней Руси, и прослеживают отражение этих реалий в былинах, устанавливая таким образом нижнюю гра-

¹⁷⁵ Б. Н. Путилов. Об историзме русских былин.

¹⁷⁶ Там же.

ницу, раньше которой былины в том виде, в каком мы их знаем, не могли возникнуть.¹⁷⁷ Ф. М. Селиванов предлагает использовать в тех же целях традиционные устойчивые формулы путем определения тех исторических условий, которые породили данные формулы.¹⁷⁸

Исходя из своего понимания историзма былины, представители каждого из указанных основных направлений исторического изучения русского эпоса не только решали вопросы происхождения отдельных былинных сюжетов, но и пытались наметить историю возникновения всего основного фонда былинного эпоса, проследить постепенный рост его состава.

Итогом и обобщением исследований дореволюционных ученых, изучавших эпос с позиций исторической школы, был «Очерк истории русского былинного эпоса» Вс. Ф. Миллера, опубликованный уже после его смерти.¹⁷⁹ Очерк остался неоконченным. В нем прослежена на широком бытовом и экономическом фоне история эпоса только от XI—по XIV в. Представление о задуманном Миллером дальнейшем построении очерка можно до некоторой степени получить из других статей II и III томов Очерков.

В напечатанной части Вс. Миллер пересматривает выводы других ученых, касавшихся вопроса происхождения отдельных былин, то соглашаясь с этими выводами, то отвергая, и широко использует свои собственные работы. Основные положения его сводятся к следующему.

Из раннего периода нашей истории, до Владимиров, дошли до нас только следы историко-поэтических преданий, отраженные в древней летописи. В эпосе отголоски этих сказаний «едва ли можно надеяться найти».¹⁸⁰ К XI в., «периоду сложившегося русского национального сознания, о котором свидетельствует летопись и другие письменные памятники, относится создание Владимирова цикла героических сказаний, первообраза позднейших былин».¹⁸¹

Характерно для Миллера как главы исторической школы постоянное употребление этого термина — «первообраз», «прототип». Он говорит о том, что мы «не можем составить себе точного представления о содержании исторических, эпических песен XI в.», но можем предположить, что «исторический фактиче-

¹⁷⁷ Р. Липец, М. Рабинович. К вопросу о времени сложения былин. (Вооружение богатырей). «Советская этнография», 1960, № 4.

¹⁷⁸ Ф. М. Селиванов. Традиционные формулы русского эпоса (к вопросу о его исторической основе). Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1964.

¹⁷⁹ Вс. Миллер. Очерки... III

¹⁸⁰ Там же, стр. 18.

¹⁸¹ Там же, стр. 26.

ский элемент был в них ярче, чем в современных былинах», хотя уже и при создании их исторические факты перерабатывались под влиянием фантазии, как в поздних исторических песнях, например о Грозном или о Петре Великом.¹⁸²

Конкретно Вс. Миллер относит к таким прототипам позднейших былин оба сюжета, прикрепленных к Добрыне (змеборство и сватовство невесты для князя Владимира) и былинное изображение пиров Владимира. Кроме того, «остов» древней былины, впрочем не сохранившейся в устной традиции, он видит в переяславском предании о местном силаче, победившем великана-печенежина.¹⁸³

В XII в., по мнению Вс. Миллера, возникали первообразы былин «половецкого» периода — о Козарине, Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче, о богатыре-малолетке, Иване Даниловиче, а также былины, связанные с преданиями о Владимире Мономахе, — о Ставре и об Иване Гостином. К этому же периоду (XII в.) Миллер относит также прототипы былин, основанных на галицко-волинских сказаниях (былины о Дюке, Чуриле, Михайле Потыке, Дунае), и новгородские былины, не включенные во Владимиров цикл, — о Садко, Василии Буслаеве, и былинку о князе Глебе Володьевиче, тоже относимую им к Новгороду.

К древнейшему периоду (XI—XII вв.) Миллер относит и прототипы былин о Волхе-Вольге; подробно, однако, на них не останавливается ввиду неясности эпической истории Вольги, но полагает, что основная былина о нем (Вольга и Микула) сложена на севере, «в древней Новгородской территории».¹⁸⁴

Глава II Очерка, посвященная истории эпоса в XIII—XIV вв., осталась в научном наследии Вс. Ф. Миллера недостаточно полно разработанной и содержит некоторые неясности. Со всей определенностью выдвинуты лишь следующие положения.

XIII и XIV вв. «представляют картину захудания, понижения уровня культуры, достигнутого в так называемом Киевском периоде». Политическое дробление вело «к измельчению политического сознания, к охлаждению земского чувства». Для создания боевых, богатырских сказаний, очевидно, XIII—XIV века «не представляли благоприятных условий в тех областях России, в которых шел исторический процесс, подготовивший Московское государство».¹⁸⁵ Поэтому от XIII, XIV и даже XV в. «сохранились лишь имена татарских царей, и только детальный анализ литературной истории той или другой былины может открыть в ней исторические отголоски первого появления татар, завоевания Руси и тяжелых времен ордынского ига».¹⁸⁶

¹⁸² Там же, стр. 29.

¹⁸³ Там же, стр. 20.

¹⁸⁴ Там же, стр. 56—57.

¹⁸⁵ Там же, стр. 64—78.

¹⁸⁶ Там же, стр. 68.

Былинные отголоски этих событий Вс. Миллер усматривает в былинах о царе Калине, о Камском побоище и о гибели русских богатырей, а также в начальной картине былины о Батыге и Василии Игнатьеве (туры под Киевом). В Суздальский период истории эпоса намечается, по словам Миллера, процесс возвышения в былинах образа Ильи Муромца и соответственно этому умаление роли Алеши Поповича и Добрыни. Но какие былины об Илье Муромце можно отнести именно к этому периоду, Вс. Миллер не говорит. Также неясным остается решение вопроса, поставленного самим Миллером: был ли Илья Муромец искони прикреплен к Суздальщине и внесен в Киевский цикл лишь впоследствии, или древнейшее сказание о нем восходит к южнорусскому эпосу и Илья входил еще в древнейший Владимиров цикл.

Новейшей попыткой представить с тех же научных позиций (и пользуясь той же научной методикой) картину развития сюжетного состава русского былинного эпоса явилась работа Б. А. Рыбакова. Выше уже была отмечена исключительно детальная хронологизация «первичных» былин.¹⁸⁷ Большинство былин Владимирова цикла, например, отнесены им к трем последним десятилетиям X в.¹⁸⁸ Серединой XI в. следует, по его мнению, датировать былины о Соловье Будимировиче, Глебе Володьевиче и все былины воинского характера об отраженном нашествии (по концепции автора — половецком нашествии), включающие социальные мотивы (ссора богатырей с князем, бунт против него).¹⁸⁹ Далее следуют былины рубежа XI и XII вв. — эпохи Владимира Мономаха, — такие, как «Алеша Попович и Тугарин», «Илья Муромец и Идолище», былины о Даниле Игнатьевиче и Михаиле Даниловиче. К этому же примерно времени отнесены былины-новеллы о Ставре, Иване Гостином; к середине XII в. — песни о Дюке и Чуриле.¹⁹⁰

Такая детализированная хронология отличает построение Рыбакова и от более осторожных приурочений Вс. Миллера, и от распределения былин по крупным историческим периодам в I томе очерков «Русское народное поэтическое творчество».

Середину XII и XIII в. Б. А. Рыбаков рассматривает как время угасания былинного жанра. К этому периоду Б. А. Рыбаков относит былины о Сухане и о Сауре Леванидовиче, а также былинку о Калине, которую он связывает с событием 1239 г. — когда татары появились близ Киева, но ушли от него без боя. Наличие же значительного слоя былин, связанных с татарским нашествием, Б. А. Рыбаков отвергает.¹⁹¹

¹⁸⁷ См. стр. 72.

¹⁸⁸ Б. А. Рыбаков, Древняя Русь, стр. 77.

¹⁸⁹ Там же, стр. 78—98.

¹⁹⁰ Там же, стр. 125—138.

¹⁹¹ Там же, стр. 153—154.

Периодизация русского былинного эпоса дана, как мы видели, в труде В. Я. Проппа «Русский героический эпос». В соответствии со своим пониманием историзма былин В. Я. Пропп распределяет былинные сюжеты по большим историческим эпохам.¹⁹²

Опыт исторической периодизации былинного эпоса произвел в своей книжке для учителя В. П. Аникин.¹⁹³ Исходя из положения о том, что продуктивный период эпоса закончен был уже в конце XIV в.¹⁹⁴ и со второй половины XIV в. началась жизнь былины уже как поэтического наследства,¹⁹⁵ он намечает три основных периода в развитии эпоса с начала его возникновения по XIV в.: мифологический (с IV до IX в. н. э.), киевский (с IX до середины XII в.) и владими́ро-суздальский (с середины XII до второй половины XIV в.). По этим периодам он и распределяет весь основной состав русского эпоса.¹⁹⁶

В результате всех этих опытов в прикреплении отдельных сюжетов или целых групп произведений к определенным историческим периодам и датам оказалось очень много разногласий, гораздо больше, пожалуй, чем совпадающих решений. Разногласия обнаруживаются и в трудах ученых, объединенных тождественной или близкой научной методикой. Это наблюдалось и внутри старой исторической школы. Новыми исследованиями в духе этой школы — Н. В. Водовозовым, Б. А. Рыбаковым, М. М. Плисецким и др. — предложен еще ряд новых концепций, касающихся происхождения отдельных сюжетов и отвергающих прежние концепции.

Новые решения по вопросу о происхождении отдельных былин предлагаются в настоящее время также учеными, уже отказавшимися от прямолинейного сближения былинных сюжетов с конкретными историческими событиями. К таким работам относятся статьи В. Г. Смолицкого о былинах «Василий Казимирович» и «Дунай».¹⁹⁷ Правда, в них находим еще некоторое соприкосновение с методикой исторической школы (поиски исторических имен и фактов, давших отголоски в былинах), но

¹⁹² См. стр. 68. — Более подробно периодизация В. Я. Проппа раскрыта в следующей главе.

¹⁹³ В. П. Аникин. Русский богатырский эпос. Пособие для учителя. М., 1964.

¹⁹⁴ В этом утверждении, как мы видим, он следует за Б. А. Рыбаковым.

¹⁹⁵ Там же, стр. 8 и 22—23.

¹⁹⁶ В первой главе автор сообщает, что «предложенная периодизация выведена из разбора конкретных былинных сюжетов, их образов и стиля», однако в книге научные обоснования для целого ряда былин остаются неясными.

¹⁹⁷ В. Г. Смолицкий. 1) Из истории русского героического эпоса. (Историческая основа былины «Василий Казимирович»). «Советская этнография», 1963, № 5; 2) Былина о Дунае. В сб.: Славянский фольклор и историческая действительность, изд. «Наука», М., 1965.

основной критерий для автора — соотнесение сюжетных ситуаций в былине с исторической обстановкой определенного периода, а изображенных характеров — с художественными тенденциями эпохи. Исходя из этого, Смолицкий выдвигает еще новые гипотезы о времени возникновения разбираемых им былин и о поводах к их сложению.

Предложенная В. Я. Проппом периодизация вызвала в некоторых своих частях, как об этом говорилось выше, возражения и среди тех ученых, которые в целом разделяют его концепцию историзма былевого эпоса.

Таким образом, проблема генезиса и развития русского былинного эпоса на раннем этапе, в период его продуктивной жизни, еще далеко не решена и по настоящий момент.

В целях дальнейшей разработки проблемы очень полезно было бы систематизировать все имеющиеся к настоящему времени решения и предположения о происхождении каждого из былинных сюжетов. Это помогло бы выделить те из них, которые несут в себе наибольшую долю вероятия, наиболее основательно, убедительно, строго научно аргументированы. Попыты такого выявления основных взглядов на возникновение отдельных сюжетов уже имеются. Это общие части комментариев к сюжетам, публикуемым в I томе «Былин Севера», и примечания в книге В. Я. Проппа «Русский героический эпос». В первом случае приведены лишь некоторые из основных направлений в трактовке сюжета и далеко не охвачены все сюжеты русского былинного эпоса. Гораздо полнее указаны в книге В. Я. Проппа различные точки зрения на каждый сюжет, отобранные им как наиболее характерные и распространенные. Но они не приведены в систему, не сгруппированы по своему характеру (что и не требовалось назначением данных примечаний), а даются по отдельным авторам. Сюжетный состав былинного эпоса тоже целиком не охвачен, поскольку выделение сюжетов в примечания определено содержанием самого исследования. Как сам автор говорит, эти примечания «в основном преследуют полемические цели», положительные же достижения использованы в основной части работы. Таким образом, намеченная мною здесь задача — дать свод всех основных взглядов на происхождение каждого сюжета — должна быть осуществлена по-иному: и в большей полноте, и в определенной системе.

В советской фольклористике снова был поднят вопрос о роли элементов мифотворчества в эпосах разных народов, вообще о взаимоотношении мифа и эпоса, а также поставлен вопрос о существовании у русского народа эпоса догосударственного.

Первый вопрос получил вначале освещение в работах Н. Я. Марра и его последователей. Истоки всякого художествен-

ного творчества они видели в религии первобытного общества, получавшей свое выражение в древних мифах. Добраться до первоосновы фольклорного сюжета можно, по их мнению, путем применения «палеонтологического» метода, т. е. постепенного нисхождения через стадиальные переосмысления изучаемого сюжета, вскрывая «космические переживания» в устной речи. В этом они и полагали основную задачу изучения фольклора более поздних стадий. Так, в несколько ином облике и на иных методологических началах, возрождалась мифологическая концепция происхождения народного искусства и, в частности, эпоса.¹⁹⁸ Социальная и историческая действительность признавалась этими учеными не основным источником художественного произведения, а лишь фактором, накладывающим свои краски на уже существовавший издревле сюжет.

Конкретно русского эпоса построения марровцев коснулись слабо. В сущности говоря, известна лишь одна специальная работа, в которой применен метод Марра к былинному образу. Это статья акад. Н. С. Державина «Кралевиц Марко и Илья Муромец»,¹⁹⁹ в которой он пытался доказать, что родство образов русского богатыря Ильи Муромца и южнославянского кралевица Марко обусловлено будто бы тем, что и «Илья Муромец в своей основе — или в своем субстрате, в своем прообразе — представляет собой также речное божество, подобно южнославянскому Кралевицу Марко».²⁰⁰

Искусственность таких сопоставлений была настолько очевидной, что других опытов в этом роде не последовало.

Большую плодотворную роль в изучении истоков эпоса и его дальнейшого развития сыграло новое обращение к сравнительно-историческому методу, теперь уже с опорой на материалистическое учение о закономерностях общественного развития и об общих или близких явлениях духовной культуры у разных народов, переживающих одинаковые социально-экономические формации. Изучение эпосов разных народов в таком сравнительно-историческом плане выявило многие типологические схождения, обусловленные, с одной стороны, одинаковыми или сходными

¹⁹⁸ См.: Н. Я. Марр, Избранные работы, т. V, М.—Л., 1935; Сб.: Тристан и Изольда. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Африкезии. «Труды Института языка и мышления АН СССР», 1932.

¹⁹⁹ «Советская этнография. Сборник статей», № VI—VII, 1947.

²⁰⁰ Там же, стр. 111. — Эту гипотезу Н. С. Державин выдвигает на основе исследования семантики тех компонентов, из которых состоит имя Марко и прозвище Ильи — Муромец. Эти компоненты он возводит к основе *мар*, считая последнюю губным вариантом основы *вар* или *бар*, имеющих первоначальное значение «вода». И автор пытается показать, как в результате творческой работы многих поколений «изначальный миф о некоем речном божестве вырастает... в комплексный образ эпического героя» (там же, стр. 110—114).

историческими судьбами (например, русского и южнославянских народов), с другой стороны — общностью поэтических традиций, унаследованных от предшествующих этапов фольклорного творчества.²⁰¹

В работах, основанных на сравнительно-историческом изучении эпоса, рассматривается также взаимоотношение героического эпоса и мифа. Рисуеться оно учеными по-разному. Е. М. Мелетинский, например, пришел к выводу, что некоторые мифы — а именно мифы о «культурных героях» (совершающих подвиги покорения природы и добывающих необходимые человеку элементы материальной культуры) — непосредственно отразились в древнейших, архаических эпосах. В. М. Жирмунский, не отрицая наличия в эпосе мифологических мотивов, считает, что их проникновение в эпос шло через богатырскую сказку, являющуюся, таким образом, связующим звеном между мифом и эпосом. По концепции В. Я. Проппа, эпос рождается из мифа «не путем эволюции, а из отрицания его и всей его идеологии», пользуясь вместе с тем художественным арсеналом мифологии.

Советские фольклористы справедливо считают, что решение проблемы взаимоотношения эпоса и мифа — одна из актуальных задач в изучении вопросов происхождения и развития эпоса. Как пишет Е. М. Мелетинский, «главное в этом вопросе — дать правильную оценку самим мифам и выяснить (не растворяя эпос в мифе), какие мифы, в какой форме и на каких исторических этапах участвовал в формировании героического эпоса».²⁰²

Другим важным истоком эпоса, его сюжетов, мотивов, образов явилась, как показали сравнительно-исторические исследования, древняя богатырская сказка.

Обращение к сравнительно-историческому изучению эпосов разных народов закономерно привело к постановке вопроса о догосударственном эпосе у русского народа.

О ранних формах русского эпоса мы совершенно ничего не знаем, нам известны лишь те эпические произведения, которые стали складываться в период Киевского государства. Поэтому в трудах дореволюционных ученых укоренилось убеждение, что начало русского эпоса относится к эпохе Киевской Руси. Однако у многих народов имеется эпос, формировавшийся в эпоху первобытно-общинного строя. В свете марксистско-ленинского учения

²⁰¹ См.: В. М. Жирмунский. 1) Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. Изд. АН СССР, М., 1958; 2) Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.—Л., 1962; Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963; В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Ч. 1. Эпос в период разложения первобытно-общинного строя.

²⁰² Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса, стр. 14.

о закономерностях культурного развития по социально-экономическим формациям представляется невероятным, чтобы у русских, тоже прошедших стадию первобытно-общинного строя, не было эпического творчества, аналогичного эпосам других народов.

Освещению вопроса о догосударственном эпосе у русских способствовало обилие материалов, добытых советской фольклористикой по фольклору народов СССР, в частности по их эпосам. Это давало возможность широкого сравнительно-исторического изучения эпического творчества народов, еще недавно стоявших на низших ступенях общественного развития, выделив в нем то, что закономерно связано с догосударственной, первобытно-общинной формацией, и используя сделанные наблюдения для предположительных заключений о ранних формах русского эпоса.

Конечно, на одних и тех же ступенях общественно-экономического развития у разных народов могут быть свои национальные особенности культуры, но всегда будут и некоторые устойчивые сходные черты. Их-то и надо выявить и при их помощи восстановить, разумеется очень предположительно, общее содержание и характер древнейшего русского эпоса.

Таковы те методологические предпосылки, которыми руководствовался В. Я. Пропп в первых разделах своей книги «Русский героический эпос». В разделе «Общий характер эпоса первобытно-общинного строя» Пропп рассматривает эпосы нивхский, якутский и шорский; в следующем разделе — «Русский эпос эпохи развития феодальных отношений» — он в сюжетах раннего эпоса Киевской Руси находит мотивы, образы, сюжетные ситуации, которые соотносит с наблюдаемыми им особенностями изученных эпосов первобытного строя. Это и дает В. Я. Проппу основание выделить группу сюжетов, которые, по его предположению, представляют использование или переоформление старых догосударственных сюжетов в условиях развития новой идеологии.

В работе имеются интересные, хотя быть может и спорные, трактовки древнейших сюжетов — о Волхе Всеславьевиче и о Святогоре. Убедительна связь киевских былин о сватовстве и о борьбе с чудовищами с тематикой догосударственного эпоса. Но наблюдается и некоторое увлечение архаизированием киевского эпоса, что дало справедливое основание для нападок Б. А. Рыбакову и М. М. Плисецкому.²⁰³

Конечно, В. Я. Пропп еще далеко не разрешил проблемы русского догосударственного эпоса и его элементов в раннем

²⁰³ «История СССР», 1961, № 5, стр. 144; Древняя Русь, стр. 42; М. М. Плисецкий. Русско-украинские взаимосвязи..., стр. 13. — См. также выше, стр. 69.

эпосе феодальной эпохи. Некоторые его положения были оспорены Е. М. Мелетинским.²⁰⁴ Но важны и сама постановка проблемы, и намеченные исследователем пути ее освещения, и некоторые из полученных результатов. Как справедливо замечает Е. М. Мелетинский, труды В. Я. Проппа и В. М. Жирмунского в общетеоретическом плане «„открыли“ архаическую героическую эпическую поэму и дали картину важнейших процессов формирования эпоса».²⁰⁵ То же самое можно сказать и о работах самого Е. М. Мелетинского. В отношении русского эпоса представляет большой теоретический интерес последняя, заключительная глава его исследования «Происхождение героического эпоса», озаглавленная «От архаического эпоса к классическому». Здесь дается схематическая характеристика классического героического эпоса и намечаются некоторые пути его формирования.²⁰⁶ В последующих изучениях генезиса и развития русского героического эпоса нельзя будет пройти мимо этих наметок Мелетинского, которые в известной степени дают направление дальнейшим исследованиям.

За последние годы советская фольклористика обогатилась еще новыми ценными монографическими трудами по эпосам других народов СССР,²⁰⁷ а также по эпосам южных славян.²⁰⁸ Они несомненно дадут новый важный материал для правильного разрешения генетических вопросов и в изучении русского эпоса.

Одной из важных проблем, касающихся происхождения раннего феодального эпоса русского народа, является соотношение и связи этого эпоса с догосударственным, характер использования им поэтических традиций последнего. Было ли здесь непосредственное восхождение к традициям прошлого в сюжетах и

²⁰⁴ Рецензия Е. М. Мелетинского на первое издание книги В. Я. Проппа в «Известиях АН СССР» (Отделение литературы и языка, 1956, № 2); см. также: Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса, стр. 17—18.

²⁰⁵ Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса, стр. 19.

²⁰⁶ Там же, стр. 436—448.

²⁰⁷ В. М. Жирмунский. 1) Сказание об Алшамыше и богатырская сказка. М., 1960; 2) Введение в изучение эпоса «Манас». В сб.: Киргизский героический эпос «Манас», М., 1961; 3) Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. М.—Л., 1962; В. Я. Евсеев. Исторические основы карело-финского эпоса, кн. 1—2. М.—Л., 1957—1960; П. Н. Берков. Киргизский героический эпос «Манас». М., 1961; М. Я. Чиковани. Амрани. Грузинский эпос. Тбилиси, 1960; И. В. Пухов. Якутский героический эпос Олонхо. Основные образы. М., 1962; А. Уланов. Бурятский героический эпос. Улан-Удэ, 1963; З. Н. Кулприянова. Эпические песни ненцев. М., 1965; см. также: Проблемы сравнительной филологии. Сб. статей к 70-летию члена-корр. Академии наук СССР В. М. Жирмунского, М.—Л., 1964.

²⁰⁸ Н. И. Кравцов. Сербский эпос, тт. I и II. М., 1960; И. Н. Голенищев-Кутузов. Эпос сербского народа. М., 1963 (серия «Литературные памятники»).

образах героев в смысле их переоформления под воздействием новых исторических условий (как думают В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов), или это только использование в произведениях, являющихся созданием феодальной эпохи, разрозненных элементов старых традиций как «средства поэтической идеализации в общих рамках средневекового мировоззрения»? ²⁰⁹ Наличие таких элементов, по словам В. М. Жирмунского, «еще не дает права на выделение в славянском эпосе», непосредственно связанном с историческими народными судьбами, «древнейшего „мифологического“ слоя или „мифологических сюжетов“». ²¹⁰

Сравнительно-историческое изучение феодальных эпосов разных народов, в том числе и русского, поможет правильному освещению указанной проблемы.

²⁰⁹ В. Ж и р м у н с к и й. Народный героический эпос, стр. 126.

²¹⁰ Там же.

ГЛАВА III

ИЗУЧЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ БЫЛИН КАК ПАМЯТНИКОВ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

1

В предыдущей главе уже отмечалось, что большая действенная сила былинного эпоса была впервые подчеркнута В. Г. Белинским. Правда, содержание большинства былин он признавал скудным и однообразным, объясняя этот характер русского эпоса ограниченной сферой народного быта, стоячестью жизни, «вращавшейся вокруг себя без движения». «Только в Новгороде, — писал он, — где... жизнь раскинулась пошире, поразмашистее, а дух предприимчивости, удалства и отваги, свойственный русскому племени, нашел себе более свободную сферу... народная поэзия могла проявиться более яркими проблесками».¹ И он особо выделил «как по преимущественно поэтическому достоинству, так и по субстанциальности своего содержания» новгородские былины о Садко и о Василии Буслаеве.²

Но вместе с тем, подводя итог своему рассмотрению былин сборника Кириши Данилова, Белинский говорил, что при всей скудости и однообразии содержания былин «нельзя не признать необыкновенной исполнинской силы заключающейся в них жизни, хотя эта жизнь и выражается, по-видимому, только в материальной силе». «В грезах народной фантазии оказываются, — по его словам, — идеалы народа, которые могут служить мерою его духа и достоинства. Русская народная поэзия кипит богатствами, и если в этих богатствах незаметно особенного избытка каких-либо нравственных начал, — их сила все-таки не может назваться лишь матеральной: она соединялась с отвагою, удалством и молоде-

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V, М., 1954, стр. 426.

² Там же, стр. 401—420.

чеством... а это уже начало духовности». И далее: «...эта отвага, это удалство и молодечество, особенно в новгородских поэмах, являются в таких широких размерах, в такой несокрушимой, исполинской силе, что перед ними невольно преклоняешься».³ Таким образом, в былинах Белинский видел отражение великих народных сил, но пока еще в потенции будущего своего духовного обогащения и развития.

Статьи Белинского 1841 г. о народной поэзии явились первым опытом раскрытия идейно-художественного содержания русского эпоса. С его оценкой этого содержания мы сейчас в полной мере согласиться не можем: в ней воспринимается один существенный пробел. Говоря о преимущественном воспевании в эпосе физической силы, торжествующей, по его словам, «над всеми препятствиями и даже над здравым смыслом»,⁴ Белинский оставил без внимания и не отметил такую выдающуюся черту былин, как особый характер направленности физической силы — на борьбу против всяческого зла и насилия, гуманистический и патриотический пафос былин. Но и то, что раскрыл Белинский (образы некоторых богатырей, общественные отношения, отраженные в былинах, особенно в новгородских, выражение в былинах русского народного характера), было очень важно и могло направить исследовательскую мысль на дальнейшую разработку идейно-художественного содержания эпоса.

Проблема идейного содержания былин была затронута и Н. А. Добролюбовым в его статье 1858 г. «О степени участия народности в развитии русской литературы». Добролюбов напомнил заметку О. М. Бодянского о том, что народ не откликнулся ни одной песней на княжеские междоусобицы, и указал, что именно в народном сознании вызвало циклизацию былин вокруг Киева и князя Владимира, высказав при этом мысль о большом значении героического цикла для самого народа в тяжелую годину татарского ига.⁵

Таковы были ранние революционно-демократические высказывания об идейно-художественном содержании и значении русского былинного эпоса.

Как же велось изучение былин со стороны его содержания в академической фольклористике дореволюционного времени?

Оно находилось, с одной стороны, в крепкой связи с самим характером решения генетических вопросов — происхождения эпоса, его исторических корней — и с представлениями о дальнейшем его развитии. С другой стороны, решающее значение имели идеологические устремления исследователей, их политические и общественно-социальные взгляды.

³ Там же, стр. 426—427.

⁴ Там же, стр. 398.

⁵ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. I, М., 1934, стр. 216. — Высказывания эти приведены в главе II (стр. 37).

Так, ученые, принадлежавшие к мифологической школе изучения фольклора, сосредоточивали свое внимание на следах мифологических представлений в былинах и стремились реконструировать согласно своим концепциям отраженные якобы в былинах древние мифы.⁶ Наличие же признаваемых ими позднейших напластований на мифологические сюжеты в историческую эпоху мифологи толковали в соответствии со своим общим политико-социальным мировоззрением.

Ор. Миллер, например, выделял, как мы уже видели,⁷ и особо акцентировал те черты в былинном образе Ильи Муромца, которые, с его точки зрения — как славянофила, — делали Илью Муромца «самым полным эпическим выразителем мягкой славянской общинности» (незлобивость, самоотверженность, чисто христианское человеколюбие, постоянная забота о *земской службе*). «Личность его проникнута *духом общины*», — писал Ор. Миллер. Он всегда, во всем, «как истый представитель общины, постоянно забывает сам себя». Черты ожесточенности в богатыре Ор. Миллер приписывает или отголоскам мифологии, или влияниям, идущим от казачества позднейших времен, а его он воспринимал как «разнузданную, всяких высших целей лишенную вольницу». Однако в эпосе дух этой вольницы, по словам Ор. Миллера, «сказался лишь кое-где», в целом же русский былинный эпос «сохранил на себе отпечаток издавней, исполненной самообладания и самоотверженности свободы общинной», характерной, по мнению ученого, для киевского периода русской истории.

В этом отношении показательно противопоставление Ор. Миллером эпоса киевского новгородскому: «Между тем как эпос новгородский возвеличивал полный простор и разнузданность личности, эпос киевский продолжал выставлять даже самую могучую богатырскую личность сознательно и добровольно поглощенную земщиной».

Некоторые замечаемые в образе Ильи Муромца черты грубости могли быть, по мнению Ор. Миллера, также «плодом той позднейшей эпической *огрубелости*, какую несомненно ознаменовывается пора упадка народного творчества, уже наступившего, и не со вчерашнего дня, для нашего эпоса».⁸

Другим представителем земщины, «тою *земскою оборонительною силою*», какую, по мысли Ор. Миллера, сделался позже Илья Муромец, явился в киевском эпосе «мифический пахарь» Микула Селянинович, в мифологический период — «земледельческое божество», подьемлющее тяготу земледельческого труда.⁹

⁶ См. примеры таких реконструкций в главе II (стр. 30).

⁷ Там же, стр. 34.

⁸ Приведенные высказывания взяты из заключительной главы диссертации Ор. Миллера «Илья Муромец и богатырство киевское» (СПб., 1869, стр. 802—830). Сохранены все выделения отдельных слов курсивом.

⁹ Орест Миллер. Илья Муромец. . . , стр. 219—224.

Другой крупнейший представитель мифологического истолкования основ былинного эпоса, Ф. И. Буслаев, тоже видевший в киевских былинах переоформленные в историческую эпоху мифические сюжеты и образы,¹⁰ оказался, напротив, далек от приведенных выше славянофильских интерпретаций. Он иронически отзывался, например, о славянофильском взгляде на Микулу Селяниновича,¹¹ в обрисовке богатырей князя Владимира отмечал выражение реальных черт исторического сознания народа. В очертании характера Алеши Поповича Буслаев видел очевидные признаки иронии, что указывает, по его словам, «уже на столкновение частных интересов с церковными».¹² «Величаяя личность Ильи Муромца, — писал он, — в основных своих очертаниях, может быть, напоминала идеальные типы полубогов, сокрушителей всего зловредного на земле... Но в эпоху историческую, когда сложился цикл владимиров, Илья Муромец стал могущественным представителем сил простого народа и защитником его интересов...»¹³ Буслаев отмечает в былинах отражение сословных отношений, разлада между классами народа», что наложило отпечаток протеста на многие песни. «В пользу любимой народом личности эпическая фантазия, — говорит Буслаев, — не пощадила даже самого Владимира».¹⁴ «В некоторых песнях позднейшей словенной раздражительностью даже нарушается величавый характер любимого народом героя... Наконец, превращение муромского мужика в донского казака объясняется тем же протестом, который позднейшие поколения хотели заявить в лице своего избранного представителя».¹⁵

Таким образом, Буслаев уже набрасывает, — правда, кратко, не развертывая своих положений, — процесс исторического развития образов и идеалов русского эпоса.

В середине XIX в. (50—60-е годы) наибольшее внимание идейному содержанию былинного эпоса уделяли славянофилы, независимо от того, к каким взглядам на происхождение эпоса каждый из них склонялся. Былины для славянофилов представляли интерес и значение в плане их общей концепции народного творчества, а именно как выражение «истинной» и «неизменной» сущности русского народа. Сущность же эта мыслилась ими в кротости, смиренности, незлобивости. Народ чужд бунтарства и признает

¹⁰ См. об этом в главе II (стр. 28—29).

¹¹ Ф. Буслаев. Русский богатырский эпос. «Русский вестник», 1862, № 9, стр. 19: «...славянофильский взгляд на Микулу Селяниновича как на представителя земщины, которая у него сидит в сумке, есть изделие новейшей политической фабрикации, сентиментальная мечта, насильно навязываемая народу в непоэтической, неуклюжей и противной для эпоса форме аллегории, которую хотят видеть в русских былинах».

¹² Ф. Буслаев. Русская народная поэзия. СПб., 1861, стр. 417.

¹³ Там же, стр. 417—418.

¹⁴ Там же, стр. 418.

¹⁵ Там же.

свободу «только в духе» (формулировка К. Аксакова). Выше мы видели интерпретации некоторых былинных образов у Ор. Миллера. Его высказывания типичны для всех славянофилов. Аналогичные трактовки идейного содержания русского эпоса находим у К. С. Аксакова,¹⁶ П. А. Бессонова,¹⁷ С. П. Шевырева¹⁸ и других.

В былинах славянофилы видели отраженным милый их сердцу образ русской общины. Главная особенность всего мира, отраженного в былинах, по словам славянофилов, — христианство: «На этой-то христианской основе является богатырская сила и удаль молодого могучего народа». На пирах князя Владимира, воспетых в былинах, собрана вся русская земля, собрана во единое целое христианскою верою. Второе начало этого мира героических песен — начало семейное. По выражению К. Аксакова, наиболее четко сформулировавшего славянофильскую концепцию былинного эпоса, «сила богатырская является у нас осененная чувством православия и чувством семьи».¹⁹

В соответствии с этим общим пониманием смысла и характера былинного эпоса трактовались и отдельные его образы. Князь Владимир рисовался как вполне положительный образ. Черты же, разрушавшие этот образ, рассматривались как «случайность», «порча». Отношения богатырей к князю понимались как почтительные, но не подобоострастные, они «основаны на свободной привязанности... на общем, согласном, как хор, строе жизни».²⁰ Когда же в поле зрения славянофилов попадала былина, рисующая бунт Ильи Муромца, она объявлялась или позднейшим искажением, «наростом» (Шевырев, Ор. Миллер), или поздним сочинением, в которое лишь вошло имя Ильи Муромца (К. Аксаков). Истинный же образ Ильи воплощает образ самого русского народа, русского крестьянства — его «внутреннюю тишину духа», спокойствие, благодущие, долготерпение, кротость при всей неодолимой его мощи. Те же черты, но с известным ограничением, прослеживаются и в образах некоторых других богатырей. Если же богатыря уже никак нельзя было подвести под данную идеальную мерку, то он расценивался как отрицательный правительный (но отнюдь не как социальный) тип, оттеняющий носителей народных начал (Алеша Попович у К. Аксакова), или как образ пришлеца из чужих стран («буйный духом» Дунай).

В своих лекциях по истории русской словесности Шевырев тенденциозно пересказывает былины, усиленно выделяя все, что,

¹⁶ К. С. Аксаков. Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням. «Русская беседа», 1856, т. IV; перепечатано: К. С. Аксаков, Полное собрание сочинений, т. I, М., 1861.

¹⁷ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 4. М., 1862, стр. XV, СIII и др.

¹⁸ История русской словесности. Лекции Степана Шевырева. М., 1859, стр. 240—287.

¹⁹ К. С. Аксаков, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 340.

²⁰ Там же, стр. 394.

по его мнению, свидетельствует о мягком, кротком характере русского народа, о его религиозности в духе православия. Настойчиво подчеркивая христианское начало как якобы главенствующее в народном творчестве, он искажал образ русского народа. Так пропагандировались в лекциях Шевырева реакционные тенденции крайнего правого крыла славянофилов, смыкавшиеся с положениями теоретиков официальной народности.

Задача, которую ставили перед собой ученые-миграционисты, вводила большинство из них от внимательного изучения национального своеобразия идейно-художественного содержания русских былин. Оно поглощалось нагромождаемыми параллелями, вскрываемыми в фольклоре других народов. Это и вызвало, как мы видели, выступление крупнейшего ученого-мифолога Ор. Миллера, взявшего под защиту народность и самобытность русского эпоса. Славянофильские тенденции помешали ему правильно понять некоторые былинны образы и сюжетные ситуации и привели к искаженному их истолкованию. Но одна из важнейших общественных сторон нашего эпоса — пронизывающая былинны идея защиты родины и населения — была им четко выделена. Подводя итоги своему исследованию, он говорит, что Илье Муромцу «и славы-то хочется лишь вообще про богатырей, и то для того лишь, чтобы такая общая слава о богатырстве удерживала насильников от вторжения в Землю русскую. Таким образом и эта-то слава ему не *цель*, а лишь *средство*, как не *цель*, не *искусство ради искусства* для него *богатырство* — а опять-таки *средство* — для того же самого недопущения врагов насиловать в земле русской».²¹

Изучение содержания русского былинного эпоса учеными, связывавшими возникновение эпоса с определенной исторической действительностью, тоже находилось в зависимости от направления их научных интересов и от их методологических установок.

Перед этими учеными стояла задача уяснить и установить конкретные связи былин с действительностью того времени, когда они возникали. Некоторые понимали эту задачу как определение того, «в какой мере былины выражают нравы, обычаи и понятия своего времени». Так формулировал, например, задачу исторического изучения былинного эпоса один из самых ранних пропагандистов исторического подхода к былинам — Л. Н. Майков.²² Исследование эпоса в указанном направлении даст, по его словам, новые данные для бытовой истории времени сложения былин и вместе с тем «утвердит новыми доказательствами», что они принадлежат именно предполагаемой эпохе. Сама поэтическая сто-

²¹ Орест Миллер. Илья Муромец. . . , стр. 302.

²² Л. Майков. О былинах Владимира цикла. СПб., 1863, стр. 3.

рона былин должна рассматриваться не просто с точки зрения эстетической, но как явление «духовной и нравственной образованности народа» в известную эпоху.²³

Что же касается вопроса о том, к какому именно времени относится сложение изучаемых былин, то его следует решать, исходя из общего всем пересказам основного содержания сюжетов.²⁴

В указанном направлении Майков и ведет исследование былин Владимирова цикла в своей известной магистерской диссертации. Он не пытается прикрепить отдельные сюжеты к определенным конкретным историческим фактам, как это будут делать последующие представители исторического направления в изучении былин, а, установив предположительно время, когда вырабатывалось основное содержание былины Владимирова цикла (X—XII вв.), и время, когда это содержание окончательно установилось (XIII—XIV вв.),²⁵ вскрывает в них черты народного быта — общественного, семейного и юридического, — нравственные понятия и верования.²⁶ В третьей, последней главе²⁷ рассматриваются образы основных действующих лиц в былинах и способы их обрисовки.

Диссертация Майкова, несмотря на свой небольшой объем, насыщена большим историко-бытовым материалом и в этом отношении не потеряла своего значения и до сих пор, при всех сделанных впоследствии поправках и дополнениях.

Майков задался и вопросом о народном значении произведений, им изучаемых. «Подвиги и приключения Владимировых богатырей дружинников, — пишет он, — по большей части вымышленные, но побуждения, их создающие, и самый образ действия былинных героев так близки к действительным явлениям тех отдаленных веков русской народной жизни, когда Русь впервые обособилась в отдельное государственное тело, что общий смысл богатырской деятельности, а следовательно и смысл эпоса о ней, — уже исторический, и стало быть былины Владимирова цикла имеют для народа значение как воспоминание тем более драгоценное, что оно представляет родную старину в ярких красках и самыми привлекательными чертами».²⁸

Майков подчеркивает и нравственный смысл содержания былин. Они «поучительны для народа, как ряд разнообразных картин житейских явлений и людских отношений: в былинах народ... видит образцы высоких доблестей общественных, образцы нежной супружеской привязанности, образцы любви к слабому

²³ Там же, стр. 3—4.

²⁴ Там же, стр. 3 и 9.

²⁵ Там же, стр. 21—41.

²⁶ Там же, стр. 42—91.

²⁷ Там же, стр. 94—138.

²⁸ Там же, стр. 138.

и угнетенному, кротости, примодушия, благоразумия, твердости, самопожертвования, — и рядом имеет случай справедливо осудить проявления хвастовства, гордости, наглости, хитрости, жестокости».²⁹

В противоположность Майкову, подчеркивавшему вымышленный характер былинных сюжетов, более поздние последователи исторического направления в изучении былин направили свои силы и внимание на отыскивание прямых отражений в былинах конкретных исторических событий, обращаясь, как уже было указано, к сопоставлению содержания былин с летописными известиями и другими историческими документами. Такая устремленность исследовательской мысли заслоняла задачу раскрытия смысла эпических образов, идейной направленности былин. В многочисленных очерках Вс. Ф. Миллера, М. Е. Халанского, А. В. Маркова и других ученых об исторических основах и источниках отдельных былинных сюжетов мы обычно не находим ответа на вопросы: в чем же идейный замысел той или иной былины, каким было отношение их создателей к самим событиям, вызвавшим якобы к жизни эти песни, какое значение имели данные былины для самого народа и т. п.

В этом отношении чрезвычайно характерен известный курс М. Н. Сперанского «Русская устная словесность». Сперанский подверг в нем тщательному анализу 39 былинных сюжетов. Каждый из них анализируется со стороны возможных их истоков: отголосков исторических преданий об определенных лицах и событиях, книжных влияний преимущественно легендарного характера, устных воздействий сказаний других народов, «ходячих» международных легенд. Но идейная сторона русских былин совершенно не затронута. Об этом нет ни одного слова — ни в отношении отдельных былин, ни касательно всего эпоса в целом. Нет ничего об этом и в заключительной части курса.

Зато большое внимание представители исторической школы уделяли бытовым отражениям в былинах. Это мы уже видели у Майкова. К раскрытию отражений исторического быта влекло ученых общее побуждение установить более тесные и убедительные связи той или иной былины с исторической действительностью. Выявление черт исторического быта служило им часто опорой для генетических построений, для прикрепления той или иной былины к определенному месту или времени. Вс. Миллер, например, старался такими выявленными им бытовыми чертами подкрепить свою новгородскую концепцию происхождения былинного эпоса.³⁰ Несколько позже, когда Вс. Миллер окончательно приходит к мысли о более поздней коренной переработке, уже

²⁹ Там же, стр. 138—139.

³⁰ См. его статьи о былинах «Вольга и Микула», «Ставр», «Хотен», «Соловей Будимирович», «Сорок калик»: Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I. М., 1897; т. II. М., 1910.

в Московский период, старого киевского и новгородского эпического наследия, он снова обращается к бытовым отражениям, чтобы аргументировать ими, вместе с именами и соотношением с историческими фактами, свои новые построения.³¹

М. Е. Халанскому прослеженные им черты быта в былине о Дюке и других былинах, соотнесенные им с бытом XV—XVI вв., послужили тоже для подтверждения его положения о более позднем сложении значительной части состава эпоса — в Московскую эпоху.³²

Это же видим в работах С. К. Шамбинаго³³ и в раннем сборнике Б. М. Соколова. Последний вслед за Халанским усматривает черты московского быта в былине о Хотене и на этом основании возражает Вс. Миллеру, утверждавшему новгородское ее происхождение.³⁴

Иногда ученые, увлеченные своей гипотезой, невольно подтягивали наблюдаемые ими черты быта и общественных отношений к определенному месту или эпохе, хотя та же бытовая обстановка была характерна и для другого места и времени.³⁵ Некоторые из таких соотнесений оказались впоследствии, в свете новых археологических и исторических данных, ошибочными.³⁶

В целом, конечно, исследования бытовых отражений в былинах были полезны не только по прямому своему назначению исторического приурочения былин: они косвенно характеризовали и литературную сторону памятника, обрисовывая историко-бытовой колорит его и в какой-то мере особенности образной системы.

На материале бытовых отражений ставились и специальные вопросы по историческому быту древней Руси. Начало работ в этом направлении было положено еще Л. Н. Майковым во второй главе исследования — «Рассмотрение былин как памятников народного быта и понятий».³⁷ Майков охватил широкий круг вопро-

³¹ См., например, статьи «Илья Муромец и Алеша Попович» и «Отголоски смутного времени в былинах» (Очерки..., т. II).

³² М. Халанский. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885.

³³ С. Шамбинаго. 1) Древнерусское жилище по былинам. Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера, М., 1900; 2) Застава богатырская. Сборник статей в честь М. К. Любовского, Пгр., 1917.

³⁴ Борис Соколов. Былины. Исторический очерк, тексты и комментарии. М., 1918, стр. 178—179.

³⁵ Ср. толкования былины о Хотене Вс. Миллером, М. Е. Халанским, Б. М. Соколовым.

³⁶ Б. А. Рыбаков свидетельствует, что тезис об изображении в ряде былин боярской Москвы XVI—XVII вв. опровергается новыми археологическими раскопками: «...нет почти ни одной бытовой детали в былинах, которая не нашла бы себе реального соответствия в русском княжеском или боярском быту XI—XII вв.» (Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 136).

³⁷ Вот аннотация этой главы: «Народ русский и народы чужие. Местность, обитаемая русским народом. Пути сообщения. Города и села; жи-

сов, касающихся древнего быта и понятий русского народа, но материалом самих былин он владел еще небольшим: ему были известны лишь сборник Кирши Данилова, «Памятники и образцы народного языка и словесности» под редакцией И. И. Срезневского, четыре выпуска «Песен, собранных П. В. Киреевским» и две части «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым». Поэтому более богаты наблюдениями статьи на ту же тему А. В. Маркова, снова обратившегося к былинам как историческому источнику.³⁸ Подобно Майкову, он учитывает характер поэтического повествования — тенденция к идеализации, возможные преувеличения, образность, иносказания и т. п. — и, чтобы отделить историко-бытовые черты от эпической образности, обращается к соответствию былинных данных историческим свидетельствам.³⁹ Основная часть его исследования содержит четыре главы — об экономическом быте древней Руси, быте общественном, семейном, религиозном.

В своей работе Марков касается и чисто литературной стороны былин. В главе III — «Общественный быт» — он отмечает различие в былинном изображении князей: в былинах, повествующих о князьях не киевских, «рисуются герои, своими подвигами затмевающие доблесть дружины, бесстрашные и сильные, непобедимые и энергичные»;⁴⁰ в былинах же Владимирова цикла князь изображен как тип «скорей отрицательный, соединяющий в себе черты деспота и труса, допускающего нечуждозволительные промахи, ошибки и несправедливости, часто играющего жалкую роль». Это различие Марков объясняет разнородной средой слагателей. Былины, содержащие положительные образы князей, создавались в придворно-княжеской среде, другие, где дан сниженный образ князя, — в военно-дружинной.⁴¹

Так, правильно наблюденное Марковым отличие в обрисовке князя в двух разных группах былин он объясняет совершенно превратно, в духе аристократической концепции происхождения русского эпоса.

лица. Пища; питье; домашняя утварь; одежда; способы сообщения. Занятия и увеселения. — Быт семейный: отношения родителей и детей; отношения супругов. Положение женщины. — Быт общественный: князь, его отношения к дружине. Дружина. Прочие классы народа. — Военный промысел: вооружение; военные обычаи. — Торговля внутренняя и иностранная. Судходство. — Грамотность. Сведения и понятия о чужих краях и народах. Понятия нравственные; война и мир; побратимство; уважение к старшим; гостеприимство. Верования; суеверия; набожность и ее проявление. — Юридический быт: договоры; наказания.

³⁸ А. В. Марков. Бытовые черты русских былин. «Этнографическое обозрение», 1903, №№ 3 и 4.

³⁹ См. изложенные им научно-методические принципы: там же, № 3, стр. 73

⁴⁰ Исключением он считает былинку о Вольге и Микеле, в основе которой он видит «перехожий эпизод» и следы переработки XV в.: там же, стр. 83.

⁴¹ Там же, стр. 83—84.

То же видим и в том месте работы, где Марков говорит о том, как изображены в былинах отношения между князем и дружиной. В былинах «княжеских» (термин Маркова) они «выставляются в идеальном свете». «Другое мы видим в дружинном эпосе... Здесь отношение дружинников (т. е. богатырей, — А. А.) к князю несколько иное, и нередко указывается на конфликт между ними. Протестующим против княжеских несправедливостей и деспотизма наиболее ярко выставлен идеальнейший богатырь Илья Муромец». Причину этих столкновений Марков видит в социальном неравенстве старшей и младшей дружины, имеющем под собой экономическую основу.⁴²

Находясь в плену концепции о ненародном происхождении эпоса, Марков не мог еще понять выражения во всех подмеченных им случаях чисто народной точки зрения. Ведь положительный образ князя появляется в тех сюжетах, где князь выполняет функцию богатыря как защитника родины и народа; там же, где образ богатыря обобщает в себе силы и интересы народа, ему начинают противопоставляться представители социальных верхов — князь и «князя-бояре».

Между прочим, Марков не раз подчеркивает оборонительный характер нашего эпоса.⁴³ Но ту же идею защиты он не видит в сюжетах, изображающих походы князей (каковы былины о наезде литовцев и о Глебе Володьевиче).

В воронежском журнале «Филологические записки» на протяжении 1900—1902 гг. печаталось исследование Н. В. Шеметовой «Русская женщина в народном эпосе и лирике», тоже использовавшей былины в качестве исторического источника.⁴⁴ В работе Н. В. Шеметова рассматривает свидетельства былины о древнейших формах брака; анализирует, в обрисовке былины, неудовлетворительное состояние семьи, построенной на одностороннем авторитете мужчины, приниженность женщины; говорит, как изображены в былинах взаимоотношения матери-вдовы с детьми.

Вместе с тем она, как и Марков, уделяет внимание самим былинным образам: паленицам как представительницам архаического уклада жизни, образам хитрых и коварных женщин, женским персонажам, наделенным положительными чертами; останавливается на образе «матерью вдовы». Попутно она старается установить исторические истоки этих образов, а также изменения народных воззрений на достоинство женской личности «между двумя отдаленными по временам эпохами народной жизни — эпохой первобытной и той, когда гражданственность уже сделала прочные успехи».⁴⁵

⁴² Там же, стр. 92—93.

⁴³ См., например, там же, стр. 83 и 90.

⁴⁴ «Филологические записки», 1900, вып. IV—V; 1901, вып. I—II, III, IV—V; 1902, вып. VI.

⁴⁵ Там же, 1901, вып. I—II, стр. 45—51.

Вообще в работах представителей исторической школы попутно с их генетическими построениями раскрывались некоторые существенные стороны в изображении былинных персонажей. Так, например, Вс. Миллером прослежено характерное развитие былинного типа Алеши Поповича параллельно с широкой популяризацией образа Ильи Муромца.⁴⁶

Идейная сторона былин затрагивалась последователями исторической школы чаще всего в тех случаях, когда основой былины признавался международный сюжет. Тогда возникало порой стремление выделить национальные особенности русских версий, выражающиеся в несколько иной обрисовке героя или в иной идейной направленности заимствованного сюжета. Характерный в этом отношении пример — статья Вс. Миллера «К былине о бое Ильи Муромца с сыном».⁴⁷ Как продукт именно русского творчества автор отмечает изображение в этой былине юного богатыря коварным злодеем, покушающимся убить спящего врага, и так определяет идейную направленность финала былины: «Грешное дело грехом и кончилось — такая мысль, по-видимому, проводится в русской обработке странствующего сюжета — боя отца с сыном. В связи с этим развиваются все детали былины». Русская версия «старается всячески подчеркнуть темные стороны Сокольника, как порожденного греховной связью, и обелить любимого богатыря, приведя достаточно мотивов для его расправы с сыном. В этом заключается основная идея русской переработки сюжета».⁴⁸

Надуманность такого морального истолкования указанной особенности русской версии совершенно очевидна, но сама особенность подмечена верно. Однако она не поставлена Вс. Миллером в связь с общим характером нашего эпоса: Сокольник изображен в былине опасным врагом русского народа, поэтому Илья Муромец и убивает его.

Итак, в конце XIX и начале XX в. характеристика содержания былин как памятников народной поэзии не стояла перед исследователями эпоса как одна из важнейших задач. Все внимание было направлено на отражение в былинах истории, причем к раскрытию исторического содержания обращались либо как к средству разрешить вопросы генезиса и развития эпоса, либо как к материалу, на основе которого можно воспроизвести картину древнерусского быта. Литературной стороны былин касались лишь попутно.

На фоне этого общего состояния вопроса особо выделяется статья прогрессивного педагога В. Водовозова «Русские богатыри», опубликованная в «Отечественных записках» в тот зна-

⁴⁶ Вс. Миллер. Очерки..., т. II, гл. 5.

⁴⁷ Там же, т. II.

⁴⁸ Там же, стр. 184.

менательный для журнала год, когда во главе журнала встали Некрасов и Салтыков-Щедрин.⁴⁹

Поставленную перед собой задачу Водовозов определяет так: «Предмет нашей статьи — объяснение характера русских богатырей, с которыми знакомят нас наши былины».⁵⁰ И далее он раскрывает общее направление статьи: «Не имея в виду представить ученого труда, мы желали бы по крайней мере свести в одно целое выдающиеся черты народного идеала, каким он высказывается в наших былинах. Мы надеемся тут представить хоть некоторые указания для разъяснения народного характера в его историческом развитии. Наши былины, — продолжает Водовозов, — охватывают общую жизнь народа в продолжение многих веков, изображают общий смысл исторических явлений. Они, во-первых, определенно отмечают первую эпоху пробуждения народных сил при выходе из той рабской зависимости, какую налагает на человека природа».⁵¹

Затем он останавливается на героических и исторических чертах в былинах. В характеристике былинной героини Водовозовым ясно ощущается воздействие идей Белинского. «Главною из героических черт в наших богатырях, — говорит он, — служит широкая удаля, которую они высказывают во всех своих подвигах. В них мы видим то свойство русского народа, которое выработалось в нем сначала под влиянием природы, а потом поддерживалось разными историческими обстоятельствами».⁵² Богатырские свойства народа, по его словам, «прямо указывают на тяжелую трудовую жизнь, какую приходилось вести ему в борьбе со множеством физических препятствий и с кочевыми ордами... В такой борьбе... естественно прежде всего имели цену физическая сила и отвага».⁵³

Водовозов характеризует отдельных богатырей — Илью Муромца, Добрыню Никитича, Алешу Поповича, Чурилу и некоторых других. Останавливается и на женских образах. Характеризуя главных богатырей, он подчеркивает патриотическую направленность их подвигов. «Бескорыстное служение миру, — говорит он, — отличает наших богатырей рядом с их безрасчетной удалью».⁵⁴

В интерпретации образа Ильи Муромца и в общем взгляде на характер нашего эпоса сказываются, однако, у Водовозова народнические тенденции и проскальзывает славянофильская фразеология. В лице Ильи Муромца изображена «земская сила». Он «ста-

⁴⁹ В. В.—в. Русские богатыри. «Отечественные записки», т. СLXXX (год тридцатый), СПб., 1868.

⁵⁰ Там же, стр. 301.

⁵¹ Там же, стр. 302.

⁵² Там же, стр. 306.

⁵³ Там же, стр. 313.

⁵⁴ Там же, стр. 415.

вит правилом чести быть снисходительным к слабому, защищать бедных и угнетенных и кладет великую заповедь не проливать крови». Но полному развитию добрых черт славянской природы препятствовали многие неблагоприятные обстоятельства.⁵⁵ Водовозов не видит отраженные в былинах социальные конфликты. Наоборот, он подчеркивает, что былины соединяют «все состояния в один русский народ», народ «без различия условий». И если в них встречаются насмешки над боярским или поповским сословием, то это «более относится уже к позднему времени, когда одно сословие от другого резко отделилось».⁵⁶

Большое воспитательное значение придавал идейно-художественному содержанию былин другой прогрессивный педагог 60—70-х годов — В. Я. Стоюнин: в монументальных былинных образах выражены высокие нравственные идеалы, выработанные народом на протяжении веков, раскрытие их и представляет первоочередную задачу в учебной работе с былинами.⁵⁷

Подведем итоги. Идейно-художественное содержание былин в XIX — начале XX в. изучалось, как мы видели, в общем слабо, а порой, как в славянофильской фольклористике, искаженно. Но все же с этой стороны кое-что правильно было подмечено в былинах, а некоторые особенности их содержания как памятников народной поэзии определенного времени стали устойчиво выделяться. Так, довольно рано был указан, — и это повторялось не раз, — оборонительный характер нашего эпоса, патриотическая и гуманистическая направленность подвигов главных богатырей. В образах некоторых из них (главным образом Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алешки Поповича и героев новгородских былин) подмечены черты, характеризующие их как определенные типы.⁵⁸ Выделены были также и охарактеризованы разные типы женских персонажей, обращено внимание на характер обрисовки в былинах князя Владимира. Отмечено было и наличие социальных мотивов в изображении столкновений богатырей с князем и его придворным окружением. Но должного объяснения этих мотивов еще не было дано, да и внимание этой стороне эпоса уделялось недостаточное. Это обуславливалось славянофильским и народническим подходом к эпосу одних исследователей и усвоенной другими концепцией о непародных основах былин.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, стр. 323—324.

⁵⁷ В. Я. Стоюнин. О преподавании русской литературы. СПб., 1864, стр. 42. — См. статью: А. А. Кайев. Фольклор в системе педагогических и методических взглядов В. Я. Стоюнина. «Ученые записки Орехово-Зуевского педагогического института», т. XXI, Кафедра русской и зарубежной литературы, вып. 4. 1964.

⁵⁸ См. статьи Белинского, работы Майкова, Даникевича, Вс. Миллера, Жданова.

Изучение идейно-художественного содержания былинного эпоса, раскрытие смысла сюжетов, выявление общей идейной направленности русского эпоса и художественного замысла отдельных былин, определение их общественного значения в эпоху их сложения и в последующие века их жизни в устной традиции стало одной из основных задач в изучении эпоса в советское время.

Но не сразу эта задача определилась во всем ее объеме и всей глубине.

В первое десятилетие советской эпохи внимание научной общественности в области изучения былинного эпоса было направлено, в связи с проблемой фольклорного наследия, на решение вопроса о судьбах эпического творчества в устной традиции. Широко развернулась работа по обследованию эпической традиции на местах прежних работ и по собиранию ее остатков.⁵⁹

Вместе с тем продолжалось, как о том уже говорилось в предшествующей главе, исследование былинных сюжетов в направлении, определенном исторической школой и теорией миграций. К содержанию былин обращались в этих работах главным образом с целью обнаружить в нем возможность сближений с историческими фактами или сказаниями других народов. Над исследователями, кроме того, тяготела еще теория исторической школы о ненародных основах русского эпоса.⁶⁰ Именно в этот период была детально разработана концепция классовых слоев в былевом эпосе.⁶¹ Поэтому если даже и касались идейных сторон эпоса, то наблюдаемые особенности толковались превратно: преимущественно как отражение многообразных сословных интересов.

От задачи углубленного идейно-художественного анализа былинного эпоса уводили и влияния формалистических течений. Они обусловили обостренный интерес к вопросам художественной формы в литературе и фольклоре, что вызвало появление ряда работ, посвященных вопросам былинной поэтики, иногда очень ценных по тонким наблюдениям, но произведенным в отрыве от идейного содержания.⁶²

⁵⁹ См. об этом в главе V.

⁶⁰ Еще в 1929 г. в школьной серии «Дешевой библиотеки классиков» вышла книга «Былины. Примечания и объяснительные статьи В. А. Келтуяла», в которой были отражены все основные положения этой теории (см. объяснительные статьи составителя, стр. 152—175).

⁶¹ Б. М. Соколов. Русский фольклор. Вып. 1. Былины. М., 1929; изд. 2, М., 1931 (см. гл. II).

⁶² А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. Очерки. М.—Саратов, 1924; М. О. Габель. 1) К вопросу о технике русского былинного эпоса. Формы былинного действия. «Наукові записи науково-дослідчої катедри історії європейської культури», Державне видавництво України, 1927; 2) Форма діалога в былинах. Збірник на пошану акад. Д. Багалая, Харків, 1928. — Об этих работах см. главу IV.

Среди ранних работ советского периода, уделивших внимание идейно-художественному содержанию былины, ярко выделяется статья А. В. Луначарского «Илья Муромец — революционер».⁶³

Луначарский принимает положение об аристократическом происхождении былин, но считает, что в среде крестьян, хранивших былины, они «не могли, конечно, не получить серьезнейшего участия именно крестьянского поэтического творчества». Русские былины, пишет он, знают трех главных богатырей. Из них «именно крестьянский сын является атаманом, именно он старший и самый могучий». И это, по словам Луначарского, не случайно. Он ссылается на былинку о Вольге и Микуле Селяниновиче, в которой «крестьянство в своем классовом самосознании» поставило «своего представителя выше представителя аристократии».⁶⁴

Перейдя затем к образу Ильи Муромца, Луначарский останавливается на нескольких вариантах былины о ссоре богатыря с князем Владимиром. «Вы видите здесь, — говорит он, — Илью Муромца — революционера. Не только решается он самым резким образом протестовать против недостаточной чести, которую оказывает ему князь... но еще выясняется его глубинная близость с голью кабацкой». Особенно эффектно, по словам Луначарского, что Илья «буйну руку подымает не только на монарха, но и на церковь», отстреливает церковные маковки и пропивает их. Далее Луначарский говорит об изображении князя и его семьи. «На каждом шагу видим мы Владимира рыхлым и безвольным человеком, на которого влияют всякие наушники, заставляющие его самым несправедливым образом относиться к лучшим своим защитникам».⁶⁵ Что же касается княгини Евпраксии, то она, по словам Луначарского, рисуется в былинах самыми отрицательными чертами.

И Луначарский заключает: «... вы видите, что уже в седой древности, к которой, конечно, относятся приведенные здесь варианты... они приобрели ультрадемократический характер, можно сказать — революционный характер. Крестьянское самосознание, горделиво выдвигая Илью как своего героя, в то же самое время с злобной насмешкой относится к Владимиру Красное Солнышко, несмотря на его признанную церковью святость».⁶⁶

Луначарский, таким образом, предвосхитил тех советских фольклористов, которые, выступая в 40—50-е годы, особенно заостряли внимание на мотивах социального протеста в былинах.

Таков был в общем первый этап в изучении былинного эпоса в советское время.

Второй этап, когда советская фольклористика решительно обращается к раскрытию идейно-художественного содержания эпоса,

⁶³ «Пламя», Пгр., 1919, № 44.

⁶⁴ Там же, стр. 788.

⁶⁵ Там же, стр. 790—791.

⁶⁶ Там же, стр. 492.

наступает в середине 30-х годов — вместе с разоблачением вульгарно-социологической концепции происхождения былин и с обоснованием и утверждением тезиса об исконной их народности.

Большую роль в подготовке этого поворота сыграло усвоение идей Ленина об отражении в фольклоре чаяний и ожиданий народных, а также горьковской концепции фольклора как творчества трудового народа, создавшего глубокие по своему идейному содержанию и художественно совершенные образы большой обобщающей силы. Среди них Горький называл и образы былинных богатырей.

Уже в период дискуссии об эпосе появляется много статей в журналах и газетах, не только критиковавших ошибочные точки зрения, но и стремившихся показать народный характер былин. Так, в большой газетной статье И. Лежнева и Л. Тимофеева⁶⁷ авторы, напомнив высказывания Горького о трудовых основах народного творчества, писали: «Наши ученые фольклористы не хотят согласиться с Горьким. Они не видят того, что мечта о легкой пахоте и обильном урожае породила образ Микулы Селяниновича, подобно тому, как мечта о богатой пряже преобразилась в народной фантазии в образ Василисы Премудрой».⁶⁸

В статье Ю. М. Соколова, явившейся самокритическим выступлением,⁶⁹ автор подвергает разбору несколько былин с целью разубедить неправильные трактовки их и выявить их подлинно народную идею. Он останавливается на образе Микулы Селяниновича, истолкование которого как новгородского «своеземца»-кулака и антагониста трудового крестьянства Вс. Миллером и Б. М. Соколовым вызвало особенно резкие нападки критики. В изображении огромных земельных пространств, которые обрабатывает Микула, роскошного наряда пахаря, его изукрашенной сошки, богатого урожая и хлебосольства «нельзя, — пишет Ю. М. Соколов, — видеть ничего иного, как мечту народа о сытой зажиточной жизни», как гиперболический прием идеализации. «Легко дающаяся Микуле пахота и богатый урожай — не фотографическое изображение реального быта богатеев-кулаков, а воплощение многовековой мечты трудового крестьянства, изнывавшего под тяжестью земледельческого труда, с огромным напряжением, при помощи примитивнейших орудий, стремившегося покорить неподатливую природу».⁷⁰

«Конечно, — продолжает автор, — в образе Микулы Селяниновича не следует усматривать образ древнего славянского бога земледелия (как это делали представители так называемой „ми-

⁶⁷ «Правда», 1936, 21 ноября.

⁶⁸ См. еще: «Известия», 1936, 15 декабря, «Звезда», 1937, № 2.

⁶⁹ Ю. Соколов. Русский былинный эпос. (Проблема социального генезиса). «Литературный критик», 1937, № 9.

⁷⁰ Там же, стр. 184.

фологической“ школы), или, согласно „народнической мифологии“, символ крестьянской общины (в борьбе с разрушением этих надуманных „мифов“ и Вс. Миллер, и Б. Соколов были правы), но лишать былинный образ обобщающей мысли, дробить его на мелкие осколки отраженных историко-бытовых реалий, не видеть в нем выражения народных чаяний и надежд, мечты о конечной победе трудового человека над природой — значит исказить существо народного творчества, в частности народного эпоса». ⁷¹

Выпал из поля внимания ученых, по словам Ю. М. Соколова, и внутренний смысл образа Святогора, который «делал его привлекательным для сознания народных масс, сохранивших его в своей памяти». Это — «выражение отмеченного Горьким народного оптимизма, сознание народом своей неимоверной силы». ⁷²

Перейдя к былинам об Илье Муромце, Ю. М. Соколов указывает на выражение в них больших моральных и общественных идей. Образ Ильи — носитель народных идеалов. Он «прямо и правдив, смело говорит истину в лицо князю... нередко вступает в конфликт с „боярами кособрюхими“ и держит сторону простого народа. Он в состоянии побеждать свою личную обиду, возвышаться над личными чувствами в интересах родины, когда ей угрожает враг». И Соколов напоминает тот эпизод из былины о нашествии царя Калина, когда Илья Муромец уговаривает других богатырей забыть свои обиды на князя Владимира и идти в поле на врагов. ⁷³

Ю. М. Соколов подчеркивает, что вообще русский эпос весь пронизан идеей защиты родины. Былины были художественным проявлением того глубокого патриотизма, который был свойствен трудовым народным массам. «Образы врага во многих случаях, — говорит автор, — получили обобщенное значение, будучи уведены народной фантазией далеко от тех конкретных лиц и событий, которые легли в их основу, как это выяснено трудами многих поколений исследователей». ⁷⁴

Из этих слов видно, что Ю. М. Соколов по вопросу об исторических корнях эпоса и характере былинного историзма остается на позициях исторической школы. ⁷⁵ Но он решительно порывает с концепцией «аристократического» происхождения эпоса и на протяжении всей статьи подчеркивает народный, демократический его характер.

⁷¹ Там же, стр. 184—185.

⁷² Там же, стр. 189.

⁷³ Там же, стр. 190.

⁷⁴ Там же, стр. 191—192.

⁷⁵ Это очень определенно проявилось в его вузовском курсе «Русский фольклор», в разделе «Былины» (М., 1938, стр. 252—256), а также в статье и комментариях его антологии былин, составленной для средней школы (Былины. Сборник для учащихся средней школы. Сост. Ю. М. Соколов. Под ред. Б. М. Волина. Учпедгиз, М., 1937, стр. 246—248 и 256—258).

В таком именно направлении рассматривает Ю. М. Соколов содержание былин в своем вузовском учебном курсе. Он раскрывает обобщающую идею былины «Вольга и Микула» (в том плане, в каком он рассматривал эту былинку в статье 1937 г.), говорит о народных гуманистических идеалах и подлинно народном патриотизме в былинах об Илье Муромце, отмечает мечту трудового народа о богатой и счастливой жизни в былинах о Дюке и о Садко. В кратких характеристиках богатырей Добрыни, Алеши Поповича, Василия Буслаева и других, а также женских персонажей Ю. М. Соколов выделяет черты обобщающей типизации и народное отношение к созданным образам.⁷⁶ Он подчеркивает общую идеологическую значимость русского эпоса, художественную и общественно-воспитательную ценность его содержания, справедливо отмечая, что именно эти стороны эпоса «привлекали слишком мало внимания ученых и предреволюционного времени и позднее». Определяя проблематику дальнейшего изучения былинного творчества, Соколов пишет: «Раскрытие художественно-идеологического значения былевого эпоса, его образов должно стать главной задачей исследования советских фольклористов на ближайшие годы. Этим, конечно, — прибавляет он, — не снимаются другие, не менее важные задачи, прежде всего задачи изучения хронологии и исторической основы каждой былины».⁷⁷

Критику порочной концепции ненародных основ русского эпоса и ошибочных толкований отдельных былин вместе с указанием на подлинно народный характер их идейно-художественного содержания заключает в себе и начало вступительной статьи первого тома сборника «Былины Севера»,⁷⁸ тоже носившее самокритический характер. В статье в первую очередь отмечены, как и в работах Ю. М. Соколова, народность былины о Вольге и Микуле (поэтизация крестьянского земледельческого труда, воплощение мечты народа о победе человека над природой) и общий патристический и гуманистический характер русского героического эпоса, его определенно демократическая направленность.⁷⁹

Со времени дискуссии 1936 г. научной традицией становится во всех общих работах по былинному эпосу — научных и научно-популярных, учебных пособиях, вводных статьях в сборниках материалов — касаться то кратко, то более развернуто идейно-художественно-

⁷⁶ См.: Ю. М. Соколов. Русский фольклор. Учебник для высших учебных заведений. Учпедгиз, М., 1938, стр. 247—252.

⁷⁷ Там же, стр. 252.

⁷⁸ Былины Севера. Т. I. Мезень и Печора. Записи, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. Под ред. М. К. Азадовского. М.—Л., 1938.

⁷⁹ Все указанные работы готовились одновременно, отразив характерный перелом в изучении эпоса, наступивший в результате дискуссии 1936 г.

жественного содержания былин, отмечая те особенности, которые свидетельствуют об их народности.

В своем выступлении на киевском совещании 1955 г. по вопросам генезиса и истории героического эпоса и исторической песни восточных славян В. И. Чичеров, выделив задачу идейно-художественного анализа обоих жанров как центральную задачу их изучения, справедливо заметил, что «опыт в этом отношении в советской фольклористике уже имеется... Советские исследователи утвердили положение о классовом характере произведений, о выражении в них идей, отвечающих интересам трудового народа. Народность идей и образов былин и исторических песен особенно ясно раскрывается в исследованиях последних полутора десятилетий».⁸⁰

Что же обычно указывается как основное и характеризующее в содержании русского богатырского эпоса? Прежде всего изображение народного героизма, прославление подвигов, совершаемых в интересах народа, в защиту его от иноземных захватчиков и от насильников внутри страны. В работах выделяются сюжеты, наиболее ярко раскрывающие эту главную, выдающуюся черту эпоса (былины о нашествиях, о заставе богатырской, о борьбе с насильниками-чудищами); анализируются способы, каким образом в отдельных сюжетах эта черта выявляется. Рассматриваются образы богатырей, воплотившие народные идеалы подлинной воинской доблести, — в первую очередь Ильи Муромца. Именно эта сторона идейно-художественного содержания былин побудила обратиться к ним в годы Великой Отечественной войны как к поэтическому наследию, вдохновляющему на борьбу.⁸¹

Авторы останавливаются и на изображении в былинах богатырского героического труда, повторяя раскрытие идейной сущности быliny «Вольга и Микула», которое было дано в период дискуссии. Привлекаются мотивы трудовой героики и из других былин («Илья Муромец и Соловей разбойник» — мотив прокладывания дорог, которое тоже показано как богатырский подвиг; «Исцеление Ильи Муромца» — первое применение силы на тяжелой крестьянской работе).

В былинах — как героических, так и социально-бытовых — исследователи показывают также освещение вопросов нравственного порядка: о человеческих взаимоотношениях, об истинном

⁸⁰ Основные проблемы эпоса восточных славян. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 25—26.

⁸¹ См.: Защита отечества в народных песнях. Сост. А. М. Астахова и В. М. Кравчинская. Отв. ред. Л. А. Плоткин. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941* (Оборонная серия); А. М. Астахова. Героико-патриотическое наследие в русском фольклоре. В сб.: Русский патриотический фольклор. Материалы научно-творческого совещания. Великая Отечественная война в устном народном творчестве. Стеклограф. изд., ВДНТ им. Крупской, М., 1945.

чувстве чести и долге; выражение народных идеалов, касающихся семьи и товарищества, и др.

Наконец, выявляются в былинах и социальные мотивы — во взаимоотношениях богатырей с князем Владимиром, богатырей с княжеским окружением «князей-бояр», в сословных характеристиках отдельных богатырей, в показе внутренних столкновений среди городского населения и т. п.

Просматривая те части работ, которые посвящены анализу идейно-художественного содержания былин, мы видим не только повторяемость отдельных наблюдений, свидетельствующую о том, что в литературе в общем уже отстоялось понимание основной идейной сущности эпоса, но и постепенное углубление и расширение характеристики и оценки его содержания.

При этом наблюдается стремление обосновать те или иные черты содержания условиями исторической обстановки, определяющими народное сознание. Так, патриотический, оборонительный характер русского эпоса связывается с длительной борьбой русского народа за свою национальную независимость в ранний феодальный период; тема героики труда — с мечтой трудового народа о преодолении сил природы и с фактически ведущейся борьбой в этом направлении; социальные мотивы — с растущим классовым сознанием, выразившимся в народных выступлениях против эксплуатирующих социальных слоев, и т. д.⁸²

Последовательно, по основным периодам развития русского государства, прослеживают связи идейно-художественного содержания былин с характером тех исторических эпох, когда русский богатырский эпос создавался, авторы первого тома «Очерков по истории русского народного поэтического творчества».⁸³

⁸² Все указанное, в разной степени разработки, см. во вступительных статьях следующих былинных антологий: Н. П. Андреев. Русский героический эпос. Л., 1938 («Библиотека поэта». Большая серия); Избранные былины. Подготовка текста, статья и примеч. А. Астаховой. Петрозаводск, 1947 («Библиотека русского фольклора Карелии», под общей ред. А. Астаховой и В. Базанова); Б. И. Богомолов. Былины. Л., 1950 и 1954 («Библиотека поэта». Малая серия); Героические былины. Детгиз, М.—Л., 1954; Былины. Вступ. статья и примеч. Н. В. Водовозова. Гослитиздат, М., 1955; Былины. Вступ. статья, подбор текстов и примеч. П. Д. Ухова. Под общей ред. В. И. Чичерова. Изд. МГУ, 1957; Русские народные былины. Сост. В. И. Чичеров. Вступ. статья В. И. Чичерова и П. Д. Ухова. Детгиз, М., 1958; в учебных пособиях: А. А. Кайев. Русская литература. Учебник для учительских институтов, ч. I, М., 1949; изд. 2, перераб. М., 1953; изд. 3, доп. и перераб. М., 1958; Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общей ред. П. Г. Богатырева. М., 1954; изд. 2, доп. и испр., М., 1956 (глава «Былины»); В. И. Чичеров. Русское народное творчество. Изд. МГУ, 1959 (курс лекций, читавшийся в 1954—1956 года); в научно-популярных очерках: В. Базанов. Народная словесность Карелии. Петрозаводск, 1947 (глава «Богатыри на заставе, в семье и в поле за сохой»).

⁸³ Русское народное творчество. Т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953.

Два первых раздела о былинах в книге «Русское народное поэтическое творчество» — «Былевой эпос X—первой половины XI в.» и «Былевой эпос периода феодальной раздробленности» — принадлежат Д. С. Лихачеву. В первом очерке указывается, что в основном уже в Киевское время складываются отраженные в былинах представления об «эпическом времени» и «эпических социальных отношениях». Они, эти отношения, не вполне совпадают с особенностями жизни Киевского времени, а рисуются в чертах, типичных для более раннего времени, для периода военной демократии. «Свою мечту о социальной справедливости народ переносил в прошлое и в прошлом видел прежде всего то, что хотел увидеть в настоящем». «В этом „эпическом времени“ народ чувствовал себя свободным, сильным, защищающим Родину, спасающим Киев, восстанавливающим справедливость, наказывающим своих классовых врагов». Однако «эпическое время» не рисовало социальной утопии. Оно в сознании народа «отнюдь не век социального и материального благополучия, когда остается только наслаждаться достигнутым... это прежде всего время „возможностей“. Это время богатырских подвигов, когда народ *восстанавливает справедливость, устанавливает свое благополучие, обороняет Родину. Это время деятельности прежде всего*. Поэтому былины имели «огромное воспитательное значение, пробуждая народную активность, энергию».⁸⁴

Во втором очерке Д. С. Лихачев указывает, что развитие былинного эпоса в период феодальной раздробленности идет по двум путям. С одной стороны, «идеализируется единая Киевская Русь. Образуются новые сюжеты о борьбе со степными врагами, переносящие действие в обстановку относительно единого древнерусского государства». Лихачев подчеркивает прогрессивное значение идеализации прошлого, «поскольку идеализировалось не все прошлое в целом, а только те его стороны, которые отвечали потребностям настоящего». Так, обращение к единству Руси в прошлом «было призывом к ее единству в будущем», в идеализации могущества Руси при Владимире «заклучалась надежда на ее могущество в грядущем». С другой стороны, пишет Лихачев, в эпосе, отражающем новую действительность, «усиленно складываются антикняжеские и антибоярские настроения». Впрочем, в народном сознании XII—XIII вв. князь Владимир продолжает еще выступать «как относительно *положительный* эпический образ», поскольку он «символизировал собою время единства Руси». Но народ «не равнял его со своими богатырями». Только они «были выразителями народных идеалов».⁸⁵

Лихачев указывает также, что первое место в этот период начинают занимать в эпосе темы социальные и бытовые, причем

⁸⁴ Там же, стр. 184—190.

⁸⁵ Там же, стр. 222—226.

они особенное развитие получили в Новгороде. Причина тому, по словам Лихачева, — «расцвет экономического благосостояния и могущества Новгорода». Кроме того, «подобно тому как время Владимира Святославича представлялось в киевских былинах временем „эпических возможностей“ в сфере военной, так и время вечевых порядков в Новгороде было таким же временем „эпических возможностей“ в сфере социальной», так как хотя вечевые порядки и не представляли «народоуправства», эксплуатируемое большинство все же «не было полностью лишено инициативы, и именно это побуждало народ в своем творческом воображении дорисовывать то, чего не было, но что могло быть в социально-бытовой обстановке Новгорода». В этом плане Лихачев и рассматривает содержание новгородских былин и образы их героев. «Былины о Садке, — пишет он, — замечательны своей идеей возможности победить силу денег, силу богатства силой искусства. Былины о Василии Буслаевиче запечатлены идеей о возможности герою пробить себе дорогу в жизни только своими личными качествами: смелостью, силой, умением». «Здесь, как и в других случаях, былины отражают народные желания, отвечают народным мечтам о счастливой, зажиточной и независимой жизни. Былины как бы восстанавливают социальную справедливость, с отсутствием которой народ сталкивается в жизни».⁸⁶

В следующем очерке («Былевой эпос XIII—XV вв.») автор его, М. О. Скрипиль, выделяет в качестве одной из ведущих тем — тему борьбы с татарами, непосредственно связанную с исторической обстановкой периода. Былины отразили неугасающую мечту широких народных масс об успешном и скорейшем исходе борьбы. «В современных нам былинах, — указывает М. О. Скрипиль, — сохранились не только „следы“ и „отголоски“ татарского нашествия и ига, как утверждали представители „исторической школы“, но и широкий круг социальных и политических представлений народа того времени, его чаяний и ожиданий». Он отмечает также, что для героических былин XIII—XV вв. «характерно общее движение повествования в направлении большей его историчности», в связи с чем в былинном повествовании «нарастали в этот период и реалистические элементы его». Но эпизоды исторически правдоподобные, правдивые самой действительностью, все же чередуются с поэтическим вымыслом — с изображением желаемого и ожидаемого, и связи русского эпоса XIII—XV веков с эпохой не ограничивались высокохудожественным и исторически верным изображением типичных картин борьбы: народнопоэтическое творчество этого времени «подымалось до широких обобщений, до выражения раздумий народа о происшедших истори-

⁸⁶ Там же, стр. 229—235.

ческих событиях, до определения линии поведения народа в связи с этими событиями, до глубокой оценки их».⁸⁷

Другая важная особенность идейно-художественного содержания эпоса XIII—XV вв., как показывает М. О. Скрипиль, — тесное переплетение с «татарской темой» темы классового антагонизма. Эпос XIII—XV вв. «насыщен непримиримой ненавистью к поработителям и резко выраженным отрицанием возможности сближения с ними», и эти мотивы проникают и в былины эпохи Киевской Руси. Былевой эпос не забывает заклеймить презрением нерешительность и трусость князей и бояр. «Единственным надежным защитником Родины, как и в старших былинах, являются богатыри, т. е. — сам народ».⁸⁸

Кроме военно-героических былин XIII—XV вв., М. О. Скрипиль рассматривает и те былины на общественно-политические и семейно-бытовые темы, которые он относит к тому же времени. В них он прослеживает мотивы классовой борьбы, социального неравенства и социального протеста.⁸⁹

В кратком очерке того же автора о былинах XVI в. выделяются мотивы, привнесенные уже в период укрепления централизованного русского государства в сложенные ранее былины. Так, в былине о «Наезде литовцев» отмечено отражение окрепшего в XVI в. самосознания русского народа, выражение национальной гордости; в былинах о Сухмане и Михаиле Даниловиче — обостренное изображение конфликта между князем и богатырем.⁹⁰ В былине XVI в. «Вавила и скоморохи» раскрывается ее глубокий идейный смысл, заключающийся в противопоставлении народа «инишному царству», царству несправедливости и зла. Народ ведет с ним борьбу и побеждает. «Крестьянская идеология, — говорит М. О. Скрипиль, — находит здесь свое крайнее выражение: благодаря Вавиле и его чудесным помощникам „загорелось инишное царство и сторело с краю и до края“, и Вавила воцарился на обновленной земле».⁹¹ Автор очерка справедливо видит в этой былине «поэтическое выражение народной мечты о счастье и социальной справедливости, т. е. тех настроений русского крестьянства, которые особенно сильно захватывали его накануне и в период крестьянской войны начала XVII века».⁹²

В последнем посвященном былинам очерке I тома коллективного труда «Русское народное поэтическое творчество», написанном В. П. Адриановой-Перетц, высказаны предположения о том, какое направление получило развитие идейно-художественного содержания былинного эпоса в XVII в. Автор на основе отдель-

⁸⁷ Там же, стр. 258—265.

⁸⁸ Там же, стр. 266—272.

⁸⁹ См. там же, стр. 272—282.

⁹⁰ Там же, стр. 338—341.

⁹¹ Там же, стр. 342.

⁹² Там же.

ных штрихов в немногих записях, сохранившихся от XVII в., и наличия аналогичных мотивов в более поздних записях предполагает, что именно в XVII в. была в эпосе углублена под впечатлением событий исторической действительности тема социального протеста — ведущая тема всего народного творчества этого времени. Былины насыщаются мотивами такого характера, еще более заостренным становится изображение классово враждебного отношения богатырей к правящим верхам. «Не исключена возможность, — пишет В. П. Адрианова-Перетц, — что именно в XVII веке Илья Муромец получил эпитеты „казак“, „старый казак“. В этих эпитетах отразилась и роль казачества в противоправительственных восстаниях, и стремление былины подчеркнуть, что крестьянский сын Илья Муромец остается свободным и тогда, когда крестьяне были уже окончательно закрепощены». «В обстановке народной борьбы с правительством мог быть доработан сюжет ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром», и Илья обрисован как друг бедноты — «голей кабацких». Та же историческая обстановка определила и переработку в XVII в. былины о Василии Игнатьеве в остром социальном плане: «голь» представлена активной силой, восстающей против бояр и защищающей от татар Киев.⁹³

Таким образом, в «Очерках» набросан в общих чертах путь развития идейного содержания былевого эпоса по основным этапам русской истории до XVIII в., т. е. в продолжение всего периода его продуктивной жизни. Если не всегда можно согласиться с разнесением отдельных былин по историческим периодам, то раскрытие идейно-художественного содержания эпосов этих периодов в общем убедительно. Особенного внимания заслуживает раскрытие отраженной в очерках былинной концепции, «эпического времени» как своеобразной особенности былевого эпоса, отличающей его от исторических песен.⁹⁴

Углубленное раскрытие в эпосе народной идеологии определенных исторических эпох находим в труде В. Я. Проппа «Русский героический эпос».⁹⁵

В отличие от авторов первого тома «Русского народного поэтического творчества», В. Я. Пропп берет более крупные исторические эпохи. Отлична также и научная методика, определенная методологическими предпосылками. Авторы «Очерков» в отнесе-

⁹³ Там же, стр. 416—422. — Эти положения были высказаны еще В. Ф. Миллером (Очерки..., т. II, стр. 316) и поддержаны А. М. Астаховой (Былины Севера, т. I, стр. 561—562; Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948, стр. 62), как и указывает В. П. Адрианова-Перетц.

⁹⁴ Эта концепция излагается и в ряде других работ Д. С. Лихачева: Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 52—63; «Эпическое время» русских былин. В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей, М., 1952.

⁹⁵ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. 2, испр. М., 1958, (впервые издано: Л., 1955).

нии отдельных былин или их циклов к определенным историческим эпохам опирались отчасти на некоторые критически ими освоенные результаты предшествующих исследований. Кроме того, они привлекали народные исторические предания, запечатленные летописью и характеризующие эпоху и народное сознание того времени; они принимали также во внимание общую направленность фольклора и литературы. Иначе говоря, они шли от характера исторической эпохи к эпосу, отыскивая отражения этого характера в отдельных сюжетах и образах. В. Я. Пропп для того, чтобы раскрыть, как он говорит, «связь развития эпоса с ходом развития русской истории и установить характер этой связи», предпринимает внимательное прочтение заново каждой из былин. «Предметом нашего анализа и изучения должна стать прежде всего *сама былина*, ее герои, ее повествование, ее замысел. Только после того, как будет решена эта задача, смогут быть решены и другие».⁹⁶

В результате такого прочтения В. Я. Пропп выделяет большую группу былинных сюжетов, темы и ведущие идеи которых позволили ему отнести их к эпохе развития феодальных отношений. Затем он рассматривает круг былин, связанных с борьбой против татаро-монгол, и, наконец, эпос эпохи образования централизованного государства.

Каково же идейно-художественное содержание песен первой группы?

Среди них автор останавливается сперва на нескольких сюжетах, не только перешедших из эпоса догосударственного, но и сохранивших идеологию древнейшей, докиевской поры. Это былина о походе Волха Всеславьевича и две былины о Святогоре: «Святогор и „сумочка переметная“» и «Святогор и гроб». Первая, по мнению автора, отразила «не те исторические войны, которые вела древняя Русь, а межплеменные схватки, набеги» в различных хищнических целях. Это и объясняет тот факт, что былина «была почти забыта, когда создался собственно воинский эпос», так как не соответствовала идеологии Киевского государства и киевского эпоса.⁹⁷ Обе былины о Святогоре изображают его гибель. В. Я. Пропп считает, что это связано в эпосе «с самой сущностью, с природой этого героя». В образе Святогора представлен герой-исполин, обладающий невероятной физической силой, ни к чему не прилагаемой. Сюжеты о Святогоре должны были сложиться в эпоху, «когда герои-исполины еще не были забыты, но когда они перестали удовлетворять новым идеалам, требованиям новых героев».⁹⁸ Отсюда и «обреченность» Святогора. В позднейших переработках во второй сюжет был включен Илья Муро-

⁹⁶ Там же, стр. 19.

⁹⁷ Там же, стр. 73—75.

⁹⁸ Там же, стр. 86—87.

мец как новый герой, который приходит на смену старому, а сумочка переметная первого сюжета стала знаменовать «тяжесть земледельческого труда, для которого недостаточно той физической силы, которой обладает Святогор»: для этого требуются иные силы, «носителем которых изображается крестьянство».⁹⁹

Архаические сюжеты догосударственного эпоса используются также, как показывает В. Я. Пропп, в группе былин Киевской Руси о сватовстве — в былинах «Садко», «Михайло Потык», «Иван Годинович», «Дунай» и «Козарин». Анализ этих былин привел исследователя к заключению, что эти былины «обладают известным единообразием и закономерностью. Брак или вовсе не происходит, или он оказывался трагически неудачным. Причина этого состоит в том, что в эпосе эпохи становления и первоначального развития русского государства преодолевается и отрицается старая традиция эпоса эпохи распада родового строя, где женитьба героя стояла в тесной связи с идеологией и требованиями этого строя».¹⁰⁰

Так, в былине о Садко, в той части, где рассказывается о пребывании героя в подводном царстве и которую В. Я. Пропп считает пришедшей из догосударственного эпоса, преодолевается «традиция брака с существом из иного, не человеческого мира». В былине о Потыке старый родовой сюжет о добывании жены издалека, не из мира людей, приобретает новую форму, отразившую влияние идеологии новой исторической эпохи: «из борьбы за невесту» сватовство и женитьба «превращаются в борьбу *против* невесты», которая изображена колдуньей и иноземкой.¹⁰¹ В сюжет включаются в соответствии с общей направленностью эпического творчества Киевской Руси героические мотивы борьбы с иноземным нашествием. Так старая традиция в этой былине «*приспосаблиется* певцами к новой идеологии».¹⁰²

В былинах «Иван Годинович», «Дунай» и «Козарин» В. Я. Пропп показывает дальнейшее развитие цикла киевских былин о сватовстве и судьбу традиций доисторических сюжетов о добывании невесты издалека (осуждение брака русского богатыря с иноземкой, усиление исторического фона — изображения борьбы с врагами русского государства).

В содержании былин о борьбе богатырей с чудовищами Пропп стремится показать, как преобразуются доисторические сюжеты или их мифологические образы в новой исторической обстановке. «Облик врага, — пишет он, — менялся в зависимости от реальной исторической борьбы русского народа. Первоначально враги, с которыми борются герои русского эпоса, носят еще фантастический

⁹⁹ Там же, стр. 81.

¹⁰⁰ Там же, стр. 167—168.

¹⁰¹ Там же, стр. 117.

¹⁰² Там же, стр. 118.

или мифологический характер». Он «унаследовал от более ранней ступени в развитии эпоса», но «по мере того, как усиливается борьба за национальную независимость против исторических врагов русского народа, враги приобретают более и более реальный исторический характер». ¹⁰³

Древний змееборческий сюжет о борьбе с хозяином стихий, враждебным человеку, получает в былинне «Добрыня и змей» более широкий смысл. «Победа над змеем понимается не как победа человека над силами природы, а как победа молодого русского государства и его новой культуры над темными силами прошлого». Змей воспринимается как «художественный образ догосударственного прошлого». ¹⁰⁴ Такова первоначально, по мнению В. Я. Проппа, основная идея былинны, когда, быть может, этот сюжет стоял еще вне киевского цикла. Далее змей становится врагом Киева, а Добрыня — защитником родной земли (освобождение им «полонов русских», захваченных змеем). ¹⁰⁵ Подвиг освобождения Забавы сохраняется в качестве реликта эпического творчества той поры, когда сюжет змееборчества был связан с темой освобождения похищенной женщины.

Такое же переоформление старых традиций в сторону наполнения сюжета патриотическими военно-героическими мотивами показывает Пропп и в былинне «Алеша и Тугарин» и в возникшей на ее основе былинне «Илья и Идолище».

Что касается былинны о первой поездке Ильи Муромца («Илья и Соловей-разбойник»), то ее В. Я. Пропп считает более поздней, чем рассмотренные ранее былинны, поскольку, как говорит он, решающее значение в ней имеют «не архаические элементы, не наличие в ней мифологического чудовища, а те мотивы, которые свидетельствуют о преодолении древнейшего наследия и придают былинне о Соловье-разбойнике совершенно новое содержание». В былинне о Соловье-разбойнике процесс смены врага мифологического врагом-человеком уже закончен. ¹⁰⁶ Образ Соловья — это «художественное изображение сил, разъединивших Русь, дробивших ее на части, стремившихся к замкнутости, к изоляции Киева как столицы от остальной Руси». ¹⁰⁷

Рассматривая идейно-художественное содержание былин о борьбе с чудовищами, В. Я. Пропп останавливается на образах героев-богатырей, раскрывает культурный, моральный и героический облик Добрыни, характеризует Алешу со стороны его героических и нравственных черт, отмечает все эпизоды, в которых отразились высокие качества Ильи Муромца как могучего богатыря,

¹⁰³ Там же, стр. 180.

¹⁰⁴ Там же, стр. 194.

¹⁰⁵ Там же, стр. 196.

¹⁰⁶ Там же, стр. 243—244.

¹⁰⁷ Там же, стр. 255.

героя бескорыстного, неподкупного, полного чувства собственного достоинства и самообладания.¹⁰⁸

Кроме рассмотренных групп песен, В. Я. Пропп в разделе киевских былин выделяет еще группу былин сказочного характера. К ней он относит былины «Илья Муромец и сын», «Три поездки Ильи», «Добрыня и Маринка», «Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алеши», «Глеб Володьевич», «Ставр Годипович». В книге анализируются первые четыре из названных былин. Общие черты идейно-художественного содержания былин этой группы при всем разнообразии их тематики и сюжетов заключаются, по словам автора, в следующем: «В былинах этой группы часто разрешаются сложные вопросы семейного и личного порядка... В них, как и в сказке, герой проявляет высоту своего морального характера, свою находчивость, силу и смелость... высказана народная мысль и мораль, народная оценка человеческих характеров и поступков».¹⁰⁹ Эти черты В. Я. Пропп и показывает в анализе выделенных им былин. В быльине «Илья Муромец и сын» он подчеркивает величие Ильи, рука которого не дрогнет, чтобы убить изменника, хотя он и оказывается его собственным сыном. В быльине о трех поездках он выделяет моральную чистоту Ильи и его героический облик, в обеих былинах о Добрыне — нравственную высоту и стойкость характера Добрыни. В быльине о «Добрыне в отъезде» он отмечает характер противопоставления Добрыни и Алеши («они противопоставлены не только как соперники, но и как типы»), специфическую русскую особенность трактовки международного сюжета (конфликт «всегда в конечном итоге принимает шуточный характер») и осуждение князя Владимира, насильно заставившего жену Добрыни согласиться на брак с Алешей.¹¹⁰

Глубоко и тонко анализирует В. Я. Пропп содержание былин об отражении татаро-монгольского нашествия. Он справедливо считает, что «по своему идейному содержанию, по степени художественной зрелости песни об отражении татар — самое значительное из того, что в области эпоса создано русским народом». Песни эти выражали «не отдельные факты побед или поражений», а выражали в дни бедствий «несокрушимую волю народа к победе». О ней, победе, пел народ уже тогда, когда этой победы еще не было.¹¹¹

В построении песен, относящихся к кругу былин о царе Калине, В. Я. Пропп отмечает «замечательное единство народной мысли и народных устремлений при всем разнообразии их выражения»,¹¹² в самом изображении нашествия — чрезвычайную реа-

¹⁰⁸ Там же, стр. 184—186, 208—213, 247—249 и 254—256.

¹⁰⁹ Там же, стр. 260.

¹¹⁰ Там же, стр. 278—279, 285—286.

¹¹¹ Там же, стр. 288.

¹¹² Там же, стр. 302.

листичность и историческую правдивость.¹¹³ Но содержание былин об отражении татар характеризуется не только изображением исторических потрясений во всей их конкретности и выражением народных устремлений, но и тем, что они дают «картину острой социальной борьбы», рисуют глубокий разлад между князем Владимиром и богатырями. «Наиболее острую форму этот разлад принимает, — говорит Пропп, — в былине о бунте Ильи против Владимира», и автор показывает проявление этого разлада в названной былине,¹¹⁴ а затем и в самих былинах о татарском нашествии.¹¹⁵

Подробно также останавливается В. Я. Пропп на том, как изображен Владимир, каково его поведение в разгар событий. Он оказывается неспособным дать отпор татарам. Организатором обороны становится Илья Муромец, народный герой. К нему и вынужден обратиться беспомощный, растерявшийся князь.¹¹⁶ Пропп указывает на глубину замысла сцены в темнице, рисующей, как умоляет Владимир опального богатыря о помощи. Сцена эта, говорит он, «глубоко исторична в том смысле, что в ней обобщен огромный исторический опыт. Только сам народ, руководимый своими, а не чуждыми ему вождями, может спасти родину».¹¹⁷ Эту же идею выделяет В. Я. Пропп и в разборе былин о Василии Игнатьеве¹¹⁸ и о Василии Казимировиче, сложенных, по его мнению, еще во времена татарского ига. Основную идею второй былины Пропп формулирует так: «... вопреки Владимиру и его политике, русские герои одерживают верх над Батыем и навсегда освобождают родину от насильственного ига, возвращают ей свободу и национальную независимость». Исторический смысл былины в том, что она «правильно передает обстановку: она указывает на то, что народ осознал свои силы, она показывает, с какими мыслями и чувствами войны шли на бой, когда возникали решительные столкновения, одним из которых позднее была Куликовская битва».¹¹⁹

В былинах, которые Пропп относит к эпохе образования централизованного русского государства, он выделяет в качестве основного идейного содержания борьбу социальную. Этим московский эпос и отличается от более раннего, где хотя тоже изображалась социальная борьба, но она была не основным предметом повествования. В связи с новым содержанием эпос получает и иной характер и стиль. Он «уже не столь монументален, как прежде», но «выигрывает в реалистичности». В нем «более широ-

¹¹³ Там же, стр. 308—313.

¹¹⁴ Там же, стр. 290—301.

¹¹⁵ Там же, стр. 320—325.

¹¹⁶ Там же, стр. 317—320 и 326—330.

¹¹⁷ Там же, стр. 321.

¹¹⁸ Там же, стр. 343 и сл.

¹¹⁹ Там же, стр. 368.

кое отражение действительного быта и классовых отношений», выведены люди всех сословий, эти сословия «противопоставлены и показаны в их реальной борьбе».¹²⁰ С этой точки зрения В. Я. Пропп и рассматривает содержание отдельных былин.

В былипе «Вольга и Микула», говорит он, противопоставлены князь и крестьянин-пахарь. В этом — народный смысл быliny. Художественный замысел ее — в возвеличении крестьянского труда. Такое понимание основной идеи этой быliny утвердилось уже, как мы видели, «в итоге дискуссии о богатырях русского эпоса. Но В. Я. Пропп уточняет характер противопоставления, связывая быlinу с новой эпохой. Былина эта, по словам В. Я. Проппа, «могла сложиться только тогда, когда классовые противоречия настолько обострились, что крестьянство уже начало сознавать себя и свое значение и противопоставлять себя другим классам».¹²¹ В Вольге, по его интерпретации, «обрисован ярко выраженный образ феодала-крепостника, отправляющегося выжимать из своих подчиненных „получку“... дружина Вольги защищает не интересы страны, а классовые интересы князя».¹²² Идеализированный образ Микулы «воплощает крестьянский идеал в эпоху феодального крепостничества». Микула изображен как свободный крестьянин, пашущий на общинной земле и снимающий урожай «для потребления внутри своей сельской общины». Содержанием песни «служит осуждение феодального князя, крупного землевладельца и властителя». Ему противопоставлен крестьянин, «живущий не поборами, а трудом, гордый своим трудом и сознающий значение и влияние этого труда».¹²³

В былинах о Сухмане и о Даниле Ловчанине В. Я. Пропп видит основную ведущую идею в окончательном развенчании князя Владимира. В этих былинах Владимир, по словам Проппа, изображается «уже не только как государственный деятель: народ изображает его низкие моральные качества, рисует его как изверга, как безнравственное существо, попирающее все требования человеческой морали».¹²⁴ В обеих былинах противопоставлены князь и богатырь. В. Я. Пропп стремится и здесь социально уточнить изображенный конфликт. Владимир характеризуется им как «ставленник бояр, равнодушный к судьбам России и преследующий узко сословные, классовые цели». Он «находится в руках бояр, слушает их наущения и наговоры и является орудием их политики». Сухман «не принадлежит к богачам, боярам, купцам, Он принадлежит к числу немущих». Конфликт между Владимиром и Сухманом — это конфликт между идеологией боярства и идеологией народа. Апалогично рисует В. Я. Пропп и конфликт

¹²⁰ Там же, стр. 373.

¹²¹ Там же, стр. 374.

¹²² Там же, стр. 378.

¹²³ Там же, стр. 381—387.

¹²⁴ Там же, стр. 388.

между Владимиром и Данилой Ловчанином. В последнем Пропп видит «служилого дворянина середины XVI века, который за землю был обязан военной службой государю». При дворе Владимира он представляет «общенациональные, антибоярские интересы».

Социальные конфликты усматривает В. Я. Пропп и в былинах «Алеша Попович и сестра Петровичей-Сбродовичей» и «Хотен». В первой Пропп трактует поступок Алеши на пиру, когда тот рассказывает о своей связи с Еленой Петровичной, как выступление в защиту девушки-затворницы против ее братьев, «отвратительных насильников», «воплощающих весь ужас старого затхлого патриархального быта»; былина «Хотен» рассматривается как былина «антибоярская» и «антикупеческая» (столкновение знатной боярыни, кичащейся своим родом, с незнатным и бедным героем)

К поздним былинам В. Я. Пропп относит и былины о Василии Буслаевиче, которые он трактует как отражение классовых боев в Новгороде XV—XVI вв.

Из имен и прозвищ членов дружины Василия в некоторых вариантах Пропп заключает, что она составляется из обездоленных людей труда. Возглавив эту дружину, Василий Буслаев борется «со всей той системой, которая делит новгородцев на богатых гостей, князей и бояр, с одной стороны, и „черных людей“, людей труда... с другой».¹²⁵ Вторая былина органически связана с первой, продолжая развивать тему борьбы со старым укладом: в первой Василий борется «с окружающим его человеческим миром» — «купеческим, богатым и богомольным Новгородом», во второй «он вызывает на бой уже „нездешние“ силы, предрассудки, в которые еще веруют его современники». «Былина о Василии Буслаевиче, — заключает Пропп, — отражает первые смутные проблески сознания того, что старый мир со всеми его порядками и со всеми предрассудками должен быть разрушен. Таким разрушителем и является Василий Буслаевич».¹²⁶

Поздней и московской былиной считает В. Я. Пропп и былинку о Дюке, трактуя ее как антибоярскую былинку XVI—XVII вв., изображающую в сатирическом освещении состязание двух богатей и «щалов» — Дюка и Чурилу.

Уже в первых же рецензиях на книгу В. Я. Проппа в издании 1955 г.¹²⁷ справедливо отмечались большие удачи автора в анализе идейного содержания героического эпоса. Е. М. Мелетинский подчеркнул «литературоведческие» достоинства труда В. Я. Проппа, мастерское раскрытие им при помощи анализа художественных

¹²⁵ Там же, стр. 455—463.

¹²⁶ Там же, стр. 476—477.

¹²⁷ «Вечерний Ленинград», 1955, № 277, 24 ноября (Л. Емельянов); «Звезда», 1956, № 3 (Б. П. Путилов); «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1956, т. XV, вып. 2 (Е. М. Мелетинский); «Советская этнография», 1956, № 2 (П. Д. Ухов).

деталей идейного народного замысла. «В. Я. Пропп, — писал Мелетинский, — видит в фольклорных произведениях прежде всего произведение искусства и вместе с тем стремится вскрыть социально-исторические корни выраженных в эпосе идеалов».¹²⁸ По мнению П. Д. Ухова, — и с этим нельзя не согласиться, — особенно важно, что В. Я. Пропп, прослеживая основные этапы развития былин, «показывает, как изменилось их идейное звучание, определяемое общественными условиями времени». «Идея русской государственности, идея патриотизма и выражение непримиримого чувства ненависти к классовым угнетателям — таков высокий пафос русского эпоса». Раскрывая эти и другие черты былин, автор «сделал ряд тонких, полных остроумия и пронизательности наблюдений».¹²⁹

Действительно, если мы возьмем, например, анализ былин времени борьбы с татарами, то в таком полном, ярком и глубоком раскрытии идейное содержание этих былин предстало лишь в изложении В. Я. Проппа, хотя многое из того, что он указал в этих былинах, отмечалось и предшествующими исследователями. Убедительно и ярко прослежена Проппом эволюция социальных тенденций в былинах на протяжении всех этапов продуктивного периода жизни русского эпоса. В изучении идейно-художественного содержания русского героического эпоса в советское время труды В. Я. Проппа принадлежат одно из самых значительных мест.

Вместе с тем ряд его интерпретаций отдельных былин и целых групп очень спорны. Выше уже отмечалось архаизирование ведущего замысла былины «Садко». Показ старых традиций и их преодоления в эпосе киевского времени заслонил в изложении В. Я. Проппа развитие уже в этот ранний период эпоса военно-героического, хотя отдельные мотивы такого порядка им и отмечены. Б. А. Рыбаков прав, говоря, что В. Я. Пропп представил былинное творчество Киевской Руси в «незаслуженно» обедненном виде. Рыбаков, правда, укорял Проппа со своих позиций, с которыми мы не можем согласиться, но фактический пробел в характеристике эпоса ранней государственной поры указан им правильно: былины о заставе богатырской, о единоборстве оставлены Проппом без надлежащего внимания или отнесены к более позднему времени. Увлеченный своей концепцией о смене в эпосе московского периода ведущих акцентов в изображении героической борьбы, Пропп порой преувеличивал и в какой-то мере модернизировал характер социальной борьбы в таких былинах, как «Вольга и Микула», «Сухман», «Василий Буслаев», что побуждало его приурочивать эти былины к московскому периоду. Он даже примысливал эту борьбу в былине об Алексее и сестре Сбро-

¹²⁸ «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XV, вып. 2, стр. 179.

¹²⁹ «Советская этнография», 1956, № 2, стр. 148.

довичей-Петровичей, а антибоярские тенденции видел в былине «Дюк Степанович».¹³⁰

Все это доказывает необходимость продолжать работу по раскрытию идейно-художественного содержания былин в направлении главным образом тщательной проверки сделанных ранее наблюдений, а также и той методики, с помощью которой они были произведены.¹³¹

Многие из выдвинутых В. Я. Проппом положений нашли место в одной из лучших былинных антологий 50-х годов, составленной Б. Н. Путиловым и В. Я. Проппом.¹³² Близкие трактовки содержатся и в антологии «Былины» Б. Н. Путилова, изданной в серии «Библиотека поэта».¹³³

В двух разобранных крупнейших работах 50-х годов по эпосу изучение идейно-художественного содержания было выдвинуто на первое место. Намечены были и основные этапы развития этого содержания. С особой концепцией по этому вопросу выступила в те же годы Т. М. Акимова.¹³⁴ Ею выдвинут вопрос, на каком этапе развития героического эпоса появились в нем острые социальные мотивы. По ее концепции, для начального периода характерна главным образом тема героико-патриотическая. Приняв тезис Д. С. Лихачева о том, что былины с самого начала создавались как повествования о прошлом, Т. М. Акимова сложение военно-героического эпоса относит ко времени не ранее татарского нашествия. «Восхищаясь в былинах героическим прошлым родины, — пишет Акимова, — русский народ прославлял своих лучших сынов-богатырей». Они рисовались «средствами особой, одним былинам присущей гиперболы».¹³⁵ Но создавались и былины новеллистические, социально-бытовые. В них конфликт из военно-политического плана перенесен в социальный или морально-психологический. Прославление необыкновенных качеств героев мирной жизни требовало тоже идеализации и преувеличе-

¹³⁰ Некоторые возражения в этом плане были сделаны в указанных рецензиях Мелетинского и Ухова. См. также в моей статье «Сатира и юмор в русском былинном эпосе» («Русский фольклор. Материалы и исследования», т. II, М.—Л., 1957) возражения против интерпретации былин об Алеше и сестре Сбродовичей-Петровичей и о Дюке (стр. 30—31, 35).

¹³¹ В работе В. Я. Проппа, между прочим, иногда наблюдается некритическое пользование текстами, что тоже отмечалось рецензентами.

¹³² Былины в двух томах, тт. 1 и 2. М., 1958.

¹³³ Былины. Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Б. Н. Путилова. Л., 1957 («Библиотека поэта». Большая серия).

¹³⁴ Т. М. Акимова. Русские героические былины (схема исторического развития). Основные проблемы эпоса восточных славян. Изд. АН СССР, М., 1958. — Статья — обработанный доклад, прочитанный на Всесоюзном совещании по вопросам генезиса и истории героического эпоса и исторической песни восточных славян в Киеве в 1955 г. См. также: «Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского», т. LVI, вып. филолог., 1957.

¹³⁵ Т. М. Акимова. Русские героические былины..., стр. 62—65.

ния. И здесь та же идейно-художественная цельность, простота содержания и построения.¹³⁶

Но вот начиная с середины XIX в. в былинах появляются новые мотивы, которые осложняют обычное содержание былили и нарушают простоту и ясность их композиции: «в героико-патриотическую тему врывается тема социальной борьбы, которая иногда даже заслоняет и перебивает ее. Создается некая двуплановость в идейном замысле и поэтической структуре былины».¹³⁷ Большое разнообразие вариантов героических былили такого типа свидетельствует, по мнению Акимовой, что тема общественного протеста, выражение народного недовольства классовым гнетом искала в XVIII и XIX вв. своего воплощения. «Наиболее интенсивным и достигавшим выразительных результатов этот процесс был в 50—60-е годы XIX века».¹³⁸

Изложенная концепция сразу же вызвала возражения. В рецензии на сборник «Основные проблемы эпоса восточных славян»¹³⁹ указывалось, что автор представил такое движение героического эпоса на основе главным образом материалов сборника Кирши Данилова — весьма ненадежной базы для суждения о характере общерусской былинной традиции до середины XVIII в. Если даже предположить, что социальные мотивы в былинах не были исконными, то мало вероятно, чтобы бурный XVII в., получивший такое яркое отражение в литературе, никак не сказался на былинном эпосе. «Конечно, — писал автор рецензии, — в середине и конце XIX в., в эпоху еще большего усиления классовых противоречий, некоторые из социальных мотивов заостряются, эпизоды, отразившие социальную борьбу, насыщаются новыми деталями, но это происходит в порядке развития уже возникшей ранее традиции».¹⁴⁰

Убедительной критике концепция Т. М. Акимовой подверглась также в статье Б. Н. Путилова «Об историческом изучении русского фольклора».¹⁴¹ В ней отмечена ошибочность основной предпосылки автора в изучении исторических изменений идейно-художественного содержания былинного эпоса — прямолинейное определение вариантов, записанных в разное время, как более ранних и поздних по существу. Указывается также, что, приняв положения Акимовой, мы должны были бы допустить, что сказители середины XIX в. не только были способны «сознательно сопоставлять политическое настоящее с историческим прошлым, но и заново создавать исторические былины со сложным полити-

¹³⁶ Там же, стр. 68.

¹³⁷ Там же, стр. 69.

¹³⁸ Там же, стр. 72.

¹³⁹ «Советская этнография», 1959, № 4, стр. 137—142.

¹⁴⁰ Там же, стр. 139.

¹⁴¹ «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. V, М.—Л., 1960, стр. 74—76.

ческим подтекстом», что явно не согласуется с тем, что известно об эпической традиции этого времени.

К сказанному следует еще прибавить, что в рукописных текстах былины и их пересказов, восходящих к XVI в., наблюдаются некоторые следы снижения образов князя Владимира и бояр, осудительного отношения к ним. Авторы очерков о былинах в первом томе труда «Русское народное поэтическое творчество» и В. Я. Пропп убедительно показали наличие социальной проблематики в эпосе уже с XIII в. и значительное усиление в нем классовых мотивов и темы социальной борьбы в XVI—XVII вв. Историки указывают на наличие еще в ранний феодальный период народных волнений и восстаний, которые не могли не сказаться в том или другом виде на народном творчестве того времени.¹⁴² Концепцию Т. М. Акимовой следует признать совершенно несостоятельной.

В связи с проблемой фольклорного наследия встала в изучении идейно-художественного содержания былинного эпоса особая задача. Собираемые былины в XVIII—XX вв. показали живую сохранность эпоса в ряде мест России в XVIII—XIX вв. и довольно интенсивную жизнь эпической традиции (правда, уже в более ограниченных пределах) еще в первой четверти XX в., причем сохранялась былина в большинстве случаев не механически, а творчески. В отдельных местах былина, вопреки всем прогнозам о скором полном угасании эпической традиции, дожила в устном бытовании почти до середины XX в. Естественно вставал вопрос: почему былинный эпос, отразивший в основном историческую действительность и народные идеалы давно прошедших эпох, не только не исчез и не заглох в позднейшие времена, но продолжал, видимо, удовлетворять духовные запросы народа, продолжал его увлекать и волновать, без чего нельзя объяснить широкое распространение эпоса и долгую жизнь его в устной традиции.

Ученые выясняли многообразные причины этого явления — в социально-бытовых условиях и в состоянии общей культуры тех мест, где жила былина, в характере населения, которое продолжало ее культивировать.¹⁴³ Но одной из главных причин было само содержание былин, их народность, глубокий смысл и художественное совершенство образов. Поэтому и возникла задача: просмотреть идейно-художественное содержание эпоса именно под этим углом зрения, выделить в содержании былин те черты, которые сделали его созвучным трудовому народу позднейших времен и определили его длительную сохранность в устной традиции.

¹⁴² См. например: Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, стр. 61, 85—86, 94—98.

¹⁴³ См. об этом подробнее в главах VI и VII.

Освещению вопросов, связанных с выдвинутой задачей, посвящены главы второго тома коллективного труда «Русское народное поэтическое творчество».¹⁴⁴

В главе «Былинный эпос» первой книги рассматриваются сюжеты и образы былин в записях XVIII и середины XIX в. по основным тематическим циклам, отмеченным единой идейной направленностью. Так, анализируются военно-героические былины о нашествиях, «отбитом набеге», освобождении стольного города от захватившего его насильника, о «заставе богатырской», былины о единоборстве с врагом, о борьбе с насильниками и разбойными элементами внутри страны. В книге показано, что в былинах этой группы нашли четкое выражение и народные идеалы, связанные с высокой задачей борьбы за национальную независимость, борьба со всеми проявлениями зла и насилия, и классово-обличительные тенденции — изображение бессилия, трусости и аморальных поступков князя и его приближенных бояр, на фоне чего особенно выделяется образ народного героя, забывающего личные обиды во имя высокой задачи спасения родной земли и народа. Все это было близко и позднейшему крестьянству.¹⁴⁵

В очерке особо выделено изображение героикл труда (в былине о Вольге и Микуле, в былинах и сказках об Илье Муромце), так много говорящее трудовому крестьянству.¹⁴⁶

В былинах социально-бытовых тоже отмечены черты, сохранявшие непреходящий интерес и для позднейшего времени: кроме занимательных сюжетов и драматических ситуаций, в этих былинах содержались яркие мотивы социального протеста — изображение торжества народного героя над князем и его приближенными (былины о состязаниях богатыря с князем Владимиром), осуждение князя и бояр за подлые поступки («Сухман», «Данила Ловчанин» и др.), эпизоды, рисующие бесправие и беззащитность трудового населения и самоуправство богачей (былины о Чуриле). Это — с одной стороны; с другой — в них затронуты вопросы личной и семейной морали, воспеты преданность, верная любовь, проявления большой внутренней силы и т. п. («Добрыня и Алеша», «Данила Ловчанин», «Ставр Годинович»).¹⁴⁷ В былинах новгородских («Садко», «Василий Буслаев») подчеркивается их идейный смысл — в изображении тех возможностей, которые открываются перед человеком благодаря личным его качествам;¹⁴⁸ отмечается национальный характер героев.

¹⁴⁴ Русское народное поэтическое творчество, т. II. кн. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII—первой половины XIX века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955; кн. 2. Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX—начала XX века. М.—Л., 1956.

¹⁴⁵ Там же, кн. 1, стр. 146—163.

¹⁴⁶ Там же, стр. 163—165.

¹⁴⁷ Там же, стр. 165—172.

¹⁴⁸ Там же, стр. 172—175.

Одним словом, в былинах отражены вековые идеалы народа и растущее классовое сознание. Значительность проблематики эпоса, глубина и идейное богатство образов и выделили эпос из фольклорного наследия прошлых веков как одну из значительных и ценных его частей, и ее бережно и творчески хранили народные сказители XVIII—XIX вв. «Монументальные образы могучих защитников родной земли, изображение их подвигов, предпринятых в интересах народа, отражение героизма, народной удали, оптимизма — все это сообщало, — по словам автора, — огромную действенную силу былинному эпосу и определило непреходящее его значение в жизни народа».¹⁴⁹

Об этом значении, не угасшем в конце XIX и первых десятилетиях XX в., говорится и в очерке «Былинный эпос» (во второй книге второго тома издания «Русское народное поэтическое творчество»), и в заключительной главе тома, озаглавленной «Передовые традиции народного творчества в советскую эпоху».¹⁵⁰ Этот же вопрос затронут и в книге «Русский былинный эпос на Севере».¹⁵¹ Созвучность содержания эпоса идеологии северного крестьянства показана здесь на примерах дальнейшей творческой разработки многих былинных мотивов, дошедших из далекого прошлого.

С проблемой идейно-художественного содержания русского былинного эпоса связано несколько отдельных работ на специальные темы. Таковы статьи К. А. Четкарева «Идеи патриотизма в русских былинах»,¹⁵² Н. К. Митропольской «К вопросу о научной оценке текстов русских былин (Быльны о борьбе Ильи Муромца с Калином-царем)»¹⁵³ и Тема защиты родины в русском героическом эпосе»,¹⁵⁴ А. М. Астаховой «Сатира и юмор в русском былинном эпосе».¹⁵⁵

В первой из названных статей Н. К. Митропольской подвергается научной критике текст былины в записи писателя Мея «С каких пор перевелсь витязи на Руси» и доказывается, что этот текст — если и не прямая подделка Мея, то во всяком случае стилизация под духовный стих. Положение это вызвало резкое возражение П. Д. Ухова, который привел ряд конкретных фактов, опровергающих аргументацию Митропольской.¹⁵⁶ К мнению Ухова,

¹⁴⁹ Там же, стр. 178.

¹⁵⁰ Там же, кн. 2, стр. 248—260 и 453—459. (Глава «Передовые позиции...» написана А. Д. Соймоновым, главы о былинном эпосе — А. М. Астаховой).

¹⁵¹ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, стр. 34—83.

¹⁵² «Ученые записки Марийского научно-исследовательского института языка литературы и истории», Йошкар-Ола, 1951, вып. IV.

¹⁵³ «Ученые записки Вильнюсского университета», 1955, № 6, серия историко-филолог. наук, т. 2.

¹⁵⁴ Там же, 1958, № 18, серия историко-филолог. наук, т. 4.

¹⁵⁵ «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. II, М.—Л., 1957.

¹⁵⁶ П. Д. Ухов. О подлинности текста былины, записанной Меем. В сб.: Научные доклады высшей школы. Филологические науки, М., 1958, № 1.

доказывавшего несостоятельность утверждения о ненародности былины, присоединился В. М. Сидельников. Признавая вместе с тем наличие в тексте былины некоторых черт, не свойственных русскому богатырскому эпосу, он высказал предположение, что они могли быть привлечены в среде старообрядческого населения Сибири.¹⁵⁷ Вопрос нуждается в доисследовании.

В статье «Сатира и юмор в русском былинном эпосе» показана органическая связь сатиры в эпосе, во-первых, с основной целеустремленностью героико-патриотических былин; во-вторых — с их социальной проблематикой. «Основная направленность былины, — говорит автор, — воспеть, возвеличить русского богатыря, народного героя, воплощающего силу, мощь народа, показать все великие его возможности, а также вызвать ненависть, отвращение и презрение к врагу и тем самым укрепить волю народа к борьбе и победе».¹⁵⁸ Одним из средств достижения этой цели и явилась в героическом эпосе сатира, обличающая и высмеивающая врагов родины. Когда же с обострением классовых противоречий в былины входят мотивы социального протеста, сатира направляется на раскрытие ничтожества князя и его придворного окружения — «князей-бояр».¹⁵⁹ В статье и рассматриваются в соответствии с этими двумя сторонами идейного содержания былин многообразные формы в них сатиры и юмора.

Итак, в изучении содержания былин как памятников народной поэзии, в раскрытии их идейной направленности и смысла сделано было в советское время немало. По двум ведущим идейным линиям — героико-патриотическому нафосу и социальной проблематике — общий характер русского эпоса вполне прояснен. В основном раскрыто и выражение народных представлений, касающихся человеческих взаимоотношений, личной и семейной морали.

Но в толковании отдельных былин еще много дискуссионных моментов, требующих, как указывалось выше, тщательной проверки высказанных положений и дальнейшей разработки.

Не все убедительно и в показе исторического развития содержания эпоса. Работа в этом направлении должна быть продолжена.

¹⁵⁷ В. М. Сидельников. Древнерусская эпическая традиция в Сибири. В кн.: Писатель и жизнь. Историко-литературные, теоретические и критические статьи. «Ученые записки Литературного института им. А. М. Горького», вып. 2, М., 1963, стр. 97.

¹⁵⁸ «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. II, стр. 6.

¹⁵⁹ Там же.

ГЛАВА IV

ВОПРОСЫ ЭНИЧЕСКОГО СТИЛЯ

1

Своеобразие поэтического строя былины привлекло к себе внимание сразу же после опубликования первого большого собрания былин — сборника Кирши Данилова. Так, еще Державин, давший отрицательную оценку содержания былин, в котором он усматривал «неленицу», «варварство» и «грубое неуважение женскому полу», правильно подметил и подчеркнул некоторые выделяющиеся черты былинного стиля. В «древних песнях», «изданных г. Ключаревым»,¹ — писал он в 1815 г., — «господствует гигантск», в них нет «ни разнообразия в картинах, ни в стопосложении», они «одноцветны и однотонны».² Отмечая, таким образом, гиперболу как метод былинного изображения, Державин указывал также на наличие объединяющего все былины определенного художественного канона. Ощущение известных поэтических норм, заключающих содержание русского былинного эпоса в строгие ограничительные рамки, очевидно, и было главной причиной, почему Державин, борющийся в поэзии против каноничности, отнесся и к художественной форме былин явно отрицательно.

Многие характерные особенности былинной поэтики, былинного стиля были отмечены также В. Г. Белинским в его статьях «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Данило-

¹ Имеется в виду первое издание (в 1804 г.) А. Ф. Якубовичем сборника «Древние русские стихотворения» по рукописи, принадлежавшей тогда Ф. П. Ключареву.

² Г. Р. Державин. Рассуждения о лирической поэзии или об оде. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, изд. 2, т. 7, СПб., 1878, стр. 614.

вым и вторично изданные», напечатанных в «Отечественных записках» 1841 г.³ Несмотря на небольшой материал, которым Белинский располагал, им был верно схвачен целый ряд существенных черт поэтического строя былины, причем некоторые особенности формы ставились в неразрывную связь с содержанием. Белинский отмечал целостность и сюжетную завершенность композиции каждой отдельной былины («сама по себе, ни вытекает из предыдущей, ни заключает в себе начала последующей»),⁴ величавость и приподнятость стиля («важность, увлечение, иногда возвышающееся до пафоса»),⁵ «музыкальность», «певучесть».⁶ Как характерные черты стиля он указывал также наличие так называемых «общих мест» и частых повторений слов, выражений и целых стихов.⁷ Белинский, однако, не видел еще во всех этих чертах проявления общих законов эпической поэтики. Поэтому повторения он называл «ненужными», а в «общих местах» усматривал выражение в формальной стороне «скудости и однообразия» самого содержания, характерных, по его мысли, для того этапа истории русского народа, когда в последнем еще не было развито в полной мере его духовное начало.⁸

Вместе с тем Белинский видел в поэтике былины и выражение той исполнинской мощи, какую отмечено само содержание. «Несмотря на всю скудость и однообразие содержания наших народных поэм, нельзя, — писал Белинский, — не признать необыкновенной исполнинской силы заключающейся в них жизни. . . Форма народных поэм совершенно соответствует их содержанию: та же исполнинская мощь — и та же неопределенность и то же однообразие в выражении и образах».⁹

Более подробные описания композиции и стиля былины относятся уже ко второй половине XIX в., когда были сделаны П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом открытия эпических богатств в Олонецком крае. Интерес к техническим средствам, к поэтике былины вырос в это время в особенности в связи с пересмотром вопроса о так называемой «безыскусственности» народной поэзии и о создателях эпоса. Наиболее полно охватил в конце XIX в. элементы композиции и стиля русских былины В. Ф. Миллер, стремившийся показом высокой поэтической техники былины подтвердить наличие профессиональных мастеров: только они, по

³ См.: В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. 5, М., 1954, стр. 289—428.

⁴ Там же, стр. 355—356.

⁵ Там же, стр. 354.

⁶ Там же, стр. 427.

⁷ Там же, стр. 427—428.

⁸ Там же, стр. 426—427.

⁹ Там же.

его мнению, и могли выработать эту технику.¹⁰ Особо Вс. Миллер останавливается на «запевках» и «прибаутках», отмечая, что они несомненно обнаруживают участие в разработке былинной поэтики профессиональных носителей народного творчества — скомоухов. Много внимания также уделил Вс. Миллер употреблению разного рода стереотипных формул в зачинах и описаниях — в этом он видел механическое хранение старого эпического наследия позднейшими крестьянскими сказителями. Следствием такого механического хранения явились также, по словам Миллера, несообразности в употреблении постоянных эпитетов («поганый татарин» в речи самих татар, «ласковый князь Владимир», когда он поступает несправедливо и жестоко, и т. п.). Это встречается, указывал Миллер, иногда и в гомеровском эпосе как следствие обращения исполнителей к выкованному длительным употреблением фонду поэтических формул, но наиболее резко эти особенности проявляются в русских былинах, коих «последними хранителями (нередко и искажителями) были северные крестьяне». Как одну из характерных особенностей былин Миллер выделяет также «эпическую ретардацию» — замедленность и растягивание былинного рассказа путем всевозможных повторов.

Перечисления указанных Вс. Миллером элементов былинной поэтики стали повторяться с некоторыми дополнениями (отмечаются еще гиперболы, разного типа сравнения, прием контрастного изображения и пр.) и другими исследователями и вошли в общие курсы и учебники.¹¹ Однако во всех этих работах, как и у самого В. Ф. Миллера, анализ поэтики превращается в простой список отдельных ее элементов без соотношения (или почти без соотношения) их с содержанием, с общим характером и художественной направленностью жанра и без исследования внутренней связи этих элементов друг с другом.

Одновременно с общими обзорами и характеристиками поэтического своеобразия былины производится в XIX—начале XX в. и ряд частных исследований, касающихся отдельных сторон былинной поэтики. Так, А. Н. Веселовский в нескольких своих работах 80—90-х годов касался вопроса о природе былинного эпи-

¹⁰ См.: В. Ф. Миллер. Русская былина, ее слагатели и исполнители. «Русская мысль», 1895, №№ IX, X; перепечатано: Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I. М., 1897, стр. 32—52.

¹¹ См., например: А. М. Лобода. Русский богатырский эпос. Киев, 1896, стр. 113—125; А. Бороздин. Былины. В кн.: История русской литературы. Под ред. Е. В. Аничкова. Т. II. 1908, стр. 277—279; В. В. Сиповский. История русской словесности, ч. 1, вып. I. Изд. 6. СПб., 1912, стр. 77—82; А. Сиротинин. Беседы о русской словесности. СПб., 1913, стр. 242—245, 263—277; Ю. М. Соколов. Русский фольклор. Учебник для высших учебных заведений. Учпедгиз, М., 1938, стр. 233—237; изд. 2, М., 1941.

тета¹² в его различных функциях. Однако это явление языка былин интересовало Веселовского лишь в связи с общей проблемой истории поэтического стиля, и вопрос о соотношении особенностей эпитета в русском эпосе с содержанием и направленностью этого творчества им не затрагивался.

Очень рано был поставлен вопрос о былинном стихе, связанный с общей проблемой русского народного стихосложения, своеобразии которого послужило предметом оживленных споров на протяжении всего XIX в. Ввиду особого места, которое стихосложение занимает в общей поэтической системе художественных произведений, вопросы изучения былинного стиха вынесены нами в специальный раздел.¹³

После Белинского попытку установить соотношение поэтики былинного эпоса с его внутренней сущностью находим впервые в работе Фр. Миклошича «Изобразительные средства славянского эпоса».¹⁴ Но Белинский, как мы видели, еще не ставил вопроса об общих законах эпической поэтики. Цель же Миклошича — выяснить специфику народного эпоса вообще в области изобразительных средств, которые, как он говорит, являются «наружными проявлениями духовной сущности» или «психей» «эпического народа», т. е. народа в тот период, когда творился эпос.¹⁵ В противоположность Вс. Миллеру, изобразительные средства народных эпосов Миклошич считал не «искусственным творчеством профессиональных певцов и поэтов», а «безыскусственным» созданием «большой коллективной личности» — народа. «Песня, — писал он, — рождается не из субъективного ощущения и мысли отдельного человека, а из глубины духа целого народа».¹⁶

К рассмотрению Миклошич привлекает эпосы славянских народов — сербов, хорватов, болгар, русских, украинцев, поскольку именно эти эпосы донесли до новейшего времени народную эпическую форму. К греческому эпосу Миклошич обращается лишь эпизодически, для сравнения. Поэтика русского былинного эпоса в работе Миклошича исследуется, таким образом, на фоне аналогичных явлений других славянских эпосов.

Миклошич выделяет следующие категории изобразительных средств, которые выражают определенные художественные тенденции народных певцов, в отличие от стремлений индивидуаль-

¹² А. Н. Веселовский. 1) Из лекций по истории эпоса. В кн.: А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. Ред., вступ. статья и примеч. В. М. Жирмунского. Л., 1940, стр. 450—451 (впервые — литогр. изд., СПб., 1884—1885); 2) Из истории эпитета. Там же, стр. 73 и сл. (впервые — ЖМНП, 1895, декабрь).

¹³ См. стр. 143—162.

¹⁴ Древности. Труды славянской комиссии Московского археологического общества. Т. 1. М., 1895 (доклад, прочитанный на заседании Венской Академии наук в 1889 г.).

¹⁵ Там же, стр. 207.

¹⁶ Там же, стр. 204—205.

ных поэтов, и являются всеобщими для народных эпосов: 1) медлительность рассказа, вызванная таким полным погружением певца в повествование, при котором каждый отдельный, даже незначительный, казалось бы, момент действия приобретает интерес и значение; этим достигается непрерывность изображения;¹⁷ 2) всевозможные виды повторений (отдельных слов, целых фраз, предлогов, употребление синонимов и этимологически родственных слов), обусловленные тем, что народный певец «не может быстро освободиться от овладевшего им представления», а также и тем, что он стремится при помощи повторений облегчить слушателю запоминание и усилить впечатление;¹⁸ 3) употребление постоянных эпитетов, связанное со стремлением «изобразить предмет в его чувственной определенности»;¹⁹ и, наконец, 4) употребление сравнений, которые делают предмет нагляднее и задерживают на нем внимание слушателя.²⁰

Миклошич правильно подчеркивает, что и сравнения, и постоянные эпитеты, и некоторые другие художественные приемы не являются простыми украшениями, а вытекают из внутренних потребностей народного рассказа, из общих требований эпической изобразительности. Вот почему так много аналогий в изобразительных средствах эпосов не только различных славянских народов, но и эпоса греческого.

Работа Фр. Миклошича богата сравнительным материалом, заимствованным им из указанных выше славянских эпосов. Она очень важна самой постановкой вопроса об определенных законах народного эпического повествования, но она не разрешает вопроса в целом, так как сосредоточивает внимание лишь на нескольких — далеко не на всех — элементах эпической поэтики. Да и декларируемые Миклошичем «общие требования эпической изобразительности» полностью не раскрыты и не объяснены.²¹

¹⁷ Там же, стр. 207—208.

¹⁸ Там же, стр. 207 и 208—219.

¹⁹ Там же, стр. 207 и 219—229.

²⁰ Там же, стр. 207 и 229—334.

²¹ В связи со сказанным следует указать на неправильную оценку работы Миклошича в статье В. Я. Проппа «Язык былин как средство художественной изобразительности» («Ученые записки ЛГУ», № 173, серия филолог. наук, вып. 20, 1954). В ней говорится: «Миклошич объясняет почти все выделенные им особенности эпического языка неповоротливостью мышления и речи крестьян. Их мысль и речь будто бы топчутся на месте, и отсюда замедленность речи, тавтологии, повторения и т. д. В такого рода объяснениях сказывается барское пренебрежение к искусству крестьян, которые будто бы не могут создать ничего полноценного» (стр. 375). Миклошич, наоборот, чрезвычайно высоко ставит народно-эпическую поэзию. По его словам, это «предмет удивления всего мира». Он с возмущением говорит о тех, которые «думают, что возвышенное и прекрасное во все времена создавалось выдающимися гениями», а не народом, и что песни, созданные даровитыми поэтами, лишь потом были приняты народом (Изобразительные средства славянского эпоса, стр. 204).

Значительно позже опыт установления эпических законов повторил датский ученый Аксель Ольрик в докладе, прочитанном в Берлине на IV Международном съезде историков в августе 1908 г. и озаглавленном «Эпические законы народной поэзии».²²

Отмечая наличие общих всем народно-эпическим произведениям особенностей композиции, А. Ольрик заключает отсюда о действии в народной поэзии особых эпических законов. К ним он относит прежде всего «закон вступления» и «закон завершения», из которых первый обуславливает постепенный переход «от спокойствия к возбуждению», а второй дает «успокоение» взволнованному настроению после заключительного события, носящего часто «характер катастрофы».²³ Подобно Фр. Миклошичу Ольрик выделяет также «закон повторения» (обычно троекратного), которое необходимо не только и не столько для напряженности (*Spannung*), сколько для усиления и полноты изображаемого.²⁴ Кроме того, он отмечает в качестве эпического закона соблюдение в эпической композиции принципов «сценической парности» (т. е. одновременное участие в действии не более двух персонажей) и «противоположности» (старость противопоставляется юности, большое — малому, человек — чудовищу и т. д.).²⁵ А. Ольрик указывает также на перенос в эпическом повествовании значения всегда на последнее испытание, на младшего брата и т. д. Этот, так называемый им, «кормовой упор» (*Achtergewicht*) в соединении с «троичностью» Ольрик и считает «главнейшим отличительным признаком народной поэзии» и «законом эпоса».²⁶

К законам эпической композиции Ольрик причисляет еще «единство действия» (т. е. непрерывную последовательность, отсутствие параллельных повествовательных рядов), сосредоточение действия вокруг главного персонажа, симметричность действия, обязательное выражение всякого свойства персонажей и вещей в действии, логическую оправданность каждого вносимого мотива его влиянием на действие и ряд других. А. Ольрик, таким образом, довольно полно охватывает действительно общие всем эпическим произведениям, в том числе и былинам, композиционные приемы. Однако, стоя на формалистических позициях, он почти не касается происхождения этих приемов и их обусловленности народным сознанием на определенном историческом этапе; очень мало говорит и о связи их с художественными функциями жанра, ограничиваясь в большинстве случаев одним лишь утверждением об их неразрывной принадлежности народной поэзии.

²² Axel Olrik. *Epische Gesetze der Volksdichtung*. «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Litteratur», t. II, Berlin. 1909.

²³ Там же, стр. 2—3.

²⁴ Там же, стр. 3.

²⁵ Там же, стр. 6.

²⁶ Там же, стр. 7—8.

Опыт построения целостной поэтики былины, исходя из «внутреннего организующего принципа ее», из понимания былины как художественного целого, сделал А. П. Скафтымов в своем исследовании «Поэтика и генезис былин».²⁷ В нем он подверг анализу героический цикл былинного эпоса. Рассматривая различные отдельные варианты, Скафтымов пытался обнаружить «центральную формирующую силу и единую связь и функциональную значимость всех частей».²⁸ Анализ разных записей одних и тех же былин убедил его, что «даже в тех случаях, когда варианты отходят друг от друга», новые детали и эпизоды «несут одну и ту же художественную функцию, направленную к одному же центральному заданию».²⁹ Этот общий стержень Скафтымов ищет, однако, не в идейной направленности былины, а в чисто эстетическом, отвлеченном от идейной сущности устремлении. В этом основная методологическая ошибка А. П. Скафтымова.

Таким стержнем он считает эффект неожиданности. Отправляясь от него, Скафтымов и изучает экспозицию, установку драматической ситуации, описание самого подвига, заключительную часть былины. В результате Скафтымов приходит к убеждению, что «былина от начала до конца сохраняет одно и то же стремление удивить, поразить слушателя неслыханным подвигом своего героя».³⁰

В книге Скафтымова заключены верные и очень ценные наблюдения над особенностями архитектоники георической былины: сконцентрирование всего построения былины вокруг ее главного героя, что «создает, с одной стороны, решительное преобладание динамики над элементами статики» в повествовании³¹ (например, почти полное отсутствие описательного элемента), с другой — вызывает задержку на эпизодах и деталях, способствующих выделению героя, — отсюда при общей стремительности рассказа имеются «звенья замедленного темпа».³² Вместе с тем основная ошибочная предпосылка привела автора к неправильному заключению о соотношении эстетических и идеологических элементов в былине. Последние, как мы уже видели выше,³³ низводятся до простых аксессуарных и подчиненных эстетическому заданию средств.³⁴

²⁷ А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. М.—Саратов, 1924.

²⁸ Там же, стр. 47.

²⁹ Там же, стр. 48.

³⁰ Там же, стр. 63.

³¹ Там же, стр. 83—89.

³² Там же, стр. 90.

³³ См. главу II.

³⁴ Следует отметить, что в новом издании главы, посвященной поэтике былин (А. Скафтымов. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958, стр. 3—50), А. П. Скафтымов снял все формулировки, утверж-

Вслед за А. П. Скафтымовым изучает композицию былинного действия М. О. Габель.³⁵ Тот угол зрения, под которым рассматривается былина у Скафтымова, — «как произведение, строящееся на эффектах удивления, неожиданности, эмоционального напряжения, причем эти эффекты группируются вокруг богатыря, художественного центра былины», — Габель считает явно недостаточным и ведущим к неправильным выводам. «Если сделать, — пишет она, — дальнейшие выводы из работы Скафтымова, то богатырскую былинку приходится отнести к группе исключительно занимательных произведений. Но эффекты занимательности редко являются художественной доминантой; их значение обычно служебное, и уже в силу этого трудно видеть в них главную особенность былинной композиции».³⁶

Сама Габель основным принципом былинной композиции считает симметрию.³⁷ К этому заключению она приходит после тщательного, скрупулезного изучения различных форм действия и в героических, и в новеллистических былинах. Она различает два основных вида действия — «механическое», которое, по ее определению, «представляет собой ряд отдельных моментов, расположенных во временной последовательности и меняющих свои пространственные отношения», и «драматическое», представляющее «сложный комплекс событий, причинно связанных, так что каждое событие вытекает из предыдущего и вызывает последующее».³⁸ Каждый из этих видов встречается в различных формах в зависимости от разных случаев объединения эпизодов при механическом их сцеплении и разного соотношения «восходящей» и «нисходящей» линии при драматическом действии (т. е. нарастающей и убывающей частей драматизма). М. О. Габель рассматривает также отдельные приемы,двигающие действие («забегание вперед», прием торможения, антитезу и др.), роль действующих персонажей в динамике повествования и внешнюю планировку действия.

По двум последним вопросам М. О. Габель возражает А. Ольрику, который говорил о законах «однолинейности действия» (т. е. развития действия по линии героя, в зависимости от него) и «сценической двойственности» или парности. Габель правильно указывает, что в былинах действие нередко бывает и «многолиней-

давшие подчинение идеологического элемента эстетическому заданию, и подчеркнул народно-патриотическую и классовую патетику былин (см. стр. 50).

³⁵ М. О. Габель. К вопросу о технике русского былинного эпоса. Формы былинного действия. «Наукові записи науково-дослідчої катедри історії європейської культури», Державне видавництво України, 1927 (статья написана в 1925 г.).

³⁶ Там же, стр. 49—50.

³⁷ Симметрия, как мы видели, была признана А. Ольриком основным «эпическим законом».

³⁸ М. О. Габель. К вопросу о технике русского былинного эпоса.

ным», переходя от одного лица к другому.³⁹ Что касается закона сценической двойственности, установленного А. Ольриком, то и он, по наблюдению М. О. Габель, не обязателен: в быльях могут сразу участвовать в действии и три лица.

В работе М. О. Габель многие наблюдения заслуживают внимания, они вносят поправки в положения Ольрика и дополняют Скафтымова, освещая вопросы, им не затронутые. Но она еще более, чем эти ее предшественники по изучению былинной композиции, грешит формалистическим подходом к проблеме, рассматривая конструктивные формы былинного действия уже совершенно вне не только идейной сущности былины, но и художественной направленности жанра.

В те же годы появляется вторая работа М. О. Габель, касающаяся вопросов поэтики былины, — о форме диалога в былинах,⁴⁰ отмеченная тем же основным недостатком, но также изобилующая интересными эмпирическими наблюдениями.

К концу 30-х годов относится первый опыт общей характеристики былины исходя из специфики самого жанра. Опыт этот принадлежит Н. П. Андрееву, который в научно-популярном очерке, предваряющем его антологию былинного эпоса,⁴¹ попытался связать все элементы былинной поэтики с основными жанровыми чертами былины. Таковыми он считал «героичку», «эпичность» и «песенность». С этими моментами Н. П. Андреев и связывает главные особенности поэтики былины, вскрытые его предшественниками.

Героическим характером былины определяется прежде всего ее гиперболичность, переходящая нередко в прямую фантастику. Гиперболичен не только сам герой — его сила, все его действия, — гиперболичны и его противники. Чтобы подчеркнуть величие подвига героя, используется прием контраста. Как ни могуч богатырь, но в сопоставлении с чудовищным образом противника он оказывается обыкновенным человеком, — тем разительнее его победа.⁴²

«Эпический характер былины, — пишет Н. П. Андреев, — проявляется в замедленности повествования, в плавном, спокойном движении его». Все построение, основные части его способствуют такому движению повествования. Само изложение «также характеризуется медлительностью». Она создается, между прочим, детализацией описательных моментов и усиливается повторностью различного рода (называются основные случаи повторений, а также «общие» места). Наконец, отмечается простота изложения как характерное свойство эпического строя (логическая и

³⁹ Там же, стр. 60—61.

⁴⁰ М. О. Габель. Форма диалога в былинах. Збірник на пошану акад. Д. Багалея, Харків, 1928.

⁴¹ Н. П. Андреев. Былины. Русский героический эпос. Л., 1938 («Библиотека поэта». Большая серия).

⁴² Там же, стр. 18.

хронологическая последовательность событий, «однолинейность» характеристик, сосредоточение внимания на одном герое, почти полное отсутствие лирических элементов).⁴³

Былина — произведение, рассчитанное на пение. Здесь Н. П. Андреев характеризует особый склад напева — речитативность. С напевом связан стихотворный ритм и наполнение былины не имеющими смыслового значения словами и частицами. Как песня, былина прибегает к созвучиям и ассонансам различного типа.⁴⁴

Подобное же стремление дать поэтику былины как выражение жанровой специфики, в органическом единстве всех поэтических элементов былины, легло в основу раздела «Поэтические особенности» главы «Былинный эпос» в книге «Русское народное поэтическое творчество».⁴⁵

Отправным пунктом для автора явилось положение о неразрывной связи поэтики былин с их идейно-художественной целеустремленностью. Как и Н. П. Андреев, основным моментом, определяющим поэтику былин, автор считает их героический характер. «Былины, — говорится в очерке, — формировались в эпоху русского средневековья как произведения героические, которые должны увлекать слушателя образами физической мощи и патриотической доблести героев, совершающих подвиги для защиты Родины и трудового населения от иноземных захватчиков и всяких других насильников. Отсюда общий приподнятый и величавый строй былины и грандиозность всех ее образов».⁴⁶ Так как былина посвящена изображению подвигов героя, его действий, его качеств и судьбы, то все построение былины направлено на то, чтобы с наибольшей четкостью выделить и обрисовать героя. Он — центральная фигура. Развитие сюжета происходит в зависимости от действий героя («однолинейное» построение); в большинстве случаев он не сходит со сцены, события следуют в хронологической последовательности, нанизываясь одно на другое и обязательно объединяясь фигурой героя. Если же в более сложно построенных былинах наблюдается переход от одного лица к другому («многолинейное» построение), основной герой остается связующим звеном, он ни на минуту не выпадает из поля зрения, хотя его самого на сцене и нет.⁴⁷

При анализе отдельных компонентов былины автор рассматриваемого очерка тоже стремится связать их с общей идейной на-

⁴³ Там же, стр. 20—22.

⁴⁴ Там же, стр. 22—23.

⁴⁵ Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII—первой половины XIX века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955. (Глава об эпосе написана А. М. Астаховой).

⁴⁶ Там же, стр. 179.

⁴⁷ Там же, стр. 180—182.

правленностью былины (назначение запевов и характер зачинов, поступательный характер повествования, случаи замедленности изложения при общей динамичности его, характер концовок и т. п.).⁴⁸

Героическому содержанию былин соответствует и особый ритмический склад стиха, плавный и величавый.⁴⁹

С героическим характером жанра связана и специфическая черта стиля былины — гиперболичность изображаемого. Все в былине приобретает чрезмерные, грандиозные размеры: сила богатыря, его действия, скачка на его коне, враг, с которым богатырь борется, препятствия, которые ему приходится преодолевать. Это та особенность былинного стиля, которую так метко определил, как мы видели, Державин, сказав про былины, что в них «господствует гигантск».

В качестве другого важного момента, обусловившего своеобразие поэтики былин, в очерке называется «характерная для художественного сознания средневековья тенденция к выделению идеальной сущности изображаемого».⁵⁰ Выражением указанной тенденции явился обобщенный характер былинных образов, а изобразительных средств былины такой особенно характерный для нее прием, как постоянные эпитеты. «Постоянство эпитетов, — говорится в очерке, — вызвано стремлением к выделению не временных признаков, характерных для данного момента, а признаков идеальных, т. е. предполагаемых как наиболее типичные. Таким образом, постоянство эпитетов связано с общей тенденцией средневекового сознания к обобщению и служит целям типизации».⁵¹ В связи с этим получают объяснение и случаи алогичного употребления постоянных эпитетов («поганный татарин» и «собака Калин-царь» в речах самих татар), на которые неоднократно обращалось внимание как на свидетельство механического употребления поэтических средств и их искажения в среде позднейших сказителей.⁵² На самом же деле эти случаи являются «результатом того, что в фольклорных эпитетах отбрасываются преходящие свойства предметов и лиц и дается их обобщенная типовая специфика». Как указывается в очерке, «Калин-царь может быть и мил послу-татарину, но вообще он — „собака Калин-царь“, и потому этот эпитет должен оставаться всегда, при всех случаях неизменным. Явление это имело место в самые цветущие периоды жизни эпоса».⁵³

⁴⁸ См. там же, стр. 183—188.

⁴⁹ Там же, стр. 195.

⁵⁰ Там же, стр. 179.

⁵¹ Там же, стр. 190. — О постоянном эпитете русских былин как определении, выделяющем «типовой, идеальный» признак предмета, говорил еще раньше В. М. Жирмунский в статье «К вопросу об эпитете» (Памяти П. Н. Сакулина. Сборник статей, М., 1931, стр. 81).

⁵² См. выше, стр. 129.

⁵³ Русское пародное поэтическое творчество, т. II, кн. 1, стр. 190—191.

Другие характерные для былинной речи особенности, на которые тоже неоднократно, как мы видели, обращалось внимание, — разного типа словесные повторы и синонимы — связываются в очерке с определенной поэтической функцией: помочь «более острому, четкому восприятию изображаемого» усилением значения как отдельных слов, так и целых стихов, подчеркиваемым их смысловой нагрузкой. В очерке отмечается также основное различие в художественном назначении синонимии в былинах и в народных лирических жанрах (песнях и причитаниях). В последних она несет в основном эмоциональную нагрузку, тогда как в эпическом жанре «служит преимущественно целям логического выделения и целям образительности». ⁵⁴

Наконец, в очерке отмечается, что некоторые художественные черты былин «определены особыми условиями бытования эпоса, складывались в процессе исполнительской практики». ⁵⁵ Так возникли, например, повторяемые формулы, так называемые «общие места» (*loci communes*) — «результат коллективных художественных исканий», ⁵⁶ — образовавшие фонд готовых образов, помогавший сказителям воссоздавать усвоенные былины, создавать новые редакции и складывать новые былины.

В очерке использованы и обобщены наблюдения в области былинной поэтики, отраженные в предшествующей литературе, дополненные личными наблюдениями автора и соотнесенные с основными художественными тенденциями былинного жанра.

Почти одновременно с рассмотренным очерком (и даже несколько раньше его) вышла в свет статья В. Я. Проппа, касающаяся тех же вопросов. ⁵⁷ В соответствии с поставленной задачей, отраженной в заглавии, В. Я. Пропп сосредоточивает все свое внимание на речевых особенностях былинной поэтики. Это дало ему возможность с особой тщательностью и глубиной останавливаться на каждом из основных речевых средств образительности и к тому, что уже было отмечено до него, сделать ряд существенных дополнений и дать объяснение рассматриваемому приему в соответствии с общей художественной системой былины.

Так, он отмечает редкость в эпосе метафоры, поскольку индифференциальность, столь характерная для народной лирики, эпосу чужда. «Те предметы, те явления жизни, которые в нем воспеваются, созданные им герои и изображаемые им события настолько высоки, совершенны и прекрасны, обладают сами по себе настолько широким общенародным интересом, что не нуждаются ни в какой метафоричности... Наоборот, как будет видно, вся

⁵⁴ Там же, стр. 194. — Вопрос детально разработан А. П. Евгеньевой в конце 40-х годов. См. ниже.

⁵⁵ Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1, стр. 179.

⁵⁶ Там же, стр. 192.

⁵⁷ В. Я. Пропп. Язык былин как средство художественной образительности.

поэтическая система эпоса направлена к тому, чтобы из всего окружающего мира выделить и определить нужное с совершенной четкостью и точностью, так, чтобы... образ предстал... во всей его зрительной конкретности». ⁵⁸ Этим стремлением певца обусловлено несколько большее, чем метафоры, распространение сравнения, которое помогает более конкретному изображению, и особенно отрицательного сравнения, которое путем дифференциации воображаемого и действительности достигает особой точности и наглядности.

Очень важно наблюдение В. Я. Проппа над тем, как велик удельный вес слова в эпосе. Это он видит в разных случаях употребления эпитетов — и характеризующих, и оценочных. Именно то, что эпитет выполняет «функцию точного обозначения» в самом разном направлении — «выделяет предмет из ему подобных», «способствует точному и четкому обозначению», «создает яркие зрительные образы», «выражает народное мнение», — эпитет составляет «одно из основных изобразительных средств эпоса». ⁵⁹

Ту же художественную функцию выделения нужных слов, усиления значения и веса их выполняют и всевозможные виды повторений и особая форма обращения при прямой речи. ⁶⁰ От повторений, имеющих целью усилить удельный вес слова, по мнению В. Я. Проппа, следует отличать «сочетания и соединения из слов, близких по значению или даже восходящих к одному корню» (думу думать, путь-дорога). Они имеют уже другую цель — придать слову точность. ⁶¹

В. Я. Пропп отмечает предпочтение эпосом глаголов несовершенного вида, выражающих не только незаконченность действия, но и его повторяемость и длительность, а также нередкую замену прошедшего времени глаголов настоящим временем. Все это тоже способствует зрительному восприятию изображаемого. ⁶² И вот итог: «Все приведенные примеры и наблюдения говорят об одном: о наличии ярко выраженной народной эстетики. Одно из основных требований этой эстетики состоит в таком выборе слова или сочетания слов, который давал бы максимально ясный и четкий зрительный образ». ⁶³

Таким образом, и в этой статье видим стремление связать отдельные характерные черты былинной поэтики в единую эстетическую систему и объяснить их художественной направленностью жанра. ⁶⁴

⁵⁸ Там же, стр. 381.

⁵⁹ Там же, стр. 383—390.

⁶⁰ Там же, стр. 393—396.

⁶¹ Там же, стр. 396—398.

⁶² Там же, стр. 400—402.

⁶³ Там же, стр. 399.

⁶⁴ Основные положения статьи повторены В. Я. Проппом во втором издании книги «Русский героический эпос» (1958, стр. 519—542). При

Еще до статьи В. Я. Проппа вопроса о поэтическом языке былины касалась А. П. Евгеньева в двух своих статьях конца 40-х годов — «О некоторых особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (постоянный эпитет)» и «Язык русской устной поэзии. (Синонимия)».⁶⁵ Статьи богаты материалом, отобранным из произведений устной народной поэзии, в частности былин, и ценны тщательным всесторонним изучением различных случаев применения в художественных целях двух важных речевых средств — эпитета и синонимии.

Обе статьи интересны в особенности тем, что убедительно показывают на многих примерах функциональные отличия одних и тех же языковых явлений в жанрах эпических и лирических. Различен и удельный вес разных типов постоянных эпитетов и синонимических сочетаний. В статьях поставлен также чрезвычайно важный вопрос об историческом развитии изучаемых явлений. В статье об эпитетах показано, как логические и временные определения переходят в постоянные, как возникают новые эпитеты и т. п. Намечается в общих чертах движение в «постоянстве» эпитетов на протяжении XVII—XIX вв.⁶⁶ В статье о синонимии также подчеркивается творческая жизнь этого явления, изменение взаимодействия синонимии устной поэзии и книжной литературы.

Позднее в свои наблюдения над языком былин А. П. Евгеньева включила еще два важных явления: повторение предлогов и сочетание однокоренных слов (тавтология).⁶⁷ Как и в статьях конца 40-х годов,⁶⁸ А. П. Евгеньева устанавливает связи и отношения выделенных явлений с народными говорами и языком древнерусских письменных памятников, отразивших живую диа-

всей ценности сделанных наблюдений и обобщений статья не свободна от нескольких ошибочных положений. Во-первых, среди разного вида повторов В. Я. Пропп называет повторение предлогов специфической чертой былины, «общим законом былинного стиля» (стр. 391), тогда как это характерная черта древнерусского языка, отразившаяся и в прозаических памятниках средневековья и сохранившаяся в разговорном диалекте северных крестьян до сих пор. (См. об этом же: А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 67—68). Другое дело, что в общей системе изобразительных средств былины эта диалектная особенность поддерживает путем разделения слов предлогами общую весомость слова, совершенно правильно выделенную В. Я. Проппом в качестве одной из характерных черт эпического стиля. Во-вторых, «гой» или «ой» в обращении (уж ты ой еси) — вовсе не сокращенное «кой», т. е. «который», и «ой-еси» не обозначает «кой-еси», т. е. «сущий» (как определяет В. Я. Пропп, — см. стр. 393). Оно было связано со старинным русским глаголом «гойть», т. е. «жить», «здравствовать», п. сначала приветствие.

⁶⁵ ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948; т. VII, М.—Л., 1949.

⁶⁶ ТОДРЛ, т. VI, стр. 187.

⁶⁷ А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии... (главы 1 и 2).

⁶⁸ Эти статьи также вошли с некоторыми дополнениями в указанную монографию, образовав в ней главы 3 и 4.

лектную речь, и на большом материале записей былин разного времени и разных областных традиций показывает, что язык былин, как и язык устной поэзии вообще, — это живой язык их творцов и носителей. Но наблюдаемые явления речи, переосмысляясь, утрачивают в известных случаях свою первоначальную синтаксическую функцию и переходят в категорию выразительных художественных средств.

Важным моментом новых глав монографии, как и ранних статей, являются попытки автора проследить те изменения, которые претерпевают наблюдаемые явления живой речи в разных исторических условиях, и отражение этого процесса в фольклоре. Оказывается, что процесс этот происходил быстрее и отражен ярче в причитаниях, чем в былинах, в силу специфики обоих жанров. Жанровые же различия в использовании в фольклоре явлений языка с художественными целями, а также исторические изменения в их употреблении внутри одного жанра «раскрывают, — по словам автора, — с непреложной убедительностью не только бережное отношение к традиции, но и сознательное, творческое ее изменение».⁶⁹

Специально былинным эпитетам посвящена также статья П. Д. Ухова в книге «Основные проблемы эпоса восточных славян».⁷⁰ Автор обследует весь фонд постоянных эпитетов сборника Кирши Данилова и приходит к выводу, что они, за редким исключением, раскрывают предмет не с его «идеальной» стороны, а со стороны его естественных признаков — «с наиболее характерной, как правило, постоянной типической стороны» — и потому служат средствами типизации, обобщения.⁷¹ Здесь Ухов, в сущности, повторяет положение, высказанное уже в рассмотренном выше очерке о поэтических особенностях былины.⁷² Но имеются в статье и новые интересные наблюдения — над эпитетами, служащими целям создания индивидуального образа, раскрывающими предмет с необычной, нетипической стороны,⁷³ над тем, что в некоторых сочетаниях слов с постоянными эпитетами последние теряют конкретное значение и данные сочетания «приобретают характер

⁶⁹ А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии..., стр. 341.

⁷⁰ П. Д. Ухов. Постоянные эпитеты в былинах как средство типизации и создания образа. В кн.: Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958. (Книга представляет публикацию докладов, прочитанных на Всесоюзном совещании в Киеве в 1955 г., посвященном вопросам генезиса и истории героического эпоса и исторической песни восточных славян).

⁷¹ Там же, стр. 161—165. — Следует отметить, что слово «идеальный» П. Д. Ухов употребляет в значении «наиболее совершенный», а не так, как оно употреблялось применительно к эпитетам в советское время: типовой, самый типичный. См.: В. Жирмунский. К вопросу об эпитете, стр. 84; Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1, стр. 190.

⁷² См. выше, стр. 137.

⁷³ П. Д. Ухов. Постоянные эпитеты в былинах..., стр. 167—168.

неопределенности, несколько напоминающей по своему смыслу слова европейских языков, употребляемые с неопределенным артиклем (красна девица, река глубокая)». ⁷⁴

Ухов останавливается также на случаях алогичного употребления эпитетов. Он присоединяется к тому, что высказано было уже раньше об их смысле и роли в эпическом повествовании, ⁷⁵ но добавляет еще иные, возможные в некоторых случаях толкования. ⁷⁶

Специальное внимание было уделено и «общим местам» былин. Здесь ученых интересовал вопрос о степени устойчивости традиционных формул и об их своеобразии в репертуарах отдельных сказителей — вопрос, который был затронут еще Гильфердингом. ⁷⁷ В одной из последних работ, посвященных «общим местам», — статье А. В. Позднеева «Общие места и „перенесения“ в былинах» ⁷⁸ — поднят вопрос и о самом процессе образования традиционных формул. Автор пришел к выводу, что от «общих мест» следует отличать простые перенесения отдельными сказителями какой-либо формулы из одной былины в другую как промежуточный этап в образовании общих мест. При этом можно установить, для какой былины такая формула органична, а в какую она привнесена. Это должно помочь в изучении развития былинных текстов в процессе их устного бытования.

Вопросы эпической поэтики продолжают изучаться на материале русских былин и зарубежными учеными. Так, в работе 1960-х годов немецкого ученого Пойкерта ⁷⁹ снова рассмотрен вопрос об эволюции былинных постоянных эпитетов. Автор сообщает о проведенных им на материале тридцати разных былин наблюдениях над развертыванием простейших устойчивых объединений существительного с определением в более сложные и над возникновением новых объединений. Пойкерт исследует

⁷⁴ Там же, стр. 164.

⁷⁵ См. выше, стр. 137.

⁷⁶ Полагаем только, что истолкование в социальном смысле употребления в южнославянском эпосе сочетания «белые руки» в применении к арану (как к представителю нетрудового класса) является натяжкой.

⁷⁷ Онежские быliny, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4. Т. I. М.—Л., 1949, стр. 57. — См. следующие работы советских ученых: V. Ržiga. De l'évolution des pièces mobiles dans les bylines. «Revue des études slaves», t. XIII, fasc. 3—4, Paris, 1933; П. Д. Ухов. 1) Из наблюдений над стилем Сборника Кириши Данилова. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. I, М.—Л., 1956; 2) Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин. Там же, т. II, М.—Л., 1957.

⁷⁸ В кн.: Проблемы истории литературы. Под ред. М. Н. Зубкова. Изд. Московского государственного заочного педагогического института, М., 1964.

⁷⁹ H. Peukert. Bemerkungen zur Künstlerischen Gestalt der russischen Volksepik. «Zeitschrift für Slawistik», Bd. V, Heft 1, Akademie-Verlag, Berlin.

также смену в былинном повествовании глаголов разного времени и различных видов — явление, затронутое в работах В. Я. Проппа. В обоих случаях Пойкерт пытается уловить определенные закономерности и таким образом несколько дополняет и уточняет наблюдения своих предшественников — советских ученых, работы которых ему хорошо известны.

Как видим, в изучении композиции и стиля былины сделано довольно много. В сущности говоря, почти вся система поэтических средств былины уже вскрыта. Сделаны попытки (и в некоторых случаях убедительные) связать весь комплекс композиционных и стилевых особенностей с идейно-художественной направленностью жанра, с его эстетикой, отразившей народное сознание на определенной исторической стадии его развития.

Но вопрос об историческом движении этих особенностей пока еще только поставлен и сделаны некоторые наблюдения, главным образом в области языка былин. Кроме того, необходимо исследовать качественное и количественное применение этих средств в былинах разного типа — героических, социально-бытовых, сказочных. Это поможет решить вопрос о том, является ли тот род поэзии, который мы называем былинным эпосом и который привыкли считать единым жанром, действительно таковым, или это объединение нескольких жанров; поможет точнее решить вопрос и о классификации в пределах жанра (пока классификация основана только на тематических отличиях). Важно также исследовать местную специфику в пользовании традиционными изобразительными средствами.

Тогда полнее станут наши представления об областных эпических традициях, что откроет еще новые перспективы в освещении исторического развития жанра.

2

Наиболее трудным и сложным вопросом былинной поэтики, до сих пор не до конца разрешенным, является вопрос о стихе, хотя ему и посвящено немало работ.

На его своеобразие было обращено внимание еще в самом начале XIX в.

Изучение былинного стиха развивалось в основном в трех направлениях. Одни ученые пытались применить к стиху былин принципы литературного стихосложения, отыскивая в нем метрические размеры, свойственные русской литературной поэзии («стопная», по выражению М. П. Штокмара,⁸⁰ теория народного

⁸⁰ М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952.

стиха).⁸¹ Другие отвергали возможность укладывания былинного стиха, как и вообще стиха народной поэзии, в рамки литературной метрики и видели в былинном стихосложении организацию стихотворного ритма путем численно одинакового повторения в каждом стихе неравносложных словесных групп, объединенных ударением (тоническая концепция). Наконец, некоторые ученые, утверждая неразрывность в народной поэзии текста и напева, применяли в изучении былинного стиха принципы музыкального тактового строения, вводя понятия долготы и краткости как ритмических измерителей (музыкально-тактовая концепция). При этом в каждом из указанных направлений наблюдались отдельные частные расхождения в развитии основных положений.

Уже в самых ранних работах о народном стихосложении, в частности былинном, находим указания на трудность определения стоп. «Особливо большое затруднение в чтении их (текстов сборника Кирши Данилова, — А. А.) делает множество различных мер, употребленных им (Киршей Даниловым, — А. А.). Едва слух успеет привыкнуть к одной из них, как другая тотчас его поражает; и чтоб узнать, какой меры стих, должно каждой мерять».⁸² Характерно поэтому, что адепты стопной концепции для определения народного стиха используют, кроме обычных пяти классических стоп, еще и другие, заимствуя их из античного стихосложения и даже изобретая новые. Так, Д. Самсонов переносит из античной метрики четырехсложную стопу пео́н первый (/— — —) и изобретает пятисложную стопу с ударением на среднем слоге (— — / — —), которую он сам называет «сугубым» (т. е. двойным) амфибрахи́ем.⁸³

Первый, кто выступил с решительным возражением против расчленения народного стиха на стопы, был А. Востоков. «В русских стихах, — пишет он в своей работе «Опыт о русском стихосложении», — считаются не стопы, не слоги, а *прозодические периоды*, т. е. ударения, по коим и должны измерять стихи старинных русских песен».⁸⁴ Прозодическим периодом, таким образом, Востоков называет группу слов, спаянных друг с другом единым ударением, поглощающим другие ударения, свойственные живому произношению слов, входящих в данную группу. Число неударяемых слогов в прозодическом периоде может быть различно. Его «объятность», т. е. общее количество слогов, может доходить до 7—8 слогов, но чаще их бывает меньше — иногда 6,

⁸¹ Первые опыты разложения народного стиха на стопы находим еще у В. К. Тредиаковского, но все они относятся к лирическим песням.

⁸² Н. Грамматин. Рассуждение о древней русской словесности. М., 1809, стр. 25.

⁸³ Д. Самсонов. Краткое рассуждение о русском стихосложении. «Вестник Европы», 1817, № 15—16, стр. 250—251.

⁸⁴ А. Х. Востоков. Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817, стр. 105—106 (первое издание: «С.-Петербургский вестник», 1812, № 5, стр. 180).

обыкновенно же 3—4 и даже 2.⁸⁵ Определенная повторность в стихе таких прозодических периодов и формирует особый тип народного стихосложения, который Востоков называет «русским стихом».⁸⁶

Соответственно двум главным родам поэзии — лирическому и эпическому — Востоков разделяет и стихи народных песен «на лирические (песенные) и на эпические (сказочные)», т. е. былинные, главное различие между которыми он видит в разном числе ударений (и соответственно в меньшей протяженности всего стиха) и разных типах окончаний. Кроме того, песенные стихи, по словам Востокова, «по большей части равносложны и имеют (по большей же части) порядок ударений неизменяющийся».⁸⁷ Обоим этим видам стиха Востоков посвящает по специальной главе.

Стихи «сказочные» или «повествовательные» содержат три ударения и имеют дактилическое окончание. Востоков указывает, что этим размером сочинены из 26 произведений, помещенных в сборнике «Древние русские стихотворения» (первое издание Кириши Данилова), все, кроме двух.⁸⁸ Последнее ударение, таким образом, постоянно — на третьем слоге от конца, лишь изредка на четвертом (т. е. имеет, как бы сказали мы, окончание гипердактилическое). Остальные ударения располагаются произвольно. Первое ударение может перемещаться с первого слога на второй, третий, четвертый и даже пятый. Второе или среднее ударение «отделено от первого по крайней мере одним кратким слогом (лишь в редких случаях ударение следует одно после другого)», но может отделяться и большим числом неударяемых слогов, вплоть до шести, «смотря по величине стиха». Различные случаи размещения ударений и разное количество неударяемых слогов между ударными образует большое число вариаций стиха — по словам Востокова, более ста. Общая протяженность эпического стиха — от 7 до 13 слогов.⁸⁹

Попутно Востоков сообщает ряд дополнительных наблюдений над былинным стихом. Он отмечает подвижность ударений (дѣвица и девица, сѣребро и серебрѣ), включение «для меры» (т. е. размера) «наполнительных» частиц (а, что и др.) и «наполнительных» слогов в самих словах (богатырей могучиех, ко тоя... церкви... соборныя), с другой стороны — «выбрасывание слогов,

⁸⁵ Там же, стр. 106. — Востоков употребляет термины «долгие» и «краткие» стихи, но под ними понимает ударные и неударные. Сам он говорит: «...повышение голоса совсем не то, что протяжение оного. Сего последнего нет в русском языке, а потому и нет у нас собственно долгих слогов» (стр. 95—96).

⁸⁶ Там же, стр. 61.

⁸⁷ Там же, стр. 107.

⁸⁸ Там же, стр. 139.

⁸⁹ Там же, стр. 144—145. — В примечании Востоков приводит примеры «перемены» в положении ударений в стихах разной величины.

не входящих в меру» (белу руку, красна девица — вместо белую руку, красная девица); отсутствие инверсий и переносов из одного стиха в другой (enjambements). «У русского песнотворца или сказочника, — писал Востоков, — в каждом стихе полный смысл речи заключается, и расположение слов ничем не отличается от простого разговорного».⁹⁰

Востоков первый также поставил вопрос о соотношении народного стихосложения в напевным исполнением. Он отмечает, что при пении затушевывается та метрическая система, которая воспринимается при чтении и которую он обрисовал. «Пенье не имеет ничего общего с размером стихов», — говорит Востоков. Оно «по большей части уравнивает долгие слоги с краткими (т. е. ударные с неударными, — А. А.), и нередко сии последние протягивает еще долее первых, превращая их из пиррихий в спондеи и даже в диспондеи. При таком превращении естественно пропадают ударения, составляющие основу стиха русского» (т. е. стираются главные, «прозодические» ударения). Обнаруживается явное противоречие: при чтении стихов совершенно ощутительна выявленная им, Востоковым, ритмическая основа стихов, которые, однако, «для пенья собственно, а не для чтения сочинены». Востоков не берется объяснить это противоречие «между мелодиею и прозодиею русских песен», но оно, по его словам, «существует, и природа, единственная учительница русских стихосложению, умела согласить независимое существование в русском стихе двух разных мер, т. е. пенья и чтения».⁹¹ В этом высказывании Востокова важно то, что он признает возможным изучение народного стиха независимо от его напевного звучания, приемами филологического исследования, хотя ритм музыкальный и расходится с ритмом стиха, воспринимаемого вне напевного исполнения.

Труд Востокова, явившись первым научным исследованием законов народного стихосложения, в основном определил направление последующих изучений. Большинство ученых примкнуло к востоковской теории, внося в нее некоторые дополнения и терминологические уточнения. Н. Надеждин, сохраняя основные положения Востокова, вместо термина «прозодический период» предлагает наименование «тонический период», а ударение высшего порядка называет «логическим». Вместе с тем он затрагивает и поставленный Востоковым вопрос о соотношении ритма словесного и музыкального. Он говорит о «равновременности» тонических периодов, несмотря на различное число объединяемых в них слогов: «Ударение, сосредоточивая силу произношения на ударяемом слоге, в то же время может протягивать его для наполнения недостающих в такте слогов; между тем как прочие слоги,

⁹⁰ Там же, стр. 149—151.

⁹¹ Там же, стр. 156—157.

обессиленные, произносятся скоро, и чем больше их, тем скорее, чтоб уместиться в объем такта».⁹² Так Надеждин пытается согласовать ритм словесный с музыкальным, рассматривая «тонические периоды» как своего рода музыкальные такты.

Теория Востокова с терминологическими поправками Надеждина отражена в распространенных в середине XIX в. учебниках стихосложения П. Перевлесского и В. Классовского.⁹³ Впрочем, последний отмечает несостоятельность введенного Надеждиным термина «логические ударения», поскольку главное ударение тонического периода не всегда совпадает с логическим, и заменяет его «тоническим ударением». Что касается учебника Перевлесского, то его формулировки характеризуют, по справедливым словам М. П. Штокмара, «ту „каноническую“ форму, которую получила теория Востокова в работах его последователей и продолжателей в середине XIX в. Нетрудно, заметить, что ее „усовершенствования“ касаются главным образом терминологического оснащения проблемы».⁹⁴

Теорию Востокова принял также И. И. Срезневский, развивший его выводы на сравнительном материале славянских народов. Для Срезневского искать в старом славянском народном стихе ямбы и хорей — значит не понимать этого стиха.⁹⁵ Наблюдения Востокова он дополняет указанием на синтаксическую завершенность каждого ритмического периода в стихе. «Каждая стопа, — писал он, — т. е. каждая часть стиха, отмеченная отдельным ударением и заключающая в себе определенное количество слогов, должна быть и по содержанию отдельной частью мысли или фразы; с окончанием стопы должно было окончиться слово».⁹⁶ Он также отмечает произвольное распределение ударных слогов: «Место для слога с ударением сначала едва ли было определенное: ударение не могло быть только на первом и на последнем слоге стопы. Впрочем, к древним чертам развития славянского стиха должно отнести старание поместить ударение как можно ближе к середине стопы; так в русском эпическом стихе слог с ударением издавна становится в середине между двумя парами слогов без ударений».⁹⁷

⁹² Н. Надеждин. Версификация. «Энциклопедический лексикон» А. Плюшара, т. IX, СПб., 1837, стр. 504.

⁹³ П. Перевлесский. Практический синтаксис сложного предложения и стихосложения. М., 1848; В. Классовский. Версификация. СПб., 1863.

⁹⁴ М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения, стр. 48.

⁹⁵ И. И. Срезневский. Несколько замечаний об эпическом размере славянских народных песен. «Известия Академии наук», т. IX, вып. 1, СПб., 1860, стр. 345.

⁹⁶ И. И. Срезневский. Мысли об истории русского языка. СПб., 1950, стр. 105 (впервые — в сб.: Годичный торжественный акт в Императорском Санктпетербургском университете, СПб., 1849).

⁹⁷ Там же, стр. 105—106.

И. И. Срезневский пытается также наметить историческое развитие славянского эпического стиха. Древнейшим он считает десятисложный с двумя главными ударениями, объединяющими по пяти слогов или четыре и шесть. Позже появились стихи в двенадцать и более слогов с тремя ударениями.⁹⁸

Наконец, уже в начале XX в., А. Л. Маслов, приняв полностью учение Востокова о прозодических периодах, только именую их «ритмическими», определяет пять типов эпического размера, из которых два присущи именно былинам: 1) полный эпический размер — в три ритмических периода и с дактилическим окончанием; 2) сокращенный эпический размер, тоже в три периода, но с более коротким вторым периодом; 3) скомороший размер; 4) размер духовного стиха; 5) «одномерный размер», характерный для позднейших исторических песен.⁹⁹

Однако, несмотря на то что принципы народного стихосложения, установленные Востоковым, получили в XIX—XX вв. широкое признание, в XIX в. продолжают еще попытки разыскать в старинном народном стихе определенные метрические размеры, аналогичные литературным, классическим стопам. Сразу же после появления труда Востокова с ним начинает полемизировать Н. Цертелев, указывая, что счет ударений недостаточен для суждения о ритме народного стиха, поскольку произведения, разнородные по ритму, могут оказаться ритмически тождественны как равноударные, и что необходимо учитывать и организацию слогов.¹⁰⁰ Возражения Н. Цертелева справедливы, но они по сути не колеблют основных позиций Востокова, а лишь намечают дальнейшую программу изучений. Поиски же определенных стоп самим Цертелевым, конечно, были обречены на неудачу. Помимо простых стоп, ему приходилось обращаться к разного рода смещениям и комбинированию стоп. Кроме того, он старался убедить, что трудность в определении стоп обусловлена позднейшей порчей, искажением стиха в устной традиции.¹⁰¹

Примерно на той же позиции стоял и А. Ф. Гильфердинг. Он тоже пытался свести былинные стихи к определенным размерам — хорю, хорю с дактилем и анапесту, — считая нарушения этих размеров признаками порчи народными сказителями позднейшего времени. «Что правильное тоническое стопосложение составляет коренное нормальное свойство русской народной

⁹⁸ Там же, стр. 107.

⁹⁹ А. Л. Маслов. Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад. «Труды Музыкально-этнографической комиссии при Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. II, М., 1911, стр. 311.

¹⁰⁰ См.: Н. Цертелев. Замечания на вторую часть Опыта г. Востокова о русском стихосложении. «Сын отечества», 1818, № 44, стр. 249—250.

¹⁰¹ Кн. Цертелев. О стихосложении старинных русских песен. «Сын отечества», 1820, ч. 63, № XXVII, стр. 4—5.

былины; что неправильность в стихотворном размере есть признак порчи, а совершенное отсутствие размера — дальнейшая степень такой порчи, это не требует доказательства для каждого, кто либо послушает наших сказителей, либо потрудится прочесть былины, записанные с их напева».¹⁰²

Сказителей в отношении соблюдения ими определенных размеров Гильфердинг распределяет по трем группам: 1) сказители, которые точно соблюдают правильный размер; 2) сказители, которые соблюдают размер, но не всегда правильный; 3) сказители, которые вовсе не соблюдают размера.¹⁰³

Характерным свойством русского эпического стиха Гильфердинг считал его «растяжимость», т. е. неравномерное количество в стихах стоп.¹⁰⁴

Какие же размеры находил Гильфердинг в былинах? В них он определял три размера. Преобладающим размером, по его мнению, является чистый хорей с дактилическим окончанием. Его он называет «обыкновенным эпическим размером». Второй размер — это хорей, перемешанный с дактилем. При этом такие «смешанные» стихи перемежаются с чисто хорейскими. Размер этот Гильфердинг называет «„игривым“ как по его тону, так и потому, что этим размером сложены былины менее серьезные по содержанию». Третий размер — «анапестический», встречающийся, по словам Гильфердинга, в немногих былинах и соответствующий тому, что Рыбников называл «торжественным» напевом.¹⁰⁵ Каждый из этих размеров Гильфердинг детально характеризует. Однако при каждой попытке установить тот или иной размер в былинных стихах обнаруживается такое количество «нарушений», что становится явной ошибочность утверждений Гильфердинга. Но следует особо отметить стремление Гильфердинга связать отыскиваемые им типы размеров с разновидностями былин по тону и содержанию. Если ошибочным был отправной пункт Гильфердинга, то задача, которая была им поставлена, несомненно заслуживает внимания.

Трудность изучения русского народного стихосложения, неуловимость определенных ритмических закономерностей, образующих различные типы народного стиха, привели к положению о необходимости его исследования в неразрывной связи с напевами. Отдельные высказывания в этом направлении относятся еще к первой половине XIX в. А. Кубарев в 1829 г. писал о русских народных песнях: «Чтобы узнать их размер, должно иметь предварительно познание их напева; потом найти отношение слогов к музыкальному размеру и недостающие слоги, дополняе-

¹⁰² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом..., т. 1, стр. 65—66.

¹⁰³ Там же, стр. 65.

¹⁰⁴ Там же, стр. 66.

¹⁰⁵ Там же, стр. 66—76.

мые обыкновенно в песни протягиванием гласных, заместить стольким же числом пауз. Тогда только узнается настоящий размер народных песен, ибо размер их определяется не словами, а голосом».¹⁰⁶ Мы видели, что и Н. Надеждин, приняв с некоторыми терминологическими поправками теорию Востокова, утверждал, пытаясь согласовать ритм словесный с музыкальным, изохронизм тонических периодов в напевном исполнении путем более длительного произнесения ударных слогов в периодах с меньшим количеством слогов и более краткого произнесения слогов в периодах, имеющих большое их число.¹⁰⁷ Исконность изохронизма ритмических периодов в древнем эпическом стихе предполагал также и Срезневский. Но все это были лишь отдельные замечания. Детальную же разработку на большом конкретном материале музыкально-тактовая концепция получила главным образом в труде Ф. Е. Корша.¹⁰⁸

Главным отличием народного стихосложения от литературного, по словам Корша, является то, что слог в нем не всегда совпадает с каждой основной частью ритма (как это имеет место в искусственной поэзии), а может приходиться на две такие части ритма, т. е. растягиваться вдвое, что и происходит при пении.¹⁰⁹ В былинном стихе таких основных или мельчайших частей ритма — по наименованию Корша, «ритмических величин» — обычно 16, слогов же бывает разное число, от 8 до 15. Из них одни соответствуют ритмическим величинам, это обыкновенные «краткие» слоги, другие же протягиваются. Кроме главных ударений, объединяющих вокруг себя известное число слогов, Корш различает второстепенные и третьестепенные. Протягиваться могут ударные слоги, причем независимо от того, несут ли они главные ударения или второстепенные и третьестепенные. Стих делится цезурой на два полустишия, имеющие каждое по одному главному ударению. Часто эти полустишия ритмически равномерны, т. е. содержат по 8 ритмических величин (при разном количестве слогов), что и делает их подобием музыкальных тактов, ритмическими измерителями которых являются долгота и краткость звуков. Впрочем, цезура в былинном стихе отличается подвижностью, поэтому словесные группы-такты не обязательно совпадают с полустишиями.

Ритмический анализ стиха, по Коршу, и должен заключаться в определении разных комбинаций долгих и кратких слогов с ударными разного типа — главными, второстепенными и третьестепенными — и в установлении цезуры.

¹⁰⁶ А. Кубарев. О тактах, употребляемых в русском стихосложении. «Московский вестник», 1829, ч. IV, стр. 93—94.

¹⁰⁷ См. выше, стр. 146—147.

¹⁰⁸ Ф. Е. Корш. О русском народном стихосложении. I. Былины. СПб., 1897.

¹⁰⁹ Там же, стр. 1.

Приведу несколько проанализированных таким способом стихов из большого количества примеров, данных Ф. Е. Коршем.

Он обёрнётся // ясным сбкблбдм.¹¹⁰
Отвѣчѣёт Ёлья Мурѳмѳц // Ёванѳвѳч,
Дружѳна спѳт // так Вблх нѳ спѳт.

В первом случае оба полустишия равномерны; во втором — полустишия с тактами не совпадают. Все три примера показывают ритмическую однотипность — два такта по 8 ритмических величин при разном количестве слогов в стихе (10, 13, 8) и в тактах (5 + 5, 8 + 5, 4 + 4).

Из отдельных наблюдений Корша следует отметить указание на постоянство второстепенных ударений на самом последнем слого стиха и обычное его протягивание при пении.

Наблюдения Корша над былинным стихом неоднократно повторялись в общих трудах и учебных пособиях.¹¹¹ К музыкально-тактовой системе всецело примкнул и Н. А. Янчук в специальной статье «О музыке былин», помещенной во втором томе сборника М. Сперанского «Былины».¹¹² При рассматривании текста былины без напева, пишет он, мы постоянно натываемся на ритмические затруднения. Но обращаясь к напеву, видишь «совершенно правильное движение двухчетвертного ритма, выдержанного от начала до конца, благодаря стяжениям и разложениям звуковых единиц времени по требованию числа слогов».¹¹³ В анализируемом им начале былины о Вольге и Микуле Янчук усматривает «выдержанный четырехстопный размер с определенным 2/4-ным ритмом при возможности замены одной четверти двумя восьмыми и обратно».¹¹⁴ Квантитативный принцип в основе напевов, ритмизующих стих мезенско-печорских былин, видят также Е. Гиппиус и З. Эвальд.¹¹⁵

Иногда выводы Корша сочетаются с наблюдениями Гильфердинга или корректируются наблюдениями других исследователей и собственными. В этом направлении характерен раздел о русском народном стихе в книге В. М. Жирмунского «Введение в метрику». Здесь прежде всего утверждается нераздельность в ритмическом отношении текста и напева народно-поэтических произведений.

¹¹⁰ Обозначения Корша: \cup слог краткий; — долгий; / главное ударение; \wedge второстепенное; \cdot третьестепенное.

¹¹¹ См., например: М. Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917, стр. 141—143; Ю. М. Соколов. Русский фольклор, стр. 238—239.

¹¹² М. Сперанский. Русская устная словесность. Т. II. Былины и исторические песни. Изд. Сабашниковых, М., 1919, стр. 527—550.

¹¹³ Там же, стр. 529.

¹¹⁴ Там же, стр. 530.

¹¹⁵ Е. Гиппиус, З. Эвальд. Несколько замечаний о напевах мезенских и печорских былин. В кн.: Былины Севера. Т. I. Мезень и Печора. М.—Л., 1938, стр. 546.

«Русский народный стих, — писал Жирмунский, — есть стих песенный, т. е. его ритмический характер определяется прежде всего ритмическим строением напева: однако вместе с тем музыкальные ударения располагаются в соответствии с ударениями словесными (или фразовыми), не насилуя языкового материала и только широко пользуясь существующими в народных говорах акцентными дублетами (ворбта — воротá... и т. п.). При этом постоянным в стихе является только число метрических ударений: число неударных остается величиной переменной. В этом смысле мы вправе определить народный стих, как стих музыкально-тонический».¹¹⁶

Переходя к определению особенностей былинного стиха, В. М. Жирмунский признает как характерную его черту «четыре главенствующих метрических ударения, из которых два образуют первое полустипише и два — второе. При этом число неударных между ударениями не меняется (обычно от 1 до 3 слогов), точно так же — число слогов, предшествующих первому ударению».¹¹⁷ Здесь определения Жирмунского тоже совпадают с наблюдениями Корша. Особое внимание Жирмунский уделяет строению окончания в былинных стихах, получающего в музыкальном исполнении, как определил Корш, дополнительное метрическое отягчение на последнем слоге даже в том случае, когда в окончание выносятся трехсложное слово (мáтушка) или группа из двух слов с сильным ударением на первом (Кíев-град).¹¹⁸ Рассуждения же Корша о музыкально-тактовом строении стиха, об изохронизме словесных групп, объединенных ударением, в работе Жирмунского никак не отразились, и отношение его к ним не высказано, поскольку чисто музыкальная сторона ритмики выходила за пределы поставленной им задачи — дать лишь самые общие сведения о главных отличиях стиха народного от литературного.

Жирмунский отмечает еще, что «ритмический характер былинны сильно меняется в зависимости от индивидуального искусства сказителя и его умения справляться с словесным материалом, который должен быть уложен в свободные, но вместе с тем достаточно строгие рамки четырехударного стиха».¹¹⁹

Из приведенных высказываний В. М. Жирмунского ясно, что он не считает возможным устанавливать определенные метрические закономерности исходя из литературного стопосложения. Однако наличие известных ритмических инерций в этом направлении он все же признает. Так, он говорит, что «можно выделить два наиболее обычных типа ритмизации, отмеченные (в числе некоторых других, менее важных) уже Гильфердингом», — тип анапесто-ямбический и тип хорейский, — учитывая, что число

¹¹⁶ В. Жирмунский. Введение в метрику. Л., 1925, стр. 243.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же, стр. 243—244.

¹¹⁹ Там же, стр. 244.

неударных слогов между ударениями остается неузаконенным и что стихи с указанными ритмическими инерциями могут перемежаться со стихами, где этой метрической упорядоченности найти нельзя.¹²⁰

В 20-е годы раздел о народном стихе в книге В. М. Жирмунского был единственным обобщением наиболее значительных результатов, достигнутых в изучении былинного стихосложения начиная с «Опыта» Востокова. Следует указать, что 20-е годы и начало 30-х отмечены усиленным интересом и вниманием к проблемам поэтики, в частности к вопросам стиховедения. Последнее находилось в тесной связи с новаторством в области стихотворных форм поэтов начала XX в., в особенности поэтов-символистов. Однако внимание всех, кто много писал в это время по вопросам стиха (Валерий Брюсов, Б. В. Томашевский, Л. Тимофеев, Вл. Пяст и другие), было сосредоточено почти исключительно на стихе литературном. О народном стихе в их работах имеются в лучшем случае лишь беглые упоминания, специальной разработки не находим. Эти упоминания ограничиваются преимущественно указаниями на неразработанность и сложность вопроса о народном стихосложении и на связь с напевным, музыкальным исполнением.

«Склад русских песен и русский былинный стих не менее других тонических метров сложны и многовидны», — писал В. Брюсов в 1918 г.¹²¹ «Склад русских народных песен еще не вполне исследован», — отмечает он в другой своей работе.¹²² Впрочем, тут же Брюсов предлагает и свое понимание ритмической основы народного стиха. «Народная русская поэзия (былины, песни), — пишет он в «Опытах...», — пользовались стихосложением смысловым, основанным на счете значущих образов в стихе...».¹²³ То же с несколькими подробностями повторяет он в «Кратком курсе...» в особом «Прибавлении», посвященном «складу русских народных стихов». Здесь он, как и в «Опытах...», противопоставляет народное стихосложение тонической системе: «Некоторые видят в нем (в складе русских народных песен, — А. А.) зачатки тонической системы стихосложения. Однако многие песни, притом наиболее старинные, имеют в основе смысловое стихосложение. Оно основано на количестве образов, вообще значимых выражений в стихе. Каждое такое выражение может рассматриваться как стона, имеющее одно основное ударение и неопределенное число неударных слогов перед ударным и после него».¹²⁴ Таким

¹²⁰ Там же, стр. 244—245.

¹²¹ Валерий Брюсов. Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам. Изд. «Геликон», М., 1918, стр. 27.

¹²² Валерий Брюсов. Краткий курс науки о стихе. (Лекции, читанные в Студии стиховедения в Москве 1918 г.). Ч. 1. Изд. «Альциона», М., 1919, стр. 121.

¹²³ Валерий Брюсов. Опыты по метрике и ритмике..., стр. 16.

¹²⁴ Валерий Брюсов. Краткий курс науки о стихе..., стр. 121.

образом, счет ударений для Брюсова — лишь производное от счета «образов». В. М. Жирмунский справедливо видит в этом «отказ от признания в русском народном стихе какого-либо метрического принципа». ¹²⁵

Свое положение о смысловой основе ритмики русского народного стиха Брюсов в дальнейшем не развивает, а в своей работе 1924 г., ¹²⁶ говоря много о «дольниках» и «свободных стихах», о народном стихе даже не упоминает.

О неразрывной связи народного стиха с напевным исполнением писали в эти годы Вл. Пяст и Л. Тимофеев.

Народное стихосложение, по словам Пяста, «подчинено напевности. В нем утверждается „приоритет“ композитора над поэтом; чисто музыкальной стихии над словесной музыкой... Этому причина, конечно, в том, что народное творчество песенно (напевно) по преимуществу». ¹²⁷

Отметив, что строение народного стиха «остается еще весьма неясным», Л. Тимофеев говорит: «...следует отметить один только ему присущий признак, то, что условно можно обозначить как музыкальность народного стиха...». Он является «стихом устным и при этом не столько произносимым, сколько напевным. Вне связи с голосом он теряет свои отличительные черты, перестает быть стихом». ¹²⁸

В 40—50-е годы снова был поднят вопрос о ритмике эпического стиха в связи с пересмотром всех прежних концепций народного стиха вообще и предложены новые подходы к его определению. Ревизии подверглась в особенности музыкально-тактовая система Ф. Е. Корша. С одной стороны, вместе с принятием его основных принципов было указано на неизмеримо большее разнообразие метрики народных стихов (и в частности стиха былин), чем это устанавливал Корш. Таковы работы А. П. Квятковского, отмечавшего важность учета в народном стихе не только ударных и неударных слогов, а также их длительности (Квятковский говорит об «удвоении» слогов), но и пауз, уравнивающих число слогов. ¹²⁹ В приводимых, однако, Квятковским образцах анализа, в подстановке им пауз и в определении длительности слогов чрезвычайно много явно произвольного, что

¹²⁵ В. М. Жирмунский. Введение в метрику, стр. 247.

¹²⁶ Валерий Брюсов. Основы стиховедения. Изд. 2. Госиздат, М., 1924.

¹²⁷ Вл. Пяст. Современное стихосложение. Ритмика. Л., 1931, стр. 55.

¹²⁸ Л. Тимофеев. 1) Проблемы стиховедения. Материалы к социологии стиха. М., 1931, стр. 105—106; 2) Из истории и теории русского стиха. «Учоные записки. Институт языка и литературы», т. 2, РАНИОН, 1928, стр. 84—85.

¹²⁹ А. Квятковский. 1) Метрика русского фольклора. «Литературный критик», 1940, № 5—6; 2) Основа ритмики русского народного стиха. «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1941, № 1; 3) Словарь поэтических терминов. Составил А. П. Квятковский. Под редакцией С. М. Бонди. М., 1940, стр. 128—138.

разрушает его концепцию. С другой стороны, стала опровергаться сама музыкально-тактовая теория и было выдвинуто обратное положение — о возможности и необходимости изолированных от музыкального исполнения, филологических изучений народного стиха. Эта мысль легла в основу монографии М. П. Штокмара о русском народном стихосложении.¹³⁰

Первая часть труда Штокмара (стр. 3—135) представляет обширное историографическое введение, дающее критико-библиографический обзор изучений русского народного стиха в XVIII—XX вв. В обзоре излагаются и подвергаются критической оценке основные концепции в этой области. Это чрезвычайно ценная часть работы, наиболее обстоятельная историография стиховедения по разделу народного стиха.¹³¹

Исходный пункт исследования Штокмара — мысль о наличии «прямой зависимости между системой стихосложения и фонетической характеристикой языка, в пределах которого эта система существует».¹³² Штокмар вспоминает и цитирует И. И. Срезневского, говорившего о «требованиях гармонии языка» как источнике «мерности речи»;¹³³ Ф. Е. Корша, который в рецензии на первый выпуск сборника русских песен Ю. Н. Мельгунова¹³⁴ писал: «Источник этого стихосложения — природная гармония языка, которой народ следовал безотчетно».¹³⁵ На «лингвистическом фундаменте», по словам Штокмара, построена и концепция Востокова, который, «очевидно, понимал, что структурные элементы стиховой системы обязательно должны содержаться в языке в качестве своего рода потенции упорядоченности». Поэтому он уделил так много внимания ударению.¹³⁶ Штокмар считает, однако, что ошибкой Востокова было отождествлять фонетическую структуру языка фольклора с современной разговорной речью. Отсюда, по мнению Штокмара, и ряд неувязок его теории. «Востоков подменил подлинную основу стихосложения русского

¹³⁰ М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения.

¹³¹ Впервые эта часть в сокращенном виде была опубликована в журнале «Литературный критик» (1940, № 5—6) вслед за статьей А. Квятковского, тоже содержащей историографический очерк. Еще раньше краткий библиографический обзор работ по русскому народному стиху был дан в указанной выше книге В. Жирмунского «Введение в метрику» (стр. 282—284).

¹³² М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения, стр. 225.

¹³³ Там же, стр. 227.

¹³⁴ Русские народные песни, непосредственно с голосов народа записанные и с объяснениями изданные Ю. Н. Мельгуновым, вып. 1. М., 1879.

¹³⁵ «Критическое обозрение», М., 1880, № 2, стр. 399.

¹³⁶ М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения, стр. 228—229.

фольклора. Элементы народного стиха следует отыскивать в народном же языке».¹³⁷

Своей задачей Штокмар и поставил раскрыть те особенности народного языка в отличие от литературного, которые и определили своеобразие русских народных песенных и былинных ритмов.

Такая главная, определяющая особенность народного языка — многосложность его слов. Штокмар использует подсчеты Чернышевского и последующих ученых, касающиеся отношения ударений к слоговому составу слов в русском языке, и отмечает, что эти подсчеты свелись в результате к отношению одного ударного слога к безударным как 1 : 2.8. Произведя аналогичное вычисление на материале большого отрывка одной из побывальщин в собрании П. Н. Рыбникова, Штокмар получил отношение 1 : 3.8, т. е. многосложность языка оказалась значительно выше.¹³⁸ Далее Штокмар прослеживает и вскрывает источники этой многосложности народного языка. Это — обилие энклитик и проклитик разного типа;¹³⁹ разнообразные суффиксы уменьшительно-ласкательного характера во всех грамматических категориях;¹⁴⁰ особые суффиксы прилагательных, дающих громоздкие слоговые построения (*скорописчатые, косивчатые*);¹⁴¹ обширный разряд глаголов, выражающих многократность, незаконченность или нерегулярную повторяемость действия (*очищивать, починивать, таптывати*);¹⁴² формы прилагательных с древними полными окончаниями (*могучиих, молодецкой*); многосложные местоимения (*этыи, тая, всею*), лишние слоги в инфинитиве и в глаголах возвратной формы (*просиласи, гулятисья*);¹⁴³ более широкое, чем в разговорном и литературном языке, употребление приставок, приставки двойные и тройные (*повыздынуть, исповыстроить*), приставки усилительные (*раздушечка*);¹⁴⁴ эфонические приставки гласных (*Опсков-град*);¹⁴⁵ специфические народные наречия (*теперичу, доселева, единожды*), громоздкие притяжательные местоимения (*еговая, евоная, ихной*); древние формы полногласия и разные другие случаи увеличения слогового состава слов.¹⁴⁶

Все эти особенности Штокмар показывает прежде всего на языке былин и народных песен; но, чтобы проверить, не являются ли эти особенности принадлежностью только народно-

¹³⁷ Там же, стр. 232—233.

¹³⁸ Там же, стр. 234—238.

¹³⁹ Там же, стр. 239—257.

¹⁴⁰ Там же, стр. 257—262.

¹⁴¹ Там же, стр. 263—264.

¹⁴² Там же, стр. 264—265.

¹⁴³ Там же, стр. 266—268.

¹⁴⁴ Там же, стр. 269—272.

¹⁴⁵ Там же, стр. 272.

¹⁴⁶ Там же, стр. 273—289.

песенного языка, он исследует древнерусскую нестихотворную речь, отраженную в письменных памятниках — летописях, документах, — а также народную живую разговорную речь и приходит к заключению, что в «народно-поэтическом языке нет ничего искусственного, условного, возникшего под влиянием стихотворного размера и существующего ради него»¹⁴⁷ и что «источником динамического строя народно-песенной речи являлась живая языковая практика не „определенной исторической эпохи“, а доисторических времен, ибо первые дошедшие до нас памятники древнерусской письменности относятся всего к X—XI вв.»¹⁴⁸ В общем, народное стихосложение по Штокмару — «система фонетической упорядоченности речи, базирующаяся на ее исторически сложившихся национальных признаках».¹⁴⁹

Изучая многосложные сочетания в народном языке, в особенности же энклитико-проклитические сочетания, Штокмар сосредоточивает внимание на двух явлениях, относящихся к народной акцентологии: 1) на чрезвычайной подвижности ударений народного языка, ведущей к образованию «акцентных дублетов» (дэвица, девѣца), 2) на способности не только служебных частиц и речений, но и ряда самостоятельно значимых слов (существительных, прилагательных глаголов и т. п.) «утрачивать свое ударение, подчиняясь в акцентном отношении соседним, нередко логически менее весомым словам».¹⁵⁰ При этом нормой «динамической гармонии» народного языка является пятидольность, т. е. группировка из пяти слогов с ударением на среднем слоге, следовательно с анапестическим началом и дактилическим окончанием. Но в основе народной ритмики лежит не исключительно такое именно сочетание, а «вся совокупность его вариаций», что и явилось «источником того огромного ритмического разнообразия, которое воплощено в произведениях народного эпоса и лирики, и которое никак не могло бы вытекать из единственной слогаударной схемы».¹⁵¹ Так, былинная ритмика — по преимуществу четырехсложная. Это «достигается в результате сочетания пятисложных группировок с более короткими, либо употребления неполных (утерявших один слог) пятидольников».¹⁵²

Штокмар намечает уже известные этапы развития народной метрики. Он предполагает, что четырехсложные ритмы русского эпоса «не являются первоначальными, а представляют форму народной ритмики переходного порядка. Четырехсложность могла возникнуть как следствие начавшегося и постепенно нараставшего

¹⁴⁷ Там же, стр. 343.

¹⁴⁸ Там же, стр. 295.

¹⁴⁹ Там же, стр. 378.

¹⁵⁰ Там же, стр. 349.

¹⁵¹ Там же, стр. 361.

¹⁵² Там же, стр. 393.

процесса мельчания пятисложной группировки, которая нередко приобретает неполную форму и в первоначальном своем виде встречается уже недостаточно часто, чтобы служить естественной и удобной единицей повторяемости. Очень возможно, что этот момент исторического развития народно-поэтической ритмики совпадает в лингвистическом плане с падением редуцированных гласных, которое должно было вызвать... понижение многосложности древнерусского фонетического слова». ¹⁵³

Таким образом, былинному стиху, дошедшему до нас, свойственны, во-первых, «асимметричные», «комбинированные» слоговые сочетания (например: 5 + 3, 3 + 5; 4 + 3, 3 + 4; 5 + 4, 4 + 5); во-вторых, симметричные четырехдольники как уже более поздний этап.

В заключение Штокмар касается — правда, очень бегло — и вопроса о соотношении текста и напева. Он повторяет свою мысль о том, что проблема народного стиха есть проблема прежде всего филологическая. Он цитирует крупнейших музыковедов, как А. С. Фаминцын и П. П. Сокальский, говоривших, что в народном песенном творчестве текст не подчиняется ритму мелодии, а напротив, управляет им «в пользу собственной своей выразительности»; ¹⁵⁴ что «разномерность колен музыкальных периодов... вызвана требованиями текста»; ¹⁵⁵ что комбинации четных тактов с нечетными в песнях вызваны особенностями текста — «потребностями стиха, красотой его постройки». ¹⁵⁶ По словам Штокмара, «ритмика народных напевов генетически восходит к древнейшим стихотворным ритмам русских песен. Их общим первоисточником является фонетическая структура общенародного древнерусского языка». ¹⁵⁷

Одна из ценных сторон труда Штокмара уже была отмечена. Это — детальный критико-библиографический обзор всех предшествующих изучений русского народного стиха. Бесспорно значительной является та часть работы, где на многочисленных примерах раскрываются те особенности былинного языка, которые объясняют образование многосложных словесных сочетаний, формирующих особый ритмический склад. Но, придя к выводу о «четырёхсложной» былинной ритмике, Штокмар на этом заканчивает свое исследование, не пытаясь далее уже конкретно исследовать различные вариации этой четырёхсложности, чтобы наметить,

¹⁵³ Там же, стр. 394.

¹⁵⁴ А. С. Фаминцын. О сочинении Г. Шафранова «О складе народно-русской песенной речи...». В кн.: Отчет о 23-м присуждении наград гр. Уварова (приложение к XXXIX тому Записок Академии наук, № 8). СПб., 1881, стр. 140—141.

¹⁵⁵ Там же, стр. 177.

¹⁵⁶ П. П. Сокальский. Русская народная музыка. Харьков, 1888, стр. 133.

¹⁵⁷ М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения, стр. 405—406.

хотя бы предварительно, основные типы былинного стиха, что до него делали, каждый со своей точки зрения, Гильфердинг, Маслов и Корш. Неясным остался по-прежнему и вопрос о соотношении словесной ритмики с музыкальной. Если напев подчиняется словесному ритму, то в чем и как конкретно это проявляется?

Вообще же ознакомление со всеми основными направлениями в изучении былинного стиха показывает, что в результате исследований, при всех спорах и порой довольно резких противопоставлениях друг другу теоретических предпосылок, все же отстоялись какие-то общие, пожалуй уже незыблемые положения о народном, в частности былинном стихе.

1. Следует считать доказанной и признанной невозможность укладывания былинного стиха в рамки определенных метрических форм литературного стопного стиха. Ритм былинного стиха, как и всякого другого народного традиционного, более свободен, будучи основан на повторяемости словесных групп, объединенных фразовым ударением. Однако если бесполезно отыскивать в былинном стихе свою систему комбинирования классических литературных стоп, то известную ритмическую инерцию можно пытаться уловить, обнаружить (инерция хореическая, анапесто-ямбическая и т. п.).

2. Ошибочно было бы стараться применять к былинному стиху музыкально-тактовую систему, поскольку вообще народная песенная музыка тактов не знает. Но учитывать особенности ритма напева для окончательного определения ритма стиха необходимо. В частности, например, уже сейчас ритмикой напева скорректировано положение Востокова об устойчивых дактилических окончаниях былинного стиха — в напевном исполнении они оказываются фикцией.

3. В конечном счете большинство ученых сошлось на положении о том, что ритмика былинного стиха опирается на упорядоченность больших словесных групп, синтаксически завершенных, а вариации ритма обусловлены изменениями в распределении ударений разной силы.

Если несколько основных общих представлений о былинном стихе уже в какой-то мере определилось, то конкретное изучение различных типов его далее наблюдений Гильфердинга, Маслова и Корша не пошло. В эту сторону и должны направиться дальнейшие усилия ученых.

В последние годы сделан еще ряд дополнительных частных наблюдений в области ритмики эпического стиха. А. Квятковский, изучая свободный стих (*vers libre*) русской поэзии, вводит понятие «фразовика» — такого стиха, для которого «характерны свободные речевые конструкции, близкие к прозаическим. Пространство стиха, — пишет он, — здесь неопределенно, его строки несоизмеримы, в нем нет мерной ритмической структуры», он «держится

на речевой интонационной волне». По словам Квятковскогго, фразовик — «довольно распространенная форма стиха в народной поэзии», в частности в эпосе. И он приводит в качестве характерного примера начало былины о Святогоре.¹⁵⁸ Остается неясным, как же согласует автор это свое положение с признанием количественности эпического размера при напевном исполнении былины, высказанным в предшествующих его работах. Или он имеет здесь в виду лишь разложившиеся былины, лишённые напева и бытующие в мерной декламации?

Некоторых зарубежных ученых интересуют в настоящее время те средства, к которым прибегают исполнители эпоса, чтобы поддерживать определенный ритмический строй исполняемых ими произведений. Так, Вильям Харкинс рассматривает с этой стороны некоторые словесные формулы в сербохорватском и русском народном эпосе. Грамматически и метрически одинаково построенные формулы, — такие, например, как «добрый молодец» и «красна девица» или «по красному по солнышку» и «по светлому по месяцу», — могут заменяться одна другою, и это облегчает сказителю ритмический труд воспроизведения былины.¹⁵⁹

Выше указано, что соотношение словесного ритма с напевным еще до сих пор остается неразрешенным. Дело сейчас за музыковедами, которым следует учесть все, что сделано филологами, и их выводы проверить на материале напевного исполнения. В настоящее время, ввиду довольно значительного количества напевных записей былин, это вполне достижимо.

Проблема былинного стиха включает еще вопрос о рифме. В рассмотренных выше разработках по народному стихосложению вопрос этот не изучался. Господствовало представление, что рифма в народном стихе вообще отсутствует. Это общее представление отразил в своем курсе М. Н. Сперанский: «Структура устного народного стиха характеризуется, прежде всего, отсутствием в нем рифмы (столь характерной для нашего литературного); если в устном стихе и встречается нечто похожее на созвучия в конце его, т. е. что-то в роде рифмы, то является она отнюдь не как рифма в собственном смысле, а как пришедшее в конце строк созвучие, которое, как ядро из средств придания музыкальности стиху, употребляет устная поэзия и внутри самого стиха.

¹⁵⁸ А. Квятковский. Русский свободный стих. «Вопросы литературы», 1963, № 12, стр. 67—68.

¹⁵⁹ Вильям Харкинс. О метрической роли словесных формул в сербохорватском и русском народном эпосе. American Contributions to the Fifth International Congress of Slavists. Sofia, 1963, стр. 147—165. В своих наблюдениях над метрической ролью в эпосе словесных формул В. Харкинс опирается на работы М. Пэрри и А. Лорда, изучавших процесс воссоздания эпических произведений югославскими певцами во время исполнения при помощи устойчивых словесных формул. (См.: Albert Lord. The Singer of Tales. Cambridge, Massachusetts, 1960).

Этим созвучием пользуется и ритмическая проза устной словесности, правда, в более ограниченном размере».¹⁶⁰

Только в 20-х годах вопрос о рифме в былине был специально поставлен и изучен В. М. Жирмунским.¹⁶¹ Причиной общего невнимания к вопросу о рифме в былине является, по его словам, то обстоятельство, что исследователи народной поэзии подходили к этому вопросу «с узкими понятиями современной книжной и „точной“ рифмы».¹⁶² Былинная же рифма чаще всего неточная, приближенная или просто ассонанс, поэтому правильное говорить не о рифмах в былине, а о «рифмоидах»; в немногих случаях она приближается к старой форме так называемой «точной рифмы».¹⁶³ Тем не менее она представляет значительное явление в метрическом строении былины. Постоянной организующей роли, как в строфической лирике, она, правда, не играет, а «связывает соседние стихи в свободные и изменчивые сочетания: это — рифма эмбриональная по своей композиционной функции».¹⁶⁴ Все же она играет известную роль в метрической композиции, объединяя отдельные стихи в некоторое подобие строф, которые «могут быть условно названы „строфемами“».¹⁶⁵ Наиболее частым является объединение двух или трех стихов. Более обширные строфические объединения, по наблюдениям Жирмунского, «встречаются только на эффектных вершинах действия, в исходе и т. п.». Строфемы «не всегда остаются обособленными: нередко они объединяются в более или менее обширную цепь одинаково или различным образом построенных строфических групп».¹⁶⁶ На ряде примеров Жирмунский показывает различные типы строфем. Он исследует также ту языковую почву, на которой возникают в былине рифмы, — различные случаи ритмико-синтаксического и морфологического параллелизма; выделяет разные категории рифмы — односложные, двусложные, трехсложные (дактилические) и четырехсложные (гипердактилические), — отмечая среди них точные и приближенные. Жирмунский исследует также различные случаи употребления рифмы — концевые, парные и перекрестные, срединные и т. п. По подсчету Жирмунского, в просмотренных им двенадцати былинах, составляющих вместе 3611 стихов, около одной трети стихов оказались рифмованными.

Работа В. М. Жирмунского о былинной рифме и до сих пор остается единственным исследованием этого значительного явления в области былинной поэтики, как средства ритмической ком-

¹⁶⁰ М. Сперанский. Русская устная словесность, стр. 140—141.

¹⁶¹ В. Жирмунский. Рифма, ее история и теория. «Academia», Пгр., 1923, стр. 263—296.

¹⁶² Там же, стр. 265.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же, стр. 281—282.

¹⁶⁶ Там же, стр. 282—284.

позиции и звукописи. Она открывает возможности дальнейшего исследования былинного стиха как в плане исторического развития его начиная с XVIII в., так и в направлении его вариаций у разных мастеров и в разных районах былинной традиции.

3

Изучение напевов былины имеет значение не только для решения проблемы былинного стихосложения. Напевное исполнение — важное средство эмоционального воздействия, входит в общий художественный комплекс выразительных и изобразительных элементов поэтики, образующий жанровый облик былины, ее стиль. Это ставит задачу внимательного изучения музыкального языка и строения былинных напевов.

Еще во второй половине XIX в. было отмечено существование двух основных типов напевного исполнения былин — одногласного, имеющего характер своеобразного речитатива, и хорового, песенного. Напевы первого типа донесены до нашего времени северными певцами, а в прошлом, по-видимому, были свойственны всей общерусской традиции. По словам Н. А. Янчука, посвятившего одним из первых специальный очерк этому виду народного песнетворчества, он заслуживает «глубокого и серьезного внимания как остаток... старинной национальной музыки».¹⁶⁷ «Так, очевидно, и пелась былины древнейшей эпохи, складывавшиеся приблизительно не позднее времени татарщины. Такой характер напева, быть может, звучит еще и поныне у старых сказителей типа Рябинных...»¹⁶⁸

В связи с речитативным характером напева для исполнения былины в тех местах, где этот вид сохранился, установилось определение «сказывать», а не «петь».

Второй тип напевного исполнения былин зафиксирован в районах южноказачьей эпической традиции и справедливо был признан явлением сравнительно более поздним.¹⁶⁹

О роли «северного» напевного исполнения былин в восприятии их слушателями имеется ряд заметок начиная с первых больших собирательских работ на Севере во второй половине XIX в. Напомню о том впечатлении, которое, по рассказу П. Н. Рыбникова, произвело на него первое услышанное им исполнение былин. Это случилось во время переезда его из Петрозаводска на Пудожский берег, когда его спутники и он расположились на ночлег на одном из островов Онежского озера.

Пригревшись у костра, Рыбников незаметно уснул. Но вот его разбудили странные, по его словам, звуки. «До того, — пишет

¹⁶⁷ Н. А. Янчук. О музыке былин. В кн.: М. Н. Сперанский. Русская устная словесность. Т. II. Былины и исторические песни, стр. 545.

¹⁶⁸ Там же, стр. 546.

¹⁶⁹ См. там же, стр. 547—548.

Рыбников, — я много слышал и песен, и стихов духовных, а такого напева не слыхивал. Живой, причудливый и веселый, порой он становился быстрее, порой обрывался и ладом своим напоминал что-то стародавнее, забытое нашим поколением. Долго не хотелось проснуться и вслушиваться в отдельные слова песни: так радостно было оставаться во власти нового впечатления. . .»¹⁷⁰

Собиратели XIX в., наряду с певцами былины, столкнулись и со «сказителями» в точном смысле этого слова, т. е. с теми, кто былины сказывал говорком (декламировал, а не пел). Надо думать, что это те исполнители былины, которые не могли по каким-либо обстоятельствам усвоить напев или уже утратили его. В. Харузина, описавшая своеобразное состязание двух былинщиков — «певца» и «сказителя», — говорит о значительно большем успехе у аудитории именно «певца». И тот и другой были большими мастерами. «Сказитель знал те же былины, что и певец Утка, и знал их в совершенстве. Мерно и плавно, былинным слогом, лилось повествование о Добрыне и о жене его Настасье Микулишне из уст мелентьевского сказителя. Он ни разу не остановился; ни разу не пришлось ему подыскивать ускользнувшее из памяти слово». Но «торжествовать пришлось Утке. „Хорошо говорит сказитель, нечего сказать“, хвалили мужики, „а все же лучше старинку петь“. И Утке пришлось петь снова».¹⁷¹

О таком ненапевном, «говорном» сказывании былины сообщили и Е. А. Ляцкий в своем очерке о сказителе И. Т. Рябинине.¹⁷² Обыкновенно, по его словам, Иван Трофимович одну половину былины пел, другую же «сказывал». Но его пересказ — «это тихая естественно-мерная речь, произносимая чуть-чуть приподнятым тоном, который так же выдержан и своеобразно гармоничен, как и в пении».¹⁷³

Приведенные описания напевного и ненапевного исполнения былины вызывают ряд вопросов, и прежде всего — о соотношении и связи текста и напева. Уже Ляцкий на основе своих наблюдений над исполнением былины И. Т. Рябининым предположил, что «эпический материал не так тесно связан с напевом, как лирический», и что «уменше исполнять былины мерной декламацией

¹⁷⁰ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2. Под ред. А. Е. Грузинского. Т. I. М., 1909, стр. LXIX—LXX.

¹⁷¹ В. Харузина. На Севере. М., 1890, стр. 69.

¹⁷² Евг. Ляцкий. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины. Этнографический очерк с приложением портрета сказителя и его напевов, записанных А. С. Аренским. М., 1895.

¹⁷³ Там же, стр. 27. — Такой характер исполнения былины пришлось мне лично слышать в детстве от того же И. Т. Рябинина во время одного из его приездов в Петербург, впоследствии же, в 1920-е годы, я услышала такое исполнение на Мезени. См. об этом в моей статье: Некоторые наблюдения в области исполнения былины. В кн.: Былины Севера. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье. М.—Л., 1951, стр. 681—682.

в певце исконно».¹⁷⁴ По моим наблюдениям, напев в былинной традиции XIX—XX вв. действительно с текстом, в противоположность песне, органически не был связан и в сознании исполнителя, по крайней мере на позднем этапе бытования эпоса в устной традиции, жил и живет самостоятельной жизнью. Этим и объясняется, что многие сказители, певшие былины, могли сказать текст «пословесно», не разрушая его ритмической структуры. Разница между сказанным и спетым текстом в этих случаях выражалась лишь в некоторых вариациях (в разной степени у разных сказителей) чисто словесного порядка и в большей пышности спетого текста вследствие вставки разного рода энклитических и связывающих частиц (а и, ле, да й и др.) и не имеющих смыслового значения слов, вызываемой музыкальным ритмом.¹⁷⁵ В области же песни мы очень часто сталкиваемся даже у мастера, хорошо знающего песню, с затруднением абстрагировать текст от мелодии.

Сказанное не исключает, однако, того, что напев всегда являлся средством сохранения былинной традиции и что его утрата легко могла привести — и во многих случаях приводила — к разложению былины в побывальщину и даже в сказку.

Итак, напев в исполнении северных сказителей явился лишь своеобразным способом подачи текста.

Чем же определяется то неотразимое впечатление, какое производит былина в музыкальном, напевном исполнении? Как связан напев с содержанием былины?

Многочисленные наблюдения убедили меня, что сила напевного исполнения в том, что оно — одно из основных средств сосредоточения внимания слушателя на содержании былины и отрыва его от окружающей обстановки. Короткая однообразная мелодия, повторяемая с каждым стихом¹⁷⁶ или через несколько стихов,¹⁷⁷ подчиняет себе слушателя, как бы завораживает его своим мерным возвращающимся ритмом.

Такое воздействие на слушателя отмечали и другие исследователи. Н. А. Янчук говорит, что однообразная мелодия не только не отвлекает внимания от содержания «какими-либо музыкальными эффектами», а наоборот — она «приятно успокаивает слушателя, чрезвычайно гармонируя со спокойным, мерным изложением события отдаленных времен, вызывая подчас какое-то благоговейное к нему отношение».¹⁷⁸

Так же определяет назначение напева и характер его воздействия на слушателей Ф. А. Рубцов в своей интересной, содержатель-

¹⁷⁴ Евг. Ляцкий. Сказитель Иван Трофимович Рябинин..., стр. 27.

¹⁷⁵ См. мою статью «Некоторые наблюдения...» (стр. 682—686).

¹⁷⁶ Свойственно в основном северо-восточной былинной традиции (Пинега, Мезень, Печора, Зимний берег).

¹⁷⁷ Типично для заонежской традиции.

¹⁷⁸ М. Н. Сперанский. Русская устная словесность, т. II, стр. 546.

лой заметке «Напевы былин об Илье Муромце»: ¹⁷⁹ «Содержание северных былин, определяющее их ценность и назначение, лежит в развернутом поэтическом тексте. Их напевы служат лишь формой декламации, способствующей донесению слова, создающей настроение, располагающее к сосредоточенному, углубленному слушанию». ¹⁸⁰

Ф. А. Рубцов касается и вопроса о происхождении такого типа напевного исполнения былин. Это исполнение вытекает, по его словам, «из существа эпического жанра и доносит до наших дней изначальные, древнейшие формы его художественного выявления». «Важность и общественная значимость содержания... требует особых средств произнесения текста, особой организации его интонирования. Северные былины — это „поющие сказания“». Они используют «выразительные средства музыки, но основными корнями уходят в слово, в повествование, в рассказ». ¹⁸¹ Но музыкальный образ напева «не связан с конкретным сюжетом былины. Он раскрывает лишь общий характер повествования», и это «дает возможность использовать один напев для исполнения былин различного содержания, сходных лишь по общему характеру и структуре стиха». ¹⁸²

На повторяемость одного и того же напева при исполнении былин разного содержания было обращено внимание и ранних собирателей, которые отмечали вместе с тем вариации в использовании одних и тех же напевов, придающие каждой былине особый характер. П. Н. Рыбников писал об исполнении Трофима Рябинина: «Один и тот же быстрый голос очень весел в „Ставре“, в „Потыке“ как-то заунывнее, а в „Вольге и Микулушке“ выходит торжественным. Протяжный напев звучит мужественным в „Двух королевичах из Крякова“ и в „Илье Муромце“ ¹⁸³ и делается грозным в „Илье и Паленице“». ¹⁸⁴ Аналогичные наблюдения сделал и Ляцкий над исполнением Рябинина-сына: «...благодаря разнообразию темпа и множеству оттенков, часто неуловимых, то неподдельной искренней прони... то величавого спокойствия... он придает каждой былине свою физиогномию. Эти оттенки в высшей степени разнообразят монотонность напева и вместе с тем увлекают слушателя за нитью рассказа». ¹⁸⁵

В статье Ф. А. Рубцова затронут вопрос и об изменениях, которые произошли в характере северных напевов на позднейшем

¹⁷⁹ Ф. А. Рубцов. Напевы былин об Илье Муромце. В кн. «Илья Муромец». Подготовка текстов, статья и коммент. А. М. Астаховой. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958 (серия «Литературные памятники»).

¹⁸⁰ Там же, стр. 421.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Там же, стр. 422.

¹⁸³ Имеется в виду былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике.

¹⁸⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I, стр. XCIII.

¹⁸⁵ Евг. Ляцкий и. Сказитель Иван Трофимович Рябинин..., стр. 26.

этапе жизни былины. В процессе многовековой жизни былины «живая связь речи и напева у некоторых сказителей нарушалась и для исполнения былин они пользуются не живой формой „омузыкаленной“ речи, а условно применяемыми попевками, взятыми из различных жанров народной песни».¹⁸⁶

Таким образом, общий характер северных напевов в основном определен. Но предстоит еще большая работа по детальному анализу структуры отдельных напевов, по выявлению местных традиций и творческих вариаций у разных мастеров, а также по конкретному раскрытию эволюции напевов на основании всех имеющихся записей. Не решен по сути и вопрос об «исконности» речитативного напева.

Надлежит внимательно заняться и напевами хоровой былины, которые, по словам Рубцова, уже не являются формой музыкальной декламации. Надо попытаться раскрыть в них характер связи музыкальных образов с поэтическими образами текста и особенностей напевов с музыкальной стороной других песенных жанров, в особенности песен исторических.

По новейшим наблюдениям, среди напевов, зафиксированных в районах южного казачества, встречаются и напевы, близкие к северным, речитативным. На Севере же наблюдались случаи совместного исполнения былин несколькими голосами. Все подобные случаи должны быть основательно изучены и использованы для раскрытия эволюции напевного стиля исполнения русского эпоса.

¹⁸⁶ Ф. А. Рубцов. Напевы былин об Илье Муромце, стр. 422.

ГЛАВА V

ИСТОРИЯ СОБИРАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ БЫЛИННОГО ЭНОСА

1

Самые ранние из известных нам записей былин относятся к XVII в. и началу и середине XVIII в. Это былины и прозаические тексты с былинными сюжетами, обнаруженные в XIX—XX вв. среди старинной рукописной литературы как в отдельных списках, так и в различных рукописных сборниках. Сделаны были эти записи, видимо, в целях занимательного чтения; в сборниках они помещались наравне с записями разного рода повестей, описаний путешествий, «слов», сказок и т. п. Записаны все тексты в строку, как прозаические произведения, даже те, которые сохранили явные следы стихотворного размера. Озаглавлены «Сказаниями», «Повестями», «Гисториями» или «Историями». Некоторые аналогичные тексты были найдены в лубочных изданиях. По мере своего обнаружения все они публиковались и подвергались изучению.¹

¹ См.: А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, вып. 1. М., 1855, №№ 12а и 12в; Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. 1. СПб., 1881, стр. 2; Л. Майков. Материалы и исследования по старинной русской литературе. СПб., 1891; Н. С. Тихонравов. Пять былин по рукописям XVIII в. М., 1891; А. И. Станкевич. Отрывок былины об Алеше Поповиче по списку XVII в. «Труды Московского археологического общества», т. XV, вып. II. М., 1894; Русские былины старой и новой записи. Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894; «Живая старина», 1894, вып. I; Былины новой и недавней записи из разных местностей России. Под ред. В. Ф. Миллера. М., 1908; ИОРЯС, т. XVI, кн. 1, СПб., 1911, отд. 1, стр. 1; Б. Соколов. Былины старинной записи (семь неизданных текстов). «Этнография», 1926, № 1—2; 1927; №№ 1 и 2; ТОДРЛ, т. IV, М.—Л., 1940, стр. 241; П. Г. Ширяева и В. А. Кравчинская. Две былины в записях конца XVII—XVIII вв. ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948; И. Ф. Голубев. Повесть об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. В сб.: Славянский фольклор, М.—Л., 1951; В. И. Малышев. Повесть о Сухане. М.—Л., 1956; А. П. Евгеньева. Два новых текста XVIII в. былины

В настоящее время все ранее и вновь найденные тексты в количестве 45 объединены в одном сборнике с проверкой всех по рукописным источникам. Тексты снабжены археографическим и фольклористическим комментарием и предварены исследовательской статьей, содержащей общий обзор и характеристику публикуемого материала. В статье и комментариях критически рассмотрены и использованы результаты прежних исследований.²

Что же представляют собой указанные рукописные тексты и какое значение они имеют в изучении русского былинного эпоса?

Из найденных списков только пять относятся к XVII в., остальные — к XVIII и к началу XIX в. Но большинство является копиями с неизвестных и, вероятно, более древних рукописей. Это свидетельствует, во-первых, о значительной, по-видимому, распространенности рукописных списков былин в XVII и XVIII вв.; во-вторых, о том, что рукописная традиция в области былины идет, очевидно, и глубже XVII в. По особенностям рукописей, в которых найдены тексты, содержащие былинные сюжеты, можно судить и о широте района распространения таких текстов: мы имеем в них указания и на северные области (Архангельская и Олонецкая губ.), и на среднюю Россию (Ярославская, Тверская, Московская и Владимирская губ.), и на Поволжье, и на юго-западный край.

Изучение текстов показало, что одни из них представляют собой несомненные записи устной былины или непосредственно от исполнителя, или по памяти. Если иногда это и копия, то копия с такой именно записи.³ Некоторые из них великолепно сохранили весь склад устной былины, в других он оказался несколько нарушенным — вероятно при переписке, а может быть, и во время самой записи. Кроме таких текстов, имеются и другие, представляющие уже прозаические пересказы былинных сюжетов, причем некоторые сохраняют — то в большей, то в меньшей степени — общую композицию былинного сюжета, а также фразеологию былины, ее устойчивые формулы и следы ритмического строя. В таких пересказах довольно явственно проглядывает облик устной былины. Наконец, встречаются и тексты, в которых ясны следы сознательной литературной обработки. Иногда она настолько значительна, что данные тексты следует рассматривать как повести, основанные на былинном материале. В них только отдельные элементы — образы, эпизоды, формулы —

о Михаиле Потыке. ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957; В. В. Митрофанова. К вопросу о редакции былин старинных русских записей. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. II, М.—Л., 1957.

² Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. Издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.—Л., 1960.

³ См. об этом в указанном сборнике «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков» (стр. 14—22); публикацию нескольких текстов былин в их стихотворном облике см. там же (стр. 219—234).

можно соотнести с устной традицией; иногда наблюдаются в них и небольшие вставки из подлинных былин. Тем не менее и эти тексты могут в какой-то мере помочь, в сопоставлении их с изустными записями, изучению ранних форм былинного эпоса.

Таким образом, рукописные тексты, являясь наиболее ранними отражениями былин, представляют собой важный материал для изучения былинного эпоса по крайней мере XVI—XVII вв., т. е. того времени, когда заканчивался продуктивный период его жизни и былина как жанр окончательно сформировалась. Конечно, не все рукописные записи отразили более старые редакции былинных сюжетов, чем позднейшие записи, но некоторые несомненно сохранили и элементы очень древних версий.

Большинство текстов посвящено Илье Муромцу. Они отразили следующие былины об этом богатыре: «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (в двух разных версиях), «Илья и разбойники», «Исцеление Ильи Муромца», «Илья и Идолище».

Одни из текстов представляют собой те близкие к устной былине пересказы, о которых говорилось выше, другие — литературные обработки сюжетов, сохранившие в известной мере связь с устной традицией.⁴

Записями устных былин или текстами, в основе которых лежат такие записи, являются тексты о Михаиле Даниловиче, Михаиле Потоке, Иване Гоудиновиче, Ставре Гоудиновиче и фрагменты былины об Алеше Поповиче и Тугарине.⁵

Повестью на основе былины является текст о Сухане.⁶

В указанном сводном сборнике помещены еще все обнаруженные в старинных рукописях пять текстов «Сказания о семи богатырях, ходивших в Царьград», — по-видимому, литературная композиция XVI или начала XVII в., сложенная на основе более ранних былин об Илье Муромце и Идолище и об Алеше Поповиче и Тугарине⁷ и поэтому тоже имеющая известное значение для истории былинного эпоса.

⁴ О всех этих текстах см. в сборнике «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков» (стр. 23—59).

⁵ Там же, стр. 14—23; кроме того, см.: А. Н. Веселовский. Южно-русские былины, I—II, СПб., 1881, стр. 28; А. П. Евгеньева. Язык былин в записях XVII в. (Автореферат). «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. III, 1944, вып. 4.

⁶ Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков, стр. 59—60; В. И. Малышев. Повесть о Сухане.

⁷ Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков, стр. 60—64; А. В. Позднеев. Сказание о хождении киевских богатырей в Царьград. В кн.: Старинная русская повесть. Под ред. Н. К. Гудзия. М.—Л., 1941; В. И. Чичеров. Вопросы теории и истории народного творчества. М., 1959, стр. 284—284. — Впрочем, существует предположение, что в «Сказании» отражена древняя былина о столкновении русских богатырей с Идолом и Тугарином, случайно не сохранившаяся в поздних изустных записях. См.: А. Н. Веселовский. Южно-русские былины, X. СПб., 1884; А. П. Евгеньева. «Сказание о киевских богатырях...» по списку XVII века.

XVIII веку принадлежат и первые печатные тексты былин в песенниках М. Д. Чулкова, Н. И. Новикова и И. И. Дмитриева, донесшие до нас ранние записи былин о Суровце и об Илье Муромце на Соколе-корабле.⁸ Два фрагмента былин были приведены — один в примечаниях к первому изданию «Слова о полку Игореве», другой В. А. Левшиным во вступлении к «Русским сказкам». Там же Левшин дал и краткий пересказ былины о первой поездке Ильи Муромца.⁹

Наконец, к XVIII в. относится и первое крупное собрание былин, составленное в Приуралье или Западной Сибири и известное под названием «Сборника Кирши Данилова».

Значение этого замечательного сборника прежде всего в том, что вошедшие в него тексты бесспорно воспроизводят живую устную традицию, тогда как из указанных выше текстов с былинными сюжетами в рукописных сборниках XVII—XVIII вв. мы только относительно нескольких можем быть уверены в точности передачи текста в том виде, в каком он жил в устном предании. Со сборником же Кирши Данилова в научный оборот вошло сразу очень большое количество былинных текстов (26 сюжетов)¹⁰ и был создан, таким образом, фонд основных былинных сюжетов. Важной частью сборника являются потные строки напевов, предвещающие каждый из помещенных в сборнике текстов.

В самой истории этого сборника далеко не все еще освещено. Не решен окончательно вопрос о месте, где был составлен сборник. Обилие местных сибирских географических приурочений, этнографических названий (например, имен сибирских народностей), повторяющиеся несколько раз слова «по-нашему, по-сибирскому», наличие чисто местных песен о сибирских событиях («Поход селенгинским казакам», «Во Сибирской Украине») — все это приводило ученых к убеждению, что место рождения сборника — Западная Сибирь, Зауралье. Некоторые данные языка, казалось, подтверждали это предположение.¹¹

ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947; Русское народное поэтическое творчество. Т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 425. — Обзор мнений о «Сказании» см. в указанной работе А. В. Позднеева.

⁸ См. тексты и комментарии к ним в сб.: Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков, стр. 205—207 и 298—299.

⁹ Там же, стр. 247—248 и 250.

¹⁰ Старинные эпические баллады в счет не идут. Учтены только былины.

¹¹ См.: Сборник Кирши Данилова. Под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901, стр. XXIII—XXVI; Е. Ф. Будде. Сборник Кирши Данилова. ЖМНП, 1902, апрель, стр. 511—521.

Правда, некоторые исследователи оспаривали сибирское происхождение и выдвигали гипотезу об уральском его происхождении. Так, П. С. Богословский называл Пермский край как место образования сборника,¹² В. Ф. Миллер тоже полагал, что сборник составлялся, кроме южных частей Томской и Тобольской губерний, и на северо-востоке Пермского края.¹³ Однако серьезные и веские аргументов в пользу своих гипотез они не приводили.¹⁴

По-прежнему общим признанием продолжало пользоваться до последнего времени предположение о сибирском происхождении сборника.¹⁵

В настоящее время «уральскую теорию» происхождения сборника поддержал молодой ученый А. А. Горелов, специально занимавшийся изучением сборника. Он указал, что Урал в XVIII в. тоже именовался Сибирью, уральские заводы и в частной переписке, и в сенатских указах называются сибирскими. К Уралу ведут топонимические элементы и конкретные географические подробности прозаической части произведения «Ермак взял Сибирь», которое основано на уральских легендах и преданиях.¹⁶ Однако и сейчас не все веские аргументы в пользу сибирского происхождения сборника опровергнуты. Вопрос решенным ни в ту, ни в другую стороны считаться не может. Использование данных языка рукописи для решения о месте возникновения сборника осложняется тем, что в нем, этом языке, наблюдается несколько наслоений: особенности говора, отраженного в оригинале, и черты, внесенные последующими переписчиками.¹⁷ О невозможности точного ответа на данный вопрос говорит и А. П. Евгеньева в специальной статье, посвященной особенностям рукописи сборника:¹⁸ «... существующие

¹² П. С. Богословский. Песня об Усах из Сборника Кириши Данилова и Камская вольница. Опыт анализа и локализации текста. Пермский краеведческий сборник, вып. IV, Пермь, 1923, стр. 1—117.

¹³ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I. М., 1897, стр. 79. — Пермский край как место записей Кириши Данилова еще раньше называл и Ор. Миллер (Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869, стр. V).

¹⁴ См.: М. Азадовский. Эпическая традиция в Сибири. Чита, 1924, стр. 18—19.

¹⁵ См. одно из новейших исследований: Б. Н. Путилов. Сборник Кириши Данилова и его место в русской фольклористике. В кн.: Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. Отв. ред. член-корр. АН СССР Д. С. Лихачев. М.—Л, 1958, стр. 528—529.

¹⁶ А. Горелов. Цена реалии (сборник Кириши Данилова — народная книга середины XVIII века). «Русская литература», 1963, № 3, стр. 167—168.

¹⁷ См. об этом: Е. Ф. Будде. Сборник Кириши Данилова, стр. 511—521.

¹⁸ А. П. Евгеньева. Рукопись Сборника Кириши Данилова и некоторые ее особенности. В кн.: Древние российские стихотворения..., стр. 575—586.

попытки приурочить составление Сборника на основании его языка к вполне определенной местности на территории западно-сибирских или уральских диалектов не могут быть признаны до конца убедительными. Изучение этих диалектов не достигло еще такого уровня, который позволил бы дать точно обоснованную их классификацию, причем изображающую состояние этих диалектов... , когда сложился оригинал Сборника, а затем сделана с него копия... Если недостаточно изучены фонетика и морфология уральских и западносибирских диалектов, то еще слабее представлена их лексика в соответствующих областных словарях». Евгеньева считает поэтому недостаточно основательной приведенную П. С. Богословским аргументацию своей «пермской теории» некоторыми явлениями языка рукописи сборника.¹⁹

В последние годы внесено еще новое предположение о вероятном районе, откуда могли произойти записи Кирши Данилова. Я. Р. Кошелев тщательно сличил эти записи с другими сибирскими былинами, установил общность редакций былин сборника Кирши с редакциями, распространенными по Енисею, а также на северо-востоке Сибири, куда последние могли попасть только с Енисея, и пришел к выводу: местностью, где бытовали многие произведения, вошедшие в сборник Кирши Данилова, следует признать Восточную Сибирь и конкретно Красноярский край. В подтверждение этой своей гипотезы Я. Р. Кошелев привел исторические предания, записанные по Енисею и близкие к историческим песням сборника Кирши Данилова, и некоторые реалии в самих текстах сборника, вполне объяснимые фактами исторической жизни Красноярского края в XVII в.²⁰

До сих пор не установлено также, что именно вызвало образование сборника.

Ставшее традиционным и вошедшее в учебники предположение, что сборник был составлен для владельца уральских заводов П. А. Демидова, по поручению последнего, не опирается на определенные неопровержимые факты, а является лишь предположением, основанным на том, что в руках у Демидова действительно была рукопись сборника. При этом одна из исторических песен этого сборника — о гневе Грозного на сына — уже была известна Демидову в 1768 г.: в этом году текст этой песни с двумя потными строчками был послан им историку академику Г. Ф. Миллеру с указанием, что эту песню, согласно выраженному Миллером желанию иметь данный сюжет, он, Демидов, «достал от сибирских людей».²¹ Был ли у Демидова в это время уже весь сборник или хоть какая-нибудь его часть, кроме названной песни, — неизвестно.

¹⁹ Там же, стр. 584—586.

²⁰ Я. Р. Кошелев. Вопросы русского фольклора Сибири (дооктябрьский период). Томск, 1963, стр. 19—43.

²¹ См. письмо Демидова к Миллеру: Сборник Кирши Данилова, стр. 195.

Приведенное выше предположение впервые было высказано К. Ф. Калайдовичем, редактором второго издания сборника. Он же дал основание для определения времени, когда сборник был составлен. В предисловии он писал: «За открытие и сохранение сих старых памятников Русской словесности мы обязаны покойному г. действительному статскому советнику Прокофию Акинфиевичу Демидову, для коего они перед сим лет за 70 были списаны».²² «Перед сим лет за 70» — следовательно, приблизительно около 1748 г. Из какого источника взял эту дату Калайдович, мы не знаем. Но от этого сообщения и пошло утверждение, что составлен был сборник именно в середине XVIII в.²³

Однако из сообщения Калайдовича еще не ясно, был ли в руках Демидова оригинал сборника или только его копия. Слово «списаны» могло иметь значение не «записаны», а «переписаны».

Большая часть сохранившейся рукописи сборника написана, как установлено П. Н. Шеффером, на бумаге 80-х годов XVIII в., и вся рукопись является беловой копией какого-то не дошедшего до нас списка. Было высказано предположение, что это уже не первая копия с оригинала, а по крайней мере вторая.²⁴ Таким образом, датирование рукописи, которая была в руках Демидова и ее первых издателей, еще не решает вопроса о времени возникновения самого сборника.

Единственное, что совершенно безусловно, — эта дата, раньше которой сборник появиться не мог. Это 1721 г., когда Петр I получил титул императора: в нескольких песнях сборника царь Петр упоминается как «первый император».²⁵ Горелов сперва передвинул эту дату еще на один год (1722 г.),²⁶ но затем отказался от своего утверждения, признав ошибочными приведенные основания.²⁷ В настоящее время он выдвинул в качестве «нижней даты» значительно более позднее число — 1742 г., связав имя

²² Там же, стр. 203.

²³ См., например, у М. Н. Сперанского (Русская устная словесность. М., 1917, стр. 24): «В половине XVIII века нам неизвестный человек записал ряд былил где-то в Приуралье, или, может быть, в Западной Сибири. Этот собиратель называет себя Киршей Даниловым». Середина XVIII в. как время составления сборника указана также у Ю. М. Соколова (Русский фольклор. Учебник для высших учебных заведений. Учпедгиз, М., 1938, стр. 38; изд. 2, М., 1941), П. Д. Ухова (Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общей ред. П. Г. Богатырева. Изд. 2, доп. и испр. М., 1956, стр. 326).

²⁴ Сборник Кирши Данилова, стр. XIX; Е. Ф. Будде. Сборник Кирши Данилова, стр. 505, 508, 516, 521.

²⁵ На это обратил внимание еще П. Н. Шеффер. См. его предисловие к изданию Сборника Кирши Данилова 1901 г.

²⁶ А. А. Горелов. О датировке оригинала сборника Кирши Данилова. «Вестник Ленинградского университета», № 20, Серия истории, языка и литературы, вып. 4, 1958, стр. 114—116.

²⁷ Устное высказывание на защите кандидатской диссертации на тему «Народные песни о Ермаке» в ЛГУ в мае 1963 г.

«Шишков-полковник», встречающееся в одной из песен сборника, с «подполковником Шишковым», который в районе Нижнего Тагила в 1742 г. производил перепись населения и имя которого, следовательно, стало хорошо известно местным людям. Конечно, это довольно серьезное основание для датировки, но только при условии уральской локализации, что признает и сам Горелов.²⁸

Вопрос встал и о верхней границе того периода, в котором сборник мог быть создан. Мы видели, что большинство ученых шло за Калайдовичем, называя середину XVIII в. Но были и такие, которые относили составление сборника к более поздним временам — ко второй половине XVIII в., основываясь, очевидно, на переписке Демидова с историком Миллером.²⁹ К этому мнению примкнул и Горелов, считая наиболее вероятным, что рукопись сборника существовала уже у «сибирских людей» до поисков Демидовым песни о селе Преображенском, которую просил у него Миллер, т. е. до 1768 г.³⁰ Таким образом, он устанавливает срок возникновения сборника «не ранее 1742 года и не позже 1768 года».³¹

Тот же срок называет и Б. Н. Путилов, который считает, что нет оснований отодвигать создание сборника к более раннему времени: «40—60-е годы — вот наиболее вероятное время его рождения».³²

Некоторые интересные дополнительные материалы, касающиеся происхождения сборника, были обнаружены в самые последние годы. В 1963 г. Е. И. Дергачевой-Скоп в рукописном собрании ГБЛ были найдены два рукописных листа, которые при ближайшем ознакомлении с ними оказались аналогичными листам 18—18 об. и 23—23 об. сборника Кирши Данилова, хранящегося в ГИБ. Сопоставление почерка новонайденных листов с почерками рукописного сборника ГИБ, водяных знаков бумаги, а также сравнение соответствующих страниц привело Дергачеву-Скоп к выводу о том, что новонайденные листы, видимо, сохранились из неизвестного нам сборника 1765—1768 гг., который был не просто скопирован, но реконструирован в 1780-х годах (Сборник ГИБ). В свою очередь сборник, к которому относятся новонайденные листы, не явился оригиналом, он был уже копией. Так подтвердилось предположение Е. Ф. Будде о «трехэтапной» работе над сборником. Неясным только остался, по словам Дергачевой-Скоп, вопрос, «явился ли он копией с какого-то одного

²⁸ А. Горелов. Цена реалии..., стр. 168.

²⁹ См., например: Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов, стр. 63. — Это не согласуется с указанием на середину XVIII в. в той же книге (стр. 326); см. также: Очерки истории СССР, М., 1956, стр. 539.

³⁰ А. Горелов. Цена реалии..., стр. 167.

³¹ Там же, стр. 168.

³² Б. Н. Путилов. Сборник Кирши Данилова..., стр. 528.

„протографа“ цельного сборника или разных „протографов“ отдельных песен, записанных от разных исполнителей и объединенных „редактором“ в какое-то единое целое». ³³ По-прежнему остается не определенным и время составления оригинала.

Третий вопрос, связанный со сборником и тоже репавшийся по-разному, касается лица собирателя и составителя сборника. К. Ф. Калайдович определенно называет имя Кирши Данилова как собирателя, ссылаясь на редактора первого издания — А. Ф. Якубовича, по словам которого на начальном листе рукописи, впоследствии утерянном, стояло это имя (Якубович поэтому считал Киршу Данилова автором помещенных в рукописи «стихотворений»). Может быть, у Калайдовича были и какие-либо еще другие сведения, нам не известные, которые и позволяли ему говорить о Кирше Данилове как собирателе с такой убежденностью. Он же отождествлял с именем собирателя и «похмельного молодца» Кирилу Даниловича из пародийной песни сборника «Да не жаль добра молодца битова, жаль похмельнова...». Утверждение Калайдовича резко оспаривалось Сахаровым, указывавшим, что имя на заглавном листе рукописи еще не доказывает принадлежность его собирателю: различные приписки на рукописях были обычны в старое время. ³⁴ Однако большинство ученых склонно собирателем считать именно этого Киршу Данилова, чье имя было на рукописи.

Кто же такой Кирша Данилов? Соображения Калайдовича о том, что он был украинцем по происхождению и казаком, неубедительно и было опровергнуто еще Шеффером. ³⁵ Ф. Е. Корш высказал интересное предположение, что Кирша Данилов был сам профессиональный певец, скоморох, который, возможно, записал свой собственный репертуар. ³⁶ Действительно, скомороший элемент в сборнике чрезвычайно силен. Судя же по выдержанности языка, по общности поэтических приемов в разных былинах и песнях сборника, можно с большим вероятием предположить, что мы имеем дело с записью репертуара или одного народного мастера-певца, или сплоченного певческого ансамбля, быть может группы скоморохов. Это мнение, по-видимому, склонен был разделить П. Н. Шеффер, который, однако, поставил задачу тщательно изучить самый состав сборника, чтобы решить, случаен ли этот состав или он представляет нечто органическое, — другими словами, обусловлен ли состав сборника «вкусами и целями собирателя, записывавшего тексты от разных

³³ Е. И. Дергачева-Скоп. Новонайденные листы из Сборника Кирши Данилова. ТОДРЛ, т. XXI.

³⁴ И. И. Сахаров. Сказания русского народа. Изд. 3. Т. I, кн. 1. СПб., 1841, стр. 29—30.

³⁵ Сборник Кирши Данилова, стр. XXVII—XXVIII.

³⁶ Ф. Е. Корш. О русском народном стихосложении. СПб., 1897, стр. 37.

певцов в различных местах, или перед нами в сборнике запись характерного, очень своеобразного по настроению... *репертуара* певца или, может быть, *репертуара* спевшейся сплоченной группы певцов, вероятно, *скоморохов*».³⁷

В таком именно направлении исследовали состав сборника П. Д. Ухов и А. А. Горелов.³⁸ П. Д. Ухов, изучив типические места в былинах и исторических песнях сборника, установил их поразительную общность, которая дает полное основание предполагать, что все эти произведения «записаны от одного сказителя или, по крайней мере, от сказителей одной былинной школы».³⁹ Наблюдения же над филологической точностью записей при отсутствии в XVIII в. «теоретического и практического обоснования необходимости такой записи» побудили его заключить, что «запись производил сам сказитель, твердо помнивший текст своих былин». Это и был Кириша Данилов — Кирилл Данилов, упоминаемый в тексте № 38.⁴⁰ А. А. Горелов, наблюдая частые переключки между разными произведениями сборника, выражающиеся в повторении одних и тех же формул, в одинаковом словесном оформлении эпизодов и описаний, тоже пришел к убеждению, что «источник этого единства может быть только один: певец записал свой собственный репертуар».⁴¹ Наблюдения же над исполнительской манерой, отраженной в сборнике, и над его содержанием побудили Горелова утверждать, что этот певец был *скоморохом*.⁴² Таким образом, тщательное изучение состава сборника и стиля включенных в него произведений подтвердили гипотезы, выдвинутые талантливыми дореволюционными учеными благодаря научной интуиции.

С особыми мнениями о составителе сборника и происхождении его состава выступили в 1958 г. датский ученый А. Стендер-Петерсен в докладе на IV Международном съезде славистов и Б. Н. Путилов в статье, помещенной в академическом издании Кириши Данилова.

А. Стендер-Петерсен выдвинул предположение о том, что Кириша Данилов был не только собирателем и составителем сборника, но и сознательным редактором материалов, записанных

³⁷ Сборник Кириши Данилова, стр. XXXVI—XXXVII.

³⁸ П. Д. Ухов. Из наблюдений над стилем сборника Кириши Данилова. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. I, М.—Л., 1956; А. А. Горелов. Кто был автор сборника «Древние российские стихотворения». Там же, т. VII, М.—Л., 1962.

³⁹ П. Д. Ухов. Из наблюдений..., стр. 113. — Мнение это поддержано в настоящее время А. В. Позднеевым, тоже изучавшим типические места былии сборника Кириши Данилова. См.: А. В. Позднеев. Общие места и «перенесения» в былинах. В сб.: Проблемы истории литературы. Под ред. М. Н. Зубкова, М., 1964, стр. 84—85.

⁴⁰ П. Д. Ухов. Из наблюдений..., стр. 115.

⁴¹ А. А. Горелов. Кто был автор..., стр. 303.

⁴² Там же, стр. 308—312.

им от разных групп народа.⁴³ Мнение это, обоснованное сопоставлением былин и исторических песен сборника с устными их вариантами, вызвало на съезде оживленную дискуссию, причем большинство выступивших отметили несостоятельность, необидительность приведенных докладчиком примеров редакторской деятельности Кириши Данилова.⁴⁴

Возможность наличия какой-то доли правки была признана Б. Н. Путиловым, хотя в конкретных наблюдениях Стендер-Петерсена он тоже видел «и спорные, и просто неверные моменты».⁴⁵ Мысль о возможной правке связана у Путилова с общим его восприятием характера состава сборника. Соглашаясь с тем, что основная часть сборника действительно обнаруживает большое стилистическое единство, он вместе с тем подчеркивает, что весь репертуар сборника «чрезвычайно неоднороден». Так, «несколько особняком» стоят в нем «казацьи и солдатские исторические песни XVII—начала XVIII века», «они образуют в Сборнике свою самостоятельную группу и также характеризуются известным внутренним единством» и, очевидно, записаны от сибирских казаков. Особо выделяется также группа песен сатирических и шуточных. Среди них имеются такие, которые несомненно можно отнести к искусству скоморохов (Гость Терентище, Сергей хорош, Чурилья-игуменья и т. п.), но есть и шуточные и сатирические песни, которые «не обязательно относить на долю скоморохов», поскольку сатира и шутка свойственны и крестьянскому фольклору.⁴⁶ Путилов оспаривает также мнение, что выражение Демидова «разумные дураки», среди которых были записаны песни, попавшие в сборник, означает именно скоморохов: «... во второй половине XVIII века, когда писалось письмо, ни о какой высылке их в Сибирь не могло быть и речи — скоморохов уже не было в центральных районах России».⁴⁷ И Путилов делает вывод о безосновательности предположения, будто составитель сборника — скоморох, записавший свой собственный песенный репертуар. Ему представляется, что состав сборника образовался путем собирания в разнородной среде: «Здесь были и крестьяне-сказители, и казацьи певцы, и последние скоморохи, сохранившиеся в Сибири».⁴⁸ Составитель же сборника «был превосходным собирателем, отличавшимся широтой фольк-

⁴³ А. Стендер-Петерсен. Проблематика сборника Кириши Данилова. Несколько соображений. «Scando-Slavica», Copenhagen, 1958, t. 4, p. 70—93; см. также издание: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 1. Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. М., 1962, стр. 489—490.

⁴⁴ IV Международный съезд славистов, стр. 501—506.

⁴⁵ Там же, стр. 501.

⁴⁶ Б. Н. Путилов. Сборник Кириши Данилова..., стр. 540—542.

⁴⁷ Там же, стр. 542.

⁴⁸ Там же.

лорных интересов». «Он создал книгу, которая могла бы служить (и служила, вероятно) и песенником, и прежде всего материалом для массового чтения — занимательного, историко-познавательного, развлекательного. Сборник Кирши Данилова правильнее всего можно определить как своеобразную народную книгу, рассчитанную на самого широкого, массового читателя XVIII века».

Мнение Путилова интересно. Однако концепция Шеффера, развившего мысли Корша, и соображения Горелова, продолжившего освещение вопроса в том же направлении, представляются мне более простыми и правдоподобными. Вряд ли в середине XVIII в. мог появиться собиратель с такими сознательно серьезными и важными задачами, какие приписывает Кирше Данилову Путилов. Возражения же его в адрес прежней концепции далеко не убедительны. Нельзя думать, что скоморохи владели только узко специфическим репертуаром. О том, что они были носителями и более серьезного репертуара — былини и исторических песен, — нам известно из ряда документальных свидетельств, в том числе и довольно поздних.⁴⁹ Зарабатывая своим искусством на жизнь, скоморохи стремились к обогащению своего репертуара и, конечно, усваивали песни той среды, с которой приходилось общаться (следовательно, и казачьи песни). В Сибири скоморохи так же, как в европейской части Севера, в XVIII в. еще были. Сведения же о гонениях на них были достаточно живы. «Разумные дураки» — это, конечно же, скоморохи.⁵⁰

Судьба сборника и его изданий такова. После смерти П. А. Демидова рукопись попала к его родственнику Н. М. Хозикову, а от последнего — Ф. К. Ключареву, второстепенному писателю, занимавшему пост директора Главного почтамта.⁵¹ Он и явился первым издателем сборника, поручив это дело одному из своих чиновников, А. Ф. Якубовичу. В 1804 г. вышло это первое издание, включившее всего 26 текстов и носившее название «Древние русские стихотворения». Две былины из этого издания («Соловей Будимерович» и «Первая поездка в Киев Ильи Муромца») были, кроме того, опубликованы вместе

⁴⁹ См., например: О л е а р и й. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906 (рассказ Олеария об исполнении на пиру песни о Михаиле Скопине); В. В. Т а т и щ е в. История российская с самых древнейших времен, кн. 1, ч. 1. М., 1768, стр. 44—45 (слова Татищева о том, что он сам от скоморохов слышал песни о князе Владимире и богатырях).

⁵⁰ О скоморохах в Сибири в связи с вопросом о происхождении сборника Кирши Данилова см. еще в книге Я. Р. Кошелева «Вопросы русского фольклора Сибири» (стр. 39—43).

⁵¹ Сборник Кирши Данилова, стр. 203 (предисловие Калайдовича к изданию 1818 года).

с их напевами в 1806 г. в 1-м и 3-м выпусках «Журнала отечественной музыки», издававшегося Д. Н. Кашиным.⁵² В 1818 г. вышло второе издание под редакцией К. Ф. Калайдовича и под новым заглавием: «Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». На этот раз в него вошла уже 61 песня с нотными строчками напевов (к изданию Якубовича новый редактор присоединил еще 35). Однако издание и теперь все еще не воспроизводило состав рукописи полностью. Не были опубликованы семь скоморошских песен из-за их «нецензурности», а из соображений религиозных исключены песня «Из монастыря Боголюбова» по ее яркому антиклерикальному характеру и стих о Голубиной книге, как «неприличный по смешению духовных вещей с простонародным рассказом».⁵³

В 1878 г. вышло в Москве третье издание, явившееся простой перепечаткой второго, поскольку рукописный оригинал к этому времени затерялся. В 1892 г. выпущено было четвертое издание в «Дешевой библиотеке», издававшейся А. С. Суворинным, — оно было перепечаткой издания 1878 г.

В 1894 г. в библиотеке князя М. Р. Долгорукова найдена была считавшаяся утраченной рукопись. Она попала к Долгорукову, очевидно, из библиотеки и архива его деда Л. Ф. Малиновского, принимавшего руководящее участие в издании 1818 г. Рукопись была передана в Публичную библиотеку в Петербурге, и по ней в 1901 г. сборник снова был издан под редакцией П. Н. Шеффера. Новое, пятое издание, получившее наименование «Сборник Кирши Данилова», явилось подлинно научным. Оно полностью воспроизводило оригинал, издав все 70 текстов былин и несен без разделения на стихи, согласно оригиналу (во всех прежних изданиях опубликованы с разделением на стихи) и с соблюдением орфографии рукописи, исключая небольшие отступления: П. Н. Шеффер счел необходимым отделить слова от предлогов, союзов и отрицательной частицы «не», с которыми они в рукописи слиты, а также последовательно употреблять прописные буквы в именах собственных и в некоторых названиях⁵⁴ (такая последовательность в рукописи отсутствует).

Несколько текстов из не изданных Калайдовичем напечатано с пропусками. Издание было выпущено в двух видах: небольшое число нумерованных экземпляров роздано узкому кругу специалистов, в каждый экземпляр был вложен конверт с шестью

⁵² О нотных записях в сборнике Кирши Данилова см. в статье Б. М. Добровольского (в кн.: Древние российские стихотворения..., стр. 566—574).

⁵³ Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1818 (Предисловие).

⁵⁴ Сборник Кирши Данилова, стр. XL—XLI; М. Сперанский. К истории сборника песен Кирши Данилова. «Русский филологический вестник», Варшава, 1911, № 1.

фотоснимками, на конверте рукою П. Н. Шеффера написано: «Снимки с листов оригинала, текст которых напечатан с пропусками и в нумерованных экземплярах».⁵⁵ Текстам П. Шеффер предпослал содержательное предисловие, в котором подробно освещена история найденной рукописи и изложено состояние всех поднятых в связи со сборником вопросов.⁵⁶ В «Приложениях» воспроизведены письмо П. А. Демидова к академику Г. Ф. Миллеру с присланной в письме песней и предисловия к первому и второму изданиям. Научная ценность издания повышена еще указателями: таблицей соответствий страниц второго и третьего изданий с листами рукописи, указателем имен и названий в текстах, предметным указателем, словарем местных слов в рукописи.⁵⁷

К 1938 г. относится шестое издание памятника, осуществленное Государственным издательством «Художественная литература».⁵⁸ К этому времени сборник Кирши Данилова во всех предшествующих изданиях стал библиографической редкостью, и в новом издании ощущалась настоятельная потребность. Тем более были досадны промахи, допущенные редакцией. Ею, правда, не были поставлены строгие академические задачи, но и установка на «широкого читателя» не должна была снять требования научного подхода к материалу.

Издание воспроизвело почти весь состав текстов сборника (за небольшим исключением, обусловленным соображениями этического порядка), но нотные строки, стоящие перед каждым текстом (что сохранено даже в дешевом суворинском издании 1892 г.), не перепечатаны. В целях общедоступности былины и песни разделены на стихи (по примеру до-шефферовских изданий) и переданы в современной орфографии, но отсутствие цифровых отметок при стихах сделало пользование этими текстами неудобным, принципы же графической передачи текстов не оговорены. Введена новая нумерация произведений, которая разорвала связь с прежними изданиями и тоже усложнила пользование сборником. Произведены изменения в заглавиях: если имена в заглавиях отличаются от имен в текстах, они заменяются формой, употребленной в тексте (например «Потук» сменяется на «Поток», «Гордей» на «Горден», «Годенович» на «Годинович»). Изменения эти не оговорены, к тому же не про-

⁵⁵ Сообщено В. П. Адриановой-Перетц, получившей один из таких экземпляров (за № 20).

⁵⁶ Предисловие это явилось переработкой «Заметки о сборнике Кирши Данилова», опубликованной Шеффером в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1897 г.» (т. II, кн. 1, стр. 34—48).

⁵⁷ Большое научное значение Сборника, изданного под редакцией Шеффера, было тотчас же по выходе его в свет отмечено в развернутой рецензии Е. Ф. Будде (ЖМНП, 1902, апрель).

⁵⁸ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбинаго. М., 1938.

ведены до конца (оставлено заглавие «Михайло Казаринов», хотя в былинe всюду, — «Михайло Казарин»). Неудачно объединение словаря и примечаний, а именно — в словарь введены некоторые имена из исторических песен и даются исторические справки. Включение в сборник таких справок полезно, но следовало в целях большей четкости отделить их от словаря и привести в большей полноте. Замечается и некоторая случайность. Остались, например, без справок: «Азов-город, Смоленец, Строгановы, Пожарский Семел и ряд других. Иногда объяснение исторического имени дается при другом слове, что затрудняет нахождение справки. Так, о Гришке-расстриге дается разъяснение под словом «Сендомирский», о Михаиле Черкашенине — под словом «польский». В самом словаре есть серьезные пробелы: не объяснены слова «усы», «Голубиная книга», «гора Сорочинская», «Девушка чернавушка» и др. Все указатели шефферовского издания, а также предисловия прежних изданий совершенно опущены.

В предисловии сообщается история предшествующих изданий сборника и дается его характеристика. Последняя, однако, специфику состава сборника в должной мере не раскрывает. Таким образом, первое переиздание сборника в советское время оказалось не на высоте, оно далеко не использовало те возможности, которые открыты были изданием Шеффера.

В 1958 г. выполнено и вышло в Издательстве Академии наук СССР (в серии «Литературные памятники») седьмое издание сборника.⁵⁹ Учитывая, с одной стороны, интересы ученых-специалистов, с другой — интересы широкого читателя, составители воспроизвели содержание сборника дважды: 1) точно по рукописи и 2) с разделением на стихи и в несколько облегченной орфографии, но сохраняя все фонетические диалектизмы и все морфологические и синтаксические особенности.⁶⁰ Точное воспроизведение рукописи осуществлено последовательно, без тех небольших отступлений, которые первый издатель точного текста, П. Н. Шеффер, как мы видели, счел нужным и возможным сделать. Все ценные подстрочные замечания Шеффера палеографического характера полностью сохранены. При издании стихотворного текста была проведена проверка всех прежних реконструкций и вписаны некоторые уточнения.

В приложениях помещены статьи, рассматривающие сборник в разных аспектах: «Сборник Кириши Данилова и его место в русской фольклористике» (В. Н. Пупилов), «О потных записях в сборнике Кириши Данилова» (В. М. Добровольский), «Рукопись сборника Кириши Данилова и некоторые ее особенности» (А. П. Евгеньева).

⁵⁹ См. выше, стр. 171, примеч. 15.

⁶⁰ См. общую часть комментария, стр. 587—590.

С текстами сборника Кирши Данилова были в свое время сопоставлены те отдельные публикации былин и их фрагментов в изданиях XVIII в., которые назывались выше.⁶¹ Оказалось, что они не совпадают с редакциями сборника. Это вызвало предположение, что в XVIII в. могли быть и другие рукописные сборники с записями былин или отдельные списки былин, до нас не дошедшие.⁶² Предположение это находит подтверждение в сообщении писателя В. А. Левшина о том, что у него имелось «собрание древних богатырских песен», но что оно погибло в один «пожарный случай». Из одной былины этого собрания Левшин и привел по памяти отдельные отрывки,⁶³ не находящие никаких соответствий в сборнике Кирши Данилова.

2

Подъем фольклористических интересов в 1830-е годы в связи с ростом национального сознания в русском обществе и постановкой проблемы народной культуры вызвал начало организованной собирательской работы. Она тесно связана с именем и деятельностью Петра Васильевича Киреевского, возглавившего широкое собрание фольклорных материалов, в котором приняли участие многие писатели и общественные деятели. Среди лиц, передававших Киреевскому свои записи и записи своих корреспондентов, находим А. С. Пушкина, братьев Языковых, В. И. Даля, Гоголя, Кольцова, П. И. Якушкина, М. П. Погодина, поэта Д. В. Ознобишина и др.

Тогда же, в середине XIX в., в разных периодических изданиях стали появляться отдельные публикации былин — записи собирателей-одиночек, захваченных общим движением по собиранию фольклора в 1830—1850-е годы.

К этим же годам относится эпизод с неблагоприятной мистификацией, допущенной известным этнографом того времени И. П. Сахаровым. Кратко напомним этот эпизод. В 1838—1839 гг. Сахаровым были опубликованы «Песни русского народа», в пятой части которых были помещены «Былины русских людей». По его словам, эти былины он списал с найденной им рукописи некоего тульского купца Бельского, близкой якобы к рукописи Кирши Данилова. Вскоре, однако, было обнаружено, что былины, включенные Сахаровым, не что иное, как тексты самого сборника Кирши, подвергнувшиеся некоторой обработке. Стало ясно, что рукопись Бельского придумана Сахаровым, очевидно с целью прикрыть проделанные им манипуляции с текстами Кирши Да-

⁶¹ См. стр. 167—170.

⁶² А. М. Лобода. Русский богатырский эпос. Киев, 1896, стр. 49—50.

⁶³ В. А. Левшин. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях... ч. I, Вступление. М., 1780—1784, стр. 138—140, примечание.

нилова и придать своей публикации характер подлинных записей.⁶⁴

В 1838 г. было опубликовано обращение П. В. Киреевского (подписано, кроме Киреевского, Н. Языковым и А. С. Хомяковым) к широким кругам общестственности с призывом принять активное участие в собирании русских народных песен и стихов (имелись в виду духовные стихи). В обращении говорилось, что в течение нескольких лет группой лиц, желавших сохранить драгоценные остатки народной поэзии, уже собрано и приготовлено к печати большое количество песен. Но для полного издания необходимо еще шире развернуть собирание, чтобы песни «были записаны везде, где это возможно».

Эта «песенная прокламация» замечательна не только взглядами П. В. Киреевского и его ближайших помощников на собирание народного творчества как на большое общественное дело, но и тем, что она отразила основные принципы, которыми организаторы его руководствовались и которыми предлагали руководиться. «Песни, которые поются в народе, — говорилось в обращении, — должны быть записываемы слово в слово, все без изъятия и разбора, не обращая внимания на их содержание, краткость, нескладность и даже кажущееся бессмыслие: иногда поющий смешивает части нескольких песен в одну, и настоящая песня открывается токмо при сличении многих списков, собранных в различных местах».⁶⁵

Как известно, задуманное Киреевским полное издание собранных материалов не было, по сложности предприятия и цензурным условиям, осуществлено при жизни самого организатора этого дела и увидело свет лишь после смерти его. Самому П. В. Киреевскому удалось при жизни опубликовать лишь духовные стихи⁶⁶ и несколько былевых песен.⁶⁷ Основная же часть былии, баллад и исторических песен вышла в начале 1860-х годов под редакцией П. А. Бессонова. Огромное собрание песен лирических, как обрядовых, так и не обрядовых, было опубликовано только в XX в., причем издание, начатое в 1911 г. под редакцией В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского, закончилось уже в 1929 г.

⁶⁴ Подробно о всей этой истории см.: Лобода. Русский богатырский эпос, стр. 59—63; А. П. Пыпин. История русской этнографии, т. I. СПб., 1890, стр. 305—310.

⁶⁵ См.: А. Д. Соимонов. «Песенная прокламация» П. В. Киреевского. «Советская этнография», 1960, № 4.

⁶⁶ П. В. Киреевский. Русские народные стихи. В кн.: Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1848.

⁶⁷ «Московский сборник», 1852, № 1; «Русская беседа», 1856, № 1. — В литературе утвердилось мнение, что публикация в первую очередь духовных стихов определилась славянофильскими интересами П. В. Киреевского. По-видимому, все-таки это не так. Издание былии подготавливалось, но задерживалось из-за его большей сложности.

Былины вошли в первые пять выпусков издания 60-х годов.⁶⁸ Сюда были включены не только записи Киреевского и его корреспондентов, но и ряд публикаций XVIII и начала XIX в. — из песенников Чулкова, Новикова и др., из сборника Кирши Данилова, а также публикаций 40—50-х годов из «Прибавлений к Известиям Академии наук» (тт. I—III), журналов «Сын отчества» и «Москвитини» и «Чтений в Обществе истории и древностей российских» 1859 г. Некоторые из этих записей, произведенные одновременно с записями корреспондентов Киреевского, — шесть нижегородских священника Фаворского, восемь пенкурских Верецагина, пять саратовских Шейна, четыре алтайских С. И. Гуляева — представляют исключительный интерес и значение как самые ранние записи из названных мест, значительно дополняющие собрание былины П. В. Киреевского. Из собрания последнего в сборник попала 41 запись, перепечатано из указанных выше периодических изданий 34. Из сборника Кирши Данилова перепечатаны 24 былины. В Приложениях напечатано несколько сказок и преданий о богатырях, они взяты из лубочных изданий, «Русских сказок» Левшина и «Сказаний русского народа» Сахарова. Бессонов, по-видимому, стремился собрать по возможности все, что было записано в области былинного эпоса, дать свод былин. Но в конечном счете этого, как мы увидим, ниже, не вышло.

Значение сборника «Песни, собранные П. В. Киреевским» для истории былин заключается главным образом в широком географическом охвате мест записи: в нем представлены Сибирь, Урал, Поволжье, ряд губерний средней России, северные районы (Олонецкая и Архангельская губ.), — правда, по некоторым местностям имеются лишь единичные образцы. Для ряда мест средней России записи из «Песен» Киреевского явились единственными свидетельствами живой былинной традиции.

Тексты, расположенные по тематическому принципу, сопровождаются различными «заметками», «приложениями», «указателями» редактора издания П. А. Бессонова. Кое-что из этих дополнительных материалов имеет несомненно известную научную ценность, по многое, представляя часто беспочвенные домыслы редактора, является лишь балластом, чрезмерно загромождающим издание. Подробным указателем Бессонова, помещенным в конце четвертого выпуска, пользоваться затруднительно.

О самом П. В. Киреевском и некоторых его сподвижниках в деле собирания фольклора существует литература. В ней рассматриваются обстоятельства, определившие интерес Киреевского к народной поэзии, раскрывается его фольклористическая концепция, прослеживается судьба его собрания. Больше всего в этом направлении было до последнего времени сделано

⁶⁸ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1—5. М., 1860—1863. — В остальных пяти выпусках (1864—1874) напечатаны исторические песни.

М. К. Азадовским.⁶⁹ В последнее же время архивы П. В. Киреевского, хранящиеся в Москве, в Библиотеке СССР им. В. И. Ленина (фонд П. В. Киреевского) и в Государственном историческом музее (фонд П. А. Бессонова), специально изучались П. Д. Уховым, А. Д. Соймоновым и Э. И. Власовой.

Ими обнаружено прежде всего, что многое из собрания Киреевского в издании «Песен» по каким-то причинам не вошло, в том числе и несколько были. Несмотря на обилие включенного в издание дополнительного материала из прежних публикаций, далеко не все печатные источники, а также и рукописные, оказались использованными. Это обстоятельство, равно как и недостатки внутренней организации материала — нарушения тематического принципа (выпуск IV, например, повторяет сюжеты предыдущих томов), загромождение сборника непужным материалом — давно уже поставили задачу переиздания сборника на новых началах.⁷⁰

Результаты, полученные в работе над архивом П. В. Киреевского, делают эту задачу еще более насущной. П. Д. Уховым проведена большая и трудоемкая работа по атрибутированию текстов, помещенных в издании без помет о собирателе и исполнителе. И ему удалось, в огромном большинстве случаев вполне убедительно, установить принадлежность целого ряда текстов определенным сказителям, запись этих текстов — определенным собирателям, а также внести существенные коррективы в этой области по отношению к сообщениям редактора.⁷¹

П. Д. Ухов восстанавливает также основные этапы собирательской деятельности П. В. Киреевского и раскрывает принципы и осуществление организационной стороны. Изучая деятельность каждого из участников собирательской работы, организованной П. В. Киреевским, Ухов указывает удельный вес вклада, внесенного каждым из них в общее дело. В результате выясняется допущенное ранее преувеличение роли собирателей из дворянско-помещичьей среды и славянофилов в собрании Киреевского. Ухов доказывает, что огромный вклад в собрание внесли собиратели-разночинцы. Он оспаривает также утверждение, что Киреевский якобы с особым вниманием и рвением со-

⁶⁹ М. К. Азадовский. История русской фольклористики, т. I. Учпедгиз, М., 1958, стр. 328—343; Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову, под ред. и с предисл. М. К. Азадовского, М.—Л., 1935. — См. также: Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. Вып. I. М., 1911 (вводные статьи В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского); Н. Колупанов. Биография А. П. Кошелева. М., 1889, т. I, ч. 2; Б. М. Соколов. Собиратели народных песен. М., 1923 (о Киреевском — стр. 11—26).

⁷⁰ М. К. Азадовский. История русской фольклористики, стр. 343, примечание.

⁷¹ П. Д. Ухов. Проблемы атрибуции народных традиционных песен (на материале собрания П. В. Киреевского). (Рукопись; находится в Московском государственном университете).

бирал духовные стихи. В общем количестве собранных Киреевским текстов они, оказывается, занимают «весьма скромное место». Так вносятся существенные поправки в определение общественно-политического лица самого П. В. Киреевского и в оценку его фольклористической концепции.

П. Д. Ухов детальнее и глубже, чем это делалось раньше, раскрывает особенности текстологической работы Киреевского, рисующие его как передового для своего времени ученого-текстолога.

А. Д. Соимонов использует обширную переписку П. В. Киреевского для восстановления его биографии и для раскрытия эволюции его общественных и фольклористических взглядов, а также для характеристики его взаимоотношений в этом плане с ближайшими участниками его собирательской деятельности.⁷²

К тем же 60-м годам XIX в., когда начали выходить первые выпуски «Песен П. В. Киреевского», относится и другое крупнейшее по своему значению событие в области изучения былины: издание собрания онежских былин П. Н. Рыбникова.⁷³ Это издание произвело опешмляющее впечатление и вызвало даже скептическое к себе отношение. В свете характерных для XIX в. представлений о былинном эпосе как о разрозненных и не имеющих уже живого бытования остатках древней поэзии, уходящей корнями в эпоху мифотворчества, казалось невероятным такое большое количество записей, произведенных в сравнительно непродолжительное время в довольно ограниченном районе и так близко от столицы. Приходили на ум воспоминания о мистификации Джемса Макферсона, выдавшего сочиненные им на основе старинных кельтских преданий песни за подлинные произведения какого-то древнего кельтского барда Оссипа. Вспомнились и другие аналогичные факты. «Перед тем русская этнография знала, — пишет А. Н. Пыпин, — в отделе былины только Киришу Данилова, немногие пьесы в „Памятниках великорусского наречия“; думали, что былины должно искать где-нибудь в Сибири, — когда целый огромный запас их найден был в недалеком соседстве Петербурга, то первым впечатлением ученого мира было изумление и даже недоверие».⁷⁴ Сомнение в подлинности материалов Рыбникова поддерживалось еще тем, что ни

⁷² См. работы: А. Д. Соимонов. 1) Записи былины первой половины XIX века в собрании П. В. Киреевского (к истории собрания и издания). «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. V, М.—Л., 1960, стр. 367—381; 2) «Песенная прокламация» П. В. Киреевского, стр. 147—150; 3) Новые материалы о Пушкине и П. В. Киреевском. «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XX, стр. 147—150.

⁷³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, тт. I—IV. 1861—1867.

⁷⁴ А. Пыпин. История русской этнографии, т. II. СПб., 1891, стр. 63.

в первом, ни во втором томах не было ни от самого Рыбникова, ни от издателей каких-либо разъяснений относительно происхождения материалов (подготовленная Рыбниковым «Заметка собирателя» была опубликована лишь в третьем томе).

Возможность такого сомнения побудила И. И. Срезневского обратиться с запросом о Рыбникове и его собирательской работе к двум авторитетным жителям Петрозаводска — члену-корреспонденту Академии наук Д. В. Поленову и филологу и историку В. И. Модестову. Полученные от них сведения Срезневский включил в свою рецензию на первый том «Песен» Рыбникова⁷⁵ именно для того, чтобы рассеять подозрения читателя и доказать, «что труд г. Рыбникова достоин доверенности, что на песни, им записанные, надобно смотреть как на действительное достояние народное».⁷⁶

Собрание Рыбникова, печатавшееся в те же годы, что и первые пять томов «Песен, собранных П. В. Киреевским», значительно превосходило по количеству вариантов это последнее. Из 224 номеров разных эпических произведений (былин, побывальных, баллад) собственно былины оно содержало 165. Оно познакомило не только с большим числом новых вариантов сюжетов, уже известных по сборнику Кирши Данилова, но и с сюжетами, которых не было ни у Кирши, ни у Киреевского, например с былинами о Волхе (Вольге) Всеславьевиче, Вольге и Микуле, Сухмане, королевичах из Крякова, наезде литовцев и некоторых других. Многие сюжеты (из тех, что были известны раньше) оказались в более совершенных, более художественных обработках. Именно собрание Рыбникова открыло русской общественности и ученому миру богатство эпического наследия, сохраненного многовековой устной традицией.

Но что особенно важно отметить, — это выражение в собирательской работе П. Н. Рыбникова принципиально нового подхода к фольклорным явлениям. В литературе уже установлено, что фольклористические интересы и взгляды Рыбникова складывались в кругу революционно настроенной демократической интеллигенции 50-х годов и при известном воздействии высказываний Н. А. Добролюбова.⁷⁷ В настоящее время детально изучена на основе архивных материалов связь П. Н. Рыбникова со студенческим движением 50-х годов, сказавшаяся и на начальном этапе собирательской деятельности Рыбникова — в Черни-

⁷⁵ И. И. Срезневский. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 1 (М., 1861). «Известия II Отделения имп. Академии наук по отделению русского языка и словесности», т. X, вып. III, СПб., 1862.

⁷⁶ Там же, стр. 253.

⁷⁷ См.: М. К. Азадовский. Добролюбов и фольклор (см. стр. 185—191 его книги «Литература и фольклор» (Л., 1938), где он возражает А. Е. Грузинскому, связывавшему интерес Рыбникова к народной жизни и творчеству со славянофильством).

говской губернии.⁷⁸ Сосланный в Петрозаводск, Рыбников проявляет глубокий интерес к народной жизни, используя в трудных условиях поднадзорного ссыльного все открывавшиеся ему возможности для изучения народа, его быта и поэзии, в которой видел отражение исторической жизни и мировоззрения народа.⁷⁹ В своей «Заметке собирателя» Рыбников поставил целый ряд важных общетеоретических вопросов на основе собранного им материала, среди них и вопросы, касающиеся былинного творчества. Впервые он поставил вопрос о творческом процессе воспроизведения былин отдельными сказителями, об отражении в нем индивидуальных черт. Он дал ряд замечательных, проникнутых глубоким интересом и уважением к народу характеристик исполнителей, сообщил сведения о них, об их отношении к исполняемым былинам, рассказал о бытовании былин, осуществив, таким образом, требования, предъявленные к сборанию народного творчества Добролюбовым в его рецензии на «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева.⁸⁰ Недавно обнаруженные письма Рыбникова к И. И. Срезневскому показывают упорную работу по сборанию всех этих сведений, которые и составили содержание «Заметки», помещенной в третьем томе издания.⁸¹

Собранные былинные материалы Рыбников предполагал издать, расположив их в книге по районам бытования, а в пределах районов — по сказителям. Именно такое расположение материала могло показать своеобразие жизни эпоса в народе и особенности художественных манер и стилей. По-видимому, это и руководило намерением собирателя. Намерение же это ясно вырисовывается при анализе рукописей Рыбникова, не так давно найденных в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в архивах П. В. Киреевского и П. А. Бессонова.

Рукопись подготавливавшегося Рыбниковым к печати сборника была тщательно изучена и описана П. Д. Уховым, убедительно раскрывшим указанную волю собирателя.⁸² Но эта воля была нарушена редактором издания П. А. Бессоновым. Он расположил материал по сюжетам, как и в «Песнях» П. В. Киреев-

⁷⁸ А. П. Разумова. Из истории русской фольклористики. П. Н. Рыбников, П. С. Ефименко. М.—Л., 1954, стр. 22—36.

⁷⁹ Там же, стр. 52—73; см. также: В. Г. Базанов. Народная словесность Карелии. Петрозаводск, 1947, стр. 30—35.

⁸⁰ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений в шести томах под общей ред. П. И. Лебедева-Полянского, т. 1, М., 1934 (рецензия относится к 1858 г.).

⁸¹ См.: И. М. Колесницкая. Письма П. Н. Рыбникова к И. И. Срезневскому. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. IV, Изд. АН СССР, М.—Л., 1959.

⁸² П. Д. Ухов. Об издании «Песен» Рыбникова. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. IV, М.—Л., 1959. — Изучение архива Рыбникова подтвердило предположения, высказывавшиеся и ранее на основе «Заметки» О. Ф. Миллера в IV томе первого издания о намерении собирателя расположить материал по сказителям.

ского. А так как записи от Рыбникова поступали постепенно, по мере развертывания собрания, то и принцип расположения по сюжетам оказался не выдержанным: былины на один и тот же сюжет попали в разные тома. Как и «Песни» Киреевского, данное издание загромождено «заметками» редактора, не имеющими научного значения. Так, во втором томе «заметка» Бессонова заняла 346 страниц мелкого шрифта. В ней он излагал свою концепцию фольклора, которая, по справедливой оценке П. Д. Ухова, не отличалась ни оригинальностью, ни новизной, но свидетельствовала о его консервативности в науке.⁸³ В то же время в этих заметках Бессонов не отвечал на те вопросы, которые возникают при чтении текстов былин (например, не объясняются особенности различий вариантов, условия жизни былин, особенности речи северного крестьянства и т. п.). А между тем, судя по «Заметке» Рыбникова, помещенной в третьем томе, можно было получить от собирателя уже при печатании первых двух томов необходимые в этом направлении сведения — Рыбников уже сообщал их в письмах 1861—1862 г. к И. И. Срезневскому.

Собрание «Песен» П. Н. Рыбникова было переиздано в 1909—1910 гг. в трех томах А. Е. Грузинским.⁸⁴ Грузинский распределил материал по местностям и сказителям, что соответствовало первоначальным намерениям Рыбникова, как он предполагал по «Заметке» О. Ф. Миллера в четвертом томе первого издания. При этом в кратких очерках о сказителях, которые предпосланы текстам каждого из них, редактор использовал не только те сведения об исполнителях, которые заключены в «Заметке собирателя» Рыбникова в третьем томе, и дополнительные данные из четвертого тома, но и некоторые данные из сборника продолжателя работ Рыбникова по собиранию былин в Олонецком крае — А. Ф. Гильфердинга, которому удалось в 1871 г. повторно произвести записи от целого ряда тех же сказителей. Грузинский очистил также издание от «приложений» и «заметок» Бессонова.

Но А. Е. Грузинскому архив Рыбникова не был известен. Отсюда повторение во втором издании ряда ошибок первого, а также неточная паспортизация ряда текстов. Прделанная П. Д. Уховым работа по вскрытию недостатков второго издания и по изучению архива Рыбникова ставит неотложную задачу нового, подлинно научного издания замечательного собрания. Наличие же самого архива делает эту задачу вполне осуществимой.

В 1871 г. работу Рыбникова продолжил, как уже было сказано, А. Ф. Гильфердинг. В этом году он совершил поездку в Олонецкую губернию по следам Рыбникова, результатом чего

⁸³ Там же, стр. 161.

⁸⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2. Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1909—1910.

явилось новое большое собрание былин, записанных в значительной части в тех же местах и от тех же исполнителей.⁸⁵ По словам самого Гильфердинга, его поездка была вызвана тем горячим интересом, какой возбужден был в нем сборником Рыбникова: «В особенности манило меня в Олонецкую губернию желание послушать хоть одного из тех замечательных рапсодов, каких здесь нашел П. Н. Рыбников. Сам Павел Николаевич поощрял меня к поездке в этот край, подав надежду, что она может быть не бесполезна и после его работы.⁸⁶ Однако, имея в виду, что сборник Рыбникова был результатом многолетнего пребывания его в крае, Гильфердинг «вовсе не рассчитывал вначале на возможность его сколько-нибудь существенно дополнить, а хотел только удовлетворить личному любопытству знакомством с несколькими сказителями».⁸⁷

Но были у Гильфердинга и другие, более важные побуждения к поездке по следам Рыбникова. Поездке этой предшествовало большое путешествие его в конце 50-х годов по южнославянским странам. Оно было связано в эти годы с трудами Гильфердинга по истории и этнографии славян.⁸⁸ Во время этого путешествия он не только собрал нужный и интересный для него этнографический и исторический материал, но сделал много наблюдений над живой в славянских странах эпической традицией.⁸⁹ Вполне понятно, что Гильфердинг чрезвычайно был заинтересован работой Рыбникова в Олонецком крае, собранным им там материалом по русскому эпосу, наблюдениями в области живой устной былинной традиции, живыми зарисовками крестьянских сказителей. Все это, конечно, ему было интересно сопоставить с собственными наблюдениями над сербской и боснийской героической поэзией.

Поскольку Гильфердинга как славянофила глубоко интересовали вопросы общинного землевладения, его в то же время могла привлечь, как о том пишет В. Г. Базанов, и возможность познакомиться с бытом и экономическим положением северных крестьян, не знавших крепостного гнета.⁹⁰

Результаты собирательской работы Гильфердинга оказались поразительными: в течение 48 дней он прослушал 70 исполните-

⁸⁵ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4. М.—Л., 1949—1951 (впервые издано: СПб., 1873).

⁸⁶ Там же, т. I, стр. 29.

⁸⁷ Там же, стр. 37.

⁸⁸ См. о них в статье В. Г. Базанова «А. Ф. Гильфердинг и его „Онежские былины“» (там же, стр. 2—13); см. также: М. К. Азадовский. История русской фольклористики, т. II. М., 1963, стр. 226—228.

⁸⁹ Впечатления и наблюдения Гильфердинга отражены в его работе 1859 г. «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (Собрание сочинений, т. III, СПб., 1873).

⁹⁰ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом..., т. I, стр. 13—16.

лей былин и записал от них 322 текста эпических произведений,⁹¹ из них собственно былин (выключая исторические песни и баллады) — 270. В том же 1871 г., осенью, после возвращения из своей поездки в Олонецкую губернию, Гильфердинг записал от одного крестьянина Новоладожского уезда еще 3 былинных текста.⁹²

В следующем году Гильфердинг снова отправился в Онежский край, но по дороге заболел тифом и умер в Каргополе.

Труд Гильфердинга представляет совершенно исключительный научный интерес. А. Ф. Гильфердинг выявил еще ряд неизвестных дотоле сказителей, записал новые варианты известных уже былинных сюжетов, сделал повторные записи от сказителей, учтенных Рыбниковым, через 10 лет после своего предшественника и четко поставил проблему индивидуального творчества. Издавая материал, он впервые распределил его по сказителям и местностям, о чем, как мы видели, думал еще Рыбников. Это дало возможность увидеть местную специфику в художественных обработках одних и тех же сюжетов и творческий облик сказителей.

Располагая материал по исполнителям, Гильфердинг каждый раз предпосылал текстам заметку о данном сказителе с биографическими сведениями о нем и изложением собственных своих наблюдений. Огромное научное значение имела и вступительная статья Гильфердинга «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды», содержащая ряд глубоких и тонких наблюдений над жизнью эпоса на Севере. Она устанавливала некоторые характерные моменты бытования былин и выдвигала перед наукой новые проблемы в изучении эпической поэзии.

Однако, хотя Гильфердинг, следуя методу Рыбникова, и сумел развернуть свои наблюдения в стройную картину и дать им теоретическое обоснование (чего еще не удалось сделать Рыбникову), он, как правильно указал М. К. Азадовский, «совершенно выхолостил сторону политическую, которая была так характерна для Рыбникова, выросшего и сложившегося в добролюбовской школе». Поэтому «новые идеи и новые методы фольклористического исследования вошли в науку уже не в призме идей революционной демократии, а в призме новых интерпретаторов».⁹³ Об этом также подробно говорит и В. Г. Базанов в своей статье «А. Ф. Гильфердинг и его „Онежские былины“». В ней он противопоставляет

⁹¹ В первое издание (1873 г.) вошло 318 полных текста и 4 в разночтениях с текстами, записанными Рыбниковым от того же сказителя (А. Сорокина).

⁹² Эти тексты вошли в III том второго трехтомного издания (1894—1900 гг.) и во все последующие издания.

⁹³ М. К. Азадовский и Н. А. Добролюбов и русская фольклористика. «Советский фольклор. Сборник статей и материалов», № 4—5, М.—Л., 1936, стр. 25.

Рыбникова и Гильфердинга в их взглядах по ряду затронутых обоими одинаковых вопросов.⁹⁴

Тем не менее значение труда Гильфердинга чрезвычайно велико. Кроме всего указанного, и самый метод записи Гильфердинга представлял новый значительный шаг вперед и новое завоевание в области фольклорного собирания.

Еще Рыбников отмечал различие между былинными текстами, данными в словесной передаче и спетыми. Он стремился поэтому каждый раз текст, записанный им со слов, проверить «по нетому». Но, очевидно, далеко не всегда это ему удавалось, так как сопоставление его записей с записями от тех же сказителей у Гильфердинга как раз вскрывает ту разницу, которая существует между текстами, записанными со слов, и текстами, записанными во время музыкального исполнения. Кроме того, очевидно, что при записывании Рыбников выключал те вставные и не имеющие смыслового значения словечки и частицы, которые вызываются музыкальным ритмом.

Гильфердинг последовательно и методично провел запись былин с пения. Благодаря этому его записи действительно передают былинные тексты в том виде, как они бытовали. Многие из них отличаются высоким художественным мастерством, достигаемым некоторыми сказителями в естественных условиях музыкального исполнения былин. Ему удалось также приложить к сборнику два образца былинных напевов, один из которых (напев былины «Вольга и Микула» от Трофима Григорьевича Рябинина) записан был, по-видимому, в Петербурге М. П. Мусоргским.⁹⁵

Сборник Гильфердинга, выпущенный Академией наук в 1873 г. в одном томе, был переиздан ею в трех томах в 1894—1900 гг. В этом втором издании и были помещены (в третьем томе), кроме онежских записей, тексты, записанные Гильфердингом в Новоладожском уезде Петербургской губ. В 1909 г. вышел предметный и именной указатель ко второму изданию, составленный Н. В. Васильевым.⁹⁶

Мировое значение труда Гильфердинга и тот факт, что оба издания сделались уже библиографической редкостью, побудили Академию наук СССР предпринять в конце 30-х годов новое изда-

⁹⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, т. I, стр. 23—28.

⁹⁵ Об этих напевах см. заметки Е. В. Гиппиуса в примечаниях ко второму тому третьего издания «Онежских былин» Гильфердинга (М.—Л., 1938, стр. 689). До этих записей северные напевы былин не были известны. Лишь в самое недавнее время И. М. Колесницкой в фонде И. И. Срезневского были обнаружены записи двух былинных напевов и напевов двух духовных стихов, посланных И. И. Срезневскому Рыбниковым. См.: «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. IV, М.—Л., 1959, стр. 300.—Опыт растекстовки былин В. В. Коргузаловым см.: там же, стр. 303—304.

⁹⁶ Н. В. Васильев. Указатель к Онежским былинам Гильфердинга. СПб., 1909.

ше «Онежских былин». Оно было выполнено Г. С. Виноградовым и А. И. Никифоровым также в трех томах, повторивших распределение материала второго издания, но с проверкой всех текстов по рукописи. В 1938 и 1940 гг. вышли под редакцией М. К. Азадовского и в художественном оформлении И. Билибина второй и третий томы. В «Приложениях» было опубликовано еще несколько былин, обнаруженных в рукописи и представляющих по преимуществу первичные записи былин, включенных в сборник, или повторные записи. В 1949—1951 гг. третье издание повторено с прибавлением не вышедшего до войны первого тома и с новой проверкой по рукописи. Таким образом, оно явилось уже четвертым изданием. Вышло оно под редакцией А. М. Астаховой и со вступительной статьей В. Г. Базанова о Гильфердинге, уже упомянутой выше.

Оба собрания олонецких былин (Рыбникова и Гильфердинга) вместе со сборниками Киреевского и Кирши Данилова легли в основу главнейших научных работ второй половины XIX в. в области былины.

К крупным фактам собирательской работы в области былины в середине XIX в. относятся еще записи былин на Алтае. Кроме отдельных спорадических записей (например, записи в 50-х годах в районе южного Алтая Г. Н. Потанина), там производил в 40-х, 50-х, 60-х годах и в самом начале 70-х годов собирательскую работу по фольклору барнаульский краевед С. И. Гуляев, собравший среди других произведений народного творчества довольно значительное количество былин.⁹⁷

В литературе о С. И. Гуляеве говорится, что им был подготовлен сборник по народному творчеству Алтая. По неизвестным причинам сборник этот ни при жизни С. И. Гуляева, ни после его смерти издан не был. Рукопись, переданная сыном собирателя после смерти отца Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии, очевидно, утеряна. Во всяком случае в архиве С. И. Гуляева, обнаруженном в 1942 г. в Новосибирске, рукописи этой не отыскалось.⁹⁸ Сведения же о составе этого сборника, сообщаемые исследователями фольклористической деятельности С. И. Гуляева, противоречивы. Я. Р. Кошелев сообщает, что Гуляев в 70-е годы закончил «составление фундаментального сборника по народному творчеству Южной Сибири».⁹⁹ М. К. Азадовский же говорит, что Гуляевым составлен был в 60-х годах «специальный сборник былин, записанных

⁹⁷ В последнем издании записей С. И. Гуляева (Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под ред. В. И. Чичерова, Новосибирск, 1952) их 28.

⁹⁸ Я. Р. Кошелев. Русская фольклористика Сибири (XIX—начала XX вв.). Томск, 1962, стр. 34.

⁹⁹ Там же, стр. 33. (Разрядка моя).

как им лично, так и его сотрудниками в разных местах Алтая». ¹⁰⁰ Поэтому-то и свой сборник (назван ниже) М. К. Азадовский рассматривает как опыт воссоздания если не полностью и в точности сборника Гуляева, то хотя бы основного его состава.

До 1939 г. собрание былии С. И. Гуляева было расплывлено и печаталось по частям. Часть записанных им текстов разрозненно публиковалась еще в «Прибавлениях к Известиям Академии наук» в 50-е годы. Они затем были перепечатаны в «Песнях, собранных П. В. Киреевским». Часть былии вошла в 1894 г. в сборник Н. С. Тихомирова и В. Ф. Миллера «Русские былины старороссии и новой записи». Две былины напечатаны в журнале «Живая старина». ¹⁰¹ Все эти разрозненные записи и собрал М. К. Азадовский в сборник «Былины и исторические песни из Южной Сибири». В «Приложениях» М. К. Азадовский напечатал еще две былины, записанные Г. Н. Потаниным в Бухтарме, и пересказ самим Потаниным еще одной былины. В 1952 г. издание собрания С. И. Гуляева Новосибирским областным издательством повторено с добавлением свадебного обряда и лирических песен. При этом большая часть материала напечатана уже по рукописям архива С. И. Гуляева. ¹⁰²

Значение деятельности Гуляева по собиранию былии очень велико. Им был открыт еще один крупный очаг эпической традиции — на Алтае, что давало уже возможность, с учетом записей Кириши Данилова, говорить о некоторых особенностях эпической традиции Сибири.

В те же годы (середина и вторая половина XIX в.) записываются былины и в других местах России. Все более в поле зрения ученых входят новые районы, где еще сохраняется эпическая традиция. В 60—70-е годы обнаружены новые участки распространения былии на русском Севере европейской части России — Мезень и Зимний берег Белого моря. ¹⁰³ Целый ряд записей произведен на юге. Они дали образцы южных обработок былинных сюжетов. ¹⁰⁴ Отдельные записи были сделаны в разных местах Сибири — в Минусинском округе Енисейской губ. (Н. Я. Костровым) и в с. Русское Устье Верхоянского округа Якутской обл.

¹⁰⁰ Былины и исторические песни из южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Ред., вступ. статья и коммент. М. К. Азадовского. Новосибирск, 1939, стр. 4. (Разрядка моя).

¹⁰¹ В. Ф. Миллер. Две сибирские былины из записей С. И. Гуляева. «Живая старина», 1911, вып. III—IV, стр. 448.

¹⁰² Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева.

¹⁰³ Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименком. «Труды Этнографического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», кн. V, вып. 2, М., 1878. — В сборнике помещены девять былии; шесть из них записаны священником Розановым на Зимнем берегу в дер. Зимняя Золотница, три — А. Никольским в г. Мезени.

¹⁰⁴ А. Савельев. Сборник донских народных песен, СПб., 1886; А. Пивоваров. Донские казачьи песни. Новочеркасск, 1885; И. И. Же-

(И. А. Худяковым). Большинство всех этих былинных текстов — и разбросанных по разным изданиям, и составивших отдельные небольшие сборники — были объединены в уже упоминавшемся выше, в связи с гуляевскими записями, издании «Былины старой и новой записи», вышедшем под редакцией Вс. Миллера и Н. С. Тихонравова в Москве в 1894 г.

Вместе с тем собирательская работа 70—80-х годов была преимущественно сосредоточена в районах, которые П. Н. Рыбниковым и А. Ф. Гильфердингом были выявлены как богатейшие очаги былинного сказительства. Ученики Е. В. Барсова по его поручению собирают былины в Заонежье.¹⁰⁵ Там же записывают былины и их напевы Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш.¹⁰⁶ А. А. Шахматов, совершивший в свои студенческие годы, в 1884 г., поездку в Прионежье — Шуньгский полуостров и Кондопогу — с чисто лингвистическими целями, записывает там несколько былин. Записи его важны тем, что устанавливают распространение эпической традиции к западу от тех мест, где работали Рыбников и Гильфердинг. Записи эти (10 былин) долгие годы хранились в Архиве Академии наук, опубликованы только в советское время.¹⁰⁷

В 90-е годы некоторые ученые приходят к мысли, что «пора открытий» для русского богатырского эпоса «миновала» и что «усилия исследователей должны теперь обращаться не на бесплодные и во всяком случае неблагодарные поиски нового материала, а на систематизацию уже добытого.¹⁰⁸ Однако вскоре новые факты опровергли это утверждение. В 1895—1896 гг. несколько былин было записано в Якутской области, на Колыме, В. Г. Богоразом-Таном.¹⁰⁹ К 1891 г. относятся записи М. Карпинского

лезнов. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. М., 1858; изд. 2, СПб., 1888; Н. Г. Мякулин и др. Сборник уральских казачьих песен. СПб., 1890, и др.

¹⁰⁵ Е. В. Барсов. Намятники народного творчества в Олонецкой губернии. «Записки географического общества», III, 1873.

¹⁰⁶ Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Записали: слова Ф. М. Истомина, напевы О. Г. Дютша. СПб., 1894.

¹⁰⁷ Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Подготовка текстов, статьи и примеч. А. Астаховой и С. Шахматовой-Кониан. Предисл. М. Азадовского. Петрозаводск, 1948. — О поездке А. А. Шахматова в Прионежье см. также в статье: А. М. Астахова. А. А. Шахматов как фольклорист и этнограф. В сб.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. II, М., 1963, стр. 135—141.

¹⁰⁸ А. М. Лобода. Русский богатырский эпос, стр. 88.

¹⁰⁹ В. Ф. Миллер. Новые записи былин в Якутской области. «Этнографическое обозрение», 1896, № 2—3 (см. также: ИОРЯС АН, СПб., 1900, т. V, кн. 1); В. Г. Богораз. Колымское русское областное наречие. Сборник II Отделения Академии наук, т. 68, СПб., 1901.

в казачьих станицах на Тереке.¹¹⁰ Вообще в конце 90-х годов и в 900-е годы значительно увеличивается число былинных записей на юге — на Дону, среди оренбургских казаков, в нижнем Поволжье. Продолжали появляться отдельные записи и из северных губерний.¹¹¹ Наконец, самое начало XX в. в области былинного собирательства было ознаменовано крупными открытиями на Севере.

В 1899—1901 гг. один из учеников В. Ф. Миллера, А. Д. Григорьев, обследует Пинежский край, поселения по рекам Кулою и Мезени и Поморский берег Белого моря (от г. Сороки — ныне Беломорск — до г. Онеги). Результатом этих поездок явились его «Архангельские былины и исторические песни», показывающие новые, еще неизвестные былинные гнезда — Поморье, Пинегу, Кулой и Мезень — с различной степенью интенсивности традиции и со специфическими особенностями репертуара и былинных редакций. Вскоре были опубликованы два тома — первый (Поморье и Пинега) и третий (Мезень). Том второй (Кулой) вышел уже много лет спустя в издании чешской Академии наук (Прага, 1939).¹¹² В те же годы другой ученик В. Ф. Миллера, А. В. Марков, находит богатейшие россыпи былинного мастерства в селе Зимняя Золотица и на Зимнем берегу Белого моря, откуда, как уже было указано, еще в 80-е годы по собранию П. С. Ефименка стало известно несколько былин. А. В. Марков вместе с Б. А. Богословским и музыковедом А. Л. Масловым производит записи также и на Терском берегу Белого моря.¹¹³ Одновременно с Григорьевым и Марковым исследует былинную традицию на средней и нижней Печоре Н. Е. Ончуков.¹¹⁴

В этих собраниях, сделанных к северу и северо-востоку от прежде открытых северных очагов былевого эпоса, были найдены не только особые, своеобразные композиции уже известных сюжетов, но и совершенно новые, до тех пор неизвестные сюжеты, а также новые версии, возникшие на основе комбинирова-

¹¹⁰ См.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, XXII, отд. III; XXIV, отд. I; XXVII, отд. IV.

¹¹¹ Наиболее значительные собрания этих лет на юге, кроме записей М. Карпинского: А. И. Мякутин. Песни оренбургских казаков. Оренбург, 1905; А. М. Листопадов и С. Я. Арефин. Песни донских казаков. М., 1911; А. А. Догадин. Былины и песни астраханских казаков. Астрахань, 1911; запись из Вологодской губ. опубликована в сборнике: Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской. Записали: слова Ф. М. Истомина, напевы С. М. Ляпунов, СПб., 1899, стр. 39—41.

¹¹² Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. I, М., 1904; т. II, Прага, 1939; т. III, СПб., 1910.

¹¹³ А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901; Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. «Труды музыкально-этнографической комиссии», ч. I, М., 1905; ч. II, М., 1911.

¹¹⁴ Н. Ончуков. Печорские былины, СПб., 1904.

ших различных былинных эпизодов и мотивов. Были обнаружены выдающиеся сказители, равные по мастерству тем, которые были открыты в 60—70-е годы в Прионежье и на Алтае. Теперь Северный край предстал перед русской общественностью и перед учеными всего мира как богатейшая «кладовая» древнего эпического наследия.

В изданиях былин, собранных в 900-е годы на Севере Григорьевым, Марковым и Ончуковым, был принят тот же принцип расположения материала, который был осуществлен Гильфердингом: по районам и поселениям, а внутри поселений — по исполнителям. Былины и исторические песни, записанные от определенного исполнителя, предваряются в этих сборниках очерком о нем, а всему собранию предпослана вступительная статья, характеризующая состояние эпической традиции в обследовании местности и сообщающая наблюдения над особенностями живого бытования.

Кроме того, сборники содержат еще и некоторый другой подсобный научный аппарат: «Печорские былины» Н. Е. Ончукова — словарь местных слов и указатель имен в текстах, а также заметку В. И. Чернышева о языке печорских былин; «Беломорские былины» А. В. Маркова — указатели имен и предметов, словарь и библиографию сюжетов, вошедших в сборник. Наиболее богато оснащен научным аппаратом трехтомник А. Д. Григорьева, правда с некоторыми излишествами.¹¹⁵ Но как очень значительный недостаток ощущается отсутствие словаря, особенно пужного ввиду исключительного богатства записей (424 текста из 5 былинных очагов). Большую ценность в сборнике Григорьева представляет приложенная к третьему тому карта всех мест Севера Европейской России, в которых были записаны былины, баллады и исторические песни сборников Киреевского, Рыбникова, Гильфердинга, Маркова, Ончукова и самого Григорьева.

Но самое главное преимущество фундаментального собрания А. Д. Григорьева — в обильном материале приложенных к каждому тому образцов напевов. Записи эти, произведенные посредством фонографа, по возвращении Григорьева в Москву были расшифрованы И. С. Тезавровским, а ритмическая сторона расшифровок проверена Ф. Е. Коршем. В истории собирания былин это первый случай широко проведенной записи эпических напевов посредством фонографа. (К сборнику Маркова «Беломорские былины» приложены всего два напева, записанные В. В. Пасхаловым по передаче их Марковым;¹¹⁶ в «Трудах музыкально-этно-

¹¹⁵ См. об этом: Свод русского фольклора. Проспект. Л., 1956, стр. 18. — Там же (стр. 17) отмечена неряшливость сборника Н. Е. Ончукова, сильно затрудняющая пользование сборником (отсутствие списка былин по содержанию, отсутствие подзаголовков, раскрывающих содержание текста в случаях, когда заглавие не соответствует этому содержанию, и т. д.).

¹¹⁶ А. В. Марков. Беломорские былины, стр. 618.

графической комиссии», вышедших в Москве в 1905 и 1911 гг., помещено некоторое число фонографических и слуховых записей, произведенных А. Л. Масловым в Зимней Золотце и на Терском берегу; сборник Ончукова совершенно лишен нот). Для изучения напевного исполнения былины и структуры эпических напевов потные приложения в сборнике Григорьева имеют огромное значение.

Как уже было указано, в тот же период — конец 90-х годов и 900-е годы — производится запись былины и в других частях России: снова в Припонежье, в центральных губерниях, в Поволжье, на юге в казачьих станицах. Ряд отдельных записей, а также небольших, но исключительно ценных собраний находят себе место на страницах периодических собраний («Живая старина», «Этнографическое обозрение», «Олонецкие губернские ведомости» и др.) и включаются в общие фольклорные сборники.¹¹⁷ Обилие всех этих отдельных записей и небольших собраний, разбросанных по разным изданиям, а частично оставшихся в личных архивах собирателей, вызвали необходимость нового сводного сборника типа «Русские былины старой и новой записи». Такой сборник и был издан в 1908 г. под редакцией В. Ф. Миллера и при ближайшем участии его учеников — Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. Сборник был озаглавлен «Былины новой и недавней записи из разных местностей России». В него вошли отдельные записи А. В. Маркова и Б. А. Богословского на Карельском берегу Белого моря (Гридино, Калгалакша, Кемь, Каңдалакша); некоторые их записи на Терском берегу и в Зимней Золотце, не вошедшие в «Труды музыкально-этнографической комиссии»; очень ценное собрание Н. Шайжина из Петрозаводского и Пудожского уездов;¹¹⁸ названные выше собрания М. Карпинского, В. Г. Богораз-Тана и А. М. Листонадова; былины из сборников А. И. Мякутина, М. Е. Соколова («Былины, исторические песни, записанные в Саратовской губернии», изданные в Петровске в 1896 г.), а также из более ранних сборников А. Пивоварова и Ф. М. Истомина и Г. О. Дютца.

В итоге всей собирательской и эдиционной работы XIX—начала XX в. была получена отчетливая картина географического распространения русского былинного эпоса. В эту картину последующие поиски внесли еще некоторые существенные дополнения. Так, в 1908 и 1909 гг. Б. М. и Ю. М. Соколовыми были обнаружены довольно значительные остатки былинной традиции в Нов-

¹¹⁷ Среди небольших собраний особенно интересны записи былины от сына знаменитого сказителя времени Рыбинкова и Гильфердинга — Ивана Трофимовича Рябинина. См.: Е. Ляцкий. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины. «Этнографическое обозрение», 1894. № 4.

¹¹⁸ Впервые оно было опубликовано в «Олонецких губернских ведомостях» за 1906 г., а затем вышло отдельным изданием под заголовком: Н. С. Шайжин. Олонецкий фольклор. II. Былины. Петрозаводск, 1906.

городском крае (Кирилловский и Белозерский уезды), где она до тех пор считалась утерянной.¹¹⁹

Примерно в те же годы было записано еще несколько былин в Восточной Сибири, в с. Русское Устье Якутской области.¹²⁰

Кроме записей, произведенных братьями Соколовыми в Новгородчине, общий фонд новых былинных текстов после сборника 1908 г. еще пополнился. Известно, например, что неутомимый собиратель эпоса А. В. Марков в 1909 г. снова объехал берега Белого моря, где собрал довольно значительное число новых вариантов.¹²¹ А. А. Савельев и А. Прусак записывали былины в Приангарском крае, А. А. Макаренко и И. Чекашинский — на Енисее.¹²² Появились отдельные публикации в периодических изданиях.¹²³

По-видимому, в 10-е годы В. Ф. Миллер задумал выпустить новый былинный сборник сводного характера, который объединил бы записи последних лет.¹²⁴

В 1915 г. О. Э. Озаровской были повторно (после А. Д. Григорьева) произведены записи от ишнейской сказительницы М. Д. Кривополеновой.¹²⁵

3

Советская эпоха составила второй значительный этап в собирании эпоса, отмеченный принципиально новыми моментами. Старое собрание ставило целью преимущественно охват новых районов и выявление их былинного «инвентаря». В этом отношении характерен собирательский метод Н. Е. Ончукова. По его

¹¹⁹ Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915. — Слабые следы новгородской эпической традиции до Соколовых были в XX в. отмечены лишь Н. Шереметевым. См. его работу: Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902.

¹²⁰ В. М. Зензинов. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. «Этнографическое обозрение», 1913, № 1—2, стр. 220—224 (отд. изд., под заглавием «Стариные люди у Холодного океана», М., 1914).

¹²¹ Хранятся в Государственном литературном музее в Москве.

¹²² А. А. Савельев. Былинный эпос в Приангарском крае. «Известия Средне-сибирского отдела Государственного географического общества», Красноярск, 1928 (записи производились до Октября); А. Прусак. Былины, бывальщины и три песни. «Живая старина», 1915, вып. III; А. Макаренко. Сибирские песенные старины. «Живая старина», 1907, вып. I; И. Чекашинский. Енисейские старины и исторические песни. Этнографическое обозрение, 1915, № 1—2.

¹²³ См., например: «Костромская старина», вып. VII, 1911; «Вестник Харьковского историко-филологического общества», вып. 2, 1912; «Записки Терского общества любителей казачьей старины», вып. 3, 1914.

¹²⁴ Хранящиеся в Государственном литературном музее в Москве записи былин, сделанные А. В. Марковым после 1908 г., переписаны рукою В. Ф. Миллера. Вероятно, это начало работы Миллера над подготовкой нового сводного сборника.

¹²⁵ О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. Изд. «Огни», Игр., 1916; изд. 2, М., 1922.

словам, два вопроса были им поставлены, когда он приступал к записыванию печорских былин: «Какие былины на Печоре сохранились? В каком виде они сохранились?». Поэтому главной задачей своей он считал «переписать по содержанию все обращающиеся на Печоре былины», при этом те, которые были известны во многих пересказах, записать хотя бы по одному разу, мало же известные и вовсе неизвестные — «в большем количестве разноречий». ¹²⁶ Варианты одного и того же сюжета интересовали главным образом как материал для уяснения основ данного сюжета: в новом варианте надеялись найти какие-либо древние мотивы, не сохраненные другими вариантами. Н. Е. Ончуков писал: «В былинах, известных в десятках пересказов, в этом глухом краю я думал найти такие эпизоды, штрихи, намеки, каких нет еще в уже существующих сборниках былин, а ведь и самые незначительные намеки очень иногда ценны при изучении былин». ¹²⁷

Правда, собиратели попусту уделяли внимание и общему состоянию эпической поэзии в крае, который они обследовали, и условиям и особенностям бытования здесь былин, и самой среде, их хранящей. В особенности это мы видим у собирателей демократического направления, таких как П. Н. Рыбников, А. В. Марков, братья Б. и Ю. Соколовы. Но основной задачей было выявление сюжетного состава эпической поэзии в районе собирания и вариантов, донесших древнейшие мотивы.

Собирание в советские годы шло под знаком глубокого интереса и внимания к живой современной жизни эпоса.

Советские фольклористы углубили значение варианта как выражения творческих процессов в области былинного эпоса в среде его носителей. Былина представлялась им не как архаика, «живая старина», которая лишь уцелела и хранится в памяти народа, а как живой еще поэтический организм. Особенно интересовал их вопрос о тех изменениях и сдвигах, которые могли произойти за десятилетия, отделяющие наше время от начального периода собирательской работы. Изучение этих изменений должно было помочь вскрыть законы развития эпоса. Все это побудило советских фольклористов предпринять новые собирательские работы, имеющие целью не столько обследование новых районов, сколько повторные записи на местах прежних работ.

Из крупнейших предприятий этого типа следует особенно выделить экспедицию 1926—1928 гг. Государственной академии художественных наук в Москве (ГАХН), возглавленную братьями Соколовыми. Экспедиция была названа «По следам Рыбникова и Гильфердинга». В самом этом названии уже заключалось определение цели и методов работы: в качестве основной задачи выдвигалось обследование состояния эпической традиции и запись

¹²⁶ Н. Е. Ончуков. Печорские былины, стр. XXXIV.

¹²⁷ Там же.

были в районах работ Рыбникова и Гильфердинга (Заонежье, Пудожский край, Кенозеро) преимущественно от преемников сказителей, известных по сборникам этих ученых. «Совершенно очевидно, — писал Ю. М. Соколов в статье, где он делился предварительными наблюдениями над собранным в 1926 и 1927 гг. материалом,¹²⁸ — что вопрос об изменениях в эпическом репертуаре, стиле, условиях сохранения и бытования былин может быть серьезно поставлен лишь при наличии под руками материала, собранного в разные периоды, но непременно в одном и том же районе и в одной и той же социальной среде».¹²⁹ Поэтому при всем обилии собранных до Октября текстов они не представляли надежного материала «для сколь угодно отчетливого решения вопроса об эволюции былевого эпоса, эволюции хотя бы с того времени, когда русская наука стала собирать и систематически изучать былины»: материал хотя и собран в хронологически разные отрезки времени, но в различных районах. Записи же Рыбникова и Гильфердинга хотя и произведены в одних и тех же местах, но промежуток времени, их отделяющий друг от друга (10 лет), слишком велик и не дает еще права делать какие-либо обобщающие выводы. Более или менее полную картину, касающуюся вопросов эволюции эпоса, «можно получить лишь тогда, когда в районе, уже однажды систематически обследованном, была бы произведена непременно систематическая повторная запись».¹³⁰

Поставленная задача определила характер и содержание работы: записывались не только полноценные тексты от лучших мастеров, но и все, что еще сохранялось в памяти, вплоть до отдельных фрагментов. Все эти «остатки» богатой в XIX в. былинной традиции оказались очень значительными: за три поездки в летние месяцы 1926—1928 гг. было записано 370 текстов, среди них много первоклассных. Это огромное собрание долгое время находилось в архивном хранении, и о сюжетном составе его, о состоянии живой устной традиции, о некоторых наблюдениях собирателей над материалом в сопоставлении с записями второй половины XIX в. было известно лишь по отчетным статьям.¹³¹

Опубликовано же было собрание лишь после смерти обоих руководителей, в 1948 г., в издании Государственного литературного музея.¹³²

¹²⁸ Юрий Соколов. По следам Рыбникова и Гильфердинга. «Художественный фольклор», № II—III, М., 1927.

¹²⁹ Там же, стр. 3—4.

¹³⁰ Там же, стр. 3—5.

¹³¹ См. указанную выше статью Ю. М. Соколова в «Художественном фольклоре», а также статью: B. et J. Sokolov. A la recherche des bylines, «Revue des études slaves», t. XII, Paris, 1932, pp. 202—205.

¹³² Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов, примеч. и словарь В. Чичерова М., 1948 («Летописи» Гос. литер. музея, кн. 13).

Одновременно с работой ГАХН производилась аналогичная работа другой фольклорной организацией — Крестьянской секцией Государственного института истории искусств в Ленинграде (ГИИИ). В комплексной экспедиции ГИИИ 1926—1929 гг. изучение былинной традиции на Севере было одной из задач. Работа эта была развернута А. М. Астаховой во всех четырех пунктах, где работала экспедиция, — в Заонежье (севернее работ московской экспедиции), на Пинеге, Мезени и Печоре. Вследствие большей близости по времени собрания к предшествующим работам в трех последних районах (поездки А. Д. Григорьева и Н. Е. Ончукова) удалось произвести записи не только от преемников прежних исполнителей, но и несколько повторных записей от тех же сказителей. Предварительные наблюдения и информационное сообщение о собранном материале были изложены в статье А. М. Астаховой «Былинная традиция на современном севере»,¹³³ а сам материал с вводной статьей и комментариями издан в двух томах «Былины Севера».¹³⁴

К наиболее значительным работам по собиранию былины в 20-е годы относятся также работа, которая велась в Саратовском крае под руководством Б. М. Соколова,¹³⁵ и экспедиция 1921 г. на Пинегу и Кулой, возглавленная О. Э. Озаровской.¹³⁶ В 1921 г. известный театровед В. Н. Всеволодский-Гернгросс записывает от представителя третьего поколения знаменитого рода сказителей Рябиновых, Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева, специально вызванного в Петроград, все его былины.¹³⁷

Работа по собиранию былины и обследованию былинной традиции на русском Севере после больших экспедиций ГИИИ и

¹³³ Сборник статей в честь А. С. Орлова, Л., 1934.

¹³⁴ Былины Севера, т. I. Мезень и Печора. Записи, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. Под ред. М. К. Азадовского. М.—Л., 1938; т. II. Прионежье, Пинега и Поморье. Подготовка текста и коммент. А. М. Астаховой. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951.

¹³⁵ См.: Б. Соколов. О былинах, записанных в Саратовской губ. «Культура», Научное приложение, № 1, январь, 1922, стр. 11—12.

¹³⁶ Несколько былинных записей О. Э. Озаровской опубликовано в ее сказочном сборнике «Нятиречь» (Л., 1931; см. №№ 6, 15). Часть собрания хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (Р. V, колл. 12). Но какая-то — и, видимо, значительная — часть утеряна во время тяжелой болезни О. Э. Озаровской в начале 30-х годов.

¹³⁷ По свидетельству В. Н. Всеволодского-Гернгросса, И. Г. Рябинин-Андреев унаследовал от своего отца Ивана Трофимовича Рябинина все его былинное знание. Все известные Ивану Герасимовичу былины и были от него в 1921 г. записаны, а целый ряд фрагментов тогда же был записан С. И. Бернштейном на фонограф. По случайным обстоятельствам в руках собирателя сохранилось лишь девять былин, которые он и передал в Фольклорную комиссию при Институте этнографии АН СССР. Они опубликованы, так же как и напевы Ивана Герасимовича, в сборнике: Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. Подготовка текстов и примеч. А. М. Астаховой. Статьи А. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Гернгросса. Петрозаводск, 1948.

ГАХН была продолжена Фольклорной комиссией Института этнографии Академии наук СССР (ныне — Сектор народного творчества Института русской литературы) совместно с Карельским научно-исследовательским институтом культуры (КНИИК; ныне — Институт истории, языка и литературы Карельского филиала Академии наук СССР). Ими было организовано несколько экспедиций в период 1931—1935 гг. снова в Заонежье и Пудожье, а также в Карельское Поморье.¹³⁸

Повторные работы производят собиратели в 30-е годы и на Зимнем берегу Белого моря: В. П. Чужимов в 1934 г.,¹³⁹ А. М. Астахова в 1937 г., Р. С. Линец и Э. Г. Бородина-Морозова в 1937 г. и следующих годах.¹⁴⁰ Планомерную работу вел, начиная с 1937 г., в течение всех довоенных лет КНИИК в Пудожском крае.¹⁴¹ В 1939 г. на места работы А. Д. Григорьева в районе г. Онеги была направлена экспедиция Московского городского неединститута под руководством Н. В. Водовозова.¹⁴² В 1938 г. на Нижней Печоре, в местах, где в 1901—1902 г. записывал былины Н. Е. Опчуков, побывал писатель Н. П. Леонтьев, записавший 36 былинных текстов, из которых 10 вошло в сборник 1939 г. «Печорский фольклор».¹⁴³

Одновременно в собирании эпического творчества в годы до второй мировой войны продолжена была и линия работы по заполнению «белых пятен». В 1927 и 1929 гг. А. М. Астаховой были произведены записи в верховьях рек Пинеги и Мезени, не затронутых А. Д. Григорьевым.¹⁴⁴ В 1926 и 1932 гг. ею же, М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной обследована северная часть

¹³⁸ См.: А. Астахова. Карельские фольклорные экспедиции (1931—1933 гг.). «Советская этнография», 1934, № 1—2.

¹³⁹ В. П. Чужимов. Новые записи былин в Поморье. «Советский фольклор. Сборник статей и материалов», № 2—3, М.—Л., 1936.

¹⁴⁰ А. А [астахова]. Беломорская фольклорная экспедиция. «Советский фольклор», № 6, М.—Л., 1939 (см. там же, на стр. 211—212, список былин, записанных от М. С. Крюковой В. П. Чужимовым и А. М. Астаховой); Былины Печоры и Зимнего берега. Издание подготовили А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.—Л., 1961, стр. 38, тексты №№ 139—161; Былины М. С. Крюковой. Записали и комментировали Э. Бородина и Р. Линец. Вступ. статья Р. С. Линец. Предисл. акад. Ю. М. Соколова. Т. I. Изд. Гос. лит. музея, М., 1939; т. II, М., 1941.

¹⁴¹ Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примеч. Г. Н. Парилевой и А. Д. Соимонова. Предисл. и ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941.

¹⁴² Н. В. Водовозов. Фольклорная экспедиция Московского городского педагогического института в 1939 году. «Ученые записки Московского педагогического института», т. VII. Кафедра русской литературы, вып. 1, 1946.

¹⁴³ Н. П. Леонтьев. Печорский фольклор. Предисл., ред. и примеч. В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939 (см.: Предисловие, стр. 5—7; опубликованные тексты — стр. 17—62).

¹⁴⁴ См. указанные выше два тома «Былин Севера».

Шульгского полуострова Карелии, обойденная в работах Рыбникова и Гильфердинга.¹⁴⁵ Экспедиционная работа Фольклорной комиссии АН СССР и КНИИК 1935 г. на западном побережье Белого моря (Кемский район) дала значительное количество былин из мест, откуда до сих пор известны были единичные записи.¹⁴⁶ Н. П. Леонтьев значительно шире охватил своими записями район Нижнепечорья, чем Н. Е. Ончуков. Экспедиция Московского городского пединститута, кроме г. Онеги и окрестных деревень, обследовала до тех пор не тронутый собирателями былин район Онеги от станции Обозерской до города Онеги.

Отдельные записи были сделаны в 30-е годы и на юге (Дон, Северный Кавказ).¹⁴⁷

Все эти работы советских фольклористов 20—30-х годов дали огромный материал для освещения судеб былинной традиции и для исследования жизни и развития русского эпоса в позднейший период его бытования. Прделанная в советское время работа помогла также уточнить карту распространения былин и дала богатый материал для характеристики областных и районных традиций.

Во второй половине 30-х годов в работе по собиранию русского эпоса все более и более стала вырисовываться, в связи с проблемой сказительского мастерства, линия монографических изучений былинного творчества выдающихся современных носителей эпоса, как Ф. А. Конашков, М. С. Крюкова и др. Наблюдается стремление произвести исчерпывающую запись всего былинного репертуара крупнейших мастеров, а также повторные записи от них через известные промежутки времени. В этом направлении шла работа Сектора народного творчества Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, Государственного литературного музея им. Горького в Москве, Института истории, языка и литературы Карело-Финской базы Академии наук СССР. Как в области сказки в эти годы было создано несколько сборников, посвященных отдельным крупным сказочникам, так и в области былины составлялись сборники аналогичного типа — публикующие эпические репертуары отдельных

¹⁴⁵ Былины Севера. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье.

¹⁴⁶ В Кеми и с. Гридино А. В. Марковым в 1900-х годах было записано шесть былин (опубликованы в сводном сборнике 1908 г. под ред. В. Ф. Миллера). Записи, сделанные Марковым в 1909 г., остались в архивном хранении. В 1850-х годах С. И. Максимовым записана была в с. Калгалакша одна былина (напечатана: «Летописи русской литературы и древности», изд. Н. Тихонравовым, т. I, М., 1859, стр. 122). В 1935 г. И. Н. Этиной в тех же местах записано более 30 былин, побывальщин и былинных отрывков, свидетельствующих о былом сосредоточении в данном районе былевой традиции. 12 из записанных былин опубликовано в стеклографическом издании «Студенческие записки Филологического факультета Ленинградского государственного университета» (Л., 1937, стр. 1—31).

¹⁴⁷ См., например: Архив ИРЛИ, Р. V, колл. 18, п. 2, и колл. 121, п. 1.

мастеров этого вида творчества.¹⁴⁸ Материал этих сборников использовался в монографических исследованиях о данных сказителях.¹⁴⁹

Важной стороной в собирании эпоса в советскую эпоху явились с самого начала, как это видно из перечисления главных собирательских работ, новые организационные формы работы: собиранием эпоса занимаются теперь не одни энтузиасты-одиночки, но видные научно-исследовательские учреждения, широко привлекающие к этому делу как специалистов-фольклористов, так и студенческую молодежь. Это обеспечило и планомерность в работе, и выработку более совершенных методов записи и наблюдения, и увеличение рядов исследователей эпоса.

Публикации собранных материалов тоже приобретают в советское время новые черты в связи с теми задачами, которые ставятся научным изучением эпоса. Помимо вступительных статей, сообщающих о конкретных результатах собирания в данной местности, о состоянии в ней эпической традиции и содержащих общий обзор публикуемого материала, помимо характеристики исполнения и исполнителей, — всего того, что стало традицией еще со времени сборников второй половины XIX в. и 900-х годов, — новые издания включают порой исследовательский комментарий к публикуемым текстам. В нем раскрываются особенности каждого варианта в сопоставлении с прежде известными обработками данного сюжета и таким образом выясняется его соотношение с местной и общерусской традициями. Расширяются и очерки о сказителях. Вводятся сведения по библиографии сюжетов, публикуемых в сборнике.¹⁵⁰ Иногда помещаются и образцы былинных напевов с заметкой о них.¹⁵¹ Так подбирается материал для изучения исторического развития былинного жанра и отдельных его сюжетов, а также для исследования вопроса, поставленного еще первыми собирателями, о «личном вкладе» сказителей в хранимое ими наследие.

В годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы работа по собиранию эпической поэзии не замирает. Она продолжается на всей территории СССР силами и отдельных собирателей-энтузиастов, и участников фольклорных экспедиций,

¹⁴⁸ См.: Былины М. С. Крюковой (записи конца 1930-х годов). Сказитель Ф. А. Копашков. Подготовка текстов, вводная статья и коммент. А. М. Линевского. Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948 (записи 1937 и 1938 гг.); Былины П. И. Рябикина-Андреева. Подготовка текстов, статья и примеч. В. Базанова. Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1940.

¹⁴⁹ О них см. в главе VII.

¹⁵⁰ Таковы сборники «Былины Севера» (тт. I и II). «Былины Пудожского края».

¹⁵¹ См. оба тома «Былин Севера».

организуемых разными учреждениями. Очень интенсивно снова обследуются северные очаги былинной традиции. В 1942 г. Карело-Финский университет, эвакуированный из Петрозаводска в Сыктывкар, отправил бригаду собирателей-студентов, возглавленную проф. В. Г. Базановым, на среднюю Печору (Усть-Цильемский район). Значительным моментом этой экспедиции в области собирания былини (собирались произведения и других жанров) явилось не только повторное обследование самой Усть-Цильмы с прилегающими к ней селениями, но и района реки Цильмы, откуда до тех пор записей былини не было, хотя еще в 1929 г. стало известно, что это несомненно «былинный» край.¹⁵²

В послевоенные годы особенно остро ставится вопрос о судьбах эпической устной традиции ввиду тех сдвигов, которые наблюдаются в народном поэтическом творчестве вообще. Этим объясняются усиленные устремления собирателей ко все новым тщательным обследованиям основных районов, где так долго сохранялась живая устная традиция, — Печора, Мезень, Зимний берег (с. Зимняя Золотица), Прионежье и Каргопольщина.

На Печоре, в ее средней части и в низовьях, работала в 1955—1956 годах песенная экспедиция Сектора народного творчества Института русской литературы АН СССР под руководством Н. П. Колпаковой. Вместе с песнями разыскивались и записывались былины. Сотрудники песенной экспедиции того же института на Мезень в 1958 г. (нижняя Мезень) и в 1961 г. (средняя Мезень и русская часть верхней) снова обследовали те места, где в 1900 г. записывал былины А. Д. Григорьев, а в 1928 г. — А. М. Астахова. В Зимней Золотице продолжила в годы войны и в послевоенные годы работу по записи былин Э. Г. Бородинна-Морозова. Планомерная работа была проведена в 1956—1958 гг. Кафедрой фольклора Московского университета (руководитель экспедиций — Э. В. Померанцева, участники — студенты и аспиранты) в Прионежье (Кижки, Художье) и Каргопольщине. Более 20 былин записано в 50-х годах на Карельском берегу Белого моря (села Гридино, Калгалакша и Шуерецкое) фольклорной экспедицией Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, работавшей в Кемском районе в 1956—1957 гг. На Терском берегу в 1957 г. удалось записать при самых тщательных поисках только одну былину, усвоенную из книги, два дефектных варианта другой былины и прозаический пересказ былины об Илье Муромце (исцеление и первая поездка).

Все эти работы дали исключительно ценный материал для картины общего состояния северной былинной традиции в наши дни (при некоторых специфических особенностях этого состояния

¹⁵² Об экспедиции 1942 г. см.: В. Базанов. Поэзия Печоры. Сыктывкар, 1943; Былины Печоры и Зимнего берега, стр. 11—21 (сведения о собирательской работе), стр. 48—123 (публикация текстов).

по отдельным районам) и для изучения тех процессов, которые сопутствуют затуханию живой традиции на «закатном» ее этапе.¹⁵³

Собранный материал былины по Печоре и Зимнему берегу опубликован в 1961 г. в серии «Памятники русского фольклора», издаваемой Институтом русской литературы АН СССР.¹⁵⁴ Былины, записанные на Мезени, вошли в том той же серии под заглавием «Песенный фольклор Мезени».¹⁵⁵ Материалы по Карельскому Беломорью и Терскому берегу, а также по Прионежью и Каргопольщине пока еще не опубликованы и находятся в архивном хранении.¹⁵⁶

Продолжали записываться былины и в Сибири. Значительным событием в области собирания былины явилась запись в с. Русское Устье 17 текстов былины Т. А. Шубом, возглавившим в 1946 г. фольклорно-лингвистическую экспедицию Научно-исследовательского института языка, литературы и истории Якутской АССР. В дооктябрьское время из этого селения, возникшего в XVI—XVII вв. из припелыцов с русского Севера европейской части России, было известно всего несколько былинных записей (И. А. Худякова и В. М. Зензинова). Теперь Русское Устье предстало как один из значительных, очевидно, в прошлом очагов русской эпической поэзии Восточной Сибири.¹⁵⁷ Записи представляют особенно большой интерес для истории фольклора, так как, вероятно, донесли до нас сюжеты в редакциях, усвоенных еще предками современных сказителей: жители Русского Устья, окруженные инородцами, долгое время находились в значительной изоляции от другого русского населения Сибири.

В 40—50-х годах записи былины производились также в Барабе.¹⁵⁸ Несколько записей в 1943 г. сделаны были К. А. Копержинским в Иркутской области. Остатки эпической традиции зафиксированы Т. А. Селюковой в 1961 г. в Нижне-Колымском крае.¹⁵⁹

¹⁵³ См. отчеты об экспедициях, сообщения о сделанных записях и первоначальные наблюдения: «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. IV, стр. 419—420 и 422—423, т. V, стр. 314—317; ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 510; «Советская этнография», 1958, № 9, стр. 51—53, 1960, № 4, стр. 162—168, 1964, № 5, стр. 97—102; «Вестник Московского университета», Историко-филологическая серия, 1957, № 1, стр. 197, 1958, № 1, стр. 186, 1959, № 3, стр. 189; «Былины Печоры и Зимнего берега», вступ. статья.

¹⁵⁴ Былины Печоры и Зимнего берега.

¹⁵⁵ Находится в печати.

¹⁵⁶ Архив Карельского филиала Академии наук СССР в Петрозаводске; Гос. литературный музей в Москве.

¹⁵⁷ Тексты и заметки собирателя опубликованы в сб.: «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. I, М.—Л., 1956.

¹⁵⁸ См.: А. И. Лазарев. Эпическая народная поэзия в Барабе. «Ученые записки Бийского государственного педагогического института», 1957, вып. 1.

¹⁵⁹ К. А. Копержинский. Былины Восточной Сибири (новые записи). «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. II, М.—Л.,

В 40—50-х годах пополнился и фонд записей песен южного типа на былинные сюжеты. Поиски остатков эпической традиции на юге производились главным образом на Тереке (в станицах гребенского казачества) и на Дону. На Тереке в 1945 г. работала фольклорная экспедиция, организованная Кафедрой литературы Грозненского педагогического института. Найденные 8 былин опубликованы Б. Н. Путиловым в сборнике «Песни гребенских казаков».¹⁶⁰

Исключительный интерес и значение для науки представляют былинные песни, записанные в 40-е годы Ф. В. Тумилевичем от казаков-некрасовцев. Тумилевич ведет многолетнюю систематическую работу по записи фольклора среди этой группы донского казачества. Записанные им тексты свидетельствуют, что некрасовцы восприняли от своих предков, еще находясь в добровольном изгнании на чужбине, тот тип песен о богатырях былинного эпоса, который сохранялся у южного казачества, во всех районах бывшего расположения казачьих войск. Это решает вопрос о времени образования южноказачьего типа былинного повествования — до начала XVIII в., т. е. до того времени, как предки нынешних казаков-некрасовцев покинули родину после подавления Булавинского восстания.¹⁶¹ 11 текстов из собранных Ф. В. Тумилевичем опубликовано в сборнике «Песни казаков-некрасовцев».¹⁶² В 1940 г. один из характерных южных вариантов былины о Садко был записан от некрасовцев А. М. Листопадовым.¹⁶³

Отдельные записи былин за последние годы произведены также в Поволжье — в Горьковской области¹⁶⁴ и в Саратовской области.¹⁶⁵

1957. — Записи Т. А. Селюковой находятся в Северо-Восточном комплексном научно-исследовательском институте Сибирского отделения Академии наук СССР в Магадане.

¹⁶⁰ Песни гребенских казаков. Публикации текстов, вступ. статья и коммент. Б. Н. Путилова. Грозный, 1946. — О былинах см. во вступительной статье (стр. 20—22).

¹⁶¹ См. об этом в моей статье: Вопросы изучения донской былины. В кн.: Народная устная поэзия Дона. (Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18—23 декабря 1961 г.). Изд. Ростовск. универс., 1963. — См. также в главе VII настоящей книги (стр. 271—272).

¹⁶² Песни казаков-некрасовцев. Запись песен, вступ. статья и сведения о сказителях Ф. В. Тумилевича. Под общей ред. проф. П. Г. Богатырева. Ростов-на-Дону, 1947.

¹⁶³ А. М. Листопадов. Донские былины. Ростов-на-Дону, 1945, стр. 62.

¹⁶⁴ См.: Б. М. Добровольский. Новая запись былины в Горьковской области. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. II, М.—Л., 1957.

¹⁶⁵ «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. IV, М.—Л., 1959, стр. 417; Русская народная поэзия. «Фольклористические записки Горьковского гос. университета им. П. И. Лобачевского», 1961, стр. 159—160.

Собранный за последнее время материал былинных записей не только чрезвычайно важен для освещения судеб русского эпоса в наши дни и для всестороннего изучения процессов устной жизни былины в период ее угасания, но и помогает выяснить некоторые вопросы, касающиеся более ранних периодов жизни былины в устной традиции. Он дает также некоторые дополнительные данные для карты географического распространения былин.

Кроме того, как показали материалы, и сейчас можно еще найти отдельные полноценные художественные тексты с превосходными напевами, достойные того, чтобы быть сохраненными для потомков в качестве ценнейшего поэтического наследия.

Поэтому ни в коем случае не следует прекращать дальнейшие повторные обследования районов, где когда-либо производились записи былин, а также поиски остатков былинного эпоса в других местах.

В многолетней деятельности по изданию русского богатырского эпоса определились основные типы сборников в соответствии с характером издаваемых материалов и назначением издания.

Выше уже говорилось, что для публикаций новых записей, собранных в одном районе, уже к началу XX в. установилась определенная традиция подачи текстов и отстоялись некоторые обязательные требования, касающиеся научного аппарата (вступительные статьи, очерки об исполнителях, указатели).

В издания советского времени стал еще включаться научно-исследовательский комментарий, раскрывающий специфику публикуемых текстов в их соотношении с общерусской и местной эпическими традициями, и библиография вариантов.¹⁶⁶ В некоторых изданиях помещались и образцы напевов.¹⁶⁷

Однако не все издания новых записей, осуществленные в советское время, вполне соответствуют указанному типу. В фундаментальном сборнике Соколова—Чичерова «Онежские былины», опубликовавшем записи известных экспедиций «По следам Рыбникова и Гильфердинга», имеются содержательные вводные статьи и очерки об исполнителях, но полностью отсутствует комментарий (сообщаются лишь паспортные данные). Нет в сборнике и никаких указателей, кроме словаря старинных и местных слов, и это очень затрудняет пользование богатейшим и исключительно ценным материалом.

Досадно неконкретны и неопределенны примечания в другом значительном издании новых записей — «Былины М. С. Крюковой». Огромный научный интерес эпического творчества этой

¹⁶⁶ Такой тип издания представлен в сборниках: Былины Севера; Былины Пудожского края; Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи).

¹⁶⁷ Былины Севера; Былины Печоры и Зимнего берега.

своеобразной сказительницы нашего времени обязывал составительниц окружить тексты целым рядом справок, которые помогли бы читателю ориентироваться в сложном материале и давали бы какой-то ключ к его изучению. Комментарий, сведенный к краткой справке о месте и времени записи, о том, как производилась запись («с голоса» или «со слов»), и к ссылке на записанные в той же Зимней Золотнице варианты с указанием более близких, явно недостаточен. Приведенные указания самой сказительницы часто фантастичны и противоречивы, без необходимых разъяснений они могут привести к ложным представлениям об источнике помещаемых былии.¹⁶⁸

К положительным сторонам издания следует отнести, помимо живого и содержательного вступительного очерка Р. С. Липец, тщательно выполненный указатель имен и географических названий, а также три образца напевов.

Издание крупных собраний новых записей без комментариев с хотя бы минимальными элементами первоначального исследования в настоящее время недопустимо. Такое издание представит главным образом «научное сырье» и будет рассчитано на узкий круг специалистов, изучающих эпос, которые и займутся исследованием опубликованного материала. Такая ориентировка только на исследователя сама по себе ошибочна. Издания новых былинных записей нужны будут и преподавателям, и студентам вузов, и ученым, работающим в каких-либо смежных областях. При огромном интересе в наше время к эпосу к ним обратится и так называемый «широкий читатель». Поэтому помочь разобраться в особенностях печатаемых текстов совершенно необходимо.

Значительным упущением всех изданий советского времени является отсутствие в них предметных указателей, которые особенно нужны в сборниках былии, так как являются одним из важных подсобных материалов при освещении проблемы отношения былины к действительности.

✓¹⁶⁸ Приведу хотя бы следующий характерный пример. Относительно былины «Про князя Владимира и Рогведу» (т. I, № 42) следовало бы высказать определенное суждение о самостоятельной обработке сказительницей услышанных или прочитанных ею исторических преданий, зафиксированных древней летописью, что совершенно явно из простого сличения былины с летописными рассказами (см.: А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948, стр. 266—267). Противоречивые же ссылки самой М. С. Крюковой на два разных устных источника, приведенные в примечании, лишь запутывают читателя. Наличие в репертуаре М. С. Крюковой еще ряда былии на темы летописных рассказов (см.: Былины М. С. Крюковой, стр. 721) подсказывало предположение о существовании единого источника для всех этих «былии» — очевидно, какого-то сборника пересказов летописных преданий или «лицевых листов» с изображением известных эпизодов этих преданий. Из беседы с Э. Бородиной я выяснила, что составительница знала о том, что такие «листы» были в семье Крюковой. Почему же не был включен в комментарий этот столь важный для выяснения ряда былии Крюковой факт?

Говоря об издании новых былинных записей, следует напомнить, что в архивах находится еще много неопубликованных крупных собраний, например записи многолетних студенческих экспедиций МГУ, записи — тоже многих лет — сотрудников Карельского научно-исследовательского института истории, языка и литературы и др. В опубликовании этих записей настоятельная потребность.

Обилие в архивном хранении и в публикациях отдельных разрозненных записей и мелких собраний вызвало в свое время создание сводных сборников, объединивших эти записи и собрания. Такая работа в конце XIX и начале XX в. была произведена, как уже указывалось выше, дважды — Н. С. Тихомировым и В. Ф. Миллером (1894 г.) и последним при участии его учеников Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова (1908 г.). Расположение материала в обоих изданиях, естественно, оказалось иным, чем в сборниках целостных собраний новых записей: он расположен по тематическому признаку, по сюжетам, поскольку распределение по признаку географическому и по исполнителям при дробности материала теряло свой смысл. Но это повлекло и определенный недостаток: составители разбили некоторые небольшие собрания, составленные в определенном месте и в определенное время. Так, в сборнике Тихомирова и Миллера разбито собрание былии известного сибирского краеведа С. И. Гуляева, что уже в советское время дважды вызвало опыт объединения его записей в одном сборнике.¹⁶⁹ Такая же участь разброски по всему сборнику постигла и собрание П. С. Ефименка, состоящее из 10 былии, записанных в двух пунктах с близкой традицией (д. Зимняя Золотница и г. Мезень), и собрание 900-х годов Н. С. Шайжина из Прионежья, и собрание середины 90-х годов В. Г. Богораза-Тана из Якутской области, и некоторые другие. Имеются случаи, когда былины, принадлежащие одному собранию, попали даже в разные сборники.¹⁷⁰ Во всех подобных случаях, возникших закономерно в силу принятого принципа организации сборников, должна была бы помочь устранению вызванных этим принципом неудобств в пользовании материалом серия перекрестных указателей, но они отсутствуют, и это ощущается как большой недостаток сборников. Вследствие всего этого становится желательным перекомпоновка указанных сборников.

После миллеровского сборника 1908 г. накопилось еще много отдельных записей и мелких собраний. Выше отмечалось, что,

¹⁶⁹ Былины и исторические песни из южной Сибири; Былины и песни южной Сибири.

¹⁷⁰ Так, из записей Истомина и Дютца 1886 г. из Прионежья пять помещены в сборнике 1894 г., четыре — в сборнике 1908 г. В разные сборники попали и былины из публикации П. В. Шейна 1877 г. в «Чтениях в Московском обществе истории и древностей Российских».

по-видимому, уже В. Ф. Миллер готовил издание третьего сводного тома. Возобновить приостановленную в этом плане работу настоятельно необходимо.

Издание сводных томов должно вообще занять, наравне с обнародованием больших целостных собраний новых записей, одно из первых мест в публикаторской деятельности советских фольклористов.

В середине 50-х годов Сектор народного творчества Института русской литературы АН СССР начал работу по подготовке к изданию «Свода русского фольклора», вопрос о котором был поставлен в свое время А. М. Горьким и А. Н. Толстым. В 1956 г. был выпущен под редакцией М. О. Скрипиля детально разработанный сотрудниками сектора проект «Свода»,¹⁷¹ включивший проспект изданий и по былинам. Работа в тех масштабах, которые были предусмотрены проспектом, не была развернута, однако из намеченных в проспекте томов несколько осуществлено в других изданиях. Это сводный том «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков»¹⁷² (в серии «Памятники русского фольклора»), первое издание сборника Кирши Данилова¹⁷³ (в серии «Литературные памятники») и «Былины Печоры и Зимнего берега»¹⁷⁴ (тоже в серии «Памятники русского фольклора»).

В дальнейшей работе по изданию былин следует, как мне представляется, выделить в качестве первоочередных два сводных сборника: 1) разрозненные материалы из северных и среднерусских районов и из Сибири, собранные в XX в. и 2) том, посвященный специально былинам южноказачьим; следует также издать наиболее значительные собрания последних лет — результаты экспедиций в Прионежье и Беломорье. Из намеченных в проспекте Свода переизданий классических собраний следует в первую очередь — по основаниям, приведенным выше, — осуществить на новых началах «Песни, собранные П. В. Киреевским» и «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым».

Третий вид былинных сборников, определившийся в издательской работе по русскому эпосу, — антология. Целевая установка антологии, обращенной к широкому кругу читателей, — дать из всего, созданного в данном жанре, самое характерное и в идейно-художественном отношении самое лучшее — накладывать на составителей особые обязательства: 1) тщательного подбора текстов в соответствии с тем, для кого предназначена данная антология (для детского возраста, учащихся средней школы, студентов филологических факультетов, преподавателей, для «широ-

¹⁷¹ Свод русского фольклора. Проспект. Л., 1935, 82 стр. (на правах рукописи).

¹⁷² См. проспект свода, стр. 9.

¹⁷³ Там же, стр. 9—10.

¹⁷⁴ Там же, стр. 21.

кого читателя» вообще); 2) создания соответствующего аппарата, помогающего должному восприятию публикуемого материала. В крепкой зависимости от целенаправленности сборника должны быть и вступительная статья и тип комментария, то облегченного, то более углубленного.

Советская фольклористика знает антологии двух типов: 1) избранные былины — антологию, имеющую назначение познакомить с самыми замечательными в разных отношениях былинами, и 2) антологию, посвященную определенному циклу.¹⁷⁵

Из антологий, созданных еще до Октября, наибольшее значение для популяризации в широких кругах читателей подлинных былинных записей имели сборник Е. А. Ляцкого «Былины. Старинки богатырские»¹⁷⁶ и двухтомная антология М. Сперанского, широко охватившая сюжетный состав былинного эпоса.¹⁷⁷ Много антологий было создано уже в советское время, особенно начиная с середины 30-х годов, в чем наглядно выразился общий подъем интереса к эпосу и осознание его значения. Состав антологий, подбор материала в них в большинстве удачен (замечания могут встретить лишь отдельные тексты) и соответствует назначению каждой данной антологии. Этого, однако, далеко нельзя сказать о характере сопроводительного аппарата — пояснительной статьи, комментария. Здесь не всегда найден тот именно тип, который наилучшим образом отвечал бы задачам издания. Так, иногда совершенно отсутствует комментарий, хотя бы самый краткий, дающий некоторые фактические справки и главным образом выясняющий основную целеустремленность помещенных былин, который был необходим.¹⁷⁸ Или, наоборот, комментарий излишне пространен, включает ненужные рассуждения по поводу генезиса не только самой былины, но и отдельных ее эпизодов и мотивов, в то время как об основном художественном замысле, если и говорится, то мимоходом, и существенное тонет в многочисленных исторических и бытовых сопоставлениях.¹⁷⁹ Иногда в комментариях вводятся некоторые неверные толкования отдельных былин без соответствующих опровержений, только загромождающие

¹⁷⁵ К такому типу относится антология: «Илья Муромец». Подготовка текстов, статья и коммент. А. М. Астаховой. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958 (серия «Литературные памятники»). — Небольшие антологии, посвященные отдельным богатырским образам, выпускались и в досоветское время, и после Октября в дешевых изданиях и в серии «Школьная библиотека классиков» (см., например: Былины об Илье Муромце и Василии Буслаевиче. Огиз, М.—Л., 1933). Преобладающее же большинство антологий создавалось по линии «Избранных былин».

¹⁷⁶ Е. А. Ляцкий. Былины. Старинки богатырские. СПб., 1911.

¹⁷⁷ М. Сперанский. Былины, т. I, М., 1916; т. II, М., 1919.

¹⁷⁸ См., например: Былины. Ред. и примеч. М. Булатова. Изд. «Детская литература», М.—Л., 1938 (серия «Школьная библиотека»).

¹⁷⁹ Так в антологии С. К. Шамбинаго: Былины-старинки. Изд. «Художественная литература», М., 1938.

текст комментария.¹⁸⁰ Не всегда выполняют свое назначение и вступительные статьи и заметки.

Пояснительный аппарат в антологиях всегда в известной мере несет печать научных копценций, разделяемых составителями. Так, антологии М. Н. Сперанского, Б. М. Соколова,¹⁸¹ Ю. М. Соколова¹⁸² отразили в полной мере методологию «исторической школы» и многие ошибочные толкования былины; статья А. М. Астаховой в «Эпической поэзии»¹⁸³ и в особенности антология «Былины» В. А. Келтуялы¹⁸⁴ отмечены влиянием еще не изжитого в те годы вульгарного социологизма.

Вместе с тем в работе над созданием былинных антологий в советской фольклористике имеются несомненные достижения. Они относятся к концу 30-х годов и к настоящему времени. В свое время сыграла большую положительную роль антология Н. П. Андреева (вышедшая в большой серии «Библиотеки поэта» в 1938 г.) — и широтой охвата былинных сюжетов, и превосходным подбором материала, расположенного с большой продуманностью, и содержательной вступительной статьей, которая в свое время была лучшим из научно-популярных очерков о былине, и умело составленными, оправдывающими свое назначение комментариями. В последние годы лучшими явились антологии «Былины» (составлена Б. Н. Путиловым,¹⁸⁵ вышла в большой серии «Библиотеки поэта» в 1957 г.) и «Былины в двух томах» (составлена Б. Н. Путиловым и В. Я. Проппом, вышла в 1958 г.).¹⁸⁶

Достижения в дальнейшей разработке спорных или не до конца решенных вопросов скажутся положительно в последующей работе по созданию антологий.

Улучшению всех сторон эдичионной деятельности будет способствовать также разработка вопросов текстологии фольклора, поднятых в настоящее время.¹⁸⁷

¹⁸⁰ Былины. Вступ. статья, подбор текстов и примеч. П. Д. Ухова. Под общей ред. В. И. Чичерова. Изд. МГУ, 1957. — См. рецензию: Новые антологии былин. «Советская этнография», 1958, № 6, стр. 162—167.

¹⁸¹ Борис Соколов. Былины. Исторический очерк, тексты и комментарии. Изд. «Задруга», М., 1918.

¹⁸² Былины. Сборник для учащихся средней школы. Сост. Ю. М. Соколов. Под ред. Б. М. Волина. Учгедгиз, М., 1937.

¹⁸³ А. М. Астахова. Русские былины. В кн.: Эпическая поэзия. Л., 1935 («Библиотека поэта». Малая серия).

¹⁸⁴ Былины. Примечания и объяснительные статьи В. А. Келтуялы. М.—Л., 1929 («Дешевая библиотека классиков»).

¹⁸⁵ См. указанную рецензию в «Советской этнографии».

¹⁸⁶ Следует отметить только слишком большую категоричность отдельных высказываний, остающихся пока дискуссионными.

¹⁸⁷ См.: Б. Н. Путилов, В. К. Соколова. Основные проблемы советской фольклористики. «Советская этнография», 1964, № 4, стр. 26—27.

ГЛАВА VI

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ БЫЛИН И ВОПРОСЫ, С НИМ СВЯЗАННЫЕ (МЕСТО И ВРЕМЯ ФОРМИРОВАНИЯ, УСЛОВИЯ, ОПРЕДЕЛЯВШИЕ СТЕПЕНЬ СОХРАННОСТИ)

1

Собирание фольклора в XIX и XX вв. показало, что былина в устном ее бытовании к концу XIX в. сосредоточилась в отдельных районах, образовав своего рода былинные «очаги» или «гнезда».

Наибольшее распространение былинный эпос получил в европейской части русского Севера. В некоторых северных районах, как например в южной части Заонежья, в Пудожском крае, на Кенозере, Мезени, Зимнем берегу, Печоре, былинная традиция к концу XIX в. оказалась еще в цветущем состоянии. Здесь было записано много превосходных художественных текстов, обнаружены первоклассные мастера былинного сказительства и живая, творческая устная традиция. В записях из этих районов богато представлены героические былины — наиболее ценная и значительная часть русского эпоса. Разнообразно представлены и другие виды былинной поэзии. Былиными очагами явились также Пинега, западное и юго-западное Беломорье (по старому наименованию «Карельский» и «Поморский» берега), Терский берег и западные части нынешней Вологодской области — район Моши и Белозерский край.

Степень интенсивности эпической традиции в этих былинных районах оказалась разной, так же как состав и характер эпических репертуаров. Так, например, на Пинеге, на Терском, Карельском и Поморском берегах, по данным 900-х годов, среди эпических произведений преобладали былины новеллистического характера и баллады. Героические былины оказались здесь короче, менее художественны, очень часто с признаками упадка и

разложения. Меньше в этих районах встретилось и крупных мастеров с большим репертуаром. Менее богата была в конце XIX в. былинная традиция на Моше, хотя по характеру репертуара она была близка к Кенозеру, где записан интересный и богатый материал. Относительно Белозерского края, впервые обследованного позже других районов Севера (1908 и 1909 гг.), можно было говорить лишь об остатках эпического творчества, которые застали собиратели. Оно оказалось представленным в коротких, поэтических бедных былинах и прозаических пересказах былин, но по этим остаткам все же можно судить о том, что данный край являлся районом, где также в прошлом жила и развивалась былина. Из других северных районов отдельные записи были произведены в б. Пермском крае, в поселениях по Северной Двине и ее притокам и в б. Петербургской губернии.

По сравнению с Севером центральные и южные области оказались значительно менее богатыми эпической поэзией. Известное сосредоточение былин наблюдалось в середине и конце XIX—начале XX в. в среднем Поволжье — в Нижегородском, Симбирском и Саратовском краях, в районах уральского, оренбургского и астраханского казачества, в Донской области и на Северном Кавказе, среди терских казаков. Это заставляет тоже предполагать во всех этих местах наличие в прошлом более интенсивной традиции. По своему эпическому репертуару и по самому характеру обработок былинных сюжетов указанные районы также отличаются от северных. Сюжетный состав беднее, многих известных Северу сюжетов здесь не обнаружено. Былины казаков, как правило, представляют лишь фрагменты, которым придана некоторая завершенность, или это сильно укороченное повествование. Специфичен и характер исполнения: в отличие от севера, где былины исполнялись и исполняются единолично на особые речитативные напевы, на юге у казаков они пелись и поются хором наравне с историческими песнями, очень распространенными среди казачества.¹

Своеобразными чертами отличаются былины южной части среднего Поволжья (б. Симбирская, Самарская и Саратовская губернии). Здесь довольно большая часть былин — или разложившиеся в прозаический пересказ, или превратившиеся в сказку, стихотворные же тексты здесь укорочены и не так пышно разработаны, как на Севере. Довольно значительный слой эпических произведений сближает по своему характеру Поволжскую традицию, особенно Саратовского края, с южноказачьей.²

После северных районов наиболее богатыми былинными гнездами оказались западная и южная Сибирь, давшие, кроме «Сборника Кириши Данилова» (если считать его происхождение сибир-

¹ См. об этом подробнее в главе VII.

² Об этом см. также в главе VII.

ским), собрание Гуляева. Несомненно, если бы в свое время в этих районах была произведена столь же тщательная собирательская работа, какую провели Рыбников, Гильфердинг, Марков, Григорьев и Ончуков на Севере, Сибирь дала бы чрезвычайно богатые и ценные собрания. Значительно слабее была, по-видимому, былинная традиция в средней и восточной частях Сибири, откуда имеются лишь спорадические записи из отдельных мест (Якутская обл., р. Енисей, Иркутский край, Русское устье и поселения по Амуру).³

Средней России — губерниям Московской, Тульской, Рязанской, Владимирской и др. — принадлежат только единичные и довольно плохие варианты, относящиеся еще ко времени собирательской работы П. В. Киреевского, а также отдельные случайные записи более позднего времени. В XX в. следы былинного эпоса сохраняются в этих местах лишь в сказках. Неравномерность в распределении былинной традиции на территории, населенной русской народностью, была отмечена еще учеными конца XIX в.⁴ Очень рано также было обращено внимание на то, что в народном творчестве белорусского и украинского народов былины, несмотря на все поиски, обнаружено не было. Это привело некоторых ученых даже к мысли, что былины после образования трех ветвей восточного славянства явились исключительным достоянием русского народа, украинский же и белорусский народы никогда былины не знали.⁵

Однако более пристальное изучение фольклора этих народов показало в нем настолько отчетливые следы былинного эпоса, что вряд ли все их можно отнести к позднему влиянию русского эпоса в порядке культурных взаимодействий или к отголоскам времени славянской общности.

Подробную подборку такого материала сделал еще А. М. Лобода в своем критико-библиографическом обзоре трудов по рус-

³ См. специальную работу М. К. Азадовского «Эпическая традиция в Сибири» (Чита, 1921) и его статью «Русская былевая традиция в Сибири и на Алтае» в книге «Былины и исторические песни из южной Сибири» (Новосибирск, 1939); см. также: Я. Р. Кошелев. Вопросы русского фольклора Сибири (дооктябрьский период). Томск, 1963, стр. 67—70; В. М. Сидельников. Древнерусская эпическая традиция в Сибири. В кн.: Писатель и жизнь. Историко-литературные, теоретические и критические статьи. «Ученые записки Литературного института им. А. М. Горького», вып. 2, М., 1963.

⁴ На нее указывали еще В. Ф. Миллер (Наблюдения над географическим распределением былины. ЖМНП, 1894, № 5; перепечатано: В. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I. М., 1897, стр. 68—96) и А. М. Лобода (Русский богатырский эпос. Киев, 1896, стр. 89—90).

⁵ М. П. Погодин. Записка о древнем языке русском. «Известия имп. Академии наук по отделению языка и словесности», т. 5, СПб., 1856, стр. 77—78; Н. П. Костомаров. Разбор Истории Забелина. «Русская старина», 1877, январь, стр. 174—175; В. Миллер. Очерки..., т. I, стр. 67—68.

скому богатырскому эпосу.⁶ О белорусских сказках, тематически связанных с былинным эпосом, Лобода, между прочим, писал, что они «отличаются такой самостоятельностью и оригинальностью... , что решительно не могут быть точно подведены под определенный великорусский оригинал; они несут на себе, на наш взгляд, ясный отпечаток продолжительного пребывания в Белоруссии».⁷

В настоящее время значительные дополнения и более близких, и отдаленных связей украинского фольклора с русским эпосом даны в капитальном труде М. М. Плисецкого «Взаимосвязи русского и украинского эпоса». Здесь собраны не только реминисценции отдельных былинных мотивов в некоторых украинских думах, народных преданиях и рассказах, в свадебных, игровых и прочих песнях, а также все упоминаемые в этих произведениях имен богатырей, но и отражение определенных былинных сюжетов в украинских балладах, сказках и преданиях.⁸

В 1959 г. Академией наук Белорусской ССР издан под редакцией П. Ф. Глебки и И. В. Гуторова сборник «Беларускі эпас», в котором собран ряд белорусских эпических произведений, в том числе сказки, оразившие сюжеты и отдельные эпизоды и мотивы русского богатырского эпоса.⁹

Во всем этом следует основательно разобраться. В. Ф. Миллер был в известной степени прав, когда с осторожностью говорил, что сказки с сюжетами былин и именами богатырей не всегда могут свидетельствовать о существовании былин у белорусов и украинцев, равно как и аналогичные сказки у других народов Советского Союза, к которым они определенно пришли от русских.¹⁰ Следует поэтому каждый наблюдаемый в указанной области случай подвергать самому тщательному анализу для решения вопроса, с каким явлением имеем дело: с фактом ли позднейшего культурного взаимодействия и проникновения в белорусский фольклор влияния русского, с остатками ли былой поэтической общности, со сходством ли типологического характера, или это действительно переоформление былинных сюжетов на почве собственной эпической традиции, в XIX в. уже утраченной.

Имеются факты, дающие некоторое основание для последнего предположения. Такова известная отписка 1574 г. оршанского старосты Кмпы Чернобыльского к кастеляну Троцкому Оста-

⁶ А. М. Лобода. Русский богатырский эпос, стр. 90—96 (следы былинной традиции в украинском фольклоре), стр. 96—99 (в белорусском).

⁷ А. М. Лобода. Белорусская народная поэзия и русский былевой эпос. «Этнографическое обозрение», кн. XXV, 1895, стр. 28.

⁸ М. М. Плисецкий. Взаимосвязи русского и украинского эпоса. М., 1963.

⁹ См. разбор этих сказок в кн.: А. М. Астахова. Народные сказки о богатырях русского эпоса. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 72—112.

¹⁰ В. Миллер. Очерки..., т. I, стр. 68.

фшо Воловичу, свидетельствующая о знакомстве этих лиц с образами и деятельностью некоторых богатырей. В этом письме упоминается Илья Муромец как богатырь на заставе в соединении с именем Соловья Будимировича.

А. Н. Веселовский, приводя текст этого письма,¹¹ отмечает, что оно «может служить свидетельством географического распространения былины, так как Воловичу должны же были быть понятны аллюзии на богатырей, да и Кмита упоминает их как нечто общепозвестное».

О распространении на Украине сказаний об Илье Муромце свидетельствует побывавший в 1594 г. в Киеве посол римского императора к запорожцам Эрик Лассота. Он вспоминает в своих путевых записках виденную им в Софийском соборе гробницу Ильи Муромца, «знаменитого героя или богатыря, о котором рассказывают много басен».¹² Возможно, что еще в это время украинским народом, кроме преданий и легенд о богатыре, хранились и некоторые былины.

Среди рукописных текстов XVI—XVII вв., в которых отражены былинные сюжеты, есть группа так называемых «себежских» текстов — об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, заключающих в себе эпизод освобождения Ильей Муромцем по дороге в Киев города Себежа. Все эти тексты восходят через посредство различных копий к пересказу устной былины, записанному в XVI или XVII в. неизвестным любителем былинного творчества. Наличие в этом пересказе города Себежа, очевидно, идет от той устной былины, которую пересказывал швец, поскольку некоторые позднейшие устные варианты сохранили это наименование (правда, в искаженной форме).¹³ Себеж же — город близ Витебска, древний пригород Искова, многократно в XVI в. отбивавший нападения литовцев и поляков. Вследствие этого он, очевидно, и попал в былину, заменив в белорусской редакции город древнейших вариантов — Чернигов.¹⁴ Следовательно, в XVI—XVII вв. в Белоруссии еще жила былина о Соловье-разбойнике, отразившаяся в пересказе «себежской» редакции.

В XIX—XX вв. были найдены отголоски русского богатырского эпоса и у многих неславянских народов Советского Союза — карел, коми, эстонцев, финнов, латышей, удмуртов, чувашей, марй, якутов, эвенков, перенявших некоторые былинные сюжеты

¹¹ А. Н. Веселовский. Южнорусские былины. СПб., 1881, стр. 61—64.

¹² А. М. Лобода. Русский богатырский эпос, стр. 15.

¹³ Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. Издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.—Л., 1960, стр. 28—29.

¹⁴ Вс. Миллер. Очерки..., т. I, стр. 395—397; см. также: П. Г. Широкова и В. А. Кравчинская. Две былины в записях конца XVII—XVIII вв. ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 356—357.

и мотивы от русских и использовавших их в своих сказках и легендах.¹⁵ У тех народов, у которых связь с русскими была особенно сильна и которые жили смежно с русскими поселениями, богатыми эпической традицией, как, например, у карел и коми, встречались и отдельные случаи исполнения русских былин.¹⁶

2

То обстоятельство, что былина была найдена преимущественно на северных окраинах и в западной Сибири, поставило перед учеными целый ряд вопросов, и прежде всего о том, когда и каким образом проник эпос в эти районы. Что былинные сюжеты в основной своей части сложились не здесь, а были сюда занесены, не вызывало ни в ком сомнений: былины заключают в себе отголоски очень древних исторических событий, имена исторических лиц, действовавших в давно прошедшие времена, названия старых центров исторической жизни русского народа — Киева, Чернигова, Новгорода, Москвы. В былинах также, наравне с чертами северной природы и быта, находим и черты, которые могли возникнуть только в южных районах, — описание степных пространств, могучих дубов, которых северянин видеть не мог, и т. п. Кроме того, имеющиеся записи былин свидетельствуют о более широком в прошлом, почти повсеместном распространении былин в пределах европейской части России. Естественнее всего и было предположить, что былины появились на севере вместе с пришедшим сюда населением с юга.

Известно, что северные окраины, а также Западная Сибирь были колонизованы частью выходцами из Новгородской области, частью пришельцами из Московской земли. Новгородская колонизация начинается уже в XII—XIII вв., движение из московского центра на Север относится к несколько более позднему времени — к XVI—XVII вв.¹⁷

Оба колонизационных потока сталкиваются в ряде северных районов. Таким образом, носители эпоса на Севере в XIX—XX вв. — северные крестьяне — явились преемниками поэтического наследия, которое их предки занесли на Север из Новгорода и Москвы вместе со своими обычаями, костюмами и другими элементами быта. Это полностью подтверждается и тем, что особенно богатой былинная традиция оказалась как раз в тех местах Севера, где прослеживаются наиболее старые новгородские и московские поселения, — в Олонецком крае, в Беломорье, на Пинеге, Мезени, Печоре. В то же время следы эпической тради-

¹⁵ А. М. Астахова. Народные сказки о богатырях русского былинного эпоса.

¹⁶ Там же, стр. 72—75.

¹⁷ См.: Очерки по истории колонизации Севера, вып. I. Пгр., 1922.

ции сохранились в самих Новгородской и Московской областях в ряде записей из этих мест.

Это положение о перемещении и распространении былинного эпоса при колонизации, идущей из Новгородского и Московского государств, еще более подкрепляется наличием былин в Сибири, Поволжье и у южного казачества: эти районы заселялись тоже пришельцами из указанных областей начиная с XVI в. Известную роль в передаче эпоса на окраины сыграли профессиональные исполнители фольклора — скоморохи, уходившие туда в XVI—XVII вв. от преследований правительства. Известно, что в репертуаре скоморохов вместе со специфическим скоморошным творчеством были произведения и другой, серьезной тематики и тональности, в том числе и былины.¹⁸ Разумеется, нельзя преувеличивать роль скоморохов в распространении былинного эпоса на окраинах. Но учитывать и этот фактор в передвижениях былинного эпоса необходимо. Между тем в науке были попытки приписать скоморохам исключительную, первенствующую роль в занесении былин на Север, что является, конечно, ошибкой.

Но не был ли эпос и сложен в пределах старого Новгорода и Московского государства? Этот вопрос естественно возник в силу самого факта полного отсутствия на Украине былин в то время, когда началась собирательская работа в области эпоса. С другой стороны, и в самих былинах были вскрыты явные отражения московского быта, московских событий, московских политических взаимоотношений. Все это побудило некоторых ученых — М. Е. Халанского, Н. И. Костомарова, С. К. Шамбинаго, в наше время польского ученого И. Кржижановского — выдвинуть положение о более позднем (XV—XVII вв.) сложении значительной части былинного эпоса именно в пределах Московского государства.

Так, Халанский считал, что самый факт отсутствия эпоса на юге в период собирательской работы говорит о том, что его там как целостного явления, сложившегося в строгий эпический цикл, и не было. Он допускал только более раннее образование на юге некоторых отдельных песен с именами Киева и иногда Владимира. Песни эти, по его мнению, оказали ассимилирующее влияние на северо-восточные поместные эпические песни — ростовские, муромские, рязанские и московские, — и таким образом уже в Московское время сложился так называемый киевский цикл, в былинах которого «киевские элементы» явились лишь формальным, внешним придатком: «к известному областному сказанию чисто механически приставлялся *залев* с Киева и Владимира. В большинстве случаев затем эти имена вводились в самое содержание рассказа, занимая в нем не существенную, а чисто внешнюю роль; иногда же они только примыкали к началу и концу былины, являясь, таким образом, лишь внешними объединяющими прин-

¹⁸ См. об этом в главе V.

циями разных сказаний; само же содержание былины развивалось независимо от них и без всякой связи с ними». ¹⁹

Еще раньше аналогичное суждение было высказано, и даже в более резкой форме, Н. И. Костомаровым. «В наших былинах, — писал он, — которые несомненно образовались в их настоящем виде только на севере, исключительно в великорусском племени, и притом под влиянием иноплеменных населений, действовавших на великорусское племя, одно только относится к киевской древности — это собственные имена Киева и кн. Владимира и некоторых его богатырей, по затем в былинах собственно-киевского чрезвычайно мало». И далее: «Былины есть произведение чисто русского севера, исключительно великорусской ветви». ²⁰

Мнение о более позднем сложении значительной части былины С. К. Шамбинаго основывал, с одной стороны, на отражении в них исторических фактов и всей исторической обстановки Московского времени, с другой — на близости некоторых былинных сюжетных ситуаций к эпизодам из воинских повестей XV—XVI вв. Влияние обстановки и фактов Московского периода на былины отмечались и до Шамбинаго, начиная еще с Ореста Миллера. Но если последний говорил лишь о наслоениях на древнюю основу в таких былинах, как «Сухан» и «Данила Ловчанин», то Шамбинаго всю композицию былины о Сухане считал принадлежащей позднему периоду (изображение князя, отразившее облик Ивана Грозного, образ «неучествовавшего воеводы», местничество и другие черты эпохи). Возникновение же второй редакции былины (алтайской) Шамбинаго целиком относил к воздействию повестей о Мамаевом побоище, считая, что в устном эпосе были использованы уже сложившиеся в рукописной литературе композиционные образцы. ²¹ Шамбинаго соотносил также многие черты древнерусского быта, отраженные в былинах (особенности зодчества, оборонительные сооружения), с историческим бытом Московского времени и на основе сделанных сопоставлений судил о позднем возникновении былины, отразивших этот быт. ²² Вместе с тем, следуя своей концепции о позднем формировании русского

¹⁹ М. Халанский. Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885, стр. 218. — См. всю главу XVIII исследования Халанского, в которой он подводит итоги (стр. 210—226), а также приложенные в конце книги тезисы.

²⁰ «Русская старина», 1877, январь, стр. 174—175. — Употребляя здесь слово «север», Костомаров имел в виду не Северный край, а области, лежащие к северу от Киевского государства. Если в пределах последнего что-либо и создано, то оно в прежнем своем виде не сохранилось и было начисто переработано великорусской народностью.

²¹ См.: С. Шамбинаго, Исторические переживания в старинах о Сухане. Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому, М., 1909.

²² См. статьи: С. Шамбинаго. 1) Древнерусское жилище по былинам. Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера, М., 1900; 2) Застава богатырская. Сборник статей в честь М. К. Любавского, Пгр., 1917.

эпоса, С. К. Шамбинаго склонен был отнести к Московскому времени даже такие произведения, как былину о Василии Буслаевиче, всецело проникнутую бытовыми элементами старого Новгорода, овеянную исторической атмосферой его внутренней жизни. Былину эту он трактовал как памфлет на Ивана Грозного, разгромившего Новгород.²³

Однако, хотя на Украине и нет былинных записей, все же в украинском фольклоре имеются, как показали поиски, довольно значительные отголоски богатырского эпоса, которые никоим образом нельзя объяснить позднейшими влияниями русского народного творчества на украинское. Изучение же древнерусских летописей дало материал для утверждения не только о том, что ряд песен был уже сложен в домосковское время на юге (упоминания некоторых былинных богатырей в ситуациях, явно восходящих к устной традиции), но и о том, что самое объединение отдельных песен в киевский цикл уже началось в это же время. Так, исследования летописных заметок о былинных богатырях Добрыне и Алеше Поповиче показали, во-первых, что эти заметки опираются на уже существовавшие народные предания об обоих героях нашего эпоса, и, во-вторых, что в этих преданиях они, хотя возможные прототипы их относятся к разным векам, уже объединены, а Алеша Попович (Александр Попович, храбр XIII в.), отнесен даже в одной заметке к началу XI в., т. е. ко времени киевского князя Владимира Святославича (Никоновская летопись под 6508, 6509, 6512 гг.).²⁴ Д. С. Лихачев справедливо предположил, что образование киевского цикла должно было произойти еще до 1479 г. — времени присоединения Новгорода к Москве, так как новгородские былины остались вне этого цикла.²⁵ А так как процесс циклизации несомненно был длительным, то надо предполагать наличие значительного числа былин еще до XV в.

Что касается отражения в былинах киевского цикла бытовых черт, характерных для более позднего времени, то оно одно, если и имело место, не может служить непреложным аргументом в пользу позднего сложения самих былин: русский богатырский эпос жил в устной традиции многие столетия и не оставался безразличным к новой исторической и бытовой действительности, элементы которой могли давать отдельные поэтические паслос-

²³ С. Шамбинаго. 1) Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914; 2) Песни-памфлеты XVI в. М., 1913, стр. 115—226. — О XVI в. как основной эпохе сложения русского эпоса см. также: J. Krzyżanowski. *Byliny*. Wilno, 1934.

²⁴ См.: Д. С. Лихачев. 1) «Устные летописи» в составе Повести временных лет. «Исторические записки», № 17, М.—Л., 1945; 2) Летописные известия об Александре Поповиче. ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949.

²⁵ Д. С. Лихачев. Культура Руси на рубеже XIV—XV веков. «Исторический журнал», 1943, № 1, стр. 44—45.

ния. К тому же, как показал Б. А. Рыбаков в своем докладе о принципах изучения русского эпоса на конференции, посвященной проблеме «Фольклор и действительность» (состоялась в Москве, в апреле 1964 г.), новейшие археологические и исторические изыскания внесли решительные поправки в наши представления о древнерусском искусстве и быте. Так, раскопки в Новгороде и под Киевом разрушают аргументацию Шамбинаго, пытавшегося отражением в былинах особенностей архитектуры, характерных якобы для Москвы, обосновать свое положение о позднем сложении ряда былин: отмеченные им черты оказались принадлежащими еще древним Киеву и Новгороду. Раскрытая же Б. А. Рыбаковым картина раннего строительства оборонных сооружений, покрывшего рубежи Киевского и Суздальского государств целой сетью городков и застав, опровергает позднее сложение образа заставы богатырской, связанного якобы с укреплением московских рубежей.

В качестве доказательств древности эпических преданий об Илье Муромце не раз приводили также наличие героя «Hias von Riuzen (Reuzzen, Reuzen)» в немецкой поэме Ломбардского цикла об Ортните и «Hias Iarl af Greka» в северной Тидрек-саге (XIII в.). Важным казалось то именно обстоятельство, что Hias выводится подле Владимира — короля Ruzsiland. Это дало повод целому ряду ученых (Мюлленгоф, Л. Майков, В. Ягич)²⁶ говорить о «рефлексе русской народной эпики в германской саге». Правда, данное утверждение вызвало и возражения. Указывалось, что вывод о влиянии русского эпоса на Тидрек-сагу преждевременен: имя Владимира, «короля Руси и Польши», могло войти в сагу и без участия русского эпоса, а «Hias von Riuzen» вовсе не обязательно отождествлять именно с Ильей Муромцем.²⁷ Однако выдержанность имени Ильи в сагах, постоянное указание в них на его русскую народность, а также на близость к «королю Русп» Владимиру, упоминание при этом русских городов — Смоленска, Киева, Полоцка — не оставляют сомнений в том, что Илиас саг и Илья Муромец былин — одно лицо. Эпический же характер образа Илиаса саг, близость его подвигов былинным повествованиям об Илье Муромце при явном смешении преданий о нем и о Добрыне Никитиче (родственные связи с королем, участие в военном походе за невестой для короля) делают предположение о том, что Илиас саг вошел в них из русского эпоса, вполне убедительным. А следовательно, какой-то круг былин или пре-

²⁶ Müllenhoff. Zeugnisse und Excursus zur Deutschen Heldensage. Haupt's Zeitschrift, XII; Л. Майков. О былинах Владимирового цикла. СПб., 1863, стр. 30—31, примеч. 2; В. Ягич. О славянской народной поэзии. «Славянский ежегодник», 1878, стр. 221.

²⁷ А. Кирпичников. Опыт сравнительного изучения западного и русского эпоса. Поэмы Ломбардского цикла. М., 1873, стр. 107—110; А. Лобода. Русский богатырский эпос, стр. 19—23.

даний об Илье Муромце, приуроченный к имени князя Владимира как к эпическому центру, сложился уже в XII в.²⁸

Во всяком случае положение о том, что какая-то, и очень значительная, часть эпоса сложилась на юге, и еще в Киевское время, наиболее прочно утвердилось в научной литературе. Даже при отказе от свидетельств западных саг имеются, как мы видели, достаточно убедительные данные в пользу раннего происхождения нашего эпоса. Кроме приведенных выше свидетельств, в этом убеждает, как тоже говорилось, само содержание и характер русского эпоса. В нем настолько явны живые отражения Киевского и Суздальского периодов, что трудно рассматривать их как позднейшее и формальное использование отголосков ранних преданий.

Положение о раннем сложении русского эпоса четко формулировал А. Н. Веселовский. Развитие былинного творчества рисовалось ему в следующих чертах: «... на юге областные песни о местных событиях и богатырях тянулись к Киеву и его князю, эпонимом которого явился Владимир». Этот старый киевский южнорусский эпос в какой-то части своей занесен был на север, где к нему «пристали местные севернорусские предания и песни». Здесь он продолжал жить «в новых условиях быта и народных интересов, понемногу применяясь к тем и другим, не изменяя лишь памяти о киевской циклизации. Это была как бы рамка, обводившая целое, но открывавшаяся и влиянию новых, сказочных сюжетов: занесенный эпос легче объективируется, принимается как поэтическое данное, подлежащее развитию, чем эпос, не отрывающийся от почвы и питающийся живыми отголосками исторических событий, впервые вызвавших его к жизни».²⁹

Таким образом, в противоположность Халанскому, Веселовский как раз полагал, что пришедшие на север южные песни уже раньше выработались в цикл, чем и объясняется, что они тянули северные, а не наоборот. Позднейшие черты в киевских былинах легко объясняются наслоениями последующих эпох. Так, Веселовский справедливо считал совершенно необязательным образ каждого былинного врага-насилльника, именуемого татаринном, относить непременно к эпохе татарских нашествий. «Южнорусский богатырь, — писал он, — и до татар не обходился без врага и его эпической идеализации, которую впоследствии оставалось лишь развить новыми чертами — новых насилльников».³⁰

²⁸ Данное положение было высказано и обосновано мною в антологии: «Илья Муромец». Подготовка текстов, статья и коммент. А. М. Астаховой. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958 (серия «Литературные памятники»), стр. 408—409.

²⁹ А. Н. Веселовский. Русский эпос и новые его исследователи — Халанский и Дамберг. «Вестник Европы», 1888, июль, стр. 152—153. — Слово «север» Веселовский употребляет в том же смысле, как и Костомаров.

³⁰ Там же, стр. 159.

Помимо указанных воззрений по вопросу о месте и времени возникновения былинного эпоса следует еще отметить «новгородскую» теорию Вс. Миллера. Значительное число былин Миллер связывал по их происхождению с Новгородом, основываясь на некоторых бытовых чертах и на характере социальных взаимоотношений, в этих былинах отраженных. Так, например, проницательное освещение князя Владимира он считал выражением типично «новгородского» отношения к князю и потому былины, заключающие данный мотив, склонен был относить к Новгороду.³¹ С этой стороны некоторые из его утверждений являются спорными. Однако вопрос им ставился об отдельных былинах, и киевское происхождение какой-то части эпоса им не отвергалось.

Итак, еще в домосковское время происходит объединение песен Киевского периода и их последующая ассимиляция с местными ростово-суздальскими и другими областными эпическими произведениями. В этом процессе соответствующим образом изменяется под воздействием новых социально-исторических впечатлений и переживаний раннее творчество. Особенно сильно сказалась на нем длительная борьба с татарами. Само наименование врагов-захватчиков «татарами» становится нарицательным для каждого былинного насильника, заменяя собой прежних врагов Киевского периода.

Проникнув вместе с перемещением населения сперва в центральные области, южнорусский эпос утрачивает какие-то отдельные песни, обрстая вместе с тем новыми, которые тоже подвергаются процессу ассимиляции, и, наконец, вместе с былинами, сложившимися в пределах древней Новгородской земли и Московского государства, попадает на окраины.

Чем же объясняется полное исчезновение былин на территории нынешней Украины? Попытки уяснить это явление наблюдаются еще в середине XIX в. Так, Н. И. Костомаров еще в 40-х годах указывал в качестве основных причин новые условия исторической жизни края.³² Сильно запустев после татар-

³¹ Например, былины о Вольге и Микеле Селяшиновиче, о Ставре Годиновиче, об Иване Гостином сыне. Позднее Вс. Миллер склонился к мысли о сложении части былин в Московское время, что вызвало возражение его ближайшего ученика А. В. Маркова, продолжавшего защищать положение о повгородском их происхождении. О большой роли Новгорода в обработке древних преданий говорил еще Белинский. В былинах с упоминанием о князе Владимире, по его словам, «нет ничего, принадлежавшего и свойственного южнорусской поэзии... Напротив, в них все новгородское: и изобретение, и выражение, и тон, и колорит, и замашки... и богатые сказки о *Владимире Красном солнышке* были не чем иным, как воспоминанием новгородца о своей прежней родине», смутные предания о которой он воскресил «по идеалу современного ему быта своей новой и настоящей отчизны» (В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V, М., 1954, стр. 407; см. также стр. 486).

³² Н. И. Костомаров. Об историческом значении русской народной поэзии. Харьков. 1944.

ского разгрома, южная и юго-западная Русь переживают впоследствии еще целый ряд сильнейших исторических потрясений. Создавшиеся на основе более поздних исторических переживаний (эпохи борьбы с турками) казачьи думы заслонили собой и постепенно вытеснили остатки старого народного эпоса, которые сохранились лишь в виде реминисценций в других видах народного творчества.

3

Различная степень сохранности былинного эпоса в разных местах его бытования, обнаруженная в середине и второй половине XIX в., поставила перед учеными вопрос об условиях, способствующих поддержанию эпической традиции в живом устном исполнении, и о причинах, которые вели к ее угасанию.

Вопроса этого касались еще П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг, когда столкнулись с цветущим состоянием эпоса в Олонецком крае.

По словам Рыбникова, если в некоторых местностях этого края сохранилось так много остатков богатырского эпоса, то тому причиной, во-первых, «поэтическая природа жителей»; во-вторых, «их поселения между Корелю и Чудью, где они должны были поддерживать свою народность былевою памятью о славном киевском и новгородском прошедшем».³³

Из причин, обусловивших хорошую сохранность былинного эпоса на Севере при разложении и исчезновении его в центральной России, Гильфердинг главными считал две, «и необходимо было, — по его словам, — их совместное действие. Эти причины — *свобода и глушь*». И далее он так аргументировал это положение: «Народ здесь оставался всегда свободным от крепостного рабства. Ощущая себя свободным человеком, русский крестьянин Заонежья не терял сочувствия к идеалам свободной силы, воспеваемым в старинных рпосодиях. Напротив того, что могло бы остаться сродного в типе эпического богатыря человеку, чувствовавшему себя рабом?». «Глушь» же, по мнению Гильфердинга, охраняла заонежанина от тех влияний, которые разлагали и убивали первобытную эпическую поэзию: «к нему не проникал ни солдатский постой, ни фабричная промышленность, ни новая мода»; в слабой степени коснулась его и грамотность. «Таким образом, — заключает Гильфердинг, — здесь могли удержаться в полной силе стихии, составляющие необходимое условие для сохранения эпической поэзии: верность старине и вера в чудесное».³⁴

³³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2. Под ред. А. Е. Грузинского. Т. I. М., 1909, стр. LXVI.

³⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4. Т. I. М.—Л., 1949, стр. 34—35.

Отграниченность от культурных центров и вытекающая отсюда общая консервативность, архаичность быта, а также сравнительная независимость северного крестьянства, не знавшего крепостного рабства, постоянно отмечались исследователями как основные условия, обеспечивающие сохранение эпической традиции.³⁵ Однако, повторяя в основном суждения Гильфердинга, ученые вносили и некоторые коррективы. В. Ф. Миллер, не отрицая влияния указанных Гильфердингом условий, подчеркивал вслед за Рыбниковым большую поэтическую восприимчивость олончан.³⁶ Как условие, «все более необходимое для сохранения эпической старины», он особенно выдвигал твердую веру «в возможность фактов былевого эпоса, как бы они нам ни казались чудесными».³⁷ А. М. Лобода наибольшее значение придавал второй из указанных Гильфердингом причин хорошей сохранности эпоса на Севере — «глуши».³⁸ Что касается свободы от крепостного права, определившей, по словам Гильфердинга, «сочувствие к идеалам свободной силы», то А. М. Лобода отмечал, что «еще бóльшая свобода была на Дону», но эпос в такой сохранности там не оказался. Поэтому «особенного значения» этой черте, ему казалось, «нельзя придавать». Лобода возражал также В. Ф. Миллеру относительно особого выделения поэтической восприимчивости олонечского населения как одного из первенствующих факторов, определивших сохранность эпоса. Черта эта, по словам Лободы, «хотя и необходимая, но далеко не из самых существенных», так как не составляет специфической особенности только олончан: «Вспомним опять Малороссию, поэтическая восприимчивость которой стоит вне всякого сомнения, а где былины в Малороссии?»³⁹

Вопрос о причинах длительной сохранности былинной традиции в европейской части русского Севера и о тех условиях, которые способствовали ее затуханию в центральных областях России, был пересмотрен и уточнен в советское время. В указанную выше концепцию Гильфердинга были внесены поправки.

Прежде всего была отмечена несостоятельность решительных утверждений Гильфердинга о том, что оторванность Северного края от культурных центров, от города, школ, грамотности, промышленности была якобы одной из основных причин сохранения былин на Севере. А. Н. Нечаев показал, что «представление о русском Севере как о глухой застойной окраине нуждается в значительных коррективах», что грамотность северного кре-

³⁵ В. Ф. Миллер. Очерки... т. I, стр. 6—11; Е. А. Лядский. Былины. Старинки богатырские. СПб., 1911, стр. V—VI; М. Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917, стр. 186—187, и др.

³⁶ В. Ф. Миллер. Очерки... т. I, стр. 12.

³⁷ Там же, стр. 6.

³⁸ А. М. Лобода. Русский богатырский эпос, стр. 102—103.

³⁹ Там же, стр. 102.

стьянства, — конечно, очень низкая, — тем не менее была ничуть не ниже, а даже выше грамотности крестьянства средней России, а промышленность стала развиваться на Севере даже раньше, чем во многих других районах России.⁴⁰

Собирательская практика показала, что при близости к культурным центрам, при проникновении грамотности не убывали былинного сказительства. Так, например, самые замечательные сказители былины оказались в Заонежье, неразрывно связанном с Петрозаводском, и среди сказителей, открытых в XIX—XX вв., были и хорошо грамотные, и бывалые люди, и даже соприкоснувшиеся с работой в фабрично-заводской промышленности (сказители с алтайских заводов, И. Г. Рябинин-Андреев, 8 лет проработавший под Ленинградом на Ижорском заводе, и др.).

Разумеется, расширение умственного горизонта и возбуждение новых интересов через книгу должно было в какой-то мере отвлекать внимание от эпической старины, поэтому слабое развитие грамотности в общем масштабе должно было сыграть известную роль, но ведь это обстоятельство имело место и в центральной части России, там, где былинное сказительство стало быстро угасать еще в середине XIX в.

Известную роль, конечно, сыграло и то обстоятельство, что с начала XVIII в., в связи с завоеванием Прибалтики, Север оказался в стороне от главной арены исторической жизни, от тех мест, где разворачивались и сменялись исторические события. Это несомненно могло в известной степени содействовать более прочной сохранности на Севере старого художественного наследия, поскольку новые культурные веяния стали доноситься сюда слабо. Однако, может быть, правильнее говорить не столько о консервации старой культуры,⁴¹ сколько о дальнейшем самобытном ее росте, «более, чем в центре, свободном от приходящих извне влияний».⁴² И основная причина была все же не в этом, о чем будет сказано ниже.

Второй, столь же важной и определяющей причиной сохранности эпической традиции на Севере Гильфердинг считал свободу северян от крепостной зависимости. Здесь он был несомненно прав, но не в том толковании этого обстоятельства, какое он дает. Крепостное право, при всем его ужасающем гнете, не обезличило всех русских крестьян до такой степени, чтобы они могли потерять «сочувствие к идеалам свободной жизни», как об этом

⁴⁰ А. Н. Нечаев. Сказки М. М. Коргуева, кн. I. Петрозаводск, 1939, стр. XXX—XXXIX.

⁴¹ Так ставил вопрос Ю. М. Соколов. «С начала же XVIII в., — говорит он в учебнике «Русский фольклор» (Учпедгиз, М., 1941, стр. 228), — судьба края резко изменилась... северный торговый путь быстро стал сходить на нет, край стал gloхнуть, и богатая художественная старина как бы законсервировалась».

⁴² А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948, стр. 28—29.

говорит Гильфердинг. Наоборот, — и мне приходилось уже об этом писать,⁴³ — богатырские образы должны были оставаться и оставались для закрепощенного народа воплощением мечты, идеалом физической и духовной силы, зовущим на борьбу и поддерживающим стремление к свободе. Положение Гильфердинга опровергается уже развитием антикрепостнической поэзии и сатирической новеллистической сказки. Кроме того, богатырские образы продолжали жить в творческой памяти народа и в районах крепостного землевладения, но в иной форме — в сказках и побывальщинах. Дело, таким образом, не в «рабском» якобы духе крепостного крестьянина. Не все крепостные были подобны тургевскому Сучку. Но самые условия труда и жизни крепостного крестьянина были неблагоприятны для сохранения эпической традиции. Кабальный труд не давал крестьянину нужного досуга, возможности культивировать столь трудный и сложный вид народного творчества. Характерны в этом отношении признания самих северных крестьян, что «крестьянство» (т. е. земледелие) не только «не оставляет к тому (т. е. сказительству былин, — А. А.) времени», но заглушает в памяти то, что прежде помнилось и певалось.⁴⁴

К этому надо добавить известную разобщенность крепостных крестьян в аграрных районах, отсутствие коллективных, артельных форм труда, при которых, как это было в северных промыслах, могла бы создаться необходимая аудитория, могло бы происходить усвоение былин, обмен творческим опытом. Все это препятствовало дальнейшему развитию устной эпической традиции, не создавало благоприятной обстановки, приводило к постепенному забыванию эпического наследия. Вот почему собрание былин уже в середине XIX в. застало былинную традицию в центральных районах в значительно ослабленном по сравнению с Севером состоянии.

Характерные социальные явления пореформенного времени в связи с ростом капитализма («раскрестьянивание», массовый характер отходничества, переселенчество) еще ускорили процесс угасания эпоса в районах бывшего крепостного землевладения.⁴⁵

На Севере, напротив того, еще в XVII—XVIII вв. сложились условия, особо благоприятные для творческой жизни эпоса, способствовавшие его сохранению в классических формах. Все собиратели, начиная с Рыбникова и Гильфердинга, свидетельствовали — и со слов крестьян, и по собственным наблюдениям — об огромной роли в этом отношении северных форм труда: широком развитии артельных промыслов (рыболовных, зверобойных, лес-

⁴³ См.: Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 2, Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 245.

⁴⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом., т. I, стр. 44.

⁴⁵ См.: Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 2, стр. 245.

ных) и таких «сидячих» ремесел, как вязанье и починка сетей, портняжное и сапожное ремесла. При прежней организации промыслов выдавались дни вынужденного досуга, а артельные формы труда обеспечивали наличие необходимой аудитории и возможность обмена творческим опытом.⁴⁶

Эти условия в основном сохранились на Севере и после проведения земельной реформы.

В течение многих десятков лет в обстановке борьбы с суровой природой и в условиях относительной независимости (северное крестьянство не знало произвола помещиков, а вследствие удаленности от административных центров чувствовало себя более независимым и от произвола чиновников) выработывался характерный облик северянина — отважного, выносливого, целеустремленного, полного чувства собственного достоинства, привыкшего полагаться на собственные силы, с навыками коллективного, артельного труда, требовательного к себе и товарищам по работе. Эпос с его образами мужества, верности долгу и товариществу был поэтому всегда особенно близок и созвучен северному крестьянству.⁴⁷

Итак, целый комплекс условий, благоприятных для творческой жизни эпоса в устной традиции, оказался именно на Севере. Отсутствие таких условий в центральных районах определило ее раннее ослабление там, а затем и быстрое угасание.

Выяснены также причины состояния и особого своеобразия эпической традиции на юге, у казачества. С одной стороны, исторически сложившаяся жизнь южного казачества, полная опасностей сторожевой воинской службы по охране границ, участие казаков в военных походах определили сохранение занесенных сюда еще с XVI—XVII вв. героических образов. С другой стороны, эти же особенности казачьего быта препятствовали развитию развернутых повествований того классического типа, который сохранился на Севере и в Сибири, и привели к образованию особого типа кратких и фрагментарных песен о былинных богатырях.⁴⁸

⁴⁶ См. обобщения этих наблюдений в книгах: М. Н. Сперанский. Русская устная словесность, стр. 189; Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1, М.—Л., 1955, стр. 199—202, и кн. 2, стр. 245—246. — См. также вступительные статьи в сборниках былин А. В. Маркова, А. Д. Григорьева, Н. Е. Ончукова.

⁴⁷ См.: Сперанский. Русская устная словесность, стр. 188. — Подробно об этом в работах: Р. С. Липец. 1) Былины у промыслового населения русского Севера XIX—начала XX века. «Славянский фольклор», Изд. АН СССР, М., 1951; 2) Местные мотивы в былине о Садко. В кн.: Былины М. С. Крюковой, т. II, Изд. Гос. литер. музея, М., 1941.

⁴⁸ Более подробно об этом см. в главе VII настоящей книги, а также в моей специальной статье: Вопросы изучения донской былины. В кн.: Народная устная поэзия Дона. (Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества, 18—23 декабря 1961 г.). Изд. Ростовск. универ., 1963.

ГЛАВА VII

ФОРМЫ И СУДЬБЫ УСТНОЙ БЫЛИННОЙ ТРАДИЦИИ В XVIII—XX ВЕКАХ

1

Носителями былинного творчества в XIX—XX вв. были, как показали работы собирателей, почти исключительно непрофессиональные певцы из среды крестьянства и казачества, иногда и мещан. Правда, П. Н. Рыбников указывал, что в годы, когда он занимался собиранием былин в Олонецком крае, кроме «сказителей», певших «по охоте, из любви к искусству», встречались и «калики» (бродячие певцы, странники-богомольцы, собиравшие подавания главным образом пением духовных стихов), исполнявшие былины «по ремеслу».¹ Но первая категория преобладала.

В XVIII в. певцы-профессионалы встречались, очевидно, чаще. Еще не было изжито скоморошество. Репертуар этих народных артистов, кроме специфических произведений «скоморошьего» характера — юмористических и сатирических, включал также былины и исторические песни. В. Н. Татищев сообщает в своей «Истории», что он «у скоморохов песни старинные о князе Владимире слышал, в которых жен его именами, также о славных людях Илье Муромце, Алеше Поповиче, Соловье-разбойнике, Долке Стефановиче и пр. упоминают и дела их прославляют».² В своем письме к Г. Ф. Миллеру уральский заводчик П. А. Демидов, пересылая адресату историческую песню о гневе Ивана Грозного на сына, которую Миллер пожелал иметь, пишет, что

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2. Под ред. А. Е. Грузинского. Т. I. М., 1909, стр. CI—CII.

² В. Н. Татищев. История российская с самых древнейших времен, кн. 1, ч. 1. М., 1768, стр. 44—45, примеч. 16 к «Истории Иоакима Новгородского епископа».

песню эту он «достал от сибирских людей, поскольку туда всех разумных дураков (т. е. скоморохов, — А. А.) посылают, которые прошедшую историю поют на голосу».³ Выше указывалось, что возникновение сборника Кирши Данилова связывают со скоморохами, предполагая, что один из них — Кирша Данилов — записал или свой собственный репертуар (Ф. Е. Корш, А. А. Горелов), или репертуар какого-то профессионального певческого коллектива, «ватаги» скоморохов (П. Н. Шеффер).⁴ Однако ни о самом Кирше Данилове как исполнителе или как члене (быть может, и руководителе) группы исполнителей, ни об этом коллективе (если второе предположение верно), его организации, быте, выступлениях и т. п. ничего не известно.

Очень значительны следы пребывания скоморохов и в европейской части русского Севера.⁵ Уходя в XVI—XVII вв. от правительственных гонений на северные окраины, они оседали среди местных крестьян. Об их исполнительской деятельности в области былинного творчества, о соотношении их эпического творчества с былинным наследием, жившим среди северного крестьянства и пришедшим сюда с колонизацией, мы, к сожалению, тоже ничего не знаем.

С исчезновением скоморошества единственными носителями былинного творчества повсеместно остались непрофессиональные певцы былин — «сказители» (наименование, распространенное в Прионежском крае) или «сказатели» (как именовали исполнителей былин на Зимнем берегу Белого моря). На выяснении их роли в сохранении эпического наследия старых времен и на формах, в которых жила устная былинная традиция, внимательно останавливались все крупнейшие собиратели конца XIX—начала XX в.

Ценнейший материал для освещения этих вопросов был дан в известной «Заметке собирателя», включенной П. Н. Рыбниковым в свое собрание.⁶ Рыбников явился в этом деле пионером. Более раннее собрание — «Песни, собранные П. В. Киреевским» — такого материала не содержит. В этом собрании в лучшем случае даются лишь скупые и беглые упоминания, от кого произведена та или иная запись. При этом не всегда даже называются имя и фамилия исполнителя. Преобладают такие глухие пометы: «от 80-летнего старика», «Фекла», «записано от семидесятилетней мещанки» и т. п. Более редки чуть расширен-

³ Сборник Кирши Данилова. Под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901, стр. 195.

⁴ См. главу V, стр. 175—176.

⁵ См.: Александр Морозов. Скоморохи на Севере. Альманах «Север», Архангельск, 1946.

⁶ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. I, стр. LXI—CII («Заметка собирателя» впервые помещена в третьей части «Песен»: Петрозаводск, 1864, стр. I—LII).

ные пометы вроде: «певец Егор Плотников, лет за 50, человек бывалый», или «от Николая Картавенко, ратника лет 40». Но и такие указания говорят немногим больше. Совсем редко появляются пометы с указанием места или времени записи. В большинстве же случаев нет и вообще никаких ссылок на исполнителя.

Начиная же с Рыбникова собиратели стали давать более обстоятельные сведения об исполнителях и сообщать свои наблюдения над состоянием былинной традиции и своеобразием бытования эпоса в местах своей работы.

О происхождении своей «Заметки» Рыбников сообщает: «Вскоре по выходе в свет первой части до меня стали доходить от многих любителей народной поэзии настоятельные просьбы объяснить, как и от кого записывал я былины, что за люди современные певцы, в какой степени былевая поэзия сохранилась у народа в Олонецкой губернии и как передается от одного поколения к другому.⁷ Я понимал всю справедливость этих требований, но не мог удовлетворить им тогда потому, что, по разным причинам, мои сведения о сказителях были еще очень отрывочны и ограничены, выводы из них были бы преждевременны и односторонни». Рыбников ссылается на редкость и непродолжительность своих поездок по краю и на то, что сам он был так «подавлен богатством собираемого материала», что торопился записывать, учитывая преклонный возраст лучших из певцов былин, вследствие чего памятники былевой поэзии «заслонили» от него тогда «их хранителей и передатчиков». «Теперь, — продолжает Рыбников, — я более прежнего освоился с предметом, ближе познакомился с певцами и, что мог узнать о них и о их жизни, передаю читателям».⁸

О чем же сообщал Рыбников читателям в своей «Заметке»?

Он говорил о своих встречах с певцами былин, сообщал о них биографические сведения, описывал исполнение ими былин и их отношение к хранимому ими эпическому наследию. Впервые по его рассказам стали известны выдающиеся исполнители былин Трофим Рябинин из Кижей, Никифор Прохоров, Андрей Сорokin и Абрам Чуков из Пудожья, певцы Козьма Романов, Леоп-

⁷ Известно, что отсутствие таких объяснений вызвало после появления I тома «Песен» (М., 1861) сомнения в подлинности опубликованных записей. См. об этом рецензию И. И. Срезневского на «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (ч. 1): «Известия II отделения имп. Академии наук по отделению русского языка и словесности», т. X, вып. III, СПб., 1862, стр. 249—254. — Сам Срезневский всячески настаивал на скорейшем опубликовании объяснительной записки и в указанной рецензии, и, видимо, в письмах Рыбникову, о чем можно судить по ответным письмам собирателя (письма самого Срезневского нам не известны). См.: И. М. Колесницкий. Письма П. Н. Рыбникова к И. И. Срезневскому. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. IV, Изд. АН СССР, М.—Л., 1959.

⁸ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I, стр. LXI—XIII.

тий Богданов, Латышев и некоторые другие. Из разговоров с ними и другими жителями селений, где побывал Рыбников, он узнал и сообщил в «Заметке» имена некоторых учителей современных ему сказителей, среди них знаменитого в свое время в Заонежье певца Ильи Елустафьева, одного из непосредственных учителей Т. Г. Рябинина.

Рыбников сообщает свои наблюдения и над общим состоянием эпической традиции в пределах тех районов, где протекала его собирательская работа и о которых ему удалось собрать некоторые сведения. В Петрозаводском, Пудожском, Каргопольском уездах и в той части Повенецкого, которая прилегает к Пудожскому побережью, говорил он, «старинны очень распространены и до сего времени усердно сохранялись народом. Во всех этих местностях каждый крестьянин знаком с содержанием былин и именами некоторых богатырей. В Заонежье и на Пудожском побережье у всякого смышленного пожилого человека отыщется в памяти одна-две былины, и хотя сам-то он полагает, что ничего не знает, — однако, при случае, вдруг припомнит какую-нибудь былевую песню». Но в некоторых других местностях Повенецкого уезда, а также в уездах Вытегорском и Лодейнопольском былины «известны немногим, а потому явно забываются и переходят в побывальщины».⁹ Несмотря на констатирование им в большинстве обследованных мест Прионежья довольно значительного распространения устной эпической традиции, Рыбников все же представляет ее как вымирающую. «У большинства сказителей, — писал он, — вряд ли найдутся наследники, и через двадцать-тридцать лет, по смерти лучших представителей нынешнего поколения певцов, былины и в Олонецкой губернии удержатся в памяти у очень немногих из сельского населения».¹⁰

В настоящее время известно, что Рыбников пытался зафиксировать и самые напевы. В письме И. И. Срезневскому от 2 апреля 1863 г. он посылает напевы двух былин («Садко» и «Хотен»), записанные от кижского сказителя Леонтия Богданова.¹¹ В том же письме он сообщает, что «с голосу» (т. е. в музыкальном исполнении) была записана еще раньше былина от Козьмы Романова и послана П. А. Бессонову.¹² Записал ли эти напевы сам Рыбников или поручил записать кому-либо другому, неизвестно. В письме Рыбников замечает, что напевы былин «трудно записывать», так как «надобно отмечать четверти тона, что возможно только на скришке, а не на фортепьяно. Между тем в Петрозаводске скрипачей вовсе нет, да и пианисты наши хо-

⁹ Там же, стр. СІ.

¹⁰ Там же, стр. СІІ.

¹¹ И. М. Колосницкая. Письма П. Н. Рыбникова к И. И. Срезневскому, стр. 296. — Воспроизведение этих записей — там же (стр. 300).

¹² Там же, стр. 296. — Эта запись напева до сих пор не отыскалась.

роши в салоне».¹³ Вероятнее всего (судя по этим словам), что Рыбников, не найдя лиц, которые могли бы умело записать напевы, попробовал сделать это сам. На том же листке с напевами были приведены для сравнения с ними напевы двух духовных стихов, также написанные рукою Рыбникова, но в примечании к ним указано, что они «записаны семинаристами».¹⁴ Из этого тоже можно заключить, что напевы были скорее всего записаны самим Рыбниковым. Таким образом, Рыбников был первый из собирателей XIX в., кто спустя много лет после Кирши Данилова записал и образцы напевов. Но опубликованы они в свое время не были.

Много ценных сведений о сказителях, о состоянии и формах бытования эпической традиции в тех же примерно районах Севера сообщил А. Ф. Гильфердинг во вступительной статье своего сборника «Онежские былины» и в заметках, которые он предпослал текстам отдельных сказителей.

Гильфердинг в поисках былин шире Рыбникова охватил Прионежье. Кроме тех мест, которые были обследованы его предшественником, он побывал дальше к северу, на Выгозере, и к востоку — на Водлозере и Кенозере. В соответствии с этим в картину живого бытования былин и состояния традиции в Олонецком крае он вносит серьезные поправки. Он соглашается с Рыбниковым в отношении тех мест, с которыми тот лично ознакомился (прибрежье Онежского озера), — «здесь, действительно, эпическая поэзия близка к вымиранию», — но совершенно иначе дело обстоит к северу и востоку: «Там былевая поэзия живет столько же в старшем, сколько в молодом поколении». Особенно выделилось Кенозеро: «Крестьяне и крестьянки, поющие былины, насчитываются здесь десятками; поют былины старый и малый; вы здесь услышите один и тот же вариант от пяти-шести человек, мужчин и женщин, которые живут в разных деревнях; в то же время вы встретите трех братьев, которые живут в одном доме и из которых каждый знает свои особые былины...».¹⁵ Гильфердинг приводит и еще ряд конкретных проявлений цветущего еще состояния былинной поэзии на Кенозере. Там, по его словам, «воздух, так сказать, еще пропитан духом эпической поэзии».¹⁶ То же можно сказать и про Водлозеро, где только начинают прививаться былины и где эпос «еще совершенно живуч».¹⁷ Во всех этих местах края «эпическая поэзия и теперь ключом бьет».¹⁸

¹³ Там же, стр. 297.

¹⁴ Там же, стр. 300.

¹⁵ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4. Т. I. М.—Л., 1949, стр. 44—45.

¹⁶ Там же, стр. 48.

¹⁷ Там же, стр. 49.

¹⁸ Там же, стр. 37.

Естественно было поставить вопрос о причине такой сохранности эпической поэзии в Олонецком крае. Гильфердинг указал, как мы знаем, две — «свободу» и «глушь», понимая под свободой отсутствие здесь крепостной зависимости, обусловившее якобы сохранение «сочувствия к идеалам свободной силы, воспеваемым в старинных рапсодиях», а под «глушью» — отдаленность от влияний, «разлагающих и убивающих первобытную эпическую поэзию».¹⁹ С этих своих позиций Гильфердинг судил и о вероятном будущем эпической традиции в разных местах Прионежья. Так, на Кенозере и Водлозере, где он констатировал прекрасную сохранность эпической поэзии, эпос, по его словам, может «долго-долго продержаться, если только в эту глушь не проникнет промышленное движение и школа».²⁰

Гильфердинг первый из собирателей отметил, что сохранению былин «особенно благоприятствовали некоторые мастерства», такие, как изготовление рыболовных снастей, портняжное и сапожное ремесла. «Сами крестьяне, — писал он, — не раз объясняли мне, что, сидя долгие часы на месте за однообразною работою шитья или плетенья сетей, приходит охота петь „старины“, и они тогда легко усваиваются».²¹

Несколько слов Гильфердинг уделил и напевам былин,²² главным образом в связи со строением былинного стиха.²³

В заметках о сказителях, которые предпосылал Гильфердинг текстам, записанным от каждого из них, давались не только биографические сведения, но и наблюдения над отношением данного сказителя к хранимому им наследию и над репертуаром и особенностями исполнения.

Вопросы, поставленные Рыбниковым и Гильфердингом, направление их наблюдений над былинной традицией в пределах мест, где записывались былины, определили содержание вступительных статей и очерков об исполнителях в крупных былинных собраниях, опубликованных в 900-е годы и в начале XX в. — А. Д. Григорьева, А. В. Маркова, Н. Е. Ончукова, несколько позднее Б. М. и Ю. М. Соколовых. Все они говорят о состоянии эпической поэзии в местах своей собирательской работы, характеризуют репертуар и исполнителей, описывают формы бытования, внимательно выясняют условия, способствующие сохранности традиции, и т. д.

Каждый из них вносил свое в общую картину жизни эпической традиции на русском Севере в конце XIX и начале XX в.,

¹⁹ Концепция Гильфердинга подробно изложена в главе VI. Там же см. и критику его положений.

²⁰ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом..., т. I, стр. 49.

²¹ Там же, стр. 44.

²² Там же, стр. 75.

²³ О взглядах Гильфердинга на былинное стихосложение см. в главе IV.

расширяя и дополняя ее, корректируя и углубляя высказанные Рыбниковым и Гильфердингом размышления о судьбах былинного эпоса и наблюдения над некоторыми процессами в нем. А. В. Марков, например, особое внимание уделил местным мотивам в записанных им былинах — отражениям в них черт местной природы и быта.²⁴ Н. Е. Ончуков, заинтересовавшись характерными различиями в идейно-художественном содержании былин двух крупных районов на Печоре, где ему пришлось вести собирательскую работу, — Усть-Цилемской волости и Пустозерской области, — выяснял различные обстоятельства в их заселении и ставил в связь одно с другим,²⁵ и т. д.

Все собиратели не только подробно описывали тогдашнее состояние эпической традиции по собственным наблюдениям, но по расспросам местного населения пытались восстановить ее бытование в предыдущее время; не только характеризовали исполнителей, с которыми самим приходилось иметь дело, но собирали данные об их непосредственных учителях и о других знатоках былин в современности и в прошлом.

Так в живых очерках собирателей накапливался большой материал наблюдений, который мог быть использован и обобщен, когда уже в советское время, в связи с общей проблемой фольклорного наследия, снова встал вопрос и о судьбах былинного эпоса в устной традиции. Вопрос же этот неразрывно связан с изучением тех форм, в каких жила устная эпическая традиция в позднейшие периоды своего бытования, с раскрытием природы сказительства и самого творческого акта исполнения былин, с выяснением тех внутренних процессов, которые происходили в эпосе после его окончательного сформирования.

2

В качестве характерной особенности бытования былин может быть установлено, что знание их и искусство сказывания явилось достоянием по преимуществу людей пожилых (от 40 до 60 лет и выше), хотя встречались исполнители и более молодых лет. Существует ряд свидетельств о том, как те же лица, которые в молодые годы относились к былинне «без внимания», в зрелые и пожилые годы выступали уже в качестве исполнителей. При этом иногда бессознательно и еще плохо усвоенные былины начинали облекаться в стройную развернутую форму. Бывало, что такие сказители усваивали былины еще в молодом и даже детском возрасте, но заниматься сказительством начинали значительно позже.

Характерен в этом отношении пример, который приводит Ю. М. Соколов. Глубокий старик М. С. Мякишев, превосходный

²⁴ А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901, стр. 19—23.

²⁵ Н. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904, стр. XI—XIV.

сказитель, но к 1926 г., когда записывали от него былины, частично порастерявший свои знания, помнил, по его собственным словам, приезд в его деревню А. Ф. Гильфердинга в 1871 г. Он и тогда уже знал былины, «но ему и в голову не могла прийти мысль выступить со своими былинами тогда, когда вокруг находились старые прославленные сказители, у которых он учился своему искусству».²⁶ Случаи подобного рода, когда, накопив постепенно, с юных лет, былинное знание, отваживались публично выступать с исполнением былин лишь в зрелые годы, встречаем во многих биографиях сказителей.

Между прочим, этот факт до известной степени определил постоянные указания собирателей, что в молодом поколении не видно преемников, и их прогнозы о неизбежно скором исчезновении былин. Но вот на протяжении целого столетия с тех пор, как впервые эта мысль была высказана П. Н. Рыбниковым, в каждом новом поколении снова находились преемники, которые поддерживали старинное мастерство. Тут играло роль то обстоятельство, что еще долгое время в основном оставались в силе условия, способствовавшие сохранению эпической традиции.

От стариков, прославленных мастеров, обычно и перенимали знания идущие им на смену сказители. Одно из главных мест, где на Севере обычно учились былинам, — это рыболовные и зверобойные промыслы с их артельной организацией. Роль промыслов в деле усвоения эпической традиции не раз отмечали сами сказители. Как уже было указано выше, промыслы создавали обстановку, благоприятную для исполнения эпоса: были и вынужденные передышки в работе, которые, естественно, за отсутствием в прежнее время другого культурного времяпрепровождения, заполнялись сказыванием былин и сказок, была аудитория, необходимая для мастера-сказителя. На промыслы сходились люди из разных мест Севера, здесь происходил поэтический обмен в области эпического творчества.

Уменьше сказывать былины высоко ценилось в промысловых артелях. Известен рассказ П. Н. Рыбникова о том, как рыболовецкие артели наперебой старались залучить к себе Т. Г. Рябинина, когда он ходил для промысла на Ладожское озеро. «Если бы ты к нам пошел, Трофим Григорьевич, — говаривали рыболовы, — мы бы на тебя работали: лишь бы ты нам сказывал, а мы бы тебя все слушали». Рыбников рассказывает, что «в праздничные дни рыболовы обыкновенно собирались с разных судов в один круг слушать Т. Г. Если даже приходилась очередь Рябинину дежурить у лодки, так кто-нибудь из слушателей брал на себя исполнять его дело на сойме, а Т. Г. тем временем шел и сказывал былины без умолку».²⁷ Н. Е. Ончуков слышал от крестьян на Печоре,

²⁶ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. Учебник для высших учебных заведений. Учпедгиз, М., 1938, стр. 240.

²⁷ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I, стр. LXXVIII.

что на так называемых «осеневьях» (промысел белой рыбы осенью или в начале зимы на озерах), когда из-за рано наступившей темноты образуется в артелях невольный длительный отдых, в хорошем сказителе такая потребность, что «старинщики» пользовались «некоторыми преимуществами в совершенно равноправной артели». Старинщику, например, не поручали особенно трудной работы, всячески угощали его. Составляющий артель староста всеми мерами старался залучить в артель хорошего сказителя.²⁸ О том же мы узнаем из рассказов пинежской сказительницы М. Д. Кривополеновой о своем деде, Никифоре Никитиче Кабалине, от которого сама Кривополенова и переняла былины. По ее воспоминаниям, поморы, отправляясь на промыслы, брали деда с собой. Под старость он сам уже не промыслял, а только пел былины и рассказывал сказки, получал же свой пай наравне с остальными промышленниками.²⁹

Другим способом усваивания былин являлось перенимание их в семье — от отца, матери, деда, бабушки, других родственников. Замечательный пример длительной семейной традиции дает род Рябинных, в котором мы знаем представителей эпической традиции в четырех поколениях по прямой линии. От Трофима Григорьевича Рябинина, от которого былины записывали П. Н. Рыбников в 60-х годах и А. Ф. Гильфердинг в 70-х, перенял искусство сказывания его сын, Иван Трофимович Рябинин, прославившийся за пределами родного края в 90-е и 900-е годы. Свое знание он передал пасынку, Ивану Герасимовичу Рябинину-Андрееву, впервые открытому научной общественностью в 1921 г. Последний, в свою очередь, передал его сыну, Петру Ивановичу Рябинину-Андрееву, ставшему известным как сказитель с 1926 г.³⁰ От первых Рябинных былинное знание было

²⁸ Н. Ончуков. Печорские былины, стр. XXIII—XXIV.

²⁹ М. Д. Кривополенова. Былины, скоморошины, сказки. Ред., вступит. статья А. А. Морозова. Архангельск, 1956, стр. 14.

³⁰ См. библиографию литературы о Рябинных в сб.: Былины П. И. Рябинина-Андреева. Подготовка текстов, статья и примеч. В. Базанова. Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1940, стр. 141—142; Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. Подготовка текстов и примеч. А. М. Астаховой. Статьи А. Астаховой и В. Н. Всеволодского-Гернгросса. Петрозаводск, 1948; Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примеч. и словарь В. Чичерова. М., 1948 («Летописи» Гос. литер. музея, кн. 13), стр. 415—461; Былины Севера. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье. Подготовка текста и коммент. А. М. Астаховой. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951, стр. 159—259; Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 2, Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 278—283; 287—288, 290—292; «Илья Муромец». Подготовка текстов, статья и коммент. А. М. Астаховой. М.—Л., 1958 (Серия «Литературные памятники»), стр. 527—528; Фольклор Карело-Финской ССР, Сборники статей, вып. I, под ред. проф. Н. П. Андреева, Петрозаводск, 1941, стр. 26—28, 32, 33; Wilfrid Chettéoui. Un rapsode russe Rjabinin le père. La byline au XIXe siècle. Paris, 1942.

усвоено, кроме того, и в боковых семейных линиях, где оно тоже продолжало жить, правда с гораздо меньшей интенсивностью. От И. Т. Рябинина научились нескольким былинам его племянник Кирик Гаврилович Рябинин и внучатная племянница Марья Кириковна Сарафанова. Две былины (не полностью) запомнил также внук И. Т. Рябинина Петр Васильевич Рябинин от своего деда и дяди, Ивана Герасимовича.³¹

Передачу сказительского искусства от родителей детям и внукам встречаем и в других семьях Прионежья и прочих районов бытования былин. От Домны Суриковой, хорошей сказительницы времени Гильфердинга, научились былинам оба ее сына, Антон и Егор Борисовичи, от которых были произведены записи в 1926 и 1932 гг.³² От Василия Петровича Щеголенка унаследовали знание былин его две дочери, от них тоже в 1926 г. записано несколько былин и исторических песен.³³ Пинежская сказительница первой четверти XX в. М. Д. Кривополенова научилась былинам еще в детстве от своего деда Н. Н. Кабалина, воспитывавшего после смерти ее отца оставшихся сирот,³⁴ и т. д. В семье Крюковых из Зимней Золотицы эпическая традиция жила также в нескольких поколениях, причем не только младшее поколение училось у старшего, но, случалось, и старшие перенимали у младших новые сюжеты и версии, которые те узнавали где-либо на стороне.³⁵

Иногда видим сознательное обращение будущих сказителей к известным мастерам былинного творчества уже за пределами семьи. Настасья Степановна Богданова, одна из выдающихся сказительниц первой четверти XX в., сама рассказывает в своей автобиографии,³⁶ как она еще в молодости потихоньку от матери бегала к некоей бабушке Гавриловне, по прозвищу (за шепелявость) Шапша, слушать и учить былины и песни. Сама Шапша усвоила свой эпический репертуар от знаменитого заонежского сказителя Конона из Зяблых Нив, о котором, как учителе многих сказителей, упоминают Рыбников и Гильфердинг. М. С. Крюкова, ненасытно жадная до «преданий старины глубокой», не довольствовалась только теми былинами, которые слышала от ма-

³¹ О них см.: Онежские былины, стр. 462—475; Былины Севера, т. II, стр. 260—274.

³² Былины Севера, т. II, стр. 9—32 и 501—516; Онежские былины, стр. 536—586.

³³ Онежские былины, стр. 528—531.

³⁴ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. I. М., 1904, стр. 333—391; О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. Изд. «Огни», Пгр., 1916; изд. 2, М., 1922; М. Д. Кривополенова. Былины, скomorошины, сказки.

³⁵ Былины Печоры и Зимнего берега. Издание подготовили А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колшакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.—Л., 1861, стр. 36—38 и 40—41.

³⁶ Памятная книжка Олонецкой губернии за 1910 г. Петрозаводск.

тери и двух своих дедов, по посещала, будучи еще подростком, и других стариков — мастеров былины и усваивала от них былинные сюжеты, а также училась от приходивших в Золотицу на сезонную работу мезенцев-покрученников.

Восприятию былин и дальнейшему совершенствованию сказительского мастерства помогала совместная «сидячая» работа с каким-либо умелым сказителем. Трофим Рябинин еще в очень юном возрасте (примерно в 1810-е годы) начал перенимать былины от известного в свое время по всему Заонежью певца былин Ильи Елустафьева, вместе с которым чинил и плел сети.³⁷ В. П. Щеголенок перенял от своего дяди Тимофея, безногого калеки-сапожника, не только его ремесло, но и былины, которые тот певал за работой.³⁸

Сказители обычно всегда были чрезвычайно преданы своему искусству и высоко ценили его. А. В. Марков писал, что крестьяне Беломорья считали знание былин «признаком талантности и как бы образованности».³⁹ Ранние собиратели особенно подчеркивали наивную веру сказителей в действительность того чудесного, о чем пелось в былинах.⁴⁰ Если в последующие времена уже далеко не всегда встречалась такая безоговорочная вера во все чудеса, изображенные в былинах, то они все же не теряли для сказителей и их слушателей интереса как выражение исторической «были». Всегда очень сильно проявлялось эстетическое отношение к эпическому наследию. Глубокое идейное содержание русского эпоса, большая художественная сила его образов, в которых воплотились идеальные представления народа о физических и моральных качествах, о силе, направленной на служение общественному благу, подвиги героической воинской борьбы и героического труда, социальные мотивы, широкие художественные обобщения личных, семейных и общественных взаимоотношений — все это привлекало внимание и служило источником глубоких художественных эмоций.

Живое отношение к сказителям, и аудитории к содержанию былин собиратели отмечали не раз. В. Харузина, давшая одно из лучших в литературе описаний исполнения былин пудожским певцом конца XIX в. Никифором Прохоровым, отмечает вдохновенность певца в момент исполнения и глубокое переживание им всего, о чем повествовалось в былинах. Вместе с тем Харузина рисует и полную захваченность исполнением слушателей, кото-

³⁷ Опежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом..., т. II, стр. 1.

³⁸ Там же, стр. 297. — О разных случаях, касающихся путей усвоения былин, см.: Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1, М.—Л., 1955, стр. 198—199.

³⁹ А. В. Марков. Беломорские былины, стр. 13.

⁴⁰ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом..., т. I, стр. 35—37.

рые реагировали то возгласами, то смехом, то слезами, сидели «не сводя глаз с певца» и жадно ловили каждый звук «монотонного, но чудного, спокойного мотива». ⁴¹ К сожалению, собиратели, фиксируя замечания самого сказителя, которыми он прерывал себя, вставляя их по ходу повествования, ⁴² очень редко записывали реплики со стороны слушателей во время исполнения былин, что могло бы дать интересный материал для характеристики восприятия былин той или иной аудиторией.

3

Еще Рыбниковым были сделаны наблюдения над варьированием былин часто в исполнении одного и того же певца, что происходило, по словам собирателя, от разных причин: от забывания, от того, что сказитель усвоил одну и ту же былинку от разных учителей и при исполнении вспоминал то один вариант, то другой. Рыбников первый отметил и воздействие на сказывание индивидуальных вкусов, творческой манеры самого певца. «У каждого истинного сказителя, — писал он, — заметно его личное влияние на склад былины: он вносит в нее свой характер, любимые слова, поговорки». ⁴³ Особая творческая манера сказывается и в пользовании напевами. При довольно большом однообразии их (у одного сказителя два-три напева, а иногда и один) «перехваты и колена голоса дают каждой былинке особый характер», а «вибрации голоса» у некоторых сказителей помогают им разнообразить напевы. ⁴⁴

Вопрос о личном вкладе певцов в наследие предков получил, как известно, дальнейшую разработку у Гильфердинга, опиравшегося на наблюдения над самим процессом усваивания и воспроизведения былин. Вклад этот, по мнению Гильфердинга, выражается, во-первых, в том, что каждый сказитель из массы готовых эпических картин отбирает себе некоторый запас, которым и пользуется в так называемых «типических местах» былины (*loci communes* — описания, речи героев и т. п.) одинаково во всех своих былинах. От этого все былины у одного и того же сказителя представляют, по словам Гильфердинга, «много сходных и тождественных мест, хотя бы не имели ничего общего между

⁴¹ В. Харузина. На Севере. М., 1890, стр. 69. См. еще: Б. М. Соколов. Сказители. М., 1924, стр. 110—112; Былины Севера. Т. I. Мезень и Печора. Записи, вступ. статья и коммент. А. М. Астаховой. Под ред. М. К. Азадовского. М.—Л., 1938, стр. 162; Былины Печоры и Зимнего берега, стр. 22—23.

⁴² О них см.: Былины Севера. Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье, стр. 690—695.

⁴³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I, стр. XCIV—XCVI.— См. приведенные им примеры проявления личных вкусов исполнителей.

⁴⁴ Там же, стр. XCIII.

собой по содержанию». ⁴⁵ Во-вторых, сказитель свободно строит места «переходные», т. е. те, в которых рассказывается ход действия и которые соединяют между собой места типические. Это тоже обуславливает отличия текстов на одинаковый сюжет у разных сказителей, а также вызывает вариации в исполнении одной и той же былины у сказителя, не выработавшего у себя постоянного текста. ⁴⁶

Вместе с тем каждая былина «носит на себе и отпечаток местности», и это позволяет наметить местные группы былин, отличающиеся целым рядом формальных особенностей (объемом, складом, стихотворным размером и т. п.). ⁴⁷

Собранный к середине 30-х годов обильный запас повторных записей, произведенных от одних и тех же исполнителей иногда через большие промежутки времени, а также записи от разных исполнителей сюжетов, одинаковых и восходящих к единому источнику, дал большой материал для дальнейшего изучения вопроса о «личном вкладе» в связи с отношением самих сказителей к их мастерству. Явилась возможность выделить различные типы и проявления сказительного искусства.

Так наметились три основные категории сказителей былин: сказители-«передатчики», стремящиеся к точному воспроизведению усвоенного и в основном осуществляющие такое воспроизведение; сказители, создающие новые, свои редакции и версии и обогащающие таким образом былинный репертуар разнообразием обработок традиционных сюжетов; наконец, сказители-импровизаторы, которые каждый раз по-иному излагают сюжет. ⁴⁸

Сказители первой группы не только с точностью усваивали от непосредственного учителя типические места (именно усваивали, а не производили свободный отбор), но совершенно или почти точно перенимали весь текст полностью и в таком же виде его исполняли сами. Для этого, конечно, нужно было обладать исключительной силой памяти. Она позволяла удерживать в сохранности не только композицию былины в общих ее очертаниях, не только запомнить точный порядок всех эпизодов, но почти дословно усвоить и самое словесное оформление большинства эпизодов, а иногда и всей былины в целом. Такому полному запоминанию всего текста особенно способствовало неоднократное прослушивание былины в одном и том же варианте. Поэтому тип такого сказителя чаще всего можно встретить в семьях, в которых прочно хранилась эпическая традиция. Сказывалось здесь и общее всем хранителям эпической старины стремление петь именно так, как «старики певали». Однако главным моментом,

⁴⁵ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом..., т. I, стр. 57—58.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, стр. 59—66.

⁴⁸ Былины Севера. Т. I. Мезень и Печора, стр. 70—89.

формировавшим такой тип сказительства, являлся индивидуальный склад и художественные тенденции самого воспринимающего былинное мастерство лица, не тяготеющего к более свободному и творческому восприятию материала.

Яркий пример такого типа сказительства мы видим в роду знаменитого заонежского певца былины Т. Г. Рябинина. Былины его сына, И. Т. Рябинина, в большинстве случаев почти полностью повторяют тексты отца. Его пасынок, И. Г. Рябинин-Андреев, следует точно текстам отца, а его сын, П. И. Рябинин-Андреев, учившийся п у отца, и непосредственно у деда, в основном точно воспроизводит их редакции. Так через четыре поколения почти в полной сохранности дожили до нас редакции Трофима Рябинина. То же наблюдалось в семье сказителей Суриковых. Былины сказителя Егора Сурикова, от которого записывали советские фольклористы в 20—30-е годы, чрезвычайно близки к текстам его матери в записях Гильфердинга, представляя в значительной части стихов почти дословную передачу.

У такого сказителя-передатчика, сказителя «исполнительского типа», отклонения от источника бывают обычно очень незначительны. Они все же неизбежны в силу трудного для запоминания, сложного и объемного вида повествовательного фольклора. Но выражаются эти отклонения обычно лишь в перестановке эпизодов или отдельных стихов, в незначительных, чисто словесных различиях (в замене одного, например, эпитета другим), причем некоторые из этих вариаций восходят иногда к вариациям в самом источнике. В случае забывания былины вследствие общего ослабления памяти или длительных перерывов в сказывании — сказитель «исполнительского типа» скорее выпустит совершенно позабытый эпизод, чем постарается заменить его свободно созданной картиной на данный мотив.⁴⁹

Ко второй категории сказителей в полной мере применима та характеристика процесса восприятия и воспроизведения былины, которую дал Гильфердинг. Это сказители, творящие новые редакции, — «переоформители», «редакторы». Они усваивают, по выражению Гильфердинга, «общий остов» и затем путем отбора «типических» мест и свободного создания «переходных» вырабатывают новую редакцию или даже версию сюжета. В дальнейшем эта определившаяся композиционная и словесная форма остается в основном неизменной, закрепляясь в повторных исполнениях, варьируясь лишь в деталях. Степень этих вариаций у разных сказителей различна и зависит от индивидуальных склонностей сказителей и от условий дальнейшей жизни созданного текста (степени его повторяемости). К этой группе относятся многие

⁴⁹ О сказителях данного типа см. подробно, с приведением конкретного материала: Былины Севера. Т. I. Мезень и Печора, стр. 71—75.

из лучших представителей былинной традиции, тексты которых отмечены оригинальностью. Таким «творцом новых редакций» был, по-видимому, Трофим Рябинин. По собственным его словам, он имел не одного, а несколько учителей, но его былины в существенных моментах отличаются от текстов других преемников мастерства тех же учителей.

К категории творцов новых былинных редакций принадлежала заонежская исполнительница былин и причетов начала XX в. Н. С. Богданова. Записи от нее (в их числе ряд повторных), в сопоставлении с былинами других сказителей, черпавших свое знание из одного с Богдановой источника, четко вскрывают яркую творческую одаренность и большое своеобразие ее редакций. Н. С. Богданова очень смело варьировала свои тексты, вплоть до создания новых, углубляющих образы эпизодов; однако композиционная структура и словесная ткань ею все же сохранялись.

Из современных нам сказителей одним из наиболее одаренных представителей данного типа являлась А. М. Пашкова (умерла в 1948 г.). Усвоив некоторые сюжеты еще в молодости у себя на родине, в Пудожье, от разных сказителей, Пашкова впоследствии не раз слышала те же былины и в другом исполнении, а также читала былины в книгах. Под воздействием этих различных источников А. М. Пашкова выработала в пожилые годы новые, исключительно своеобразные редакции, в которых с большим мастерством соединила воспринятые ею разнородные традиции с личной выдумкой, что ею самой было определено словами: «Немного слыхала, а остальное сама». Так созданы ею несколько больших сводных былин-поэм, в которых выразилась тенденция сказительницы к наиболее полной обрисовке центрального героя.⁵⁰

Приведенные примеры показывают, что выделение сказителей второй группы, если нам не известны непосредственные источники их знания, с которыми можно сравнить их тексты, может быть сделано лишь на основе глубокого изучения не только всего от них записанного в сопоставлении с текстами других сказителей, но и путем исследования многих сопутствующих их творчеству условий.⁵¹

Сказители третьего типа — «творцы-импровизаторы» — также запоминают лишь «общий остов» былины, лишь сюжетную схему, но они не вырабатывают, подобно сказителям второго типа, постоянной, более или менее устойчивой редакции, а постоянно меняют ее, создавая каждый раз новый текст, пользуясь при этом общим запасом известных им сюжетов, образов,

⁵⁰ См. Г. Парилова и А. Соймонов. Сказители Пудожского края. В сб.: Былины Пудожского края. Петрозаводск, 1941, стр. 22—27.

⁵¹ Конкретный материал, относящийся к данному типу сказителей, дан в книге: Былины Севера, т. I, стр. 75—82.

мотивов и эпических формул. Ярким примером такого пользования эпическим наследием является хорошо известный В. П. Щеголенок. Варианты одной и той же былины, записанные от него в разное время, настолько отличаются друг от друга, что их, по словам исследователя, прошедшего тщательное сравнение, «можно даже принять за былины, записанные от разных певцов». ⁵²

Импровизаторские наклонности отмечали собиратели и у некоторых других сказителей, например Гильфердинг у Андрея Сорокина, Н. Е. Ончуков у Д. К. Дуркина. ⁵³ Известной долей импровизаторского дарования наделена была и знаменитая беломорская сказительница А. М. Крюкова, от которой в 900-е годы былины записал А. В. Марков. Из сказителей советского времени можно назвать мезенца Ф. В. Поздякова, пудожанина Н. А. Ремизова и некоторых других. ⁵⁴ Ремизова исследователи его былин, Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов, справедливо сопоставляют по свободному обращению его с эпическим наследием с А. Сорокиным. С последним его роднит и сознательный элемент в их импровизаторстве. Как и Сорокин, он осознает вносимые им изменения и считает их возможными, но, в противоположность Сорокину (который говорил Гильфердингу, заметившему как-то, что один и тот же эпизод сказитель спел по-разному: «Ах, это все равно, я могу спеть так или иначе, как Вам будет угодно»), Ремизов, по словам исследователей, «никогда не станет петь, как ему хочется, и будет уверять, что именно так и надо петь, что так всегда было и что иначе быть не может». ⁵⁵

Самым замечательным представителем типа сказителя-импровизатора явилась современная нам беломорская сказительница Марфа Семеновна Крюкова, дочь А. М. Крюковой, внучка лучших сказителей Зимней Золотицы — Василия и Гаврилы Леонычевичей Крюковых (умерла в 1953 г.). Былинному мастерству она стала учиться еще девочкой-подростком. Но слышанные ею былины и предания не отливались у Марфы Семеновны в определенные законченные формы. Она усваивала лишь основные сюжетные схемы, общие очертания героев, многочисленные композиционные комбинации, отдельные эпизоды, эпические мотивы. Все это крепко вращало в ее память и служило тем материалом, из которого М. С. Крюкова воссоздавала, каждый раз по-новому, свои былины. Она никогда не пропевала одной и той же былины

⁵² См.: Н. В. Васильев. Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах. ИОРЯС ЛН, СЛБ., 1907, стр. 170—196.

⁵³ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом..., т. I, стр. 52—53; Н. Ончуков. Печорские былины, стр. 184; Былины Севера, т. I, стр. 82—85.

⁵⁴ Былины Севера, т. I, стр. 84; Г. Парилова и А. Соймонов. Сказители Пудожского края, стр. 32.

⁵⁵ Г. Парилова и А. Соймонов. Сказители Пудожского края, стр. 32.

однаково. Она то сжимала, то разворачивала текст, выпуская или вводя отдельные эпизоды и описания, детализируя психологические ситуации. Она меняла подчас самую ритмическую структуру в зависимости от видоизменения напева. Варианты одной и той же былины часто не имели в ее исполнении почти ни одного стиха, который полностью совпал бы с соответствующим стихом другого варианта.⁵⁶

Это яркое импровизаторское дарование обусловило творческий рост Марфы Крюковой как создателя новых эпических произведений на темы нашей действительности. Этим же даром объясняется и громадный репертуар М. С. Крюковой, составляющий свыше 150 былин и исторических песен. В этом отношении она превзошла даже свою мать, от которой записано около 60 эпических сюжетов. Сказители второго типа — создатели новых редакций, но не импровизаторы, — а также передатчики владеют обычно значительно меньшим репертуаром. Так, от Трофима Рябинина Рыбниковым и Гильфердингом записано 26 былинных сюжетов, от Григория Алексеича Якушова из Пудожья экспедицией Б. и Ю. Соколовых — 37 сюжетов,⁵⁷ от пудожского сказителя Ф. А. Конашкова — 22,⁵⁸ от других выдающихся сказителей — уже менее 20 от каждого.

Поскольку исполнитель-импровизатор каждый раз творит новый текст, систематическая работа над художественной отделкой былины у него отсутствует. Сказитель, создавший в процессе усвоения им былинного материала более или менее устойчивый текст, в дальнейшем неизменно будет совершенствовать его, оттачивать отдельные выражения и пр., — конечно, если он не принадлежит к исполнителям, автоматически повторяющим хорошо заученный текст. Неблагоприятные для исполнения условия хотя несомненно будут влиять и на него, но не в такой мере, как на исполнителя-импровизатора. Последний всегда во власти того момента, когда он исполняет, во власти своего данного состояния, настроения, окружающей обстановки. Он может дать один раз плохой текст, другой раз — очень хороший. Каждый текст будет всякий раз до известной степени «черновым», требующим дальнейшей обработки и отделки. Поэтому известные нам сказители-импровизаторы в отношении качества текста всегда уступают сказителям, владеющим более «отлитыми» текстами, как уступал, например, талантливый Щеголенок своему знаменитому современнику Трофиму Рябинину, былины которого

⁵⁶ См.: Былины Севера, т. I, стр. 84—85; А. М. Астахова. Беломорская сказительница М. С. Крюкова. «Советский фольклор. Сборник статей и материалов», № 6, 1939.

⁵⁷ Онежские былины, стр. 69—203.

⁵⁸ Сказитель Ф. А. Конашков. Подготовка текстов, вводная статья и коммент. А. М. Линевского. Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.

особенно поражали высоким чувством художественной меры. Художественные недостатки былин очень хорошего Олонецкого сказителя Андрея Сорокина Гильфердинг связывал с его «склонностью к сочинительству».⁵⁹ Тексты, записанные А. В. Марковым от сказителей Крюковых, у которых импровизационный момент был очень силен, будучи отмечены большой оригинальностью и своеобразием, вместе с тем часто отличаются несколько рыхлой композицией и не имеют того чеканного стилистического оформления, которое мы видим у лучших сказителей Прионежья и Мезени. То же наблюдается у Марфы Крюковой, при всем художественном богатстве ее стиля, глубине и силе ее образов.

Наблюдая сказителей в их отношении к эпическому наследию, во многих случаях мы будем иметь явления нечеткого порядка, типы переходные, столкновение и переплетение разных тенденций, когда преобладающая линия не выражена с полной определенностью. Об И. Т. Фофанове, хорошем сказителе 30-х годов Пудожского края, Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов, например, пишут: «Фофанов ближе всего подходит к типу сказителей, которых А. М. Астахова характеризует как певцов-исполнителей». Он «тоже стремится сохранить если не дословно, то почти дословно известный ему текст. Многие его былины... восходят к совершенно определенной редакции. Но он более самостоятелен, чем знаменитый сказитель И. Т. Рябинин, воспроизводивший дословно текст отца. Фофанов позволяет себе вносить некоторые изменения в усвоенный им текст».⁶⁰ Это можно наблюдать и у других певцов былин. У сказителя, в основном «исполнителя», «передатчика», будут проявляться проблески импровизаторства. Сказитель-импровизатор может иметь в своем репертуаре произведения, определившиеся в твердые тексты, и т. д. Многообразие конкретных разновидностей не опровергает наличия указанных основных типов.

Вопрос о творческих категориях сказителей был взят и в другом разрезе — в плане изучения самого характера стиля исполняемых былин. Здесь на противоположных концах оказались две резко очерченные манеры былинного повествования или два типа стиля: «классический», строго эпический, и «стиль рассказчика» — «сказовый стиль». В первом случае мы будем иметь тип сказителя, овладевшего всеми характерными приемами эпической поэзии и любовно их культивирующего. Соблюдается вся эпическая «обрядность»: трюичность эпизодов, прием нарастания в повторениях, приемы ретардации и т. д. Сохраняется общая приподнятость и некоторая торжественная величавость медленного, спокойного развертывания действия.

⁵⁹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом..., т. I, стр. 52.

⁶⁰ Г. Парилова и А. Соймонов. Сказители Пудожского края, стр. 29.

Классическому стилю резко противоположен стиль сказовый. Былина лишается привычной строгой формы, в нее вводятся обороты прозаические, небылинные фразовые конструкции, четкий ритм нарушается. Такой исполнитель часто отбрасывает напев, видимо его затрудняющий, ставящий определенные рамки, в которые уже не вложить создаваемый им текст, и переходит на размеренную декламацию. Однако он сознательно удерживает себя на грани перехода былины в сказку, сохраняя подобие былинной ритмической конструкции при помощи дактилических окончаний, достаточно четко разграничивающих речь на стихи. Тип такого сказителя выявлен в ранних собраниях былин — второй половины XIX в., встречался, очевидно, и раньше. Оказалось, что данный стиль чаще всего наблюдается у сказителей, знающих и исполняющих сказки, сказочников по преимуществу. В 20—30-е годы «сказовый» стиль стал встречаться особенно часто в связи с усиливающимся процессом общего угасания былинной традиции, хотя указанная художественная тенденция могла встречаться и встречалась и у крупных мастеров.⁶¹

Свои разновидности имел и классический эпический стиль. Они выражали художественные тенденции то к более детализированному повествованию, описанию, изображению путем различных видов повторений, сравнений, параллелизмов и других эпических приемов, то к убыстрению действия, к большей стремительности, динамичности, причем ускорение темпа повествования могло происходить и без нарушения основных принципов эпической «обрядности», а при помощи сокращения и выкидывания побочных описательных моментов и мотивов, осложняющих основную сюжетную линию.⁶² Обе эти разновидности классического стиля — «распространенность» и «динамичность» — становились иногда преобладающей стилиевой линией в том или ином районе. Это было отмечено еще Гильфердингом. Характеризуя северо-восточную группу олонекских былин (Выгозера, Водлозера, Кенозера), он отмечает общность манеры сказителей — «те же короткие стихи, та же краткость в рассказе, та же относительная умеренность в употреблении вставочных частиц».⁶³ Группа же прионежская «характеризуется пространностью былин».⁶⁴

⁶¹ Подробнее об этих видах стиля см.: Былины Севера, т. I, стр. 85—88. — В своей новой работе «Искусство былинного певца (из текстологических наблюдений над былинами)» (печатается) Б. Н. Путилов применяет к классическому эпическому стиху термин «формульный», т. е. построенный из устойчивых сочетаний слов — формул. Следуя А. Лорду в его изучениях югославских певцов (см. выше), Путилов исследует технику русского былинного сказительства.

⁶² Былины Севера, т. I, стр. 88—89.

⁶³ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом..., т. I, стр. 62.

⁶⁴ Там же, стр. 60.

Так, уже Гильфердингом была намечена проблема художественных школ сказительского искусства. Установление творческих категорий исполнителей вместо со сравнительным исследованием былин разных районов дало возможность более глубокой постановки данной проблемы. В. И. Чичеровым в его монографии «Школы сказителей Заонежья» изучена роль сказителей отмеченных выше типов в образовании местных художественных школ. Роль эта представляется в следующем виде. Сказители, создающие новые редакции, видоизменяя, а иногда и совершенно ломая прежние традиции, обычно полагают начало повому направлению в местном сказительстве. Передатчики своим исполнением поддерживают и закрепляют это новое. Что же касается импровизаторов, то они, в силу постоянной изменчивости текстов, воздействуют на переоформление традиции лишь отдельными элементами своих композиций.⁶⁵ Отправляясь от этих предпосылок, Чичеров подверг тщательному сравнительному изучению весь материал былинных записей из Заонежья, произведенных с конца 1860-х годов до начала 1930-х, в результате чего выделил в Заонежье для конца XIX и начала XX в. три основных школы: Елустафьевско-Рябининскую, характеризующуюся культивированием героической былины, школу Конона с Зяблых Нив, преемники которого тщательно разрабатывали новеллистическую тематику в эпосе (наиболее ярким представителем этой группы была Н. С. Богданова), и школу Повенецко-Космозерских сказителей (Калинин, Касьянов и др.), тяготевших к разработке в былинах авантурных эпизодов и мотивов.⁶⁶

Местные художественные школы в других районах бытования былин не изучены, но некоторые общие областные традиции уже намечены.⁶⁷

Что касается отдельных сказителей, то о них со второй половины XIX в. вплоть до настоящего времени собран большой материал. Имена многих выдающихся мастеров эпического творчества нам известны. О некоторых имеются довольно подробные сведения, иногда живые очерки, рисующие облик сказителя, поскольку со времени появления публикаций Рыбникова и Гильфердинга кратко биографические очерки о сказителях с указанием особенностей их репертуара и исполнительской манеры

⁶⁵ В. И. Чичеров. 1) Школы сказителей Заонежья. (Диссерт. на соиск. степени канд. филолог. наук. Защищена в 1941 г. Рукопись); 2) Традиция и авторское начало в фольклоре. «Советская этнография», № 2, 1946, стр. 37—40.

⁶⁶ Работа, богатая конкретным материалом, к сожалению в целом не напечатана. Но основные положения и выводы отражены в работах: В. И. Чичеров. 1) Сказители Онего-Каргопольщины и их былины. В кн.: Онежские былины, стр. 31—65; 2) Эпическая традиция Кенозера и школа Сивцева-Поромского. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, 1947, № 1, стр. 74—76.

⁶⁷ О них см. ниже.

стали научной традицией; некоторым же посвящались специальные статьи. Других сказителей мы знаем только по именам. Это те, которых собиратели уже не застали в живых и о которых они узнали лишь со слов непосредственных преемников их искусства, стремясь вскрыть истоки мастерства современных им сказителей, узнать их учителей, проследить донесенные традиции вглубь. Особенно значительный материал поднят о сказителях Севера.

Известны, например, имена прионежских сказителей Конона с Зяблых Нив, которого называли как своего учителя многие из лучших сказителей времени Рыбникова и Гильфердинга (его влиянием определилось, как мы видели, особое направление в сказительском искусстве); Ильи Елустафьева с Волкострова, от которого переняли былины Трофим Рябинин, Козьма Романов, Терентий Иевлев и др.; дяди Т. Г. Рябинина — Игнатия Ивановича Андреева из дер. Гарниц (он, по словам Трофима Григорьевича, был самым лучшим певцом былин в округе и превосходил даже Илью Елустафьева).⁶⁸ Крупными мастерами были также: Василий Софронович Сарафанов из Гарниц, зять Игнатия Андреева и отец А. В. Сарафанова, — от него производил записи Гильфердинг;⁶⁹ Павел Семенович Сивцев с Кенозера, передавший свое искусство сыну Ивану (прозвище — Поромский) и целому ряду других кенозерских сказителей;⁷⁰ слепой калка Петр Степанович Мещанинов из Каргопольского края. По словам его преемника Фелопова, Мещанинов был певцом исключительного по богатству репертуара (знал 70 былин).⁷¹

Из беломорских сказителей XIX в., которых уже не застал Марков, особенно выделялись Ефим Стрелков с Терского берега, от которого много былин усвоила, по ее словам, его племянница Аграфена Матвеевна Крюкова, и Василий Леонтьевич Крюков с Зимнего берега, свекор Аграфены Матвеевны; от последнего много былин переняли и сама Аграфена Крюкова, и ее дочь Марфа Семеновна Крюкова. Крупным исполнителем былин был, по-видимому, золотицкий крестьянин Андрей Тимофеевич Ярый, которому, по словам Гаврилы Крюкова, он и был особенно обязан искусством сказывания.⁷²

Из печорских крупных знатоков былин XIX в., память о которых сохранилась потомками, следует особенно назвать Родиона Поздеева из Усть-Цильмы, учителя не только своих сыновей Петра и Семена (от первого записывал Н. Е. Ончуков), но и

⁶⁸ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом..., т. II, стр. 2.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, т. III, стр. 151, 202.

⁷¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. II, стр. 499.

⁷² А. В. Марков. Беломорские былины, стр. 27, 304, 342 (см. также ссылки на источники знания публикуемых в сборнике былин, помещенные перед каждым текстом).

некоторых других «старинщиков» Печоры;⁷³ из мезенских — Якова Тярсова из Дорогой Горы, отца Василия и Андрея Тярсовых, спевших много былин А. Д. Григорьеву.⁷⁴

По рассказам М. Д. Кривополеновой мы знаем имя ее непосредственного учителя. Это уже упоминавшийся ее дед — Никифор Никитич Кабалин, искусство сказывания которого так высоко ценилось земляками-пинежанами, что, отправляясь к морю на промысел, они брали его с собой только для того, чтобы он пел старины и рассказывал сказки.⁷⁵

Из сибирских сказителей XVIII и начала XIX в. следует назвать учителей известного алтайского исполнителя середины XIX в. Леонтия Тупицына — его деда и отца, Ивана и Гаврилу Тупицыных, о которых Леонтий Гаврилович говорил, что оба они «знали много былин, песен и преданий».⁷⁶

Сведения обо всех названных сказителях очень скудны. Некоторые ограничиваются только беглыми воспоминаниями современных собирателей исполнителей былин и других местных жителей о том, что они были хорошими исполнителями эпоса и знали много.⁷⁷

О сказителях же, которых застали собиратели и от которых они записывали былины, сведения довольно обширны. С конца XIX в. некоторые из выдающихся сказителей становятся известными не только по рассказам собирателей, но и по своим выступлениям в столицах и иных городах, куда они приезжали по вызову Географического общества и других научных организаций. Так, в Петербург в 70—80-е годы приезжали Т. Г. Рябинин и другой замечательный певец Заонежья — И. А. Касьянов из Космозера; в 90-е годы — В. П. Щеголенок, И. Т. Рябинин и И. А. Федосова. Щеголенок гостил также у Л. Н. Толстого, который использовал некоторые из его сказочных сюжетов в своих произведениях.⁷⁸ Позже, в 1911 г., приезжала в Петербург Н. С. Богданова из Заонежья, а в 1915 г. — М. Д. Кривополенова из Пинежья. Однако эта связь между талантливыми народными самородками, носителями русского эпоса, и русской литературной и научной общественностью была до Октября случайной. Лишь в советское время эта связь укрепилась по-на-

⁷³ Н. Ончуков. Печорские былины, стр. 77.

⁷⁴ А. Д. Григорьев. Архангельские былины..., т. III, стр. 6, 113.

⁷⁵ См. выше, стр. 240.

⁷⁶ Былины и исторические песни из южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Ред., вступ. статья и коммент. М. К. Азадовского. Новосибирск, 1939, стр. 31.

⁷⁷ Сведения эти собраны в моей статье «Былинный эпос» (в кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 198—206).

⁷⁸ В. И. Срезневский. Язык и легенда в записях Л. Н. Толстого. В сб.: Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932, Изд. АН СССР, Л., 1934.

стоящему, и приезды в центр выдающихся представителей эпической традиции в довоенные годы стали систематическими (приезжали И. Г. и П. И. Рябинины-Андреевы, Н. С. Богданова, М. Д. Кривополенова, И. Т. Фофанов, Ф. А. Конашков, Т. Е. Туруев, А. М. Пашкова, М. С. Крюкова).

О лучших сказителях конца XIX в. и первых трех десятилетий XX в. писали не раз. В 30-е годы, когда особенно обострился интерес к индивидуальному мастерству отдельных носителей фольклора, некоторым из них были посвящены специальные исследовательские работы. Приводим в качестве приложения к данному разделу список этих сказителей с указанием литературы о них. Список дается в алфавитном порядке, в скобках после фамилии сказителя указана принадлежность его к очагу эпической традиции и годы записи.

Богданова Настасья Степановна (Заонежье, годы 900-е, 20-е и начало 30-х). — А. М. Астахова. Памяти заонежской сказительницы Н. С. Богдановой (некролог). «Советский фольклор. Сборник статей и материалов». № 7, М.—Л., 1941, стр. 239—243 (там же библиография литературы о Богдановой и публикаций записей от нее до 1938 г. включительно): фольклор Карело-Финской ССР, стр. 34—35; Онежские былины, стр. 43—44, 589—590; Былины Севера, т. II, стр. 45—47; Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 2, стр. 289—290.

Касьянов Иван Аникиевич (Заонежье, 70-е и 80-е годы). — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом..., т. II, стр. 536; Фольклор Карело-Финской ССР, стр. 30; В. С. Бахтин. Дополнение к сборнику А. Ф. Гильфердинга. (Былины И. А. Касьянова). «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. II, М.—Л., 1957, стр. 220—230.

Конашков Федор Андреевич (Пудожье, 1928 г. и 1937—1938 гг.). — Сказитель Ф. А. Конашков. Подготовка текстов, вводная статья и коммент. А. М. Линецкого. Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948; Онежские былины, стр. 343—344; Фольклор Карело-Финской ССР, стр. 36; Сказители-орденоносцы Советской Карелии. Петрозаводск, 1939; В. S o k o l o w. Zwei Bylinenrezitatoren. «Slawische Rundschau». № IV, 1932.

Кривополенова Марья Дмитриевна (Пинега, 1900, 1915, 1921 гг.). — Александр Морозов. Марья Дмитриевна Кривополенова. Жизнь и творчество. В кн.: М. Д. Кривополенова. Былины, скоморошины, сказки, стр. 3—33 (там же библиография изданий текстов, литературы о творчестве М. Д. Кривополеновой, иконографии и сведения о записях напевов — стр. 166—174); Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 2, стр. 292—293; «Илья Муромец», стр. 521—522.

Крюкова Аграфена Матвеевна (Зимний берег, 1899—1901 гг.). — А. В. Марков. Беломорские былины, стр. 27—30; Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Труды Музыкально-этнографической комиссии, т. I, М., 1905, стр. 8—9; Э. Г. Морозова (Бородинна). Беломорская сказительница Аграфена Крюкова (1855—1921). Альманах «Север», Архангельск, 1946, стр. 178—192; А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948, стр. 320—331; Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 2, стр. 293—296; «Илья Муромец», стр. 522—523.

Крюкова Марфа Семеновна (Зимний берег, 1899—1901, 1934, 1937—1938 гг.). — А. В. Марков. Беломорские былины, стр. 304—305; А. М. Астахова. 1) К новым записям былин в Поморье. «Советский фольклор. Сборник статей и материалов», №№ 2—3, М.—Л., 1936,

стр. 153—158; 2) Беломорская сказительница М. С. Крюкова, стр. 176—213; Р. Липец. Введение. В кн.: Былины М. С. Крюковой, т. I. Изд. Гос. литер. музея, М., 1939, стр. 2—48; предисловие Эрны Бородиной-Морозовой. В кн.: Марфа Крюкова. На Зимнем берегу у моря Белого. Записала летом 1939 года Э. Бородина-Морозова. Архангельск, 1940, стр. 3—19; Очерки русского народно-поэтического творчества советской эпохи, М.—Л., 1952, стр. 328—330; «Илья Муромец», стр. 523—524.

Крюков Гаврила Леонтьевич (Зимний берег, 1899, 1901 гг.). — А. В. Марков. Беломорские былины, стр. 342—343; Материалы, собранные в Архангельской губернии..., стр. 9; «Илья Муромец», стр. 522.

Пашкова Анна Михайловна (Пудожье, Петрозаводск, 1937—1940 гг.). — Г. Парилова и А. Соймовов. Былины Пудожского края, стр. 22—27, 61—62, 461—673; А. М. Пашкова (некролог). «На рубеже». 1948, № 1, Петрозаводск, стр. 66—69; «Илья Муромец», стр. 525—526; Фольклор Карело-Финской ССР, стр. 36—37.

Пономарев Федор Тимофеевич (Зимний берег, 70-е годы, 1899—1901 гг.). — Материалы, собранные в Архангельской губернии..., стр. 10; «Илья Муромец», стр. 525; Былины Печоры и Зимнего берега, стр. 41—42.

Прохоров Никифор (Пудожье, 60-е годы 1871 и 1906 гг.). — Песни, собранные П. И. Рыбниковым, т. I, стр. LXXXV; т. II, стр. 77—78; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом..., т. I, стр. 411—412; В. Харузина. На Севере, стр. 68—71; Г. Парилова и А. Соймовов. Сказители Пудожского края, стр. 12—13; «Илья Муромец», стр. 526—527; Фольклор Карело-Финской ССР, стр. 30—31.

Рябинины, Трофим Григорьевич, Иван Трофимович (Заонежье, 60—70-е годы; 900-е годы). — Литература указана выше (стр. 240).

Рябинины-Андреевы, Иван Герасимович, Петр Иванович (Заонежье, 1921 г.; 20-е и 30-е годы). — Литература указана выше (стр. 240).

Сорокин Андрей Пантелеймонович (Пудожье, 60-е годы и 1871 г.). — Песни, собранные П. И. Рыбниковым, т. II, стр. 145—146; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом..., т. I, стр. 52—53, 623—624; Фольклор Карело-Финской ССР, стр. 31—32; Г. Парилова и А. Соймовов. Сказители Пудожского края, стр. 13—14.

Тупицын Леонтий Гаврилович (Алтай, 60-е годы). — Л. Н. Майков. Певец былин в окрестностях Барнаула. «Известия Географического общества», 1874, № 6; Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894, стр. 269—271; Былины и исторические песни из южной Сибири. Записи С. И. Гуляева, стр. 25—28, 31—33 (вступ. статья М. К. Азадовского и его комментарии к былинам Л. Г. Тупицына); Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952, стр. 299—303 (см. там же комментарии к былинам Л. Г. Тупицына); Б. Соколов. Сказители, стр. 98—103; Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 2, стр. 296—298.

Щеголенок Василий Петрович (Заонежье, 60-е и 70-е годы). — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом..., т. II, стр. 297; Песни, собранные П. И. Рыбниковым, т. I, стр. 405—406; П. В. Васильев. Из наблюдений над отражением личности сказителя в былинах. ИОРЯС АН, 1907, кн. 2, стр. 170—196; В. И. Срезневский. Язык и легенда в записях Л. Н. Толстого, стр. 471—476; Полное собрание художественных произведений Л. Н. Толстого, т. X, Госиздат, М.—Л., 1930, стр. 361, 365—366, 376 (комментарии В. И. Срезневского); Фольклор Карело-Финской ССР, стр. 28—29; Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 2, стр. 283—286.

Якушов Григорий Алексеевич (Пудожье, 1926 и 1928 гг.). — Онежские былины, стр. 57—59, 69; Фольклор Карело-Финской ССР, стр. 35; В. Sokolow. Zwei Bylinenrezitatoren. «Slawische Rundschau», № IV, 1932.

Собирательские работы по былинам в советское время, наблюдения советских фольклористов над жизнью русского эпоса в устной традиции дали важный и показательный материал не только для оснещения проблемы сказительства. Новые записи текстов открыли возможность сопоставления собраний из одних и тех же мест, но отделенных друг от друга значительными временными промежутками, и таким образом помогли выяснить процессы, происходившие в эпической традиции XIX—первой половины XX в.

Опыт такого исследования был впервые сделан во вступительной статье книги «Былины Севера».⁷⁹

Характерно самое заглавие статьи — «Былинное творчество северных крестьян». Здесь тезису «последовательного искажения» противопоставлено положение о своеобразном творческом развитии хранимого эпического наследия. Сущность этого процесса определяется «как дальнейшее развитие подлинно народных основ эпоса, как углубление и развертывание былинных образов в свете представлений северного крестьянства».⁸⁰

В статье на материале записей второй половины XIX и первой четверти XX в. выявлены те детали в обрисовке главных героических образов, которые вносятся северными крестьянами и показывают творчески-сознательное отношение их к народному художественному замыслу, отраженному в том или ином сюжете. Рассматриваются и те изменения в построении сюжетов, которые можно отнести за счет исполнителей в позднейший, «северный» период жизни эпоса, а также случаи образования новых былинных сюжетов на основе местных преданий и сказочного материала.⁸¹

Задача показать основные творческие процессы в жизни русского эпоса среди северного крестьянства получила дальнейшую разработку на более широком материале и со включением дополнительных наблюдений в книге того же автора «Русский былинный эпос на Севере».⁸²

В ней изучаются вносимые северными сказителями изменения, касающиеся былинных образов и ведущие к углублению и расширению их содержания. При этом устанавливается, что разработка образа идет, во-первых, в направлении, уже намеченном в предыдущем периоде; во-вторых, в связи с переосмыслением образа происходят и коренные изменения.⁸³ Рассматри-

⁷⁹ Былины Севера, т. I, стр. 19—105.

⁸⁰ Там же, стр. 19.

⁸¹ Там же, стр. 19—37 и 89—103.

⁸² А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.

⁸³ Там же, стр. 34—94.

ваются также разные случаи перестройки композиции, которые в значительной степени связаны с развитием эпического образа. Среди них отмечен процесс контаминирования, в котором, по мнению автора, заметно проявилось творчески-активное отношение сказителей к эпосу. Изучаются также позднейшие явления в области циклизации, тоже ведущие к переоформлению композиции, а также изменения развязок в результате переосмысления сюжета.⁸⁴

Особая глава посвящена образованию новых былин.⁸⁵ Здесь показаны пути повотворчества: сложение новых былин на основе традиционного эпического материала, обработка в былинны сказочных сюжетов и мотивов, переработка песен и песенных мотивов, возникновение былин на местном материале, использование разных исторических материалов (летописных сказаний, исторических анекдотов и т. п.), переработка литературных произведений. В каждом из отмеченных процессов указываются внутренние закономерности и выявляется творческий характер наблюдаемых явлений.

В работе также исследуется процесс возвращения в устную традицию текстов, когда-то записанных и опубликованных, и показано значение этого процесса, выражающегося в обогащении местных традиций новыми сюжетами, мотивами и поэтическими приемами.⁸⁶ Автор обрисовывает два направления в этом процессе: 1) усвоение подлинно народных текстов и 2) усвоение текстов, искусственно обработанных. В последнем случае показана ярко выраженная тенденция к освобождению от элементов, для народного творчества чужеродных.

Вся работа заострена против рассмотренной выше концепции затухания эпоса в среде крестьянства уже в XVIII—XIX вв., основанной главным образом на представлениях о ненародном происхождении эпоса.⁸⁷ Последовательно автор старается опровергнуть все доводы адептов этой концепции, свидетельствующие якобы об изживании социально далекой традиции. Аналитическая работа по изучению многочисленных вариантов былинных сюжетов, наблюдения над бытованием эпоса и над личностью сказителей убедили автора в том, что для северных хранителей эпоса, крестьян, былины еще в XIX—начале XX в. были живым искусством, источником больших художественных эмоций, и что в жизни эпоса несомненны процессы творческого порядка.⁸⁸ Их-то он и пытается вскрыть.

Полемичность исследования приводила иногда к некоторым преувеличениям, к известному затушевыванию явлений эпигон-

⁸⁴ Там же, стр. 94—136.

⁸⁵ Там же, стр. 136—281.

⁸⁶ Там же, стр. 281—332.

⁸⁷ См. главу II настоящей работы.

⁸⁸ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, стр. 10.

ства и деградации. Наличие этих явлений, впрочем, автором не отрицалось. Приведем, например, следующее его высказывание: «Как в области варьирования эпических образов, так и в отношении изменений, касающихся композиции, следует строго ограничивать моменты творческого порядка от тех изменений, которые вызваны забыванием или плохим усвоением сюжета малоодаренными сказителями. В таких случаях мы будем, конечно, иметь дело с фактами разложения эпического творчества. Здесь будут все признаки деградации: и чисто механическое сцепление осколков разных сюжетов, и внутренне не оправданное перенесение в основной сюжет эпизодов из других былин, и т. п. Такие факты встречаются во всех сборниках былин... и в наибольшей степени в записях последнего времени... вследствие несомненного общего понижения и ослабления эпической традиции».⁸⁹

Вот эти явления разного характера (творческие и явления деградации) и следовало более четко расчленивать в самой работе при рассмотрении конкретных случаев. Но, как говорит сам автор, его в данной работе интересовали «только явления, говорящие о жизненности эпоса, о его творческом бытии».⁹⁰ Эта увлеченность автора своей задачей и привела его к несколько одностороннему показу состояния эпической традиции на Севере в позднейший период ее бытования. Но важно было раскрыть живую, творческую сторону ее, и в этом отношении книга заняла определенное место в освещении вопроса о судьбах былинной традиции в XVIII—XX вв. Основное, ведущее ее положение разделяли в то время и некоторые другие исследователи поздних судеб русского эпоса.

Живым интересом к этим судьбам и стремлением уяснить характерные явления в устной эпической традиции XVIII—XX вв. проникнуты многие работы В. И. Чичерова. Наблюдая большое разнообразие в методах разработки образов народных героев, В. И. Чичеров справедливо считал это разнообразие результатом творчества коллектива, в котором выделяются индивидуальные таланты мастеров народного искусства. Проявления этой творческой жизни эпоса он видит на протяжении всего позднейшего этапа в среде крестьянства русского Севера. «Молодое поколение носителей народного искусства, — говорит он, — воспринимало от старшего созданные им произведения и творило вновь. Традиция былевого эпоса в пределах определенного района существовала не в виде застывшей, раз навсегда созданной и ставшей классической формы поэзии, а как живой организм, творимый народом».⁹¹

⁸⁹ Там же, стр. 95.

⁹⁰ Там же, стр. 96.

⁹¹ Опежские былины, стр. 34.

Мы видели, что исследование всего богатства записей былин Онего-Каргопольского края привело В. И. Чичерова к убеждению о существовании на русском Севере в XVIII—XX вв. разных «школ» сказительского искусства, «объединяемых общностью приемов и методов разработки традиционных сюжетов и исполнения созданных текстов». Общим для «школ» оказался и «репертуарный отбор былин, особенно любимых и особенно часто исполняемых».⁹² В районе Заонежья Чичеров видел наличие «по крайней мере, трех „школ“», традиции которых «продолжают жить вплоть до нашего времени».⁹³ Изучая записи от отдельных выдающихся мастеров, принадлежащих к той или иной «школе», Чичеров отмечал как следование их традициям «школы», так и личные привлечения, индивидуальное мастерство. Он полагал, что ученым еще предстоит большая углубленная работа по изучению разных групп сказителей. Такая работа, по его словам, «подтвердит положение о том, что русский народный былевой эпос, единый идейно, имеет большое разнообразие в способах изображения образов и в построении повествований».⁹⁴

Показательны также для отмечаемого направления работ по эпосу в конце 30-х и в 40-е годы исследования Р. С. Липец «Былины у промыслового населения русского Севера XIX—начала XX века»⁹⁵ и «Местные мотивы в былине о Садко у М. С. Крюковой и других сказителей».⁹⁶

В первой из них ставится задача проследить в былинном эпосе, записанном на Севере, отражение местной обстановки, особенностей труда и быта северного крестьянства. В результате исследования Р. С. Липец приходит к следующим выводам: «Правомерно говорить о северном периоде жизни былин, так как за время многовекового бытования там они приобрели яркий локальный колорит... Сказители-северяне при передаче былин невольно, а иногда и сознательно, переносили действие в привычную им обстановку; поэтому в былинах, если брать их целиком, получил полное отражение комплекс местной жизни — социально-экономические отношения, материальная культура, быт и воззрения. Можно отметить не только северно-крестьянскую интерпретацию многих образов былин и описание специфически северных форм труда и быта, но и насыщенность поэтики былин в области срав-

⁹² Там же, стр. 33.

⁹³ Там же, стр. 35. — О школах сказителей Заонежья см. выше (стр. 251).

⁹⁴ Онежские былины, стр. 65.

⁹⁵ Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян. М., 1951, стр. 153—210.

⁹⁶ Былины М. С. Крюковой. Записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец. Т. II. М., 1941, стр. 719—767.

нений и метафор образами, подсказанными впечатлениями сельскохозяйственной и промысловой жизни, характерной для Севера и близкой сказителям». ⁹⁷

Во второй работе автор пытается проследить, как в зависимости от конкретной общественной обстановки изменялась и переосмыслялась на Севере былина о Садко, в северных вариантах которой «локальный колорит сказался как в трактовке сюжета, так и в подстановке образов местного промыслового фольклора в соответствующие эпизоды былины». ⁹⁸

В откликах на работы Р. С. Липец справедливо отмечались некоторые ошибочные суждения, как результат увлечения поисками локальных отражений. Иногда мотивы, которые, по мнению Липец, были привнесены в древние былины на Севере, можно было считать возникшими в более раннее время, или это были общеэпические мотивы. ⁹⁹ Однако многие из ее положений бесспорны.

Работы Липец, как и исследования Астаховой и Чичерова, при наличии отдельных спорных положений, убедительно утверждают не только активное бытование эпоса в XVIII—начале XX в., но и творческий характер тех процессов, которые в нем в это время происходили.

В литературе, однако, имеются и попытки оспорить отмеченные положения о творческих процессах в жизни эпоса в конце XIX и начале XX в. и об индивидуальном вкладе наиболее талантливых сказителей в оформление древних сюжетов.

В. Г. Базанов, побывавший в 1942 г. на Печоре во главе фольклорной экспедиции Карело-Финского университета и наблюдавший состояние эпической традиции этого времени, укоряет автора «Былин Севера» в том, что он «стремится во что бы то ни стало доказать „жизненность былины“, активность бытования былинного эпоса» на Печоре еще в 1920-е годы, «способность сказителей „не только поддерживать, но и обновить репертуар“, в то время как характеристики отдельных сказителей и сами записи текстов говорят «о сокращении репертуара, о несомненном забывании былинных текстов». ¹⁰⁰

В данном случае В. Г. Базанов не принимает во внимание диалектику такого сложного явления, как постепенное угасание многовековой художественной традиции. Когда же он сам касается конкретного материала, относящегося к 1942 г., он, при

⁹⁷ Славянский фольклор, стр. 208.

⁹⁸ Былины М. С. Крюковой, т. II, стр. 723.

⁹⁹ См. рецензию М. К. Азадовского на «Славянский фольклор» в журнале «Советская этнография» (1953, № 2); см. также статью: Б. Н. Путилов. Об историческом изучении русского фольклора. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. V, М.—Л., 1960, стр. 72—74.

¹⁰⁰ В. Б а з а н о в. Поэзия Печоры. Сыктывкар, 1943, стр. 9—10.

заметном усилении деградации эпоса, не может умолчать о случаях, говорящих о творческих исканиях и становлении нового художественного качества.¹⁰¹

5

Накопленные собирательской работой с XVIII в. материалы позволили поставить вопрос и об историческом развитии самого жанра былины на протяжении всей ее жизни в устной традиции, после того как закончился продуктивный период формирования эпоса.

Границы его установлены учеными, занимавшимися вопросами генезиса былин, достаточно единодушно. Это XVI—XVII вв., за пределами которых в эпосе уже не возникают новые сюжеты, отражающие историческое сознание народа в связи с политической и общественной обстановкой эпохи.

Правда, еще учеными второй половины XIX и начала XX в. были отмечены случаи образования новых сюжетов в былинном жанре и в позднейшее время (XVIII—XX вв.).¹⁰² Исследования же советского времени показали, что подобные случаи были довольно широким явлением в местах наиболее интенсивного бытования былин. Но изучение раскрыло в данном процессе явления эпигонского и стилизаторского порядка. Новотворчество это не отражало исторической действительности и исторического сознания народа. Оно представляло собой или перепевы старинных эпических тем и мотивов, или переложения в былинной форме сказок и повестей¹⁰³ и явилось как раз выражением того, что период подлинной продуктивности данного жанра уже миновал.

О том, что происходило с древним эпическим наследием на этом втором этапе жизни эпоса, когда продуктивный период следует считать законченным, как он продолжал жить в устной традиции, какие процессы можно было в нем наблюдать, сказано было выше. Но в 30-е, 40-е и начале 50-х годов изучение содержания судеб былинного эпоса проводилось почти исключительно на материале северных былин. Из других районов обследованием

¹⁰¹ Там же, стр. 20—23. — Полемике с А. М. Астаховой и В. И. Чичеровым посвящает В. Г. Базанов несколько страниц в своей книге «Карелия в русской литературе и фольклористике. Очерки» (Петрозаводск, 1955, стр. 226—232). Однако конкретного разбора подлинных взглядов обоих названных авторов здесь мало, и авторам приписываются высказывания, никогда им не принадлежавшие.

¹⁰² См.: Н. Васильев. Беломорская былина и повесть Петровского времени. «Этнографическое обозрение», 1904, № 3; В. Миллер. 1) Олонеккая старинка о местном силаче. Очерки русской народной словесности, т. II, М., 1910; 2) К печорской старине о Петре Великом и Бутмане Колыбановиче. Там же; 3) К былине о бое Ильи Муромца с Добрыней. Там же, т. III, М., 1924.

¹⁰³ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, стр. 136—281.

были затронуты лишь юг и Сибирь. Но здесь до последнего времени произведен был лишь общий обзор былинного репертуара и отмечены общие характерные черты эпической традиции в этих местах.¹⁰⁴ Поволжская традиция в целом совсем не была изучена.

Только в самые последние годы обратились к более детальному изучению областных эпических традиций, помимо северных.¹⁰⁵ Были основательно рассмотрены областные былинные репертуары и специфические обработки отдельных сюжетов. Это дает возможность воссоздать общую картину развития былинного жанра, проследить, что произошло с ним после того, как он окончательно сформировался и определился весь его основной сюжетный состав.

Но чтобы решить эту задачу, надо прежде всего установить, что же представляла собой былина к концу своего продуктивного периода. Для этого изучены самые ранние записи, наиболее близкие к тому времени, когда можно считать, что жанр былины уже определился. Это несколько текстов с былинными сюжетами, сохранившихся в рукописной литературе XVII—XVIII вв. Среди этих текстов, как уже было сказано выше,¹⁰⁶ имеются записи былин, по-видимому, с устного исполнения, передающие подлинный стихотворный строй былины; есть и прозаические пересказы былинных сюжетов, причем одни передают их, видимо, близко к устному источнику, другие включают отдельные эпизоды в книжной обработке. Но и в этих последних, при сопоставлении их с изустными записями XVIII—XX вв., ясно вырисовывается подлинный облик былины.

¹⁰⁴ Главные работы, касающиеся общего характера южной эпической традиции: В. Миллер. Казалкие эпические песни XVI и XVII вв. Очерки. . . , т. III (статья 1914 г.); А. М. Листопадов. 1) Донские былины. Ростов-на-Дону, 1945; 2) Песни донских казаков. Под общей ред. Г. Сердюченко. Т. I. Музгиз, М., 1949; Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 2, стр. 265—272. — Эпическая традиция Сибири охарактеризована была в работах: М. К. Азадовский. 1) Эпическая традиция в Сибири. Чита, 1921; 2) вступ. статья в кн.: Былины и исторические песни из южной Сибири. Записи С. И. Гулева.

¹⁰⁵ Сибирской эпической традиции посвящены один из разделов книги Я. Р. Кошелева «Вопросы русского фольклора Сибири (дооктябрьский период)» (Томск, 1963, стр. 67—107) и две статьи В. М. Сидельникова — «Древнерусская эпическая традиция в Сибири» (в кн.: Писатель и жизнь. Историко-литературные, теоретические и критические статьи. «Ученые записки Литературного института им. А. М. Горького», вып. 2, М., 1963) и «Эпический репертуар Сибири и его своеобразие» (в кн.: Советская литература и фольклор Бурятии, вып. 2. Улан-Удэ, 1962). Поволжская и южноказачья эпические традиции изучены А. М. Астаховой в работах «Былинная традиция в Поволжье» (в кн.: Русская народная поэзия. «Фольклористические записки Горьковского государственного университета», 1961, № 1) и «Вопросы изучения донской былины» (в кн.: Народная устная поэзия Дона (Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18—23 декабря 1961 г.). Изд. Ростовск. универс., 1963).

¹⁰⁶ См. в главе V.

Почти все тексты представляют собой копии, восходящие к оригиналу иногда через несколько последовательных стадий переписки. Следовательно, при помощи этих текстов мы знакомимся с былинной XVII и даже XVI в. Рукописные тексты сохранили в некотором количестве былины и героические, и новеллистические. Все они известны нам и по позднейшим изустным записям.¹⁰⁷

Анализ этих текстов в их сопоставлении с позднейшими записями приводит к выводу, что к XVII в., т. е. к концу продуктивного периода жизни эпоса, уже определился тот тип былины, который во многих вариантах был обнаружен сперва в Западной Сибири (или в Приуралье) в середине XVIII в., затем с середины XIX в. в средней России, на Севере и в разных местах Сибири. Это развернутое, строго эпическое повествование в определенном стихотворном строе, с устоявшейся фразеологией и с особыми поэтическими средствами. Сопоставляя рукописные тексты с вариантами тех же сюжетов XIX—XX вв., мы видим значительную устойчивость композиции, что дает основание предполагать наличие этих же композиций и в более ранние века.

Лишь очень немногие отдельные эпизоды, несомненно принадлежавшие устной традиции, не оставили следов в позднейших вариантах, и это было обусловлено или необязательностью их для логики построения сюжета, или исчезновением в самой действительности тех черт исторического быта, с которыми данные эпизоды были тесно связаны.¹⁰⁸

Изучение рукописных текстов убедительно также показало, что к XVI—XVII вв. сложились и некоторые из тех версий и редакций одного и того же сюжета, которые нам известны в позднейших изустных записях, например две версии столкновения Алеши Поповича с Тугарином Змеевичем, особая версия былины о Михаиле Даниловиче, два типа былины о Ставре.¹⁰⁹ Созданы были и разные варианты отдельных эпизодов, входящих в композицию определенного сюжета (например, в былинах об Илье Муромце и Соловье-разбойнике по-разному изображались и освобождение города от обложившей его иноземной рати, и само столкновение богатыря с Соловьем-разбойником, и эпизод проезда Ильи через подворье Соловья, и сцена в палатах князя). Можно с полной вероятностью также предположить, что уже в продук-

¹⁰⁷ См. об этом в сборнике: Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. Издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.—Л., 1960.

¹⁰⁸ Там же (вступительная статья). — См. также: А. П. Евгеньева. Язык былин в записях XVII в. (Автореферат). «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. III, 1944, вып. 4, стр. 173.

¹⁰⁹ Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков, стр. 15—23; В. В. Митрофанова. «Повести», «Сказания» и «История» об Илье Муромце «себежской группы». В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 98—100.

тивный период складывались и некоторые контаминации — отдельные случаи их, вполне совпадающие с тем, что мы наблюдаем в позднейших устных вариантах, находим в текстах рукописных (присоединение к былине о Соловье сюжета об исцелении Ильи Муромца; встреча Ильи с ватагой разбойников в контаминации с былиной о Соловье, как предваряющий эпизод, усливающий героический облик богатыря).¹¹⁰ Одним словом, к концу продуктивного периода не только сформировался основной сюжетный состав русского эпоса и определилась его художественная жанровая специфика, но внутри его происходило творческое варьирование, образовавшее новые композиции одних и тех же сюжетов.

Анализ рукописных текстов установил также, что былина уже в ранний период, кроме мотивов героико-патриотических, включала и мотивы социальные — сниженные, подчас сатирические образы князя и бояр,¹¹¹ что опровергает высказанное в последние годы положение о том, что социальные конфликты появляются в былинах якобы только на поздних этапах развития эпоса, не ранее XIX в., в связи с ростом в это время классовых настроений.¹¹²

В продуктивный период определились и главные черты героев богатырской триады — Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича. Правда, былины о Добрыне в рукописных текстах не сохранилось, но имеются следы уже сложившегося его образа как правой руки Ильи Муромца и намечается противопоставление Добрыни и Алеши по некоторым их свойствам, ярко отраженное в более поздних изустных записях.¹¹³ Героический облик Добрыни полно представлен в сборнике Кириши Данилова, что тоже дает основание считать его вполне сложившимся к концу продуктивного периода.

Из мест, где эпос, возникший первоначально на юге, в Киевской Руси, продолжал развиваться и сюжетно обогащаться (древние Ростово-Суздальская и Новгородская земли и Московское государство), былины с колонизационными потоками распространились по всей стране. Выше уже было сказано, что, когда началось собирание былин, они были найдены и во многих областях европейской части русского Севера, и в Сибири, и по всему Поволжью, и в юго-восточных районах России, преимущественно казачьих, включая и Северный Кавказ. В XIX в. былины в уст-

¹¹⁰ Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков, стр. 26—40, 45—53; В. В. Митрофанова. «Повести», «Сказания» и «Истории» об Илье Муромце «себежской группы», стр. 88—95.

¹¹¹ Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков, стр. 19, 36—38, 48, 53, 270.

¹¹² См. об этом в главе III (стр. 121—123).

¹¹³ Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков, тексты №№ 15—18, 20—24, 26.

ной традиции сохранялись еще и в центральной России — в губерниях Московской и смежных с ней и в губернии Новгородской. В последней былины записывались еще в 40-х годах XX в.

Судьбы эпического наследия, разнесенного по всей стране, были различными. В одних местах оказался более богатый былинный репертуар — и не только количеством сохраненных древних сюжетов, но и различными версиями их, многообразием редакций и вариантов. Кое-где наблюдалось и сложение новых былин, — правда, как уже указывалось, путем переоформления на былинный лад сказочных и песенных сюжетов или разработки некоторых традиционных эпических тем. В других местах состав местной эпической традиции оказывался беднее, многих древних сюжетов не доставало.

В различном виде предстал в разных очагах эпической традиции и сам жанр былины. В одних местах он не только сохранил свой исконный вид развернутого повествования со специфической поэтикой и фразеологией, но в ряде случаев приобрел, по видимому уже на новых местах, еще более усложненный и пышный характер путем более детальной разработки отдельных эпизодов, перенесения мотивов из других былин, объединения сюжетов в одно целостное повествование. Наоборот, в других местах повествование сокращалось, упрощалось, становилось фрагментарным.

Все это зависело от разных причин. Основная — это те условия бытования, которые создавались на местах, куда проникала эпическая традиция. Но в ряде случаев могло играть роль время, когда в то или иное место былины заносились, а также и то, откуда и какими путями они были занесены.

Как известно, в наибольшей сохранности и полноте в XIX—XX вв. былинное наследие оказалось на русском Севере — в Прионежье, на Пинеге, Кулое, Мезени, Печоре и берегах Белого моря, т. е. в губерниях Олонецкой, Вологодской и Архангельской. Об обстоятельствах, которые способствовали этому, было сказано выше, так же как о тех творческих процессах, которые происходили в составе и характере занесенного сюда эпоса.

Последние, т. е. состав и характер эпических репертуаров, оказались, однако, к концу XIX в. различными в отдельных былинных очагах Севера,¹¹⁴ и тут как раз могло сказаться в известной степени то обстоятельство, что в разные районы Севера попадали былины не в одни и те же сроки и не одинаковыми

¹¹⁴ См. об этом: А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, стр. 333—369. — Ценные наблюдения над местными чертами районных эпических традиций находим в книге: Reinhold Trautmann. Die Volksdichtung der grossrussen. Heidelberg, 1935, S. 111—126. — Траутману хорошо был известен весь материал русского эпоса, включая записи, произведенные в 20-х годах. В 1931 г. он был в СССР и познакомился с этими записями.

путями, а следовательно, занесенный сюда эпос уже с самого начала отличался по районам специфическими особенностями. Так, раньше всех других районов Севера стало заселяться Прионежье, южная часть которого уже в XII в. входила в государственные земли Новгорода, образуя его Обонежскую пятину. Заонежье, оказавшееся одним из основных очагов былинного сказительства, к XV в. уже было достаточно густо населено. От XIV в. имеются сведения об образовании здесь крупных монастырских и промышленных факторий, одновременно сюда приходили и здесь селились мелкие промышленники и пахари из крестьян.¹¹⁵ С XIII в. стали заселяться и северные части Прионежья, а также юго-западные побережья Белого моря, куда влекли торгово-промышленные интересы новгородских именитых людей — посадников, бояр, детей боярских, иноков,¹¹⁶ а вслед за ними простых новгородцев. Таким образом, колонизация этой части Севера шла исключительно из Новгорода. Когда же в XVI в., после того как наладились сношения Москвы с Западной Европой через Архангельск, а выход в Балтийское море был закрыт шведами, Прионежье оказалось в стороне от главных торговых путей, оторванным от всяких новых веяний, старые, установленные от Новгорода культурные традиции прочно укрепились здесь.¹¹⁷ Возможно, что всем этим и был обусловлен наиболее обширный по количеству сюжетов состав былинного репертуара Прионежья, а также наилучшая сохранность именно здесь былин собственно новгородского творчества и некоторых древнейших композиций былин, унаследованных, очевидно, Новгородом из Киева.¹¹⁸

Заселение северо-восточных районов русского Севера — Пинеги, Кулоя, Мезени, Печоры и Зимнего берега — происходило позже, примерно с XVI в., и шло с юга двумя путями: из Новгорода и из московских земель. Возможно, что к этому времени уже сложились особые версии и редакции сюжетов, прошедших долгий путь устного бытования в Ростово-Суздальской и Московской землях. Таким образом, Киевский эпос уже претерпел известные изменения, прежде чем достиг Севера, — одни в пределах новгородских земель, другие в землях Московии. Законно поэтому усматривать в какой-то мере зависимость от этого характерных

¹¹⁵ См.: Очерки по истории колонизации Севера, вып. I. Пгр., 1922, стр. 7—34; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 42, стр. 463, 551, 906.

¹¹⁶ В начале XV в. был основан Соловецкий монастырь. Кемь и южное побережье Белого моря в это время принадлежали именитой посаднице Марфе Борецкой.

¹¹⁷ К. К. Романов. Заонежье в историко-бытовом и художественном отношении. В кн.: Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927, стр. 13.

¹¹⁸ Характеристику областной традиции Прионежья см. в кн.: А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, стр. 340—351.

отличий северо-восточных традиций от прионежской. Но и в северо-восточных районах эпическая традиция не оказалась единой. Изучение былинных репертуаров разных мест позволило говорить об областных традициях Пинежья, Мезени, Печоры, Зимнего берега,¹¹⁹ а в пределах этих крупных районов выделить и более узкие подразделения. Так, например, традиция, установившаяся на средней Печоре, отличается некоторыми своими чертами от традиции Нижнепечорья.¹²⁰ То же видим и в Прионежье: своеобразные черты эпических традиций по отдельным районам (например, южная часть Заонежья, Пудожье, Кенозеро и т. д.). Во всем этом сказался характер дальнейших видоизменений освоенного эпического наследия, происходивших уже на самом Севере в зависимости от разных причин: большей или меньшей замкнутости района, наличия в отдельных местностях крупных мастеров, творчески переоформляющих эпическое наследие и создающих художественные школы, и т. п.

Совсем иной тип былины, резко отличной от северного, был обнаружен во второй половине XIX в. на юге, в казачьих поселениях на Дону, нижней Волге, по реке Уралу и на Северном Кавказе — по Тереку.

Здесь сравнительно мало сохранилось былин, содержащих целостные классические сюжеты в их традиционной композиционной схеме. Но и эти редкие былины передают сюжет очень сокращенно, выключая отдельные эпизоды и детали в их разработке. Большинство же текстов, записанных в южноказачьих поселениях, представляют собой лишь отдельные сцены из жизни тех же богатырей, которые действуют в севернорусских былинах. Часто это один из эпизодов классической былины, как бы фрагмент ее, получивший некоторую завершенность (например, выезд Ильи Муромца на военные подвиги, отъезд Добрыни Никитича из дома и прощание его с матерью, составляющие начало былины о неудачной женитьбе Алеша Поповича на жене Добрыни, описание коня и вооружения Дюка — начало былины о Дюке Степановиче). Иногда это даже не фрагмент известной былины, а новое произведение, возникшее на основе припоминания какого-либо эпического мотива. (Такова, например, песня, записанная на Кубани, о нападении на Илью Муромца «черной гадины», кричащей по-зменному, — смутное припоминание о Соловье-разбойнике, донская песня об остановке в море кораблей Садко, песня гребенских казаков о богатырях на заставе, мимо которой проскакивает на коне неведомый молодец, и др.).

Вместе с таким характером южных текстов о былинных богатырях была отмечена и другая их своеобразная черта — хоровое

¹¹⁹ Там же, стр. 351—369.

¹²⁰ Эти отличия отмечены в сборнике «Былины Печоры и Зимнего берега» — в комментариях к отдельным печорским былинам.

многоголосное исполнение, тоже отличающее их от севернорусских былин, обычно исполнявшихся единолично на особые речитативные напевы.¹²¹ Эта особенность музыкального исполнения казачьих былин при краткости и фрагментарности текстов побудила крупнейшего собирателя и исследователя южной эпической традиции, А. М. Листопадава, назвать их «былинными песнями».¹²²

Тексты, обнаруженные в южноказачьих поселениях, были восприняты на фоне общерусской традиции как искаженные остатки, «жалкие отрывки» старых былин. В специальной работе, посвященной южным былинам, В. Ф. Миллер так и трактует их.¹²³ Соотнося их содержание с северными обработками, он видит в них характерное выражение угасания былиной традиции в условиях казачьего быта, искажение пародной памяти, «комкание» классических былин в процессе переделки на хорошие песни. Вся статья направлена на то, чтобы вскрыть, к какому именно сюжету богатырского эпоса восходит та или иная песня, что она сохранила из старой былины, что потеряла. Отсюда и общая низкая эстетическая оценка былинных песен, которым В. Ф. Миллер отказывает в литературных достоинствах. Интерес казачьих былин для него заключается преимущественно в том, что они дают материал для восстановления эпического репертуара Московского государства XVI—XVII вв., — в это время стали образовываться казачьи общины на юге выходцами из Московии; ранними поселенцами южных окраин и были занесены на юг богатырские былины.

Такое отношение к южным былинам разделяли с Миллером многие из его современников и учеников. Представление о казачьих былинных песнях только как об обломках старой эпической традиции привело к тому, что они до 40-х годов по-настоящему не изучались, а в общих курсах по фольклору о них даже не упоминалось и образцы их не включались в былинные антологии.¹²⁴ Исключением явился курс проф. Б. М. Соколова «Русский фольклор», где казачьим былинам посвящен специальный раз-

¹²¹ Новейшие исследования установили, что среди южноказачьих напевов былины встречаются и напевы типично сольного характера (устное сообщение Б. М. Добровольского), однако хоровое и многоголосное начало все же преобладает.

¹²² См.: А. М. Листопадава. Песни донских казаков, т. I, ч. 1, стр. 31 (наименование раздела).

¹²³ В. Ф. Миллер. Казачьи эпические песни XVI и XVII вв.

¹²⁴ Так, например, в известном курсе М. Сперанского «Русская устная словесность» они полностью игнорируются. Такое отношение к казачьим былинам коснулось и учебных курсов советского времени — «Русского фольклора» Ю. М. Соколова и пособия для вузов «Русское народное поэтическое творчество» под редакцией П. Г. Богатырева (М., 1954, 1956).

¹²⁵ Б. М. Соколов. Русский фольклор. Вып. 1. Былины. Изд. 2. М., 1931, стр. 33—35.

дсл.¹²⁵ В нем Б. М. Соколов кратко излагает основные положения Вс. Миллера. В соответствии же с общим направлением своего курса — стремлением вскрыть в былинах их исторические социальные наслоения — он в содержании южных былин выделяет казачий элемент.

В 40-е годы и в начале 50-х годов художественной стороне казачьих былин начинают уделять несколько больше внимания. А. М. Листопадов пишет специальную статью о музыкальных особенностях казачьих былинных песен.¹²⁶ Г. П. Сердюченко во вступительной статье к сборнику текстов донских былин, составленному А. М. Листопадковым, касается некоторых образов и мотивов донских былинных песен.¹²⁷ В 40-х годах в Ростовском государственном университете защищена диссертация Я. П. Лепилина на тему «Богатырская триада Киевского цикла в донской былине».¹²⁸ Специальный раздел о южных былинах включен в главу «Былинный эпос» изданных Институтом русской литературы АН СССР «Очерков по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX—начала XX века».¹²⁹ В нем, кроме общей характеристики южного типа былины и обзора тем, разрабатывавшихся казачьим эпосом, подчеркиваются мотивы, особо популярные вследствие их созвучности казачьему быту. Выделены и некоторые поздние былинные композиции, которые складывались на основе устоявшихся традиционных мотивов.

Наконец, уже в самые последние годы, тексты южных былин были подвергнуты детальному изучению, и вопрос о художественной природе песен был заново пересмотрен.¹³⁰ С точки зрения их художественного качества рассмотрены обе основные группы произведений южного богатырского эпоса — 1) сохранившие целостные сюжеты и 2) песни, содержащие лишь отдельные эпизоды и сцены из жизни богатырей.

Отмечая справедливость указания прежних исследователей на чрезвычайную лапидарность южных былин, которая резко отличает их от обстоятельных, детально разработанных былинных повествований Севера, автор на примере анализа нескольких былин раскрывает их своеобразные художественные достоинства — стройную, слаженную композицию, динамичность ряда сцен, драматическую напряженность, сближающую их в какой-то мере с балладами, яркие образы, оригинальные, выразительные детали.

¹²⁶ О складе былин северных и донских. В кн.: А. М. Листопадов. Песни донских казаков.

¹²⁷ А. М. Листопадов. Донские быliny.

¹²⁸ Рукопись находится в научной библиотеке Ростовского университета (шифр: Д-196).

¹²⁹ Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 2, стр. 265—272.

¹³⁰ А. М. Астахова. Вопросы изучения донской былины.

Что касается второй группы эпических произведений о богатырях, «былинных песен», то автор путем анализа их содержания показывает, что их нельзя рассматривать как отрывки классических былин, что это «особые песенные сюжеты, отдельные сцены и картины, рисующие богатырей в различных обстоятельствах, сцены, богатые изобразительными деталями, ярко рисующие образы богатырей... и очень созвучные казачьему быту и мироощущению казаков».¹³¹

В статье рассматриваются и различные пути образования южных песен о богатырях: оформление отдельных фрагментов классических былин, создание новых сюжетов на основе отдельных припоминаний, прикрепление к богатырскому имени безыменных песен-баллад.¹³²

Намечаются и дальнейшие задачи изучения южных былин. Во-первых, предстоит глубокий и детальный анализ всех особенностей построения и стиля эпических песен обоего типа: во-вторых, — раскрытие местных, районных отличий. «При сопоставлении былинных репертуаров разных групп казачества, — говорит автор, — может обнаружиться, что некоторые имеют свои сюжеты, которых у других нет, свои особые обработки одних и тех же сюжетов». И автор приводит несколько примеров таких отличий, которые показывают, что дальнейшее изучение эпоса южного казачества «может дать интересный материал и для истории фольклора, и для истории культурного взаимодействия внутри самого южного казачества».¹³³

Для истории русского эпоса, путей его передвижения и развития может иметь значение сопоставление эпических песен южных казаков с былинами Поволжья и Сибири, в пределах которых тоже образовывались казачьи войска.

Успешному изучению всех этих вопросов должно способствовать объединение и систематизация всех разбросанных по разным изданиям и архивохранилищам разновременных записей, образование «свода казачьего эпоса». В нем чувствуется настоятельная потребность.

Как в отношении северной эпической традиции, так и при исследовании былин, записанных на юге, ставился вопрос о причинах длительного сохранения здесь былинного эпоса. Он решался всеми исследователями одинаково и несомненно правильно: содержание воинских героических былин, их идеалы были близки, понятны казакам, созвучны их быту, их боевой жизни. В. Ф. Миллер писал: «Постоянно воюя с татарами, турками, ногайцами, киргизами, башкирами и проч., „полякуя“ в „поле“, стоя на сто-

¹³¹ Там же, стр. 61.

¹³² Там же, стр. 58—64.

¹³³ Там же, стр. 65.

рожах, живя по месяцам под открытым небом, претерпевая всякие лишения в походах, подвергаясь ежедневным опасностям, казаки продолжали вести тот образ жизни, который рисуется в былинах богатырского киевского цикла». ¹³⁴ «Там на севере, — говорит А. М. Листопадов, — свободный отважный северянин в борьбе с природой черпал бодрость и силу в воспевании в своих старинах подвигов былинных богатырей. Здесь на Дону, на южной окраине русского государства, в постоянной тревожной борьбе с враждебными народами, идеалом мужества, смелости и предприимчивости для казака, защитника родины и ее границ, являлись те же любимые богатыри». ¹³⁵

В казачьем эпосе действительно доминирует героическая тематика: столкновения богатырей с врагами, эпизоды длительных отлучек из дому для ратных подвигов и охоты, сцены прощания с семьей, снаряжения богатыря с описанием его могучего коня и воинской sprawy и т. п.

Но как же решается вопрос о том, почему казаки не сохранили былин в их исконной форме, в виде развернутых повествований, какая определилась к концу продуктивного периода? И к какому времени можно приурочить сложение особого типа эпоса, столь отличного от северного?

Решение первого вопроса обычно связывали с особенностями хорового исполнения, укрепившегося среди казаков. ¹³⁶ Бесспорно, что хоровая форма и многоголосие должны были закономерно привести и привели к сокращению текста, к выключению подробностей и отказу от эпической ретардации. Но к этому следует добавить, как это и сделано в статье «Вопросы изучения донской былины», ¹³⁷ что самое хоровое исполнение былины вызвано было исторически сложившимися бытовыми условиями жизни и деятельности казаков, постоянные походы и передвижения которых препятствовали культивированию древнего способа неторопливого «сказывания» и, наоборот, способствовали образованию хоровых богатырских песен, подобных историческим и казачьим или солдатским походным. ¹³⁸

Решению же второго вопроса помогло изучение фольклора казаков-пекрасовцев, покинувших, как известно, родину в XVIII в. и возвратившихся уже в XX в. От них были записаны богатырские песни того же типа и многие на те же сюжеты, причем некрасовцы, от которых они были записаны, почти все родились

¹³⁴ В. Миллер. Очерки. . . , т. III, стр. 254.

¹³⁵ А. М. Листопадов. Донские былины, стр. 5.

¹³⁶ См.: В. Миллер. Очерки. . . , т. III, стр. 257; А. М. Листопадов. Песни донских казаков, стр. 45; Ф. В. Тумилевич. Песни казаков-некрасовцев. Под общей ред. проф. П. Г. Богатырева. Ростов на-Дону, 1947, стр. 17—18.

¹³⁷ А. М. Астахова. Вопросы изучения донской былины, стр. 69.

¹³⁸ Там же.

в добровольном изгнании, в Турции. Следовательно, образование особого типа былинных песен произошло еще до ухода некрасовцев, и самый процесс их формирования мог длиться в течение двух столетий. Можно предполагать, что в начальный период своего поселения на южных окраинах казаки владели и большим числом сюжетов, и былинами в более развернутой повествовательной форме.¹³⁹

Изучение фольклора новой группы некрасовцев, недавно возвратившихся из Турции, подтвердило предположение о том, что тип южной былины сложился еще до XVIII в.: от вновь пришедшей «турецкой» группы некрасовцев вскоре по их возвращении записаны былинные песни характерного южноказачьего типа.¹⁴⁰

Итак, распространившись из центра в двух полярных направлениях — на север и на юг, былинный эпос образовал два различных типа эпических богатырских песен. В остальных крупных очагах былинной традиции, в Сибири и Поволжье, наблюдаются тоже своеобразные явления.

На всем пространстве Сибири, в самых различных местах, были сделаны записи былин в их изначальной классической форме.

Говорить об областных эпических традициях в Сибири вследствие сравнительно небольшого и разрозненного материала не приходится. Однако анализ записанных былин позволяет выделить в сибирских записях особые композиционные типы отдельных сюжетов и некоторые художественные тенденции.

Так, давно уже было замечено, что сибирские былины хорошо сохранили героический облик Алешы Поповича, значительно потускневший в некоторых областях европейского Севера, в особенности в Прионежье.¹⁴¹ Сюжет о победе Алешы над Змеем Тугарином записан в ряде вариантов и в западных частях Сибири, и на северо-востоке ее.

Также сибирской эпической традиции главным образом принадлежит тот, как полагают ученые, древнейший тип былины о Ставре, где жена Ставра выступает в роли грозного посла, угрожающего Кневу.¹⁴²

Особую, больше нигде не встретившуюся редакцию былины о Михаиле Даниловиче представляют сибирские варианты, записанные в количестве четырех в области реки Индигирки, в Рус-

¹³⁹ Там же, стр. 67—68.

¹⁴⁰ Устное сообщение Ф. В. Тумилевича автору данной книги в августе 1964 г.

¹⁴¹ См., например, вступительную статью М. К. Азадовского в кн.: Былины и исторические песни из южной Сибири. Записи С. И. Гуляева, стр. 24—25.

¹⁴² В. Миллер. Очерки... т. I, М., 1897, стр. 263—282; А. Н. Веселовский. Мелкие заметки к былинам. ЖМНП, 1890, № III, стр. 52.

ском Устье и на Нижней Колыме.¹⁴³ Главное ее отличие — в изображении боя и в финале. В длительном бою Михаил ранен, и тогда ему на замену выступает отец, который и побуждает врага. Михаил же Данилович, отнесенный отцом домой или в церковь, умирает. Все варианты объединены еще особым именем вражеского короля (Тит, иногда с отчеством Фарафонтьевич), а князь Владимир заменен каким-то князем Тимофеем.

Редакцию эту знал еще В. Ф. Миллер по записи Богораза с Нижней Колымы и считал, что былина о Михаиле перешла в Сибирь в редакции более близкой к первоначальной и что современные ее записи в европейской России являются результатом более поздней ее переработки.¹⁴⁴

В пользу этого решения говорят условия сохранения былинного наследия в районе Индигирки. Первые поселцы появились здесь еще в XVI—начале XVII в. и были выходцами русского Севера. Потомки их жили в сравнительно большой изоляции, окруженные ипородцами, и вынесенное предками с родных мест эпическое наследие хранили, по-видимому, чрезвычайно бережно, о чем свидетельствует устойчивость композиций в вариантах на одних и те же сюжеты. Но, с другой стороны, в индигирской редакции обнаруживаются и явления позднейшего времени — необычное имя вражеского царя, выпадение имени князя Владимира. Кроме того, в многочисленных северных вариантах нет никаких следов сибирской редакции. Таким образом, вопрос о времени и месте ее создания остается не решенным.

В других случаях в вариантах, записанных на территории Сибири, несомненны изменения, происшедшие уже здесь. Таков, например, вариант Кириши Данилова былины о Добрыне и Маринке, включающий эпизоды, нигде более не встречающиеся и явно довольно позднего происхождения (вечеринка у Маринки, ее хвостовство на пиру). Также более позднему времени принадлежит та редакция былины об Иване Годиновиче, которую мы находим у Кириши Данилова, и особая версия былины о Пытке (там же). Как и в былинах европейской России, в сибирских наблюдается отражение черт местного быта и природы.¹⁴⁵

Былины Сибири еще раз подтверждают наличие одновременно действующих двух основных процессов в истории эпоса после XVII в.: сохранение того, что было унаследовано из древ-

¹⁴³ «Этнографическое обозрение», 1913, №№ 1—2, стр. 126; Былины покой и недавней записи из разных местностей России. Под ред. В. Ф. Миллера, при ближайшем участии Е. Н. Елеонской и А. В. Маркова. М., 1908, № 45; «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. I, стр. 224—227.

¹⁴⁴ В. Ф. Миллер. Очерки..., т. I, стр. 426.

¹⁴⁵ См. об этом вступительную статью М. К. Азадовского (в кн.: Былины и исторические песни из южной Сибири. Записи С. И. Гуляева, стр. 27—28) и статью Сидельникова «Эпический репертуар Сибири...». В этих же работах см. еще случаи своеобразных сибирских обработок сюжетов и отдельных эпизодов.

нейшего периода, когда эпос возникал и оформлялся, и дальнейшее развитие и изменение освоенных композиций.

В репертуаре Сибири обращает на себя внимание довольно значительное количество былин фрагментарных и коротких. Некоторые из них явились результатом забывания традиции, как например записанный в Русском Устье отрывок об Илье Муромце.¹⁴⁶ В нем объединены мотивы былины о Соколе-корабле (описание чудесных «зверинных» пуговок кафтана Ильи) и былины об Идолище (осколок традиционного диалога и эпизода поражения Идолища). В обеих записях о Садко¹⁴⁷ сохранен только эпизод жеребьевки и совсем смутные припоминания выбора невесты на дне морском. Но имеются и тексты типа тех «былинных песен», которые описаны выше и которые представляют своеобразное казачье творчество. На Алтае, например, записан текст «про Алешу Поповича», изображающий отъезд богатыря из дому и прощание его с матерью,¹⁴⁸ аналогичный южным песням об отъезде Добрыни Никитича и Ильи Муромца. На Алтае записана также песня о рождении богатыря от Змея¹⁴⁹ — вариант начала известной былины о Волхе Всеславьевиче из сборника Кирши Данилова, но получивший завершенный вид. Очень интересна маленькая, но целостная былина о встрече и единоборстве Ильи Муромца с богатырем Турком, примыкающая к циклу былин о борьбе Ильи с богатырями-нахвалящниками.

Такая переключка с южноказачьим былинным репертуаром объясняется, очевидно, занесением подобных песен казачьей колонизацией или развитием казачьих эпических традиций уже в Сибири.¹⁵⁰

Своеобразную картину представляет былинный репертуар среднего и нижнего Поволжья, который стал складываться здесь с приходом русского населения, не ранее XVI—XVII вв. Исключение составила северная часть Поволжья — Нижегородский край, заселенный раньше.

Характер заселения края — в разные сроки и выходцами из различных мест России, принадлежащими различным социальным слоям, — определил пестрый состав населения Поволжья. После завоевания волжского торгового пути московское правительство начало строить по Волге крепости-городки с постоян-

¹⁴⁶ «Русский фольклор. Материалы к исследованию», т. I, стр. 227.

¹⁴⁷ Там же, стр. 230, 231.

¹⁴⁸ Былины и исторические песни из южной Сибири. Записки С. И. Гуляева, № 42.

¹⁴⁹ Там же, № 35.

¹⁵⁰ Воздействие казачьих эпических традиций на данную былинку отмечал еще М. К. Азадовский (там же, стр. 167). О том, что данная былина «возникла несомненно в казачьей среде», говорит и В. М. Сидельников (Эпический репертуар Сибири..., стр. 136—137). О влиянии казачьих традиций на стиль исполнения см. там же (стр. 160—161).

ным гарнизоном и переселять на укрепленные линии людей из разных мест. В дальнейшем правительство стало раздавать здесь земли помещикам, которые переселяли крестьян из других мест в свои новые владения. Московские монастыри также перемещали для рыбных промыслов на Волгу своих крестьян, иногда целыми деревнями. Поволжье заселялось также беглыми людьми, уходившими на окраины от крепостной кабалы и преследования власти. При этом пришельцы нередко уходили отсюда далее — на юг, восток, в Сибирь. Рядом с оседавшими прочно на местах какая-то часть населения находилась в постоянном передвижении.

Все это сказалось на фольклоре Поволжья, в частности на его былинном репертуаре. Он имеет как бы «промежуточный» между севером и югом характер. Здесь встречаем и некоторые распространенные былины в классической форме развернутого повествования, и довольно большое количество фрагментарных былин, близких типу «былинных песен». Среди них имеются все основные разновидности этих песен.¹⁵¹

В зависимости от времени и особенностей заселения, а также от связей с другими районами эпическая традиция Поволжья получила в разных его частях своеобразные черты.

Так, в Нижегородском крае (Горьковская область), заселенном значительно ранее других частей Поволжья и крепче других связанном с центром, обнаружена была традиция, наиболее близкая к среднерусской и северной. Преобладающее число текстов здесь — былины в классической форме и на традиционные сюжеты.¹⁵² Из всех записей только две фрагментарных, причем одна из них — явный осколок позабытой былины. Только одна — близкая к южноказачьему типу.¹⁵³

В былинной традиции южной части среднего Поволжья — в б. Симбирской и Самарской губерниях — также еще ясны связи с северной и среднерусской традициями по сюжетному составу репертуара и по характеру обработок. Вместе с тем, сохраняя в основном традиционную композицию, былины здесь короче. Имеется также довольно значительный уже слой «былинных песен».

Их становится еще больше в нижнем Поволжье, в Саратовском крае. Еще более короткими оказываются и былины на общерусские сюжеты. Таким образом, здесь намечается явный стык с южноказачьей традицией.¹⁵⁴

¹⁵¹ А. М. Астахова. Былинная традиция в Поволжье, стр. 46—48.

¹⁵² Конкретный материал см. там же (стр. 48—50).

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же, стр. 51—54.

В связи с изучением судеб самого жанра былины выделен был в последнее время особый вопрос о переходе былинных сюжетов и образов в другие жанровые системы — в устные рассказы-побывальщины и в сказки. В первом случае сохраняется еще крепкая связь с былиной и по содержанию, и по стилю, хотя и утрачен не только напев, но и стихотворная структура. Во втором случае былинный сюжет или отдельные его ситуации переключаются в художественную систему сказочного жанра, и былинные образы обретают новую, своеобразную поэтическую жизнь. Вот такие сказки, возникшие на основе былинных сюжетов, с богатырями в качестве действующих лиц, распространенные не только в русском фольклоре, но и у ряда других народов, испытавших воздействие народнопоэтической культуры русского народа, и были специально изучены.¹⁵⁵

Были выявлены все основные былинные сюжеты и их элементы, использованные в сказках, изучены соотношение идейного содержания сказок о богатырях с идеологией героического эпоса и особенности сочетания приемов эпического повествования со сказочными. В результате выяснено, что эпические сюжеты, переключаясь в художественную систему сказки, теряли в известной мере свой строгий, величавый характер, отступали от «эпической историчности», нередко растворялись в авантюрно-занимательном повествовании.¹⁵⁶ Использование былинных сюжетов сказкой часто влекло за собой объединение эпических ситуаций со сказочными, насыщение произведений чисто бытовыми сценами¹⁵⁷ и местными мотивами; последнее особенно проявилось в сказках иноязычных.¹⁵⁸

Вместе с тем анализ показал, что полностью сказочная стихия былинные сюжеты не поглощала, не ассимилировала. В основном сохранялась героическая и патриотическая направленность отраженных в сказках былинных сюжетов. Лучшие сказки сохранили и социальные мотивы эпоса.¹⁵⁹ Все это говорит о большом значении устных сказок о былинных богатырях в народнопоэтической культуре. Сказки эти явились своеобразными хранителями героических образов и идеалов русского эпоса там, где классическая былина в живой устной традиции уже исчезла или где ее и вовсе не было.

В сказочном фольклоре они образовали особый вид волшебного-героической сказки.

Изучены также пути возникновения этих сказок: 1) непосредственный переход из былины, обусловленный разрушением клас-

¹⁵⁵ А. М. Астахова. Народные сказки о богатырях русского эпоса. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962.

¹⁵⁶ См. там же, стр. 24—26, 32, 37, 107—108.

¹⁵⁷ Там же, стр. 87—88, 103—105 и др.

¹⁵⁸ Там же, стр. 86—87, 111—112.

¹⁵⁹ Там же, стр. 19—24.

сического напевного строя, а также увлечением отдельных сказителей сказочной формой повествования, и 2) переход через посредство лубочной литературы, народной книги и других общедоступных изданий, включавших специально составленные на основе былин сказки.¹⁶⁰ Отмечена идейно-художественная неравноценность таких «сделанных» книжных сказок и выделены те, которые сохранили патриотические и социальные тенденции русского эпоса.

Исследование происхождения народных устных сказок о былинных богатырях установило, что данное явление в фольклоре характерно главным образом для позднейшего этапа жизни эпоса, для XIX и начала XX в., хотя отдельные случаи образования таких сказок могли быть и раньше.

6

Вопрос о судьбах былинного эпоса продолжает занимать исследовательскую мысль и в последние годы. В послевоенное время вновь обращаются к обследованию районов, где в прошлом особенно интенсивно жила эпическая традиция, и к поискам былин в местах, в прошлом мало или почти не обследованных.¹⁶¹

Новые записи и наблюдения, подтвердив общее положение об угасании эпической традиции в XX в., убедительно показали всю сложность и неравномерность процесса. Картина состояния былинного эпоса в разных местах оказалась различной — от полного прекращения какой-либо жизни эпоса до некоторых проявлений живого бытования и наличия (хотя уже и в незначительном числе) хороших мастеров, помнящих и культивирующих былин.¹⁶² Это зависело и от местных общественно-экономических условий, и от крепости традиции в прошлом.

Новыми записями в основном подтвердились те процессы внутри эпоса, которые намечались прежними работами для позднейших этапов жизни эпоса — конца XIX и первой четверти XX в.: стремление к объединению былинных сюжетов, раскрывающих образ одного героя; усиление бытовых реалий, психологических мотивировок, а также авторских пояснений и оценок; особое акцентирование социальных мотивов; усиление воздействия на былинку других жанров, главным образом сказки, иногда песни и причитания. Заметна в новых записях и некоторая струя индивидуального творчества, выразившаяся в новых сюжетных образованиях и в оригинальной разработке традицион-

¹⁶⁰ Там же, стр. 34—65.

¹⁶¹ См. в главе V (стр. 206—209).

¹⁶² См. подведение итогов в этом направлении в моем выступлении по докладу В. Я. Проппа «Основные этапы развития русского героического эпоса» на IV Международном съезде славистов («Русский фольклор. Материалы и исследования», т. V, М.—Л., 1960, стр. 314—315).

ных эпизодов. Подтвердилась и значительная роль книги, т. е. возвращение в устную традицию напечатанных текстов.¹⁶³

Вместе с тем новые записи, в особенности записи 50-х и 60-х годов, свидетельствуют о несомненно резко выраженном процессе разрушения былинной традиции именно в два последние десятилетия. Это побудило собирателей особенно внимательно присмотреться ко всем явлениям, сопутствующим процессу угасания эпоса. В отчетах об экспедициях, в статьях, предваряющих публикации текстов, в примечаниях к отдельным былинам собрано немало конкретных фактов, характеризующих данный процесс.¹⁶⁴

Многие из них повторяют явления, отмеченные еще в середине 20-х годов, когда собирателю пришлось столкнуться с разрушающейся былинной традицией в одной из частей Заонежья. Тогда были отмечены как начальные моменты процесса угасания: забывание, приводящее к выключению ряда эпизодов, к нарушению их логического порядка, к незавершенности повествования; потеря чувства былинного стиля и, как результат, его обеднение, лишение его свойственных эпосу художественных средств, модернизация лексики, «опрозаичивание», тенденция к ускорению действия; влияние смежных жанров.¹⁶⁵

В настоящее время эти явления оказались распространенными по всем районам, где еще были найдены остатки эпической традиции. Э. В. Померанцева тщательно изучила записанные в 50—60-е годы тексты, собрала все характерные в плане разрушения былины явления и обрисовала общее современное состояние русской эпической традиции на Севере.¹⁶⁶ Тут и резкое снижение количества бытующих в народном репертуаре былинных сюжетов, такое же резкое сокращение числа людей, помнящих былины, и исчезновение последних из активного бытования, и «подавляющее количество не только не полноценных в художественном отношении текстов, но и дефектных, незаконченных, часто представленных несколькими строчками».¹⁶⁷ «Фабула большей части текстов значительно обеднена». Наблюдается также «недостаточная отшлифованность текстов, небрежность их разработки — результат утери исполнительского мастерства».¹⁶⁸

Интересно наблюдение Э. В. Померанцевой над значительным усилением в новых записях по сравнению с записями конца

¹⁶³ Там же, стр. 316—317.

¹⁶⁴ Библиография отчетов и публикаций новых записей дана в главе V (см. сноски на стр. 207—208).

¹⁶⁵ А. М. Астахова. Былина в Заонежье. В сб.: Крестьянское искусство Севера, т. I, Л., 1927, стр. 89—103.

¹⁶⁶ Э. Померанцева. Судьбы былевого эпоса в послевоенные годы. «Русская литература», 1963, № 4.

¹⁶⁷ Там же, стр. 121.

¹⁶⁸ Там же, стр. 122.

XIX и начала XX в. случаев модернизации лексики, нарушающих эпический строй былины: «...внедряясь все бесцеремоннее, количественно все возрастая», подобные вторжения несоответственных былинам слов и выражений «воспринимаются как нарушение стилистических норм былины, приобретают все больше оттенок деградации, падения мастерства».¹⁶⁹

Все эти наблюдения совершенно справедливы.

Однако устремления автора статьи в сторону подбора подобных явлений порой заслоняют перед ней удивительную сохранность все же в отдельных местах и у отдельных сказителей былого мастерства и приводят к некоторым обобщениям, которые не всегда согласуются с отдельными наблюдениями собирателей. Э. В. Померанцева пишет: «Любопытно, что если для 20—30-х годов было характерно индивидуальное творчество, очень настойчиво проявлявшееся в текстах записи этих лет, то в 50—60-х годах исполнители былин выступают уже не как мастера-творцы, а лишь только как информаторы, стремящиеся максимально точно воспроизвести то, что они запомнили».¹⁷⁰ Это наблюдение Э. В. Померанцевой несомненно правильно для многих обследованных мест. Но имеются и другие наблюдения. Н. К. Митропольская, не затушевывая общего спада былинного творчества на Печоре в 1942 г., отмечает наличие художественно-выразительных текстов, сохранивших былевую обрядность и свидетельствующих как раз о творческом отношении к эпическому наследию.¹⁷¹ О том, что на средней Печоре, по данным 1955 г., «еще сохраняется, правда в очень суженном кругу, древняя культура эпического искусства», говорит и Н. П. Колпакова, одновременно констатирующая общее затухание былинной традиции.¹⁷² В 1956 г. на нижней Печоре были обнаружены отдельные мастера с большим и ценным репертуаром — при всем том, что о живом бытовании былин в прежнем понимании этого явления говорить не приходилось.¹⁷³ Единичные случаи сознательной переработки (правда, далеко не совершенной) усвоенных текстов отмечает В. В. Митрофанова даже на нижней Мезени, где былина определенно вымирает, «можно даже сказать вымерла».¹⁷⁴

Таким образом, не следует закрывать глаза на то, что завершающийся в настоящее время процесс угасания былинной традиции диалектичен и одновременно с резкими явлениями деградации наблюдаются еще и явные проблески творческой жизни.

¹⁶⁹ Там же, стр. 123.

¹⁷⁰ Там же, стр. 124.

¹⁷¹ Былины Печоры и Зимнего берега, стр. 14—21.

¹⁷² Там же, стр. 23—26.

¹⁷³ Там же, стр. 28—33.

¹⁷⁴ В. В. Митрофанова. Мезенская былинная традиция в наши дни. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. VI, М.—Л., 1961, стр. 101—104, 109.

Вместе с раскрытием процесса затухания традиции нельзя игнорировать эти проблески. Не все также из фактов, приводимых в доказательство полной утери творческих импульсов, вполне убедительны. Так, в доказательство того, что «сказители сами осознают свое бессилие композиционно завершить свое повествование», дается подборка указаний на незавершенные тексты, среди них единичные случаи в репертуаре хороших сказителей; например, говорится: «Былину о Кострюке печорский сказитель Т. С. Кузьмин поет без конца, замечая: „больше не знаю“». ¹⁷⁵

Если бы подобрать из сборников Рыбникова и Гильфердинга такие случаи незавершенности текстов и обобщить их, получилась бы искривленная картина состояния былинной традиции в Прионежье во второй половине XIX в. Из 22 текстов, например, записанных Рыбниковым от Трофима Рябинина, 7 неполноценных: или незавершенных, фрагментарных, иногда представляющих лишь начало, отрывки (с указанием, что Рябинин далее не помнил), или обедненных и с прозаическими пересказами эпизодов. И такие случаи можно найти и у других лучших сказителей.

Русский былинный эпос — искусство большой художественной силы, и, несмотря на все предпосылки к уходу его из живой устной традиции, этот уход совершался медленно. В настоящее время он близок к своему полному завершению. ¹⁷⁶

Говоря о судьбах былинного жанра в современности, следует остановиться на одном характерном явлении народнопоэтической культуры 30—40-х годов. Когда в середине 30-х годов в русском народном творчестве особенно сильно проявилась потребность в создании новых поэтических произведений, которые отразили бы важнейшие события советской эпохи и выразили отношение народа к строительству новой жизни, сказители былин пытались выполнить это, используя привычные для них формы русского эпоса. Так сложены были многие новые «былины», поэмы, или «новины», как назвала эти новые эпические произведения известная сказительница Зимней Золотицы М. С. Крюкова.

Сами сказители были чрезвычайно увлечены своим новотворчеством. Многими же учеными это явление было принято за начало нового народного советского эпоса. Это связано было отчасти и с тем, что в это время наблюдалось известное оживление старого эпоса в одном из главных районов былинной традиции — в Карелии, где оно было обусловлено, с одной стороны, воздействием оборонных настроений этих лет, с другой стороны — исключительным вниманием, проявляемым общественностью к носителям классического эпоса. И хотя еще в те же 30-е годы и позже указывалось на художественное несовершенство новых произве-

¹⁷⁵ Э. Померанцева. Судьбы былевого эпоса..., стр. 121—122.

¹⁷⁶ Былины Печоры и Зимнего берега, стр. 43.

дений (перегрузка архаическими приемами, переходящая в прямое копирование былинной формы, что приводило к разрыву между формой и содержанием), вместе с тем отмечались и некоторые удачи и достижения. Одновременно внимательно прослеживались и тщательно разыскивались все случаи устного бытования новых произведений — перенимание одними сказителями от других, с известным варьированием, или целостных сюжетов, или отдельных фрагментов.¹⁷⁷

Но «возрождения» эпоса, как известно, не произошло. Новые эпические произведения оставались только в авторском пользовании и публиковались как авторские, а другими сказителями, за редкими исключениями, восприняты не были. Вместе же с дальнейшим затуханием эпической традиции погасло и сказительское новаторство в области эпоса.

Сейчас мы должны признать указанное явление вполне закономерным для тех лет. Оно сыграло в свое время положительную культурно-пропагандистскую роль, акцентируя героическое начало нашей жизни и поддерживая патриотические настроения. Особенно значительна была эта роль в Великую Отечественную войну. С этой стороны эти произведения сохранят определенное историческое значение.

Старинный же эпос и после его окончательного исчезновения из живой традиции, будучи сохранен в записях и публикациях, останется в веках в общей сокровищнице народнопоэтической культуры как непреходящая ее ценность.

¹⁷⁷ См., например: Н. П. Андреев. Былины. Русский героический эпос. Л., 1938 («Библиотека поэта». Большая серия), стр. 34—36; А. Астахова. Русский героический эпос и современные былины. В кн.: «Советский фольклор». Сб. статей Фольклорной секции Ленинградского отделения Союза советских писателей, Л., 1939.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

О ПУТЯХ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЭПОСА

При подведении итогов изучения той или иной проблемы или отдельных вопросов в главах настоящей книги попутно намечались и задачи дальнейшего изучения. Не повторяя частных решений, выделим наиболее значительные, узловые проблемы, разработка которых должна составить основное русло в изучении русских былин.

Как выяснилось из критического просмотра большой и сложной литературы о былинах, одна из основных нерешенных проблем, вокруг которой и в прошлом и в настоящем шли и идут наиболее жаркие и острые споры, — это проблема происхождения русского былинного эпоса, его исторических корней, самого характера его историзма. В сущности говоря, это ключевая проблема, с тем или иным освещением которой связан целый комплекс других проблем и вопросов.

Только выяснив отношение эпоса к действительности при самом его формировании, можно решить более определенно проблему жанра. Если мы сейчас уже представляем себе главные особенности жанра былины в том виде, в каком она дошла до нас, и достаточно четко выделяем былинку из группы смежных повествовательных жанров, то вопрос о том, как возник этот вид, — при самом ли зарождении произведений, или уже в процессе их развития в устной традиции, — еще совершенно не ясен.

Мне представляются следующие необходимые пути дальнейшей разработки проблемы отношения былины к действительности. Надо провести сложную и трудоемкую работу по критическому пересмотру всех существующих концепций, касающихся возникновения отдельных былин и их циклов, подвергнув решения, к которым пришли представители различных направлений, разного понимания историзма былин, самому тщательному разбору. Следует осмыслить, какую же роль в формировании былин-

ного эпоса могли играть конкретные факты истории, что могут дать для уяснения времени возникновения былин и характера связи с действительностью те исторические реалии, какие мы находим в былинах.

Словом, надо заново поднять весь тот обширный исторический и литературный материал, который накоплен предыдущими исследованиями, внимательно разобраться в нем, чтобы отбросить все, что только загромодило и запутало конечные выводы; выделив же гипотезы, заключающие в себе наиболее вероятное, подвергнуть их снова глубокой проверке и осмыслению.

Примерно такого типа конструктивное предложение в отношении связей былин с историческими фактами, устанавливаемых представителями исторической школы, наметилось в одной из последних статей Б. Н. Путилова, о чем уже было сказано во второй главе.

В решении основной проблемы — генезиса русского богатырского эпоса — может очень помочь изучение эпосов других народов, и прежде всего эпосов сходного типа, родственных и по времени продуктивного периода их формирования и развития (время феодализма), и по исторической обстановке, в какой эпос складывался (в основном — борьба за национальную независимость), и по близким связям с эпосом догосударственным (явления реликтовой идеологии и образности). Здесь имеются в виду преимущественно южнославянские юнацкие песни, исследователей которых волнуют примерно те же вопросы, что и русских ученых, изучающих наши былины.¹ Возобновить на новых методологических началах историко-сравнительное изучение русского эпоса с южнославянским совершенно необходимо. Между прочим, за рубежом, и особенно славянские ученые, зачастую обращаются к русским былинам, в содержании и судьбах которых ищут материал, освещающий некоторые явления национальных славянских эпосов.² Изучение же русских былин ведется последнее время слишком изолированно, в основном без учета результатов изучения славянского эпоса.³

¹ См., например: Петър Диневков. Български фолклор. София, 1959 (глава «Юнашки песни»).

² См., например: T. Margetić. Naša narodna epika. Zagreb, 1909; H. Банашевић. Циклус Марка Краљевића. Скопје, 1935; V. Karbusický. Středověká epika a počátky české hudby. «Hudební věda», 1964. № III; Karel Hořálek. Studie o slovanské lidové poezii. Praha, 1962; Цв. Романска. Славянски фолклор. Очерци и образци. София, 1963.

³ Интересный сравнительный материал по идейно-художественному содержанию и выразительным средствам эпического творчества славянских народов дан в наше время в работах Н. И. Кравцова (Историко-сравнительное изучение эпоса славянских народов. В кн.: Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958) и П. Г. Богатырева (Некоторые задачи сравнительного изучения славянских народов. М., 1958). Там же намечены и вопросы, подлежащие сравнительному изучению.

Сравнительное изучение эпоса и феодального времени, и более раннего у разных народов поможет также осветить в области генетической проблемы вопрос, тоже еще до конца не решенный, — об эпических традициях догосударственного эпоса в былинах. Об этом уже говорилось.

С проблемой отношения былины к действительности связан как вопрос об историческом развитии жанра в продуктивный период его жизни, так и вопрос о дальнейших судьбах его в устной традиции, иначе говоря — проблема его истории, тоже одна из центральных проблем в изучении эпоса. Некоторые явления в этой области, как отмечено в соответствующих главах, уже в какой-то мере выяснены; наметились и основные пути в движении идейно-художественного содержания эпоса на протяжении всей его жизни в устной традиции. Но необходимо продолжить разработку сравнительного изучения всех имеющихся былинных записей с целью выделения более ранних и более поздних пластов в былинах, так как в имеющихся набросках исторической периодизации русского эпоса много еще спорного и неясного.

В главе, посвященной вопросам эпического стиля, иногда отмечалось, при рассмотрении состояния изученности этих вопросов, что если общее освещение более или менее бывало достигнуто, то в плане исторического развития наблюдаемых особенностей сделано еще мало. Вот этот исторический уклон и следует главным образом иметь в виду при дальнейшем изучении.

Сравнительное изучение былин с эпосом тех народов, которые, подобно русскому, сохранили его в живой устной традиции, может во многом прояснить некоторые явления и наметить общие закономерности. В частности, сказительство на поздних этапах жизни героического эпоса всегда интересовало и продолжает интересовать славянских ученых, отмечающих явления, близкие к тем, которые раскрыты в исполнительском творчестве русских сказителей. Так, например, одно из характерных явлений в устной жизни русского эпоса во второй половине XIX в. и в первой половине XX в. — процесс обратного возвращения в устную традицию текстов из книги — находит полное соответствие в бытовании южнославянских юнацких песен.⁴

Русский эпос всегда привлекал внимание зарубежных ученых, особенно потому, что эпическая поэзия западных народов давно исчезла из живого бытования, сохранившись в письменных документах и литературных обработках. Эпические богатства русского

⁴ См., например: Mathias Murko. La poésie populaire épique en Yougoslavie au début du XX siècle. Paris, 1929; П. Вранска. Дядо Мано — автор и исполнитель на народни песни от с. Маслово. «Известия на этнографския институт с Музей», книга първа. София, 1953.

народа, открытые в живой устной традиции, представили для мировой науки, вместе с южнославянской эпической поэзией, исключительный интерес и значение, так как давали и дают материал для освещения общих законов развития эпического творчества. Это огромное значение русского эпоса в масштабах мировой науки в особенности требует интенсивной разработки всех проблем, встающих при изучении русских былин.

Вместе с тем сравнительно-историческое изучение выявит и национальное своеобразие русского эпоса, так же как и эпоса каждого из других народов. А это тоже одна из коренных задач в изучении эпического творчества народов мира.

У К А З А Т Е Л Ь И М Е Н

- Абрамович А. 59
 Адрианова-Перетц В. П. 26, 62, 66,
 111, 112, 180, 202, 240
 Азадковский М. К. 31, 59, 60, 62, 63,
 65, 106, 171, 185, 187, 190, 191,
 193—195, 202, 217, 243, 253, 255,
 260, 262, 272—274
 Акимова Т. М. 121—123
 Аксаков К. С. 29, 36, 92
 Александровский Г. 4
 Андреев И. И. 252
 Андреев Н. П. 11, 17, 59, 63, 65, 108,
 135, 136, 214, 240, 281
 Аникин В. П. 14, 21, 81
 Аничков Е. В. 9, 17, 129
 Аренский А. С. 163
 Арефин С. Я. 196
 Астахова А. М. 12, 13, 59, 60, 62, 63,
 65, 106—108, 112, 125, 136, 165,
 168, 193, 195, 202, 203, 205, 206, 210,
 213, 214, 218—220, 225, 229, 240,
 241, 243, 248, 249, 254, 256, 257,
 260—263, 265, 266, 269, 271, 275,
 276, 278, 281
 Афанасьев А. Н. 30, 31, 167, 188
 Багалей Д. 102, 135
 Базанов В. Г. 12—14, 62, 63, 70, 108,
 188, 190, 191, 193, 205, 206, 240,
 260, 261
 Балашов Д. М. 19
 Барсов Е. В. 195
 Бахтин В. С. 254
 Белинский В. Г. 6, 7, 36, 37, 88, 89,
 101, 127, 128, 130, 226
 Бельский 182
 Бенфей 31
 Берков П. Н. 86
 Бернштейн С. И. 202
 Бессонов П. А. 8, 9, 92, 183—185,
 188, 189, 235
 Билибин И. 193
 Богатырев П. Г. 14, 108, 173, 208,
 268, 271, 283
 Богданов Л. 235
 Богданова Н. С. 241, 246, 251, 253,
 254
 Богомоллов Б. И. 108
 Богораз-Тан В. Г. 195, 198, 211, 273
 Богословский Б. А. 196, 198, 254
 Богословский П. С. 171, 172
 Бодянский О. М. 89
 Бонди С. М. 154
 Борецкая Марфа 266
 Бородина-Морозова Э. Г. 203, 206,
 210, 241, 254, 255, 259
 Бороздин А. 9, 17, 129
 Боян 53
 Брехгауз 9, 266
 Брюкнер А. 49
 Брюсов В. Я. 153, 154
 Будде Е. Ф. 170, 171, 173, 174, 180
 Булатов М. 213
 Буслаев Ф. И. 7, 8, 28, 29, 34—36,
 91
 Васильев Н. В. 192, 247, 255, 261
 Верещагин 184
 Веселовский А. Н. 10, 33, 34, 40—42,
 54, 56, 60, 129, 130, 169, 219, 225,
 272
 Вилльмарке 38
 Виноградов Г. С. 193
 Владимирцов П. В. 20
 Власова З. И. 185
 Водовозов В. 99—101
 Водовозов Н. В. 64, 81, 108, 203
 Волин Б. М. 63, 105, 214
 Волович О. 219
 Востоков А. Х. 144—148, 153, 155,
 159
 Всеволодский-Гернгросс В. Н. 62, 202,
 240

- Габель М. О. 102, 134, 135
 Гавриловна (Шамша) 241
 Галахов А. 7
 Гильфердинг А. Ф. 128, 142, 148, 149, 152, 159, 189—193, 195, 197, 200, 201, 204, 209, 217, 227—230, 236—245, 247—252, 254, 255, 280
 Гиппиус Е. В. 151, 192
 Глебка П. Ф. 218
 Гоголь 182
 Голенищев-Кутузов И. И. 86
 Головенченко Ф. 59
 Голубев И. Ф. 167
 Горелов А. А. 171, 173, 174, 176, 178, 233
 Горький А. М. 104, 105, 126, 204, 212, 217, 262
 Грамматин Н. 144
 Греков Б. В. 71, 112
 Григорьев А. Д. 196—198, 202, 203, 206, 217, 231, 237, 241, 253
 Грот Я. 127
 Грузинский А. Е. 23, 163, 187, 189, 227, 232
 Гудзий Н. К. 169
 Гуляев С. И. 23—25, 63, 184, 193, 194, 211, 217, 253, 255, 262, 272—274
 Гусев В. Е. 14, 70
 Гуроров И. В. 218

 Даль В. И. 23, 182
 Дамберг 42, 56, 225
 Данилов Кирша см. Кирша Данилов
 Дашкевич Н. П. 39, 40, 43, 44, 101
 Демидов П. А. 172—174, 177, 178, 180, 232
 Дергачева-Скоп Е. И. 174, 175
 Державин Г. Р. 127, 137
 Державин Н. С. 83
 Дмитриев И. И. 22, 24, 170
 Добровольский Б. М. 179, 181, 208, 268
 Добролюбов Н. А. 36, 37, 89, 187, 188
 Догадин А. А. 196
 Долгоруков М. Р. 179
 Дуркин Д. К. 247
 Дютш Г. О. 195, 198, 211

 Евгеньева А. П. 138, 140, 141, 167, 169, 171, 172, 181, 263
 Евсеев В. Я. 86
 Елеонская Е. Н. 198, 211, 273
 Елустафьев И. Е. 23—25, 235, 242, 252
 Ефименко П. С. 188, 194, 196, 211
 Ефрон 9, 266

 Жданов И. И. 46, 47, 101
 Железнов И. И. 195
 Жирмунский В. М. 42, 84, 86, 87, 130, 137, 141, 151—155, 161

 Забелин 217
 Зензпнов В. М. 199, 207
 Зубков М. Н. 142, 176

 Иевлев Т. 252
 Истомин Ф. М. 195, 196, 198, 211

 Кабалин Н. Н. 240, 241, 253
 Каиёв А. А. 14, 101, 108
 Калайдович К. Ф. 22, 24, 36, 173—175, 179
 Калинин 251
 Каминская М. Б. 203
 Карпинский М. 195, 198
 Кареев П. И. 30
 Картавенко Н. 234
 Касьянов И. А. 251, 253, 254
 Кашин Д. Н. 179
 Квашнин-Самарин П. Д. 38, 39
 Квятковский А. П. 154, 155, 159, 160
 Келтуяла В. А. 17, 56, 102, 214
 Киреевский П. В. 8, 9, 16, 92, 97, 182—189, 193, 194, 212, 217, 233
 Кирпичников А. И. 40, 41, 54, 224
 Кирша Данилов 6, 22, 36, 37, 47, 88, 97, 122, 127, 142, 144, 145, 170—176, 178—182, 184, 186, 187, 193, 194, 212, 216, 233, 236, 273, 274
 Классовский В. 147
 Ключарев Ф. П. 127, 178
 Ключевский В. О. 222
 Ковалев В. А. 14, 70
 Колесницкая И. М. 188, 192, 234, 235
 Колпакова Н. П. 203, 206, 241, 279
 Кольцов 182
 Коллюпанов Н. 185
 Конашков Ф. А. 62, 204, 205, 248, 254
 Конон из Зяблых Нив 241, 251, 252
 Копержинский К. А. 207
 Коргуев М. М. 229
 Коргузалов В. В. 192
 Коробка Н. 54
 Корш Ф. Е. 150—152, 154, 155, 159, 175, 178, 197, 233
 Костомаров Н. И. 39, 217, 221, 222, 225, 226
 Костров П. Я. 194
 Котлярский А. А. 30, 31
 Кошелев А. П. 185
 Кошелев Я. Р. 172, 178, 193, 217, 262
 Кравцов Н. И. 86, 283
 Кравчинская В. А. 107, 167, 219
 Кржпжановский П. 221

- Кривополенова М. Д. 199, 240, 241, 253, 254
- Крупская Н. К. 107
- Крюков В. Л. 247, 252
- Крюков Г. Л. 247, 252, 255
- Крюкова А. М. 247, 252, 254
- Крюкова М. С. 203—205, 209, 210, 231, 241, 247—249, 252, 254, 255, 259, 260, 280
- Крюковы 241, 249
- Кубарев А. 149, 150
- Кузьмин Т. С. 280
- Куприянова З. Н. 86
- Лазарев А. И. 207
- Лассота Эрик 219
- Латышев 235
- Лебедев-Полянский П. И. 188
- Левшин В. А. 170, 182, 184
- Лежнев И. 104
- Ленин В. И. 50, 104, 185, 188
- Леонтьев Н. П. 203, 204
- Лешилин Я. Т. 269
- Линевский А. М. 62, 205, 248, 254
- Липец Р. С. 77, 78, 203, 210, 231, 255, 259, 260
- Листопадов А. М. 196, 198, 208, 262, 268, 269, 271
- Лихачев Д. С. 66, 68, 71, 109, 110, 121, 171, 223
- Лобачевский Н. И. 208
- Лобода А. М. 4, 5, 48, 129, 182, 183, 195, 217—219, 224, 228
- Лорд А. 160, 250
- Лось И. 9
- Любавский М. К. 222
- Ляпунов С. М. 196
- Ляцкий Е. А. 163—165, 198, 213, 228
- Лященко А. 48, 49, 64
- Майков Л. Н. 22, 38—40, 71, 93—97, 101, 167, 224, 255
- Макаренко А. А. 199
- Максимов С. И. 204
- Макферсон Д. 186
- Малепн 49
- Малиновский А. Ф. 179
- Малышев В. И. 167, 169
- Марков А. В. 45—48, 64, 95, 97, 98, 196—200, 204, 211, 217, 226, 231, 237, 238, 242, 247, 249, 252, 254, 255, 273
- Маркс К. 50
- Марр Н. Я. 83
- Маслов А. Л. 148, 159, 196, 198, 254
- Мей 125
- Мелетинский Е. М. 69, 84, 86, 119—121
- Мельгунов Ю. П. 155
- Мещанинов П. С. 252
- Миклошич Фр. 130—132
- Миллер В. Ф. 16, 17, 22, 26, 27, 32, 34, 40, 42—49, 52—56, 58, 61, 64, 78—80, 95, 96, 99, 101, 104, 105, 112, 128—130, 167, 171, 183, 185, 194—196, 198, 199, 204, 211, 217—219, 222, 226, 228, 255, 261, 262, 268—273
- Миллер Г. Ф. 172, 174, 180, 232
- Миллер О. Ф. 7, 30, 34, 35, 45, 90, 92, 93, 171, 188, 189, 222
- Митропольская П. К. 125, 203, 241, 279
- Митрофанова В. В. 168, 219, 263, 264, 279
- Митгуса, певец 52
- Модестов В. И. 187
- Морозов А. А. 54, 233, 240, 254
- Морозова Э. Г. см. Бородина-Морозова Э. Г.
- Мусоргский М. П. 192
- Мюлленгоф 224
- Мякишев М. С. 238
- Мякутин А. И. 196, 198
- Мякушин Н. Г. 195
- Надеждин Н. 146, 147
- Некрасов 100
- Нечаев А. Н. 228, 229
- Никифоров А. И. 12, 17, 63, 64
- Никольский А. 194
- Новиков Н. И. 170, 184
- Озаровская О. Э. 199, 202, 241
- Озобишин Д. В. 182
- Олеарпй 178
- Ольденбург С. Ф. 253
- Ольрик Аксель 132, 134, 135
- Ончуков Н. Е. 196—200, 202—204, 217, 231, 237, 238, 240, 247, 252
- Орлов А. С. 202
- Оссиан 186
- Парилова Г. Н. 62, 203, 246, 247, 249, 255
- Пасхалов В. В. 197
- Пахомова 24
- Пашкова А. М. 246, 254, 255
- Перевлесский П. 147
- Пивоваров А. 194, 198
- Плисецкий М. М. 75, 76, 81, 85, 218
- Плоткин Л. А. 107
- Плотников Егор 234
- Плюшар А. 147
- Погодин М. П. 182, 217
- Подвысоцкий 23
- Поздеев П. Р. 252
- Поздеев Р. 252

- Поздеев С. Р. 252
 Позднеев А. В. 142, 169, 170, 176
 Поздяков Ф. В. 247
 Пойкерт 142, 143
 Поленов Д. В. 187
 Померанцева Э. В. 206, 278—280
 Пономарев Ф. Т. 255
 Порфирьев И. 7, 16
 Потанин Г. Н. 32, 33, 45, 193, 194
 Пропп В. Я. 13, 14, 17—21, 24, 25, 67—69, 71, 72, 76, 81, 82, 84—87, 112—121, 123, 131, 138—140, 143, 214, 277
 Прохоров Н. (Утка) 163, 234, 242, 255
 Пруссак А. 199
 Путилов Б. Н. 13, 15, 17, 18, 69, 70, 74, 76, 77, 87, 119, 121, 122, 171, 174, 176—178, 181, 208, 214, 250, 260, 283
 Пухов И. В. 86
 Пушкин А. С. 23, 24, 26, 182, 186
 Пыпин А. Н. 3, 183, 186
 Пэрри М. 160
 Пяст Вл. 153, 154
- Рабинович М. 77, 78
 Радлов В. 32
 Разумова А. П. 188
 Ремизов Н. А. 247
 Ржига В. 48, 49
 Робинсон А. Н. 63
 Ровинский Д. А. 167
 Розанов 194
 Романов К. К. 266
 Романов Козьма 234, 235, 252
 Рубцов Ф. А. 164—166
 Рыбаков Б. А. 68, 70—76, 80, 81, 85, 96, 120, 123, 224
 Рыбников П. Н. 23—25, 97, 128, 156, 162, 163, 165, 186—193, 195, 197, 198, 200, 201, 204, 209, 212, 227, 228, 230, 232—241, 243, 248, 252, 255, 280
 Рябинин И. Т. 163—165, 198, 202, 240, 241, 245, 249, 253, 255
 Рябинин К. Г. 241
 Рябинин П. В. 241
 Рябинин Т. Г. 165, 192, 234, 235, 239, 240, 242, 245, 246, 248, 252, 253, 255, 280
 Рябинин-Андреев И. Г. 202, 229, 240, 241, 245, 254, 255
 Рябинин-Андреев П. И. 205, 240, 245, 254, 255
 Рябинины 162, 202, 240
- Сабашниковы 151
 Саввантов П. И. 23—25
- Савельев А. 194
 Савельев А. А. 199
 Сакулин П. Н. 10, 49, 137
 Салтыков-Щедрин 33, 100
 Самсонов Д. 144
 Сарафанов А. В. 252
 Сарафанов В. С. 252
 Сарафанов М. К. 241
 Сахаров И. П. 21—23, 25—27, 175, 182, 184
 Селиванов Ф. М. 78
 Селюкова Т. А. 207, 208
 Сердюченко Г. П. 262, 269
 Сивцев П. С. 252
 Сивцев-Поромский И. П. 251, 252
 Сидельников В. М. 126, 203, 217, 262, 273, 274
 Сиповский В. В. 17, 18, 129
 Спиротинин А. 9, 129
 Скафтымов А. П. 47, 49, 50, 102, 133—135
 Скрипиль М. О. 66, 76, 110, 111, 168, 212, 219, 263
 Смолицкий В. Г. 81, 82
 Соболевский А. И. 18
 Созонович И. П. 33, 45
 Соимонов А. Д. 62, 125, 183, 185, 186, 203, 246, 247, 249, 255
 Сокальский П. П. 158
 Соколов Б. М. 10, 11, 17, 20, 47—49, 56—59, 61, 96, 102, 104, 105, 167, 185, 202, 214, 243, 255, 268, 269.
 Соколов М. Е. 198
 Соколов Ф. В. 203, 241
 Соколов Ю. М. 4, 11, 12, 60, 62, 63, 104—106, 129, 151, 173, 201, 203, 209, 214, 229, 238—240, 268
 Соколова В. К. 214
 Соколовы Б. М. и Ю. М. 198—200, 237, 248
 Соловьев С. М. 39, 44
 Сорокин А. 191, 234, 247, 249, 255
 Сперанский М. Н. 4, 17, 18, 61, 95, 151, 160—162, 164, 173, 179, 183, 185, 213, 214, 228, 231, 268
 Срезневский В. И. 253, 255
 Срезневский И. И. 24—26, 97, 147, 148, 155, 187—189, 192, 234, 235
 Станкевич А. И. 167
 Стасов В. В. 32—34
 Стендер-Петерсен А. 176, 177
 Стоюнин В. Я. 101
 Стрелков Е. 252
 Суворин А. С. 179
 Суриков А. Б. 241
 Суриков Е. Б. 241, 245
 Сурикова Д. 241
 Суриковы 245

- Татищев В. Н. 178, 232
 Тезавровский И. С. 197
 Тгандер К. Ф. 33
 Тимофеев Л. 104, 153, 154
 Тимофей (дядя Щеголенка В. П.) 242
 Тихонравов Н. С. 167, 194, 195, 204, 211, 255
 Толстой А. Н. 212
 Толстой Л. Н. 253, 255
 Томашевский Б. В. 153
 Траутман Р. 4, 265
 Треднаковский В. К. 144
 Трубицын Н. И. 48
 Тумилевич Ф. В. 208, 271, 272
 Тупицын Г. И. 253
 Тупицын И. 253
 Тупицын Л. Г. 253, 255
 Туруев Т. Е. 254
 Типонкина Н. Н. 203
 Тирсов А. Я. 253
 Тирсов В. Я. 253
 Тирсов Я. 253

 Уваров 44, 158
 Уланов А. 86
 Утка см. Прохоров П.
 Ухов П. Д. 14, 17, 18, 21, 23—27, 108, 119—121, 125, 141, 142, 173, 176, 185, 186, 188, 189, 214

 Халанский М. Г. 39, 42, 47, 56, 95, 96, 221, 222, 225
 Харкинс В. 160
 Харузина В. 163, 242, 243, 255
 Хозиков П. М. 178
 Хомяков А. С. 183
 Худяков И. А. 195, 207

 Фаворский 184
 Фамницын А. С. 54, 158
 Федосова И. А. 253
 Фепонов И. 252
 Фориэль 38
 Фотанов И. Т. 249, 254

 Чеканинский И. 199
 Чернобыльский Кмита 218, 219
 Чернышев В. И. 26, 197
 Чернышевский Н. Г. 156
 Четкарев К. А. 125
 Чиковани М. Я. 86
 Чичеров В. И. 11, 14, 17, 27, 62, 107, 108, 169, 193, 201, 209, 214, 240, 251, 255, 258—261
 Чуков А. 234

 Чужимов В. П. 203
 Чулков М. Д. 170, 184

 Цапенко И. П. 76
 Цертелев П. 148

 Шайжин Н. С. 198, 211
 Шамбинаго С. К. 96, 180, 213, 221—224
 Шапша см. Гавриловна
 Шахматов А. А. 62, 195
 Шахматова-Коплап С. А. 62, 195
 Шафранов Г. 158
 Шевырев С. П. 35, 92, 93
 Шейн П. В. 184, 211
 Шеметова Н. В. 98
 Шеппинг 25
 Шептаев Л. С. 76
 Шереметев П. 199
 Шеффер П. Н. 170, 173, 175, 178—181, 233
 Ширяева П. Г. 167, 219
 Шифнер А. А. 32
 Шиншков 174
 Штокмар М. П. 143, 147, 155—158
 Шуб Т. А. 207

 Щеголенок В. П. 241, 242, 247, 248, 253, 255

 Эвальд З. В. 151
 Энгельс Фр. 50
 Эттна И. Н. 204

 Ягич В. 224
 Языков Н. М. 183, 185
 Языковы 182
 Якубович А. Ф. 127, 175, 178, 179
 Якушкин П. И. 182
 Якушов Г. А. 248, 255
 Янчук П. А. 151, 162, 164
 Ярый А. Т. 252

 Банашевий Б. Н. 283
 Вранска-Романска П. 283, 284
 Динсков П. 283

 Brückner A. 49, см. также Брюкнер А.
 Chetteoui W. 240
 Horálek K. 283
 Karbusický V. 283
 Krzyżanowski J. 223, см. также Крижановский
 Lord A. 160, см. также Лорд А.
 Máchal J. 3
 Mazon A. 58
 Maretić T. 283

- Murko M. 284
Müllenhoff 224, см. также Мюлленгоф
Olrik Axel 132, см. также Ольрик Аксель
Reukert H. 142, см. также Пойкерт
- Ržiga V. 142, см. также Ржига В.
Sokolov B. et J. 201, см. также Соколовы Б. М. и Ю. М.
Sokolov B. 255, см. также Соколов Б. М.
Trautmann R. 265, см. также Траутман Р.